

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Любовная лирика классических поэтов Востока.

«Говорите только о любви...»

1

Удивительным свойством обладает любовная лирика прошлого – какой-то особой, непостижимой независимостью от времени, почти абсолютной неувядаемостью. Самые старые по возрасту строки любви, созданные тысячелетия назад безымянными поэтами Древнего Востока, эллинкой Сафо, римлянами Катуллом и Овидием, воспринимаются в XX веке как отзвуки чувств, по сути своей таких же, как наши.

Дань времени платят неизбежно все, даже самые славные творения духа, но для стихов о любви она минимальна или ее нет совсем. Лирические герои здесь – наши живые собеседники, порой наши двойники, почти мы сами. Вся полнота переживаний, породившая эту лирику, доступна нам и зачастую изведена нами. И голос влюбленного поэта, звучащий из невообразимой дали времен, по-своему и щедро помогает восполнить сегодняшний дефицит счастья.

Почему это происходит – сразу ответить трудно. Борис Пастернак в «Замечаниях к переводам из Шекспира» пишет: «В ряду чувств любовь занимает место притворно смирившейся космической стихии. Любовь так же проста и безусловна, как сознание и смерть, азот и уран. Это не состояние души, а первооснова мира... Самое высшее, о чем может мечтать искусство, – это подслушать ее собственный голос, ее всегда новый, небывалый язык».

И, видимо, высокая степень овладения этим небывалым языком, ритмом и мелодиями этой безначальной космической стихии и есть причина того, что старинные стихи о любви проникают, не постарев, не став уважаемой музейной окаменелостью, к новым народам, в новые эпохи, звучат в переложении на новые наречия, передают свою жизненную силу и красоту новым и новым поколениям любящих и любимых.

Думаю, что в полной мере мы можем это сказать и о средневековой любовной лирике народов Востока, написанной на арабском, персидском, турецком языках. Создавалась она поэтами стран, расположенных на огромном пространстве – от предгорий Гималаев до берегов Атлантики. Стихи, представленные на страницах этой книги, охватывая более двенадцати столетий – период с VI по XVIII век, – тем не менее восходят, на наш взгляд, к одному общему литературно-творческому источнику, из которого вплоть до наших дней черпают мастера поэтического искусства, пишущие о самом человеческом из всех человеческих чувств.

...Седьмой век нашей эры. Аравийский полуостров. Юноша Кайс ибн аль-Мулаваха из племени Бену Амир слагает стихи о своей несчастной любви к Лейле, которая отдана в жены другому. Бедуинские поэты Аравии издавна воспевали любовь. Но не знающая пределов страсть к одной-единственной и никем не заменимой женщине, охватившая Кайса и воплотившаяся в его стихах, – нечто дотоле неслыханное, не имевшее аналогий и прецедентов ни в жизни, ни в поэзии.

Любовь эта представляется современникам поэта безумным наваждением, тяжелой болезнью души. Родичи увозят Кайса для исцеления в Мекку, к священному черному камню – Каабе [1]. Но вместо мольбы об избавлении от недуга поэт обращается к богу со стихами, в которых просит не лишать его любви к Лейле, «не исцелять больного», не отлучать от самого важного, по его убеждению, священного завета – любить, от самого бесценного дара, какой может выпасть на долю смертного, ибо он не в силах – не может и не желает – отречься от своего всепоглощающего чувства. «Болезнь» неизлечима, она остается с поэтом до самой кончины. Кайс навсегда входит в арабскую поэзию, а затем и в литературу множества народов под именем Маджнуна – «обезумевшего от любви».

Маджнун – герой бесчисленных и разноязыких песен, стихов, фольклорных повествований. О его любви к Лейле сложены поэмы великими творцами литературы Востока – Низами, Дехлеви, Джамии, Навои. В наше время ему посвятили поэмы Аветик Исаакян и Луи Арагон. Имя Маджнуна давно – на Востоке и на Западе – стало нарицательным: так называют верного влюбленного, охваченного неисцелимой страстью.

В чем причина столь поразительного бессмертия юного бедуинского поэта?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org Вероятно, в том, что любовь Маджнуна, запечатлевшись в поэтическом слове, стала удивительным нравственно-эстетическим открытием – в конечном счете для всего человечества. Она раскрылась не как одно лишь чувственное влечение, а прежде всего как беспредельное и самозабвенное, не ведающее никаких преград и запретов, бескорыстное и самоотверженное чувство, целиком и без остатка заполнившее все сознание любящего. Поэт на опыте собственной жизни открыл истинную сущность любви, заключающуюся в том, что полюбивший добровольно отказывается не только от всех иных радостей и соблазнов мира внешнего, но даже от своего – обособленного – внутреннего мира, от самого себя, тем самым полностью самореализуясь как личность, предельно и до конца раскрывая все свое духовное богатство. Эта сущность любви в стихах Маджнуна выразилась гармонично, искренне, индивидуально неповторимо, и отсюда берет начало один из истоков той любовной лирики – как восточной, так и западной, – которая пришла на смену древней эротической поэзии и донесла до наших дней подлинно человеческий взгляд на любовь.

Такое понимание любви имел в виду Фридрих Энгельс, когда писал: «Современная полая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; в этом отношении женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обеим сторонам великим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу... Появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи: спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том, возникла ли она по взаимной любви или нет?» [2]

И именно такое истинно человеческое отношение к любви и любимому человеку, это, если можно сказать, «маджнуновское» начало стало определяющей основой, характерной чертой любовной лирики лучших мастеров арабского, персидского, турецкого классического стиха.

Конечно, этой поэзии мешал полностью раскрыться веками нараставший груз литературных условностей и традиционных канонов. На любовные стихи зачастую ложился налет мистико-теологических иносказаний. Иной раз тщетными оказывались попытки поэтов сохранить свое лицо, уберечь лучшее в своем творчестве от требований феодальных властителей, от цензуры религиозных фанатиков и ортодоксов, ревнителей аскетической морали и попросту влиятельных людей, не любящих и не понимающих поэзию.

Жизнь была, как правило, жестко регламентирована, и для задыхающегося в этой атмосфере поэта оставалась единственная отдушина, единственная сфера «тайной свободы» – мир личного, интимного. Что было делать? Воспевать череду свиданий и разлук, радости застолья и ложа, телесную красоту своей избранницы, жажду земных наслаждений? Но лучшие поэты не могли ограничиться только этим и в своих стихах выше всего ставили искренность, самозабвенность и свободу своего чувства, – а такое было подозрительно и опасно, это подрывало господствующую мораль и общепризнанный образ жизни. Певец такой любви ставился на одну доску с еретиком и богохульником и зачастую подвергался гонениям.

И все-таки любовная лирика, достойная так называться, – стихи, полные изящества и блеска, отличающиеся яркой и красочной образностью, темпераментным и гибким ритмом, гармоничной звукописью, богатством и многоцветностью поэтического языка, – пробивала дорогу в мир. Голос поэта – зов вольной страсти, не признающей каких-либо ограничений, голос, славящий нежность и доброту, полный жизненной силы, одновременно целомудренный и чувственный, утверждал бессмертие и неповторимость любви вопреки всему мертвящему и неполноценному, чужой злой воле, слепым случайностям и повседневным невзгодам. И нельзя не согласиться с Гегелем, который, оценивая в своей «Эстетике» восточную классическую лирику, подчеркнул, что в ней «непрерывно звучит тон радости, красоты и счастья».

2

В любовно-лирическую поэзию, эту бесконечно длящуюся всемирную «песнь песней», арабские поэты средневековья внесли свою, ничем не заменимую ноту. Рожденная в бедуинских шатрах, под звездным небом аравийских пустынь, в долгие часы перекочевков и стоянок, лирика арабов отмечена именами

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org замечательных мастеров поэзии, творивших в самых разных краях огромного арабо-мусульманского мира, сложившегося в средние века.

Имруулькайс (ок. 500–540) – один из самых знаменитых поэтов доисламской эпохи, выходец из североаравийской племенной знати, долго вел жизнь беспечного стихотворца-бродяги. Он создал небольшую лирическую поэму – муаллаку «Постойте! Поплачем!», которая в последующие столетия стала предметом поклонения и образцом для множества поэтов. Стихи Имруулькайса о любви удивительно непосредственны и обаятельны. Он восхищается земной красотой, прелестями возлюбленной, радостно и подробно описывает ее внешность, воспевает свои любовные подвиги – тайные ночные свидания, похищения красавиц, учинявшиеся наперекор строгим и жестоким семейно-родовым нормам и запретам.

В аравийской поэзии с середины VII века развивается целое направление любовной лирики – узритская поэзия, которую связывают, согласно преданию, с названием аравийского кочевого племени узра, где издавна слагались песни о несчастных влюбленных. К этой поэтической традиции тематически примыкало и творчество уже упомянутого нами поэта Маджнуна (Кайса ибн аль-Мулавваха), умершего около 700 года.

Седьмое столетие – первый век мусульманской эры. Пророк Мухаммед и его непосредственные преемники не жаловали поэзию, видя в ней – не без оснований – опасного соперника в борьбе за монопольную власть над душами людей. Уже в наше время крупнейший английский арабист Хэмилтон Гибб констатировал «тот поразительный факт, что возникновение и распространение ислама не вдохновили ни одного поэта этой столь поэтически одаренной нации».

Истинных поэтов вдохновляло иное. Парадоксально, что именно в Мекке, бок о бок с важнейшими реликвиями ислама и их ревностными почитателями, родились шедевры светской лирики Омара ибн Аби Рабиа (644–712) – поэзия человеческая и искренняя, говорившая простым и ясным языком о земном чувстве, открытом любому человеческому существу, – о любви.

В стихах мекканца впервые в арабской поэзии зазвучала пусть не прямая, но достаточно последовательная полемика против исламских аскетических идеалов. Песни любви Омара ибн Аби Рабиа воспринимались как защита жизнелюбия, светлого взгляда на реально существующий мир, как признание полноценности и многообразия человеческого бытия. Все это было дорого современникам поэта – мекканским арабам, которые, признав аллаха, Мухаммеда и Коран, продолжали любить земную жизнь и все ее радости.

Омара ибн Аби Рабиа европейские ориенталисты называют «Дон-Жуаном Мекки», «Овидием Аравии и Востока». Он, как повествуют современники, был красивым, веселым, полным обаяния и доброжелательности человеком, любимцем богатых и знатных молодых паломниц, прибывавших на поклонение в Мекку со всех концов полуострова.

Любовь, воспеваемая Омаром, – всегда свободное чувство, чуждое какой-либо регламентации – религиозно-этической или семейно-правовой. Поэт не писал ни происламских дидактических касид, ни придворных панегириков [3]. Ни духовные, ни светские властители не были адресатами его стихов. И, конечно, не гурии загробного мира, блаженного рая для правоверных, обещанного Кораном, а живые, реально существующие любящие и любимые неизменно находятся в центре внимания его лирики. Поэт всегда говорит о подлинных, земных, осязаемых и ярких переживаниях, которые дарит человеку любовь.

Фанатики-аскеты преследовали Омара ибн Аби Рабиа, и ему не раз приходилось отправляться в изгнание, покидать родную Мекку. Но слава непревзойденного певца любви прочно утвердилась за ним еще при жизни. Она остается неизменной в течение тринадцати столетий. Выдающийся египетский писатель XX века Таха Хусейн справедливо считает Омара ибн Аби Рабиа «самым выдающимся мастером любовной лирики, которого когда-либо знали арабы».

Современником горожанина Омара ибн Аби Рабиа был кочевник-бедуин Джамиль ибн Абдаллах (ок. 660–701), наиболее яркий поэт узритского направления. Он происходил из прославленного своей любовной поэзией племени узра, и в его стихах нашла самое полное и последовательное воплощение концепция роковой любви, несчастной и чистой. Лирические герои Джамиль ибн Абдаллаха и Омара ибн Аби Рабиа – антиподы: целомудренный и незадачливый влюбленный бедуин

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org противопоставит мекканскому гедонисту[4], весельчаку и жизнелюбу. Любовь Джамиля к Бусейне, трагическая и незаконная, верная и мучительная, выступает в его стихах как преодолимое, обогащенное страданием чувство, породившее сильное поэтическое эхо не только в литературе арабов.

Восточные предания о любви узритов (или, как говорили в прошлом, племени Азра) отразились спустя тысячелетие с лишним в творчестве такого лирика, как Генрих Гейне, написавшего стихотворение «Азр», которое уместно здесь привести в переводе В. Левика:

Каждый день в саду гуляла
Дочь прекрасная султана,
В час вечерний, в той аллее
Где фонтан, белея, плещет.
Каждый день невольник юный
Ждал принцессу в той аллее,
Где фонтан, белея, плещет, –
Ждал и с каждым днем бледнел он.
Подойдя к нему однажды,
Госпожа спросила быстро:
«Отвечай мне, как зовешься,
Кто ты и откуда родом?»
И ответил раб: «Зовусь я
Мохаммед. Моя отчизна –
Йемен. Я из рода Азров –
Тех, кто гибнет, если любит».

Среди арабских поэтов VIII века, живших на земле Ирака, которая стала сердцевинной огромного Багдадского халифата, были блистательные мастера любовной лирики. Прежде всего это Башшар ибн Бурд (714–783), сын перса-раба, слепой уроженец Басры. Он был человек смелый, язвительный и насмешливый – не раз его преследовали за сатирические стихи и еретические речи. О любви Башшар ибн Бурд написал по-новому, просто и правдиво, с удивительной достоверностью, с множеством жизненных деталей и реалистических наблюдений, отказываясь от условностей, от традиционной архаики. Земная, понятная простому человеку любовь с ее нехитрыми, но столь дорогими сердцу радостями и заботами говорит с нами в стихах Башшара языком ясным, прозрачным, по-народному метким, предметно-точным.

Несколькими десятилетиями позже в Багдаде при дворе аббасидских халифов зазвучали стихи, сложенные Абу Нувасом (756–813) и Абу-ль-Атахией (748–825) – великими стихотворцами, продолжившими обновление арабского поэтического искусства.

Биография Абу Нуваса отягощена грузом легенд и анекдотов. Позднее имя поэта вошло в фольклор – он стал одним из персонажей восточных и даже африканских сказок и смешных историй, в которых неизменно выступает как весельчак, вольнодумец, остро слов и хитрец. Правду о поэте рассказывают не столько весьма скупые свидетельства современников, сколько сами написанные Абу Нувасом стихи. Поэт высмеивал жалобные сетования староарабских лириков-традиционалистов, отвергал их обветшалые стихотворные каноны, воспевал живую, откровенную страсть. Тот же Хэмилтон Гибб говорит об Абу Нувасе, что «мало кто в арабской литературе может соперничать с ним в разносторонности, силе чувства, изяществе и образности языка, – недаром некоторые сравнивали его с Гейне».

Радости любовных свиданий и дружеских застолий, безудержное, самозабвенное прожигание кратковременной жизни – вот постоянные мотивы интимной лирики Абу Нуваса. За триста лет до Омара Хайама он говорит о мимолетности земного срока, отпущенного человеку, и зовет радоваться каждому мгновению бытия. Любовь в стихах Абу Нуваса выступает как единственное средство, способное противостоять неотвратимым мыслям об обреченности, о временности любого человеческого пути.

Бренность жизни – также главная тема стихов Абу-ль-Атахии. Но здесь нет места для того наслаждения жизнью, той беззаботности, которыми так насыщены строки Абу Нуваса. Горестными интонациями переполнена любовная поэзия Абу-ль-Атахии. Несчастной и неразделенной была любовь поэта к юной вольноотпущеннице Утбе, одной из наперсниц жены багдадского халифа аль-Махди. Стихи, посвященные Утбе, – горькие жалобы любящего, полные безысходной тоски, строки человека, привыкшего к тому, что земные радости обходят его стороной. Но трагизм и безнадежность у Абу-ль-Атахии не снижают

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org ни силы чувства, ни зоркой точности поэта, взволнованно и с большой психологической достоверностью воссоздавшего всю сложную гамму собственных переживаний.

На исходе VIII века творил еще один выдающийся багдадский лирик – Ибн аль-Мутааз (863–908), внук, сын и брат аббасидских халифов, смолоду отдавшийся литературе – стихам и филологическим трудам. Он долго избегал участия в борьбе за власть над халифатом, но в ходе дворцовой междоусобицы был провозглашен халифом, а через сутки свергнут с престола и вскоре казнен.

Ибн аль-Мутааз – мастер стиха, наделенный безошибочным эстетическим вкусом, прославившийся своей любовной и эпикурейской лирикой, живыми описаниями природы. Его стихи о любви возвышенны и изысканны, они возвеличивают идеальную возлюбленную, славят свободное, чуждое каким-либо ограничениям чувство, высоко оценивают благородную сдержанность, романтическую приподнятость любовных отношений.

Завоеванные арабами в VIII веке обширные земли Пиренейского полуострова стали ареной, на которой создалась самобытная культура Арабской Испании, Андалусии – арабская по происхождению, языку и традициям и вместе с тем воспринявшая ряд черт западноевропейского бытового и культурного уклада. Западное отношение к женщине, которая пользовалась в Европе несравненно большей свободой и самостоятельностью, нежели на мусульманском Востоке, не могло не повлиять и на художественно-творческую жизнь испанских арабов. Это явственно проявилось в любовной лирике андалусских поэтов, которая представлена рядом значительных имен.

Ибн Зайдун (1003–1071), поэт и вельможа, приближенный правителей Кордосы и Севильи, создал стихи о неразделенной любви. Он «безответен, несчастен и одинок» и говорит об этом откровенно, страстно, языком богатым и звучным. Его строки, обращенные к Валаде, дочери кордовского халифа, – сплав нежности и горечи, гимн во славу любимой, мольба о благосклонности, и здесь Ибн Зайдун выступает как предтеча будущей западноевропейской – как простонародной, так и рыцарской – лирики средневековья.

По арабским государствам Пиренейского полуострова, Средиземноморья и Северной Африки много странствовал замечательный лирик Ибн Хамдис (1055–1132). «Его влекла к себе природа, – пишет об Ибн Хамдисе известный арабский историк литературы Ханна аль-Фахури. – И он описывал ее красоты, воспевал реки, цветы, пруды, земли». Красота природы гармонирует в его стихах с благородством и свежестью живого, глубоко личного чувства.

Широкое признание в Кордове XII века получил поэт Ибн Кузман (1080–1160), чьи стихи о любви отличаются прозрачной ясностью и музыкальностью. Они были близки лирическому фольклору андалусских горожан, хорошо запоминались, сопровождалась музыкой и становились песнями, быстро обретавшими популярность.

Известность иного рода получила поэзия Ибн аль-Араби (1165–1240) – поэта-философа, суфийского[5] вольнодумца-гуманиста. В его интимной лирике современники прочитывали второй, скрытый смысл – суфийские метафоры и абстракции. Но истины поэзии всегда конкретны – в стихах Ибн аль-Араби нас привлекает их непосредственность, психологическая глубина, ощущение связи личного мира человека с жизнью всеобщей.

Глубоко жизнелюбивое, свободное, искреннее начало определяет все лучшее, что создано средневековыми арабскими поэтами в сфере интимной лирики. Голоса влюбленных из Мекки и Медины[6], Багдада и Басры, Кордовы и Севильи, преобразенные в стройную поэтическую речь, доносятся к нам из глубины веков, и невозможно остаться равнодушным, вслушиваясь в них.

3

По горной тропе медленно бредет человек в заплатанной, ветхой одежде, с сумой на сутулых плечах. Он стар и опирается на посох. Голова его седа, он изредка невесело усмехается беззубым ртом. Пустые глазницы прикрыты дрожащими морщинистыми веками – он ослеплен, глаза выколоты.

Таким видится нам в последние годы жизни родоначальник ираноязычной классической поэзии средних веков Рудаки (860–941). Об этих годах он сам

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org рассказал в знаменитых «Стихах о старости» – искренних и горьких. Здесь, в элегии, обращенной к своей юной спутнице, «чьи кудри словно мускус[7]», поэт горюет об ушедшей молодости, вспоминает, каким он был – беспечным и удачливым, чернокудрым и белозубым, красавцем и силачом, любимцем прекрасных женщин, желанным гостем на веселых пирах. Поэт рассказывает любимой о своем прошлом не только с горечью, но и с гордостью, ибо он «в мягкий шелк преобразал горячими стихами окаменевшие сердца, холодные и злые».

И действительно, стихи, сложенные Рудаки, в особенности его строки любви, обладали поистине волшебной силой, завораживали и поражали современников. Еще при жизни поэта о могуществе его поэзии слагались легенды. Вот одна из них.

Однажды эмир[8] Хорасана, при дворе которого жил Рудаки, надолго уехал со всеми придворными из своей столицы – Бухары в Герат. Как-то Рудаки пришел к эмиру и прочитал ему стихи о прекрасных берегах реки Мулиён – Аму-Дарьи, о любимой девушке, которая осталась в Бухаре, ждет и зовет поэта вернуться. Эти строки так потрясли эмира, что тот немедленно вскочил на коня, и как был в домашних туфлях, забыв надеть сапоги, не теряя времени, помчался в Бухару:

Плещет, блещет Мулиён, меня зовет.
Та, в которую влюблен, меня зовет...
Ты луна, а Бухара – небесный свод,
Что луною озарен, меня зовет.
Ты – платан, а Бухара – цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон меня зовет...
Поэт немало времени провел при дворе иранских средневековых правителей – Саманидов. Он надеялся, что его поэзия обогатит мир, растопит и смягчит их «окаменевшие сердца». Надежды Рудаки не сбылись. Что-то неизвестное нам произошло при дворе, и на старого поэта обрушился гнев деспота. Рудаки был по приказу эмира ослеплен, обобран и изгнан...

Столетия, прошедшие с той поры, одно за другим неизменно подтверждали поэтическое бессмертие Рудаки.

Он признанный основоположник персидской поэзии, одного из величайших литературных сокровищ мира поэзии, которая стала общим духовным достоянием многих народов Востока – не только иранцев, но и таджиков, афганцев, азербайджанцев, курдов, народов Индостана.

Из множества стихов, написанных Рудаки, до нас дошла едва ли сотая часть. Любовная лирика его отмечена той первозданной свежестью, которая характерна для поэтов, открывающих новый, дотоле неведомый его родному языку мир чувства, мысли, образа, звука, ритма, – заново сотворенный мир словесного искусства. Поэт изумлен и потрясен радостью встречи с возлюбленной, поражен ее красотой, которая неотделима от красоты всего бытия. В лирике Рудаки полным голосом говорит незамутненная, идущая от доброго и щедрого сердца радость жизни, которую не может омрачить даже неминуемая беда – подобная той, что подстерегла поэта на склоне лет.

Иранская лирика XI века неотделима от имени Омара Хайама (ок. 1048 – ок. 1123). В его всемирно известных четверостишиях-рубаи круг размышлений о смысле человеческой жизни включает и поэтический призыв – изведать все доступное человеку мимолетное земное счастье. Десятки четверостиший Хайама говорят о бесценности каждого мгновения, проведенного с избранницей, о том, что правда, открытая двум любящим, противостоит всеобщей лжи – проповедям святош, поучениям аскетов. Истинная любовь и настоящая мудрость здесь не противоречат друг другу, а сочетаются в свободном и гармоничном взаимопроникновении.

Богата и многообразна любовная лирика и тех персоязычных мастеров поэзии, чье творчество стало основой духовной жизни не только иранцев, но и других народов Азии. Среди них: Хакани (или Хагани Ширвани, как его называют азербайджанцы) и Низами – великие имена азербайджанской литературы, ее зачинатели и творцы.

Хакани (1120–1199), выходец из низов, скиталец и неудачник, всю жизнь стремился сохранить независимости своего духа и бытия. Его поэтическая речь насыщена метафорами, отточена и многоцветна, но нет в ней холодного

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org словесного блеска – живая боль и горечь, живая страсть звучат в полной мере, усиленные мастерством. В любовных газелях Хакани эти свойства его лирики помножены на благородный лаконизм. Здесь воспета гармония между всей вселенной и прекрасной женщиной – адресатом газели. Явление любимой воспринимается как дар и благодеяние для всего окружающего мира, который, по слову поэта, воскресает и обновляется от соприкосновения с женской красотой.

Великий поэт Востока Низами (ок. 1141–ок. 1209) всю жизнь провел в старинном азербайджанском городе Гяндже. Он жил почти отшельником, отказываясь от многочисленных приглашений к феодальным владыкам на роль придворного песнопевца.

Жизнь, бедная внешними событиями, была отмечена у Низами небывалой интенсивностью внутренних исканий. Их лучший плод – прославленная «Хамсе» («Пятерица»), свод из пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искандернаме». В них рассказано и о любви – поэтом, измерившим всю бесконечность и силу этого чувства, убежденным человеколюбом и неутомимым мечтателем. Любовь к жене, белокожей половчанке Аппак, вдохновлены как поэмы Низами, так и его малые лирические стихотворения. В последних как бы звучит отголосок жарких монологов и посланий, которых так много в поэме «Лейли и Меджнун». Любовь как источник нравственного обновления; любовь, неотделимая от человеческого достоинства; любовь, которая неизмеримо выше сухого рассудка, несовместима с суестью, и в конечном счете оказывается сильнее страха и небытия – вот лики любви, которые являет нам лирика бессмертного гянджинца.

Жестокий век, время монгольского нашествия – XIII столетие. Оно наложило свой отпечаток на творчество великого уроженца южноиранского города Шираза, лирика и мудреца Саади (1210–1292). Его книги «Бустан» (Сад плодов) и «Гулистан» (Сад роз) содержат итог долгой и нелегкой жизни, свод высокой гуманистической мудрости. Поэт, не отворачиваясь от трагической и кровавой правды своего века, видел смысл человеческой жизни в деятельной любви, в постоянном стремлении каждого смертного к доброте и правдивости, к живому нравственному идеалу. Образ любимой, воплотившей этот идеал и отраженной в «зерцале сердца», запечатлен в газелях и четверостишиях Саади. Поэт не только верен своему чувству, углубленно постигает его сложность и тонкость. Но он еще и безоглядно и вольнодумно отважен, утверждая свою любовь:

Если в рай после смерти
меня поведут без тебя, –
Я закрою глаза,
Чтобы светлого рая не видеть.

Амир Хосров Дехлеви (1253–1325), долгие годы живший в индийском городе Дели (Дехлеви в переводе и означает «делийский»), создавал свои стихи и поэмы главным образом на персидском языке. Вместе с тем он по праву считается одним из мастеров средневековой литературы Индии, писавшим также на наречи, из которого позднее выросли языки современного Индостана – хинди и урду. Он создал множество произведений: пять книг лирики, свой цикл поэм «Хамсе», сборники народных песен, поговорок и загадок, исторические и литературоведческие сочинения. Многие из его стихов о любви стали народными песнями, неотъемлемой частью индостанского лирического фольклора. Нельзя здесь не привести высказывание Джавахарлала Неру, который в своей книге «Открытие Индии» пишет о любовной лирике Амира Хосрова Дехлеви: «Я не знаю другого такого примера, чтобы песни, написанные шестьсот лет назад, сохранили до сих пор популярность и любовь народа и исполнялись без всякого изменения текста».

Вершина персидской классической лирики – творчество Хафиза (1325–1389). Поэт не прославился как автор эпических од и нравоучительных притч; основное в его не столь уж обширном наследии – несколько сотен газелей, небольших стихотворений, по сути дела, на одну-единственную тему.

Но имя его вошло в легенды – вот уже седьмое столетие на Востоке хафизом называют каждого истинного поэта.

Шамседдин Мухаммед Хафиз родился там же, где и Саади, – в Ширазе. Почти всю жизнь он прожил в родном городе, не слишком жалуемый местными правителями и исламскими иерархами. Когда Хафиз скончался, ширазское духовенство не разрешило хоронить его на мусульманском кладбище, как нечестивого вольнодумца, человека, склонного к ереси и богохульству.

Что же было такого в его поэзии, с чем не могли примириться «хозяева жизни»? Что было единственным предметом поэтической страсти Хафиза, главной темой и подлинным смыслом его стихов? Говоря предельно кратко, любовь и свобода. Свобода человеческого духа, проявляющая себя в бескорыстной и всепоглощающей любви.

Любовь в стихах Хафиза не мистическая, а осязаемо реальная, чувственно-яркая. И хотя поэт иной раз платил дань суфийской традиции с ее многозначной символикой и верой в небесные озарения, любовь в его стихах озаряется светом самой жизни – земной, а не потусторонней, жизни нынешней, а не ожидаемой в некоем ином, сверхъестественном бытии. Хафиз не рассчитывает на встречу с любимой в загробном царстве, в обстановке вечного блаженства или на каком-либо этапе воображаемого «переселения душ». Нет, любовь согласно Хафизу, – это и есть сама брэнная, временная, единственная данная человеку жизнь, ее исток, смысл и предел, ее высшее, самое радостное и полное, одухотворенное и неповторимое проявление. Как и жизнь, любовь обладает абсолютной ценностью и незаменимостью, она и причина, и цель самой себя. Именно это и утверждает Хафиз всей силой и искренностью своих стихов, их обаянием и стройностью, взволнованностью и нежностью, гармонией и правдой.

Хафиз сумел с поразительной чуткостью уловить и передать естественность и новизну любви всеми средствами отточенного, чеканного стиха. Встречу любящих, радость обладания, печаль и горечь разлуки, муку неразделенного чувства он возвел на уровень важнейших событий, совершающихся в мире. Лирический герой газелей Хафиза широко и смело мыслит, глубоко и страстно воспринимает жизнь. Ему изначально присущи внутренняя цельность, порывистая сердечность, острота и многогранность переживаний.

Любовь, по Хафизу, – это вызов всему дурному и лживому в мире, всем «темным царствам», которые сами себя пытаются подать как некий эталон счастливого и нравственного миропорядка, как идеал добра и покоя. В любви Хафиз видит прибежище и защиту от всевластия религиозных фанатиков и святош, ненавидящих и принижающих естественные человеческие привязанности, земные ценности и радости. Влюбленный у Хафиза неизменно отстаивает верность своему чувству вопреки господствующей жестко нормативной морали с ее нетерпимостью и жадой контролировать чужие сердца, умы и поступки, держать под надзором всякую живую и вольную мысль, любое свободное и искреннее чувство. Любовь, воспетая Хафизом, – это приговор силам нравственного зла, лицемерию и произволу, ханжеству и бездушию, унылому аскетизму и самодовольному благоразумию – словом, всему тому, что калечит и уродует души любящих и души любимых.

Есть в нашем отношении к Хафизу нечто большее, чем, скажем, интерес к обстоятельствам его жизни (небогатой событиями) или к поэтической технике газели (весьма изощренной). Хафиз привлекает нас жизненной правдой и обаянием всего высказанного в стихах. В нравственно-психологическом обиходе современного человека совсем не лишними оказываются и бескорыстная самоотдача, и всепроникающая нежность, и сердечная открытость, и отвращение к фальши и ханжеству, столь откровенно и сильно выраженные Хафизом. Неизменно привлекателен образ хафизовского вольнолюбца-ринда [9] – лирического героя, от имени которого разворачивается монолог во многих газелях. Ринд – не столько «гуляка праздный», коротающий ночи в тайных кабачках – харабатах [10], сколько самозабвенный поклонник и защитник красоты, хорошо знающий, какой возвышенной и очищающей силой наделена подлинная любовь. Ринд умеет быть насмешливым и язвительным, он проницателен и зорек, он с отвращением встречает любую низменную и злую гримасу повседневного бытия, и одновременно он уязвим и беспомощен перед ошеломляющей властью красоты и любви.

Нам дорога человечность персидского лирика, жившего в жестокую и безжалостную эпоху; нам понятна его вера в то, что никогда не поздно спасти и преобразить этот мир постоянными усилиями чистых душ и любящих сердец. Нам близок Хафиз, боготворящий все живое, зачарованный зеленью трав и садов, шумом потоков, ароматом роз, соловьиным пением, мерцанием звездного небосклона, красками утренней зари. Нашим заветным мыслям созвучны и раздумья поэта о том, что человеку должны быть чужды фанатичная узость и нетерпимость, душевная глухота, мелочные расчеты, все фальшиво-показное и ритуально-бездушное.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
И прав оказался Гете, когда на страницах своего «Западно-восточного дивана[11]» в стихотворении «Гафизу» обращался к старинному персидскому лирику, как к живому и мудрому собеседнику и другу:

А ты – ты обнял все вокруг,
Что есть в душе и мире,
Кивнув мыслителю, как друг,
Чья мысль и чувство шире...
Рожденный все и знать, и петь,
На свадьбе ли, на тризне,
Веди нас до могилы впрямь
По горькой, сладкой жизни.

Поэтами, обнимающими своим творческим даром «все вокруг, что есть в душе и мире», были все великие мастера классической лирики персов. Их перечень замыкает Абдурахман Джами (1414–1492), большая часть жизни которого прошла в старинном городе Герате, на земле нынешнего Афганистана.

Это был скромный, худощавый, немногословный хорасанец, глубоко почитаемый жителями Герата. Он носил простую одежду, избегал обильных пиров, громогласных почестей, а богатые дары и подношения почитателей отдавал на строительство приютов и школ. Единственным ценным имуществом в его доме были книги.

Всю жизнь Джами неустанно трудился. Его жажда знаний была безгранична. Круг интересов поэта охватывал все области тогдашней науки. Среди трудов Джами мы находим научные трактаты по вопросам поэтического искусства, руководства по различным стихотворным жанрам, работы по истории литературы, музыковедению, философии, грамматике...

Многое из того, что им было написано, сегодня представляет интерес лишь для узкого круга историков средневековой культуры. Но стихи Джами – его семь эпических поэм, его лирика принадлежат к числу творений, над которыми время не властно.

Джами проникновенно писал о любви. Нравственная цельность любящего, полнота душевных порывов, жажда безраздельной сердечной близости к любимой – все это мы находим в многочисленных газелях Джами:

Всё, что в сердце моем наболело, – пойми!

Почему я в слезах то и дело – пойми!

Муки долгой разлуки, терпения боль,

Всё, что скрыто в душе моей, – смело пойми!

Подводя итог рассказу о персидских строках любви и о тех, кто их создал, я хотел бы привести свидетельство выдающегося русского лирика Афанасия Фета, который много поработал над переложениями стихов Хафиза, перевел одно из стихотворений Саади. В небольшом введении к своему «хафизовскому» циклу Фет писал: стихи великого перса подтверждают, «что цветы истинной поэзии неуядаемы, независимо от эпохи и почвы, их производившей». Это верно не только по отношению к Хафизу. Старинная любовная лирика Ирана по-прежнему полна очарования и свежести, она донесла до наших дней свое живое дыхание, свой аромат и цвет.

4

Письменная лирическая поэзия на языке тюркских кочевых племен, с XI века населивших Малую Азию и составивших ядро турецкого народа, возникла сравнительно поздно – к XIII столетию. Ей предшествовали богатейшие традиции эпического фольклора, народной песенной лирики. Турецкая литература долгое время испытывала сильное арабское и персидское влияние, формировалась под глубоким воздействием суфийской мистики и символики, особенно прочно запечатлевшихся в поэтическом творчестве.

Суфием был и выдающийся лирик Юнус Эмре (ок. 1240–1320), о жизни которого сохранилось крайне мало достоверных сведений. Он был поэтом-дервишем[12], нищим одиноком странником, лишенным постоянного пристанища и неутомимо ищущим духовного просветления и истины. Его лирические стихи, по признанию самого поэта, порождены чтением единственной книги – «книги собственного сердца». Говоря о любви, поэт развенчивает ее главного врага – смерть, восстает против несправедливой гибели всего живого и прекрасного. Юнус Эмре выносит приговор «черным делам» смерти, он принимает на себя все бремя любви, славит ее, как самое совершенное воплощение той воли, которая

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org управляет миром.

Поразительны испепеляющая страстность лирики Юнуса, его огненный темперамент, присущая ему предельная глубина самораскрытия, бездонная искренность, экстагическая напряженность слова и строки. Главное в его стихах – самоотверженное, неодолимое стремление поэта к объекту своей страсти. Объект суфийски многозначен – это возлюбленная, и вместе с тем единственный друг, вселенная, божество. В своем устремлении к предмету любви поэт не признает никаких границ – он готов жертвовать собой, обратиться в ничто ради полного взаимопроникновения, безраздельного слияния, абсолютного саморастворения в любимом существе. Он обретает себя в другом, воспринимая этого другого как высший предел собственных представлений о совершенстве, как вождельный идеал истины, красоты, добра.

Стихи Юнуса – первоисточки турецкой поэтической классики. Питают они и поэзию двадцатого столетия, что подчеркивал крупнейший ее мастер – Назым Хикмет.

Лирика Юнуса Эмре положила начало ашыкской поэзии, и вплоть до наших дней ашыки – народные певцы Анатолии, стихотворцы и музыканты, еретики и бунтари – слагают стихи о влюбленном скитальце-поэте, о расставаниях и встречах, о радостях и трагедиях любви, продолжая высокую традицию, идущую от Юнуса Эмре.

Литература Турции османского периода развивалась в атмосфере военно-феодального деспотического режима, не слишком благоприятной для лирической поэзии. И все же в XV веке на поэтическом горизонте появляется жизнелюбец и гуманист, неизменный почитатель Хафиза, «певец любви» Ахмед-паша (1420–1497). Он был родовитым придворным, дослужился до министра при султанах, впал в немилость, побывал и в тюрьме, и в ссылке.

Ахмед-паша – великолепный мастер стихов о любви. В них он на практике доказал, что турецкий поэтический язык обладает способностью детально воспроизводить всю сложность и многогранность внутреннего мира человека, психологическую глубину и цельность его чувств и помыслов. Он нашел художественные средства, которыми может быть в турецком стихе творчески использован богатейший опыт персидской средневековой поэзии, ее метр и ритм, образность и звукопись.

Газели Ахмеда-паши, его обращения к возлюбленной, то восторженные, то печальные, отличаются ясностью и музыкальностью, идущими от песенного фольклора средневековых турецких городов с их неформализованной, вольнолюбивой, тайносвободной жизнью.

Это одна из особенностей всей старой турецкой лирики – постоянная связь поэзии письменной с непрекращающимся потоком народного песнетворчества, с языком караван-сарая и базара, с живой речью земледельцев и горожан.

Из турецкой народной среды выходили не только странствующие безымянные певцы. Выросший в бедняцкой семье Махмуд Абдул Баки (1526–1600) проявил смолоду исключительные поэтические способности, сумел получить серьезное по тем временам образование и даже сделать неплохую придворную карьеру. Современники называли его «султаном поэтов». Великолепны любовные газели Баки – в них уже нет налета мистики и символики, это стихи мирские, земные, человечески сердечные. Традиционная тематика «любви и вина» согрета здесь живым чувством, светлым мироощущением. Возлюбленная в стихах Баки не условная литературная маска, взятая напрокат из арабо-персидского старопоэтического реквизита, а наделенная жизненной силой «женщина земная», источник вполне реальных радостей и наслаждений, предмет желаний – откровенных и страстных.

У Пир Султана Абдала (XVI век) – поэта-мятежника, участника народных антифеодальных восстаний – немало стихов, полных справедливого гнева, призывов к борьбе против султанской тирании. Полная опасностей жизнь повстанца отразилась и в его любовных стихах, многие из которых стали ашыкскими песнями. Да и сам Пир Султан Абдал был вольнодумным ашыком. Наиболее характерный мотив его лирики – прощание с любимой навсегда, последняя встреча перед неизбежной гибелью. Во многих стихах поражает острота пророческого видения своей кончины (Пир Султан Абдал был схвачен и казнен за участие в восстании) и столь же острое, пронзительное переживание выпадавших на долю певца кратких часов счастья:

Смертью казни Пир Султана, палач!
Крепко он любит, не знает удач.
Милая, мы расстаемся, не плачь,
Ты меня помни, а я не забуду!

Замечательный южноанатолийский ашык XVII века Караджаоглан (1606–1679) славился своими любовными похождениями и о них слагал песни, подлинно народные, непосредственные и озорные. Героиня стихов Караджаоглана – деревенская красавица родом из простой семьи, живущей крестьянским трудом. Нехитрый быт, хорошо знакомая поэту природная и житейская среда – вот естественный фон, на котором разворачиваются рассказы о свиданиях и разлуке, об удачах и разочарованиях, о наслаждениях и невзгодах, выпадающих на долю влюбленных.

К XVII веку Османское государство, как это случается рано или поздно с деспотическими империями, стало приходить в упадок. Потеря былого могущества, медленное, но неуклонное загнивание огромного феодально-милитаристского организма отозвались и в поэзии – обесценением официозных панегириков, расцветом стихотворной сатиры. Изменилась и любовная лирика: Юсуф Наби (1642–1712) создал стихи, в которых отказался от традиционно утрированного изображения чувств, от чрезмерной идеализации лирических героев, от всякой интимной риторики. Поэтическая речь Наби подчеркнута ясна и слегка насмешлива, насыщена тонкими наблюдениями над собой, серьезными раздумьями о любимой, страстью откровенной и глубоко личной.

Место действия любовных песен Ахмеда Недима (1681–1730) – родина поэта, Стамбул. Недим изображает столицу Турции, как рай для гедонистов, город весельчаков, прожигающих жизнь в садах загородного дворца, «золотого Садабада» [13]. Цветение жизни, весна, предвещающая удачу в любви, – излюбленный мотив поэта. Мажорна тональность лирики Недима, его стихи – призывы наслаждаться молодостью и любовью, обращенные к стамбульским красавицам, – легки и музыкальны, они естественно вошли в песенно-романсовую стихию турецких городов XVIII века.

«Говорите только о любви, все остальное – преступление» – этот призыв Луи Арагона вновь припомнился мне. Старые восточные поэты так и поступали – душа их была чиста, и совесть незапятнанна. Зачастую для них говорить о любви значило совершать подвиг.

Тысячу триста лет назад Маджнун писал: «Только любящий достоин человеком называться». Так оно и осталось вопреки любым попыткам лишить человека любви, отобрать у него человеческую суть, превратить его в зверя или в робота, в муравья или в винтик – в существо без памяти и воли, без достоинства и прав.

Несмотря ни на что, по-прежнему на языках мира, новых и старых, продолжают звучать речи влюбленных, увековеченные поэтами. И «обидный призрак нелюбви», от которого предостерегал Пастернак, рассеивается и исчезает, как и положено призраку.

Истинная любовь побеждает страх, сказал древний мудрец. Настоящие стихи о любви, старинные и современные, восточные и западные, помогают нам жить смело, чувствовать и мыслить свободно, верить искренне, смотреть в будущее с надеждой.

Михаил Курганцев

С арабского

Имруулькайс (ок. 500–540)

«Узнал я сегодня так много печали и зла...»

Узнал я сегодня так много печали и зла –
Я вспомнил о милой, о той, что навеки ушла.
Сулейма сказала: «В разлуке суровой и длинной

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Ты стал стариком – голова совершенно бела.
Теперь с бахромой я сравнила бы эти седины,
Что серыми клочьями мрачно свисают с чела...».
А прежде когда-то мне гор покорялись вершины,
Доступные только могучей отваге орла.
Перевод Н. Стефановича

«Нам быть соседями – друзьями стать могли б...»

Нам быть соседями – друзьями стать могли б:
Мне тоже здесь лежать, пока стоит Асиб[14].
Я в мире одинок, как ты – во мраке гроба...
Соседка милая, мы здесь чужие оба.
Соседка, не вернуть промчавшееся мимо,
И надвигается конец неотвратимо.
Всю землю родиной считает человек –
Изгнанник только тот, кто в ней зарыт навек.
Перевод Н. Стефановича
«Нет, больше не могу, терпенье истошилось...»

Нет, больше не могу, терпенье истошилось,
В душе моей тоска и горькая унылость.
Бессмысленные дни, безрадостные ночи,
А счастье – что еще случайней и короче.
О край, где был укрыт я от беды и бури, –
Те ночи у пруда прекрасней, чем Укури.
У нежных девушек вино я утром пью, –
Но разве не они сгубили жизнь мою?
И все ж от влажных губ никак не оторвусь –
В них терпкого вина неповторимый вкус.
О, этот аромат медовый, горьковатый!
О, стройность антилоп, величье древних статуй!
Как будто ветерка дыханье молодое
Внезапно принесло душистый дым алоэ[15].
Как будто пряное я пью вино из чаши,
Что из далеких стран привозят в земли наши.
Но в чаше я с водой вино свое смешал,
С потоком, что течет с крутых, высоких скал,
Со струями, с ничем не замутненной
Прозрачной влагою, душистой и студеной.
Перевод Н. Стефановича
«Прохладу уст ее, жемчужин светлый ряд...»

Прохладу уст ее, жемчужин светлый ряд
Овеял диких трав и меда аромат –
Так ночь весенняя порой благоухает,
Когда на небесах узоры звезд горят...
Перевод Н. Стефановича
«Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб пройдем...»

Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб пройдем,
Молю – утолите страдание в сердце моем.
Ну, сделайте милость, немного меня обождите,
И час проведу я с прекрасной Умм Джундаб вдвоем.
Вы знаете сами, не надобно ей благовоний,
К жилью приближаясь, ее аромат узнаем.
Она всех красавиц затмила и ласкова нравом...
Вы знаете сами, к чему тосковать вам о нем?
Когда же увижу ее? Если б знать мне в разлуке
О том, что верна, что о суженом помнит своем!
Быть может, Умм Джундаб наслушалась вздорных наветов
И нашу любовь мы уже никогда не вернем?
Испытано мною, что значит с ней год не встречаться:
Расстанься на месяц – и то пожалеешь потом.
Она мне сказала: «Ну чем ты еще недоволен?
Ведь я, не переча, тебе потакаю во всем».
Себе говорю я: ты видишь цепочку верблюдов,
Идущих меж скалами йеменским горным путем?
Сидят в паланкинах красавицы в алых одеждах,
Их плечи прикрыты зеленым, как пальма, плащом.
Ты видишь те два каравана в долине близ Мекки?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Другому отсюда их не различить нипочем.
К оазису первый свернул, а второй устремился
К нагорию Кабкаб, а дальше уже окоем.
Из глаз моих слезы текут, так вода из колодца
По желобу льется, по камню струится ручьем.
А ведь предо мной никогда не бахвалился слабый,
Не мог побежденный ко мне прикоснуться мечом.
Влюбленному весть принесет о далекой любимой
Лишь странник бывалый, кочующий ночью и днем
На белой верблюдице, схожей, и цветом и нравом,
И резвостью ног с молодым белошерстным ослом,
Пустынником диким, который вопит на рассвете,
Совсем как певец, голосащий всюду под хмельком.
Она, словно вольный осел, в глухомани пасется,
Потом к водопою бежит без тропы напролом,
Туда, где долина цветет, где высоки деревья,
Где скот не пасут, где легко повстречаться с врагом.
Испытанный странник пускается в путь до рассвета,
Когда еще росы блестят на ковче луговом.
Перевод А. Ревича
«Слезы льются по равнинам щек...»

Слезы льются по равнинам щек,
Словно не глаза – речной исток,
Ключ подземный, осененный пальмой,
Руслом прорезающий песок.
Лейла, Лейла! Где она сегодня?
Ну какой в мечтах бесплодных прок?
По земле безжизненной скитаюсь,
По пескам кочую без дорог.
Мой верблюд, мой спутник неизменный,
Жилист, крутогорб и быстроног.
Как джейран, пасущийся под деревом,
Волен мой верблюд и одинок.
Он подобен горестной газели,
У которой сгинул сосунок,
Мчится вдаль, тропы не разбирая,
Так бежит, что не увидишь ног.
Не одну пустынную долину
Я с тревогой в сердце пересек!
Орошал их ливень плодоносный,
Заливал узорчатый поток.
В поводу веду я кобылицу,
Ветер бы догнать ее не мог,
С нею не сравнится даже ворон,
Чей полет стремительный высок,
Ворон, что несет в железном клюве
Для птенца голодного кусок.
Перевод А. Ревича
«И Калиба степи, и Хасбы долины и кручи...»

И Калиба степи, и Хасбы долины и кручи
Дождем окропили неожиданно-пришедшие тучи.
Тех туч караван проплывал над землею Унейзы,
Повис над горами, спустился к низине белесой;
И тучка одна, что от грома и молний устала,
Отстала от всех – и слезами на землю упала.
Перевод В. Гончарова
«Ты перестал мечтать о Сельме...»

Ты перестал мечтать о Сельме:
так далеко любовь твоя!
Не попытаешься, не хочешь
и шагу сделать в те края.
О, сколько гор, долин, ущелий,
песков бесплодных, злых людей
и караванных троп кремнистых
теперь нас разделяют с ней.
Увидел я ее когда-то
в краю Унейзы голубой,
Когда откочевать пришлось ей

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
на пастбища земли другой.

Увидел я тугие косы,
черней, чем ночь, вокруг головы.
И зубы белые – белее,
чем млечный сок степной травы,
А губы улыбались мило
улыбкой алых ягод мне,
и было это все как небыль
или как поцелуй во сне.
О крепкокостная – к успеху
неси, верблюдица, меня!
Седло мое, моя поклажа
в огне, и сам я из огня!
Я, словно страус, караулю
яйцо, прикрытое песком,
Всегда готовый на защиту
бесстрашным кинуться броском.
Моя верблюдица, ты тоже,
как страус, головой крутя,
Вдруг мчишь стремительней, чем ветер,
спасая от врагов дитя.
Перевод В. Гончарова
«Клянусь я жизнью, что Суад...»

Клянусь я жизнью, что Суад
ушла, чтобы казниться мукой.
Она хотела испугать
влюбленного в нее разлукой.
Увидев, услышав Суад:
«Явись еще!» – земля попросит.
Там, где ее шатер разбит, –
земля обильней плодоносит.
Увидишь ты ее жилье –
входи, проси приюта смело,
и вот уже в глазах ее
слезинка ярко заблестела.
Перевод В. Гончарова
Маджнун (Кайс ибн аль-Мулаввах) (VII в.)

«Если б ты захотел, то забыл бы ее», – мне сказали...»

«Если б ты захотел, то забыл бы ее», – мне сказали.
«Ваша правда, но я не хочу, – я ответил в печали. –
Да и как мне хотеть, если сердце мучительно бьется,
А привязано к ней, как ведро к веревке колодца,
И в груди моей страсть укрепилась так твердо и прочно,
Что не знаю, чья власть уничтожить ее правомочна.
О, зачем же на сердце мое ты обрушил упреки, –
Горе мне от упреков твоих, собеседник жестокий!»
Ты спросил: «Кто она? Иль живет она в крае безвестном?».
Я ответил: «Заря, чья обитель – на своде небесном».
Мне сказали: «Пойми, что влюбиться в зарю – безрассудно».
Я ответил: «Таков мой удел, оттого мне и трудно,
Так решила судьба, а судьбе ведь никто не прикажет:
Если с кем-нибудь свяжет она, то сама и развяжет».
Перевод С. Липкина
«Клянусь Аллахом, я настойчив, – ты мне сказать должна...»

Клянусь Аллахом, я настойчив, – ты мне сказать должна:
За что меня ты разлюбила и в чем моя вина?
Клянусь Аллахом, я не знаю, любовь к тебе храня, –
как быть с тобой? Почему ты покинула меня?
как быть? Порвать с тобой? Но лучше я умер бы давно!
Иль чашу горькую испить мне из рук твоих дано?
В безлюдной провести пустыне остаток жалких дней?
Всем о любви своей поведать или забыть о ней?
Что делать, Лейла, посоветуй: кричать иль ждать наград?
Но терпеливого бросают, болтливого – бранят.
Пусть будет здесь моя могила, твоя – в другом краю,
Но если после смерти вспомнит твоя душа – мою,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Желала б на моей могиле моя душа – сова
Услышать из далекой дали твоей совы слова,
И если б запретил я плакать моим глазам сейчас,
То все же слез поток кровавый струился бы из глаз.
Перевод С. Липкина
«Одичавший, позабытый, не скитаюсь по чужбине...»

Одичавший, позабытый, не скитаюсь по чужбине,
Но с возлюбленную Лейлой разлучился я отныне.
Ту любовь, что в сердце прячу, сразу выдаст вздох мой грустный
Иль слеза, с которой вряд ли знахарь справится искусный.
О мой дом, к тебе дорога мне, страдальцу, незнакома,
А ведь это грех ужасный – бегство из родного дома!
Мне запретны встречи с Лейлой, но, тревогою объятый,
К ней иду: следит за мною неусыпный соглядатай.
Мир шатру, в который больше не вступлю, – чужак, прохожий, –
Хоть нашел бы в том жилище ту, что мне всего дороже!
Перевод С. Липкина
«О, сколько раз мне говорили: «Забудь ее, ступай к другой!»...»

О, сколько раз мне говорили: «Забудь ее, ступай к другой!»,
Но я внимаю злоязычным и с удивленьем и с тоской.
Я отвечаю им, – а слезы текут все жарче, все сильней,
И сердце в те края стремится, где дом возлюбленной моей, –
«Пусть даст, чтоб полюбить другую, другое сердце мне творец.
Но может ли у человека забиться несколько сердец?»
О Лейла, будь щедра и встречей мою судьбу ты obnovи,
Ведь я скорблю в тенетах страсти, ведь я томлюсь в тюрьме любви!
Ты, может быть, пригубишь чашу, хоть замутилась в ней любовь?
Со мной, хоть приношу я горе, ты свидишься, быть может, вновь?
Быть может, свидишься со мною, почувствуешь ты, какова
Любовь, что и в силках не гаснет, что и разбитая – жива?
Быть может, в сердце ты заглянешь, что – как песок в степи сухой –
Все сожжено неистребимой, испепеляющей тоской.
Перевод С. Липкина
«Слушать северный ветер – желание друга...»

Слушать северный ветер – желание друга,
Для себя же избрал я дыхание юга.
Надоели хулители мне... Неужели
Рассудительных нет среди них, в самом деле!
Мне кричат: «Образумь свое сердце больное!»
Отвечаю: «Где сердце найду я другое?»
Лишь веселые птицы запели на зорьке,
Страсть меня позвала в путь нелегкий и горький.
Счастья хочется всем, как бы ни было хрупко.
Внемлет голубь, как издали стонет голубка.
Я спросил у нее: «Отчего твои муки?
Друг обидел тебя иль страдаешь в разлуке?»
Мне сказала голубка: «Тяжка моя участь,
Разлюбил меня друг, оттого я и мучусь».
Та голубка на Лейлу похожа отчасти.
На кто Лейлу увидит, – погибнет от страсти.
От любви безответной лишился я света, –
А когда-то звала, ожидая ответа.
Был я стойким – и вот я в плену у газели,
Но газель оказалась далеко отселе.
Ты пойми: лишь она исцелит от недуга,
Но помочь мне как лекарь не хочет подруга.
Перевод С. Липкина
«В груди моей сердце чужое стучит...»

В груди моей сердце чужое стучит,
Подругу зовет, но подруга молчит.
Его истерзали сомненье и страсть, –
Откуда такая беда и напасть?
С тех пор как я Лейлу увидел, – в беде,
В беде мое сердце всегда и везде!
У всех ли сердца таковы? О творец,
Тогда пусть останется мир без сердец!
Перевод С. Липкина

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Бранить меня ты можешь, Лейла, мои дела, мои слова...»

Бранить меня ты можешь, Лейла, мои дела, мои слова, –
И на здоровье! Но поверь мне: ты не права, ты не права!
Не потому, что ненавижу, бегу от твоего огня, –
Я просто понял, что не любишь и не любила ты меня.
К тому же и от самых добрых, когда иду в пыли степной, –
«Смотрите, вот ее любовник!» – я слышу за своей спиной.
Я радовался каждой встрече, и встретиться мечтал я вновь.
Тебя порочащие речи усилили мою любовь.
Советовали мне: «Покайся!». Но мне какая в том нужда?
В своей любви – клянусь я жизнью – я не расскаюсь никогда!
Перевод С. Липкина
«Я страстью пламенной к ее шатру гоним...»

Я страстью пламенной к ее шатру гоним,
На пламя жалобу пишу песком степным.
Соленый, теплый дождь из глаз моих течет,
А сердце хмурится, как в тучах небосвод.
Долинам жалуюсь я на любовь свою,
Чье пламя и дождем из глаз я не залью.
Возлюбленной черты рисую на песке,
Как будто может внять земля моей тоске,
Как будто внемлет мне любимая сама,
Но собеседница-земля – нема, нема!
Никто не слушает, никто меня не ждет,
Никто не упрекнет за поздний мой приход,
И я иду назад печальную стезей,
А спутницы мои – слеза с другой слезой.
Я знаю, что любовь – безумие мое,
Что станет бытие угрюмое мое.
Перевод С. Липкина
«Ночной пастух, что будет со мною утром рано...»

Ночной пастух, что будет со мною утром рано?
Что принесет мне солнце, горящее багряно?
Что будет с той, чью прелесть во всем я обнаружу?
Ее оставят дома или отправят к мужу?
Что будет со звездой, внезапно удаленной,
которая не гаснет в моей душе влюбленной?
В ту ночь, когда услышал в случайном разговоре,
что Лейлу на чужбину должны отправить вскоре,
мое забилось сердце, как птица, что в бессилье
дрожит в тенетах, бьется, свои запутав крылья,
а у нее в долине птенцов осталось двое,
к гнезду все ближе, ближе дыханье ветровое!
Шум ветра утешенье семье доставил птичьей.
Сказали: «Наконец-то вернулась мать с добычей!».
Но мать в тенетах бьется, всю ночь крича от боли,
не обретет и утром она желанной воли.
Ночной пастух, останься в степи, а я, гонимый
тоскою и любовью, отправлюсь за любимой.
Перевод С. Липкина
«Кто меня ради Лейлы позвал, – я тому говорю...»

Кто меня ради Лейлы позвал, – я тому говорю,
Притворясь терпеливым: «Иль завтра увижу зарю?
Иль ко мне возвратится дыхание жизни опять?
Иль не знал ты, как щедро умел я себя расточать?»
Пусть гремящее облако влагу приносит шатру
в час, когда засыпает любимая, и поутру.
Далека ли, близка ли, – всегда она мне дорога:
Я влюбленный, плененный, покорный и верный слуга.
Нет мне счастья вблизи от нее, нет покоя вдали,
эти долгие ночи бессонницу мне принесли.
Наблюдая за мной, злоязычные мне говорят, –
я всегда на себе осуждающий чувствую взгляд:
«Разлученный с одной, утешается каждый с другой,
только ты без любимой утратил и ум и покой».
Ах, оставьте меня под господством жестокой любви,
пусть и сам я сгорю, и недуг мой, и вздохи мои!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Я почти не дышу – как же мне свою боль побороть?
Понемногу мой дух покидает бессильную плоть.
Перевод С. Липкина
«Как в это утро от меня ты, Лейла, далека...»

Как в это утро от меня ты, Лейла, далека!
В измученной груди – любовь, в больной душе – тоска!
Я плачу, не могу уснуть, я звездам счет веду,
А сердце бедное дрожит в пылающем бреду.
Я гибну от любви к тебе, блуждаю, как слепой,
Душа с отчаяньем дружна, а веко – со слезой.
Как полночь, слез моих поток не кончится вовек,
Меня сжигает страсть, а дождь струится из-под век.
Я в одиночестве горю, тоскую и терплю.
Я понял: встречи не дождусь, хотя я так люблю!
Но сколько я могу терпеть? От горя и огня,
От одиночества спаси безумного меня!
Кто утешенье принесет горящему в огне?
Кто будет бодрствовать со мной, когда весь мир – во сне?
Иль образ твой примчится вдруг – усну я на часок:
И призрак может счастье дать тому, кто одинок!
Всегда нова моя печаль, всегда нова любовь:
О, умереть бы, чтоб со мной исчезла эта новь!
Но помни, я еще живу и, кажется, дышу,
И время смерти подошло, и смерти я прощу.
Перевод С. Липкина
«Если скрылась луна – вспыхни там, где она отблестала...»

Если скрылась луна – вспыхни там, где она отблестала.
Стань свечением солнечным, если заря запоздала.
Ты владеешь, как солнце, живительной силой чудесной,
Только солнце, как ты, нам не дарит улыбки прелестной.
Ты, подобно луне, красотой сверкаешь высокой,
Но незряча луна, не сравнится с тобой, черноокой.
Засияет луна, – ты при ней засияешь нежнее,
Ибо нет у луны черных кос и пленительной шеи.
Светит солнце желанное близкой земле и далекой,
Но светлей твои очи, подернутые поволокой.
Солнцу ль спорить с тобою, когда ты глазами поводишь
И когда ты на лань в обаятельном страхе походишь?
Улыбаются Лейла – как чудно уста обнажили
Ряд зубов, что белей жемчугов и проснувшихся лилий!
До чего же изнежено тело подруги, о боже:
Проползет ли по ней муравей – след оставит на коже!
О, как мелки шаги, как слабеет она при движенье,
Чуть немного пройдет – остановится в изнеможенье!
Как лоза, она гнется, при этом чаруя улыбкой, –
И боишься: а вдруг переломится стан ее гибкий?
Вот газель на лугу с газеленком пасется в веселье, –
Милой Лейлы моей не счастливей ли дети газельи?
Их приют на земле, где цветут благодатные весны,
Из густых облаков посылая свой дождь плодоносный...
На верблюдицах сильных мы поздно достигли стоянки,
Но, увы, от стоянки увидели только останки.
По развалинам утренний дождик шумел непрерывный,
А когда он замолк, загремели вечерние ливни.
И на луг прилетел ветерок от нее долгожданный,
И, познав ее свет, увлажнились росой тюльпаны,
И ушел по траве тихий вечер неспешной стопою,
И цветы свои черные ночь подняла пред собою.
Перевод С. Липкина
«Куропаток летела беспечная стая...»

Куропаток летела беспечная стая,
И взмолился я к ним, состраданья желая?
«Мне из вас кто-нибудь не одолжит ли крылья,
Чтобы к Лейле взлететь, – от меня ее скрыли».
Куропатки, усевшись на ветке араки,
Мне сказали: «Спасем, не погибнешь во мраке».
Но погибнет, как я – ей заря не забрезжит, –
Если крылья свои куропатка обрежет!

Кто подружке письмо принесет, кто заслужит
Благодарность, что вечно с влюбленностью дружит?
Так я мучим огнем и безумием страсти,
Что хочу лишь от бога увидеть участие.
Разве мог я стерпеть, что все беды приспели,
И что Лейла с другим уезжает отселе?
Но хотя я не умер еще от кручины,
Тяжко плачет душа моя, жаждет кончины.
Если родичи Лейлы за трапезой вместе
Соберутся, – хотят моей смерти и мести.
Это копья сейчас надо мной заблестали
Иль горят головни из пронзающей стали?
Блещут синие вестники смерти – булаты,
Свищут стрелы, и яростью луки объаты:
Как натянут их – звон раздается тревожно,
Их возможно согнуть, а сломать невозможно.
На верблюдах – погоня за мной средь безводья.
Истираются седла, и рвутся поводья...
Мне сказала подруга: «Боюсь на чужбине
Умереть без тебя». Но боюсь я, что ныне
Сам сгорю я от этого страха любимой!
Как поможет мне Лейла в беде нестерпимой?
Вы спросите ее: даст ли пленнику волю?
Исцелит ли она изнуренного болью?
Приютит ли того, кто гоним отовсюду?
Ну, а я-то ей верным защитником буду!..
Сердце, полное горя, сильнее тоскует,
Если слышу, как утром голубка воркует.
Мне сочувствуя, томно и сладостно стонет,
Но тоску мою песня ее не прогонит...
Но потом, чтоб утешить меня, все голубки
Так запели, как будто хрустальные кубки
Нежно, весело передавали друг другу –
Там, где льется вода по широкому лугу,
Где верховья реки, где высокие травы,
Где густые деревья и птичьи забавы,
Где газели резвятся на светлой поляне,
Где, людей не пугаясь, проносятся лани.
Перевод С. Липкина
«За ту отдам я душу, кого покину вскоре...»

За ту отдам я душу, кого покину вскоре,
За ту, кого я помню и в радости и в горе,
За ту, кому велели, чтобы со мной рассталась.
За ту, кто, убоявшись, ко мне забыла жалость.
Из-за нее мне стали тесны степные дали,
Из-за нее противны все близкие мне стали.
Уйти мне иль стремиться к ее жилью всечасно,
Где страсть ее бессильна, а злость врагов опасна?
О, как любви господство я свергну, как разрушу
Единственное счастье, возвысившее душу!
Любовь дает мне силы, я связан с ней одною,
И если я скончаюсь, любовь умрет со мною.
Ткань скромности, казалось, мне сердце облекала,
Но вдруг любовь пробилась сквозь это покрывало.
Стеснителен я, буйства своих страстен мне стыдно,
Врагов мне видно много, зато ее не видно.
Перевод С. Липкина
«Ты видишь, как разлука высекла, подняв свое кресало...»

Ты видишь, как разлука высекла, подняв свое кресало,
В моей груди огонь отчаянья, чтоб сердце запылало.
Судьба решила, чтоб немедленно расстались мы с тобою, –
А где любовь такая сыщется, чтоб спорила с судьбою?
Должна ты запастись терпением: судьба и камни ранит,
И с прахом кряжи гор сравниются, когда беда нагрянет.
Дождем недаром плачет облако, судьбы услышав грозы;
Его своим печальным спутником мои избрали слезы!
Клянусь, тебя не позабуду я, пока восточный ветер
Несет прохладу мне и голуби воркуют на рассвете,
Пока мне куропатки горные дарят слова ночные,

Пока – зари багряной вестники – кричат ослы степные,
Пока на небе звезды мирные справляют новоселье,
Пока голубка стонет юная в нарядном ожерелье,
Пока для мира солнце доброе восходит на востоке,
Пока шумят ключей живительных и родников истоки,
Пока на землю опускается полнотный мрак угрюмый, –
Пребудешь ты моим дыханием, желанием и думой!
Пока детей родят верблюдицы, пока проворны кони,
Пока морские волны пенятся на необъятном лоне,
Пока несут на седлах всадников верблюдицы в пустыне,
Пока изгнанники о родине мечтают на чужбине, –
Тебя, подруга, не забуду я, хоть места нет надежде...
А ты-то обо мне тоскуешь ли и думаешь, как прежде?
Рыдает голубь о возлюбленной, но обретет другую.
Так почему же я так мучаюсь, так о тебе тоскую?
Тебя, о Лейла, не забуду я, пока кружусь в скитанье,
Пока в пустыне блещет марева обманное блистанье.
Какую принесет бессонницу мне ночь в безлюдном поле.
Пока заря не вспыхнет новая для новой, трудной воли?
Безжалостной судьбою загнанный, такой скачу тропюю,
Где не найду я утешения, а конь мой – водопою.
Перевод С. Липкина
«Сказал я спутникам, когда разжечь костер хотели дружно...»

Сказал я спутникам, когда разжечь костер хотели дружно:
«Возьмите у меня огонь! От холода спастись вам нужно?
Смотрите – у меня в груди пылает пламя преисподней.
Оно – лишь Лейлу назову – взовьется жарче и свободней!».
Они спросили: «Где вода? Как быть коням, верблюдам, людям?».
А я ответил: «Из реки немало ведер мы добудем».
Они спросили: «Где река?». А я: «Не лучше ль два колодца?
Смотрите: влага чистых слез из глаз моих все время льется!».
Они спросили: «Отчего?». А я ответил им: «От страсти».
Они: «Позор тебе!» А я: «О нет, – мой свет, мое несчастье!
Поймите: Лейла – светоч мой, моя печаль, моя отрада,
Как только Лейлы вспыхнет лик, – мне солнца и луны не надо.
Одно лишь горе у меня, один недуг неисцелимый:
Тоска во взоре у меня, когда не вижу я любимой!
О, как она нежна! Когда сравню с луною лик прелестный.
Поймите, что она милей своей соперницы небесной,
Затем, что черные, как ночь, душисты косы у подруги,
И два кольшутся бедра, и гибок стан ее упругий.
Она легка, тонка, стройна и белозуба, белокожа,
И, крепконогая, она на розу свежую похожа.
Благоуханию ее завидуют, наверно, весны,
Блещат жемчужины зубов и лепестками рдеют десны...»
Спросили: «Ты сошел с ума?». А я: «Меня околдовали.
Кружусь я по лицу земли, от стойбищ я бегу подале.
Успокоитель, – обо мне забыл, как видно, ангел смерти,
Я больше не могу терпеть и жить не в силах я, поверьте!».
С густо-зеленого ствола, в конце ночного разговора,
Голубка прокричала мне, что с милой разлучусь я скоро.
Голубка на ветвях поет, а под глубокими корнями
Безгрешной чистоты родник бежит, беседуя с камнями.
Есть у голубки молодой монисто яркое на шее,
Черна у клюва, на груди полоска тонкая чернее.
Поет голубка о любви, не зная, что огнем созвучий
Она меня сжигает вновь, сожженного любовью жгучей!
Я вспомнил Лейлу, услышав голубки этой песнопенье.
«Вернись!» – так к Лейле я воззвал в отчаянье и в нетерпенье.
Забилось сердце у меня, когда она ушла отселе:
Так бьются ворона крыла, когда взлетает он без цели.
Я с ней простился навсегда, в огонь мое низверглось тело:
Разлука с нею – это зло, и злу такому нет предела!
Когда в последний раз пришли ее сородичей верблюды
На водопой, а я смотрел, в траве скрываясь у запруды, –
Змеиной крови я испил, смертельным ядом был отравлен,
Разлукою раздавлен был, несчастной страстью окровавлен!
Из лука заблужденья вдруг судьба в меня метнула стрелы,
Они пронзили сердце мне, и вот я гасну, ослабелый,
Отравленные две стрелы в меня вонзились, и со мною

Навеки распростилась та, что любит косы красить хною.
А я взываю: «О, позволь тебя любить, как не любили!
Уже скончался я, но кто направится к моей могиле?
О, если, Лейла, ты – вода, тогда ты облачная влага,
А если, Лейла, ты – мой сон, тогда ты мне даруешь благо.
А если ты – степная ночь, тогда ты – ночь желанной встречи,
А если, Лейла, ты – звезда, тогда сияй мне издали!
Да ниспошлет тебе аллах свою защиту и охрану.
А я до Страшного суда, тобой убитый, не воспряну».
Перевод С. Липкина
«Если на мою могилу не прольются слезы милой...»

Если на мою могилу не прольются слезы милой,
То моя могила будет самой нищею могилой.
Если я утешусь, если обрету успокоенье, –
Успокоюсь не от счастья, а от горечи постылой.
Если Лейлу я забуду, если буду стойким, сильным –
Назовут ли бедность духа люди стойкостью и силой?
Перевод С. Липкина
«Клянусь я тем, кто дал тебе власть надо мной и силу...»

Клянусь я тем, кто дал тебе власть надо мной и силу,
Тем, кто решил, чтоб я познал бессилье, унижение,
Тем, кто в моей любви к тебе собрал всю страсть вселенной
И в сердце мне вложил, изгнав обман и обольщение, –
Любовь живет во мне одном, сердца других покинув,
Когда умру – умрет любовь, со мной найдя забвенье.
У ночи, Лейла, ты спроси, – могу ль заснуть я ночью?
Спроси у ложа, нахожу ль на нем успокоенье?
Перевод С. Липкина
«К опустевшей стоянке опять привели тебя ноги...»

К опустевшей стоянке опять привели тебя ноги.
Миновало два года, и снова стоишь ты в тревоге.
Вспоминаешь с волнением, как были навьючены вьюки,
И разжег в твоём сердце огонь черный ворон разлуки.
Как на шайку воров, как вожак антилопьего стада,
Ворон клюв свой раскрыл и кричал, что расстаться нам надо.
Ты сказал ему: «Прочь улетай, весть твоя запоздала.
Я узнал без тебя, что разлука с любимой настала.
Понял я до того, как со мной опустился ты рядом,
Что за весть у тебя, – так умри же отравленный ядом!
Иль тебе не понять, что бранить я подругу не смею,
Что другой мне не надо, что счастье мое – только с нею?
Улетай, чтоб не видеть, как я умираю от боли,
Как я ранен, как слезы струятся из глаз поневоле!»
Племя двинулось в путь, опустели жилища кочевья,
И пески устремились к холмам, засыпая деревья.
С другом друг расстается – и дружба сменилась разладом.
Разделил и влюбленных разлучник пугающим взглядом.
Сколько раз я встречался на этой стоянке с любимой –
Не слышал о разлуке, ужасной и непоправимой.
Но в то утро почувствовал я, будто смерть у порога,
Будто пить я хочу, но отрезана к речке дорога,
У подруги прошу я воды бытия из кувшина,
Но я слышу отказ; в горле жажда, а в сердце – кручина...
Перевод С. Липкина
«Ты найдешь ли, упрямое сердце, свой правильный путь...»

«Ты найдешь ли, упрямое сердце, свой правильный путь?
Образумься, опомнись, красавицу эту забудь.
Посмотри: кто любил, от любви отказался давно,
Только ты, как и прежде, неверной надежды полно».
Мне ответило сердце мое: «Ни к чему руготня.
Не меня ты брани, не меня упрекай, не меня,
Упрекай свои очи, – опомнись их приневоль,
Ибо сердце они обрекли на тягчайшую боль.
Кто подруги другой возжелал, тот от века презрен!».
Я воскликнул: «Храни тебя бог от подобных измен!».
А подруге сказал я: «Путем не иду я кривым,
Целомудренный, верен обетам и клятвам своим.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
За собою не знаю вины. Если знаешь мой грех,
То пойми, что прощенье – деяний достойнее всех.
Если хочешь – меня ненавидь, если хочешь – убей,
Ибо ты справедливее самых высоких судей.
Долго дни мои трудные длятся, мне в тягость они,
А бессонные ночи еще тяжелее, чем дни...
На голодного волка походишь ты, Лейла, теперь,
Он увидел ягненка и крикнул, рассерженный зверь:
«Ты зачем поносил меня, подлый, у всех на виду?»
Тот спросил: «Но когда?». Волк отвечивал: «В прошлом году»
А ягненок: «Обман! Я лишь этого года приплод!
Ешь меня, но пусть пища на пользу тебе не пойдет!..»
Лейла, Лейла, иль ты – птицелов? Убивает он птиц,
А в душе его жалость к бедняжкам не знает границ.
Не смотри на глаза и на слезы, что льются с ресниц,
А на руки смотри, задушившие маленьких птиц».
Перевод С. Липкина
«Целую след любимой на земле...»

Целую след любимой на земле.
Безумец он! – толкуют обо мне.
Целую землю – глину и песок, –
Где разглядел следы любимых ног.
Целую землю – уголок следа.
Безумец я, не ведаю стыда.
Живу в пустыне, гибну от любви.
Лишь звери – собеседники мои.
Перевод М. Курганцева
«Любовь меня поймала, увела...»

Любовь меня поймала, увела
Как пленника, что заарканен с хода,
Туда, где нет ни крова, ни тепла,
Ни племени, ни стойбища, ни рода,
Ни тьмы, ни света, ни добра, ни зла
И мукам нет конца и нет исхода.
Горю, сгораю – медленно, дотла.
Люблю – и все безумней год от года!
Перевод М. Курганцева
«Всевышний, падаю во прах...»

Всевышний, падаю во прах
перед каабой в Мекке.
В твоей нуждаюсь доброте,
защите и опеке.
Ты правишь небом. Ты царишь
над всей земною твердью.
Надеюсь только на тебя,
взываю к милосердью.
Любимую не отнимай,
яви такую милость!
Ведь без нее душа пуста,
вселенная затмилась.
Она – единый мой удел,
не ведаю иного.
Твой раб любовью заболел –
не исцеляй больного!
Ты можешь все. Не отступай
от воли неизменной.
Любимую не отнимай.
Она – твой дар бесценный.
Она – моих бессонных мук
причина и основа.
Она – безумный мой недуг.
Не исцеляй больного!
Я все забуду – племя, род,
заветный дым кочевья.
Любимую не отнимай,
не требуй отречения.
Ты сам, всеильный, повелел
любить, не зная меры.

Зачем от верного слуги
ты требуешь измены?
Ты пожелаешь – я уйду
от искушений милых,
Но от любимой даже здесь
отречься я не в силах.
В любви не каюсь даже здесь,
безумец, грешник слабый,
В священном городе твоём,
в пыли перед каабой.
Перевод М. Курганцева
«В мире нездешнем...»

В мире нездешнем,
в раю, где повсюду покой,
Души влюбленных
томятся ли здешней тоской?
Прах – наша плоть,
но дано ли нетленному духу
Вечно пылая,
терзаться любовью людской?
Очи усопших не плачут,
но в мире нездешнем
Слезы влюбленных –
бессмертные! – льются рекой!
Перевод М. Курганцева
«Я болен любовью...»

Я болен любовью,
моя неизбывна тоска.
Беда моя – рядом,
любимая так далека.
Теряю надежду,
живу, привыкая к разлуке.
Молчит моя милая,
видит во мне чужака.
Я словно птенец,
угодивший нечаянно в сети.
В плену его держит
незримая злая рука.
Как будто играет дитя,
но для пойманной птицы
Игра обернется
погибелью наверняка.
На волю бы выйти!
Да стоит ли – право, не знаю.
Ведь сердце приковано к милой,
а цепь коротка.
Перевод М. Курганцева
«Ворон, что ты пророчишь...»

Ворон, что ты пророчишь?
С любимой разлуку?
Сам попробуй, как я,
испытай эту муку.
Что еще ты сулишь
одинокому, ворон?
Бедняку угрожаешь
каким приговором?
Ты не каркай, не трать
понапрасну усилья –
Потеряешь ты голос
и перья, и крылья.
Будешь ты, как и я,
истомленный недугом,
Жить один, без надежды,
покинутый другом!
Перевод М. Курганцева
«Что я делаю, безумец...»

Что я делаю, безумец,

в этот вечер темно-синий?

На песке тебя рисую
и беседую с пустыней.
Крики ворона услышу –
наземь падаю в тоске.
Ветер горя замечает
мой рисунок на песке.
Перевод М. Курганцева
«Люблю – в пустыне жажда...»

Люблю – в пустыне жажда
слабей моей любви.
Люблю – иссякли слезы
бессонные мои.
Люблю – молиться бросил,
безумьем обуян.
Люблю – не вспоминаю
каабу и коран.
Перевод М. Курганцева
«Исполни лишь одно желанье...»

Исполни лишь одно желанье
мое – иного нет:
Спаси любимую от горя,
убереги от бед.
Мне блага большего не надо,
ты щедро одарил
Меня любовью – в ней отрада,
спасение и свет.
Пока живу – люблю и верю,
надеюсь и терплю, –
Служу единственному богу,
храню его завет...
Перевод М. Курганцева
«Только любящий достоин...»

Только любящий достоин
человеком называться.
Кто живет, любви не зная,
совершает святотатство.
Мне любимая сказала:
«Ничего не пожалею,
Лишь бы милого увидеть,
лишь бы мне тебя дождаться».
Только любящим завидуй –
им на долю выпадает
Невозможное блаженство,
неразменное богатство.
Перевод М. Курганцева
Омар ибн Аби Рабиа (644–712)

«Вы, суд мирской! Слуга аллаха тот...»

Вы, суд мирской! Слуга аллаха тот,
Кто судит нас, руководясь законом.
Пусть жен не всех в свидетели зовет,
Пусть доверяет лишь немногим женам.
Пусть выберет широкобедрых жен,
В свидетели назначит полногрудых,
Костлявым же не даст блюсти закон –
Худым, иссохшим в сплетнях-пересудах.
Сошлите их! Никто из мусульман
Столь пламенной еще не слышал просьбы.
Всех вместе, всех в один единый стан,
Подальше бы! – встречаться не пришлось бы!
Ну их совсем! А мне милее нет
Красавицы роскошной с тонким станом,
Что, покрывалом шелковым одет,
Встает тростинкой над холмом песчаным.
Лишь к эдаким благоволит аллах,

А тощих, нищих, с нечистью в сговоре,
Угрюмых, блудословящих, нерях,
Ворчуний, лгуний, – порази их горе!
Я жизнь отдам стыдливой красоте.
Мне знатная, живущая в палате
Красавица приятнее, чем те,
К которым ночью крадутся, как тати.
Перевод С. Шервинского
«Я видел: пронеслась газелей стая...»

Я видел: пронеслась газелей стая,
Вослед глядел я, глаз не отрывая, –
Знать, из Куба неслись они испуганно
Широкою равниною без края.
Угнаться бы за ними, за пугливыми,
Да пристыдила борода седая.
Ты, старый, очень старый, а для старого
Уж ни к чему красotka молодая.
Перевод С. Шервинского
«Отвернулась Бегум, не желает встречаться с тобой...»

Отвернулась Бегум, не желает встречаться с тобой,
И Асма перестала твоею быть нежной рабой.
Видят обе красавицы, сколь ты становишься стар,
А красавицам нашим не нужен лежалый товар.
Полно! Старого друга ласкайте, Бегум и Асма,
Под деревьями нас укрывает надежная тьма.
Я однажды подумал (ту ночь я с седла не слезал,
Плащ намок от дождя, я к селению Джазл подъезжал):
О, какая из дев на вопрос мой ответить могла б,
Почему за любовь мне изменю платит Рабаб?
Ведь, когда обнимал я другую, – казалось, любя
Я томился, и жаждал, и ждал на свиданье – тебя.
Если женщины верной иль даже неверной я раб,
Мне и та и другая всего лишь – замена Рабаб.
Обещай мне подарок, хоть я для подарков и стар, –
Для влюбленной души и надежда – достаточный дар.
Перевод С. Шервинского
«Я покинут друзьями, и сердце мое изболело...»

Я покинут друзьями, и сердце мое изболело:
Жажду встречи с любимой, вздыхаю о ней то и дело.
И зачем мне совет, и к чему мне любезный ответ,
И на что уповать, если верности в любящей нет?
Кто утешит меня? Что мне сердце надеждою тешить?
Так и буду я жить – только смерть и сумеет утешить.
Перевод С. Шервинского
«В стан я племени прибыл, чьих воинов славны дела...»

В стан я племени прибыл, чьих воинов славны дела.
Было время покоя, роса на пустыню легла.
Там я девушку встретил, красивее всех и стройней,
Как огонь, трепетали запястья и бусы на ней.
Я красы избегал, нарочито смотрел на других,
Чтобы чей-нибудь взор не приметил желаний моих,
Чтоб соседу сказал, услаждаясь беседой, сосед:
«Небесами клянусь, эта девушка – жертва клевет».
А она обратилась к подругам, сидевшим вокруг, –
Изваяньем казалась любая из стройных подруг:
«Заклинаю аллахом – доверюсь я вашим словам:
Этот всадник заезжий пришелся ли по сердцу вам?
К нам войти нелегко, он же прямо проходит в шатер,
Не спросившись, как будто заранее был уговор».
Я ответил за них: «Коль приходит потайный жених
На свиданье любви, никакой ему недруг не лих!».
Радость в сердце влилась, как шатра я раздвинул края, –
А сперва оробел, хоть вела меня воля своя.
Кто же к ней, белолицему солнцу в оправе зари,
Не придет повидаться, лишь раз на нее посмотри?
Перевод С. Шервинского
«Возле Мекки ты видел приметный для взора едва...»

Возле Мекки ты видел приметный для взора едва
След кочевий былых? Не блеснет над шатром булава,
И с востока и с запада вихри его заносили, –
Ни коней, ни людей, – не видать и защитного рва.
Но былую любовь разбудили останки жилища,
И тоскует душа, как в печали тоскует вдова.
Словно йеменский шелк иль тончайшая ткань из Джаруба,
Перекрыла останки песка золотого плева.
Быстротечное время и ветер, проворный могильщик.
Стерли прежнюю жизнь, как на пальмовой ветви слова.
Если влюбишься в Нум, то и знахарь, врачующий ловко
От укусов змеи, потеряет над ядом права.
В Нум, аллахом клянусь, я влюбился, но что же? – Я голос,
Вопиющий в пустыне, и знаю, пустыня мертва...
Уезжает надолго, в затворе живет, под надзором.
Берегись подойти – ни за что пропадет голова!
А покинет становье – и нет у чужого надежды
Вновь ее повстречать, – видно, доля его такова!
Я зову ее «Нум», чтобы петь о любви без опаски,
Чтоб досужей молвы не разжечь, как сухие дрова.
Скрыл я имя ее, но для тех, кто остер разумьем,
И без имени явны приметы ее существа.
В ней врага наживу, если имя ее обнаружу, –
Здесь ханжи и лжецы, клевета негодяев резва.
Сколько раз я уже лицемеров не слушал учтивых,
Отвергал поученье ее племенного родства.
Сброд из племени сатт твоего недостоин вниманья,
Я ж известен и так, и в словах моих нет хвастовства.
Меня знают и в Марибе все племена, и в Дуруббе,
Там, где резвые кони, где лука туга тетива.
Люди знатные мы, чистокровных владельцы верблюдов,
Я испытан в сраженьях, известность моя не нова.
Пусть бегут и вожди, я не знаю опасностей бранных,
Страх меня не проймет, я сильнее пустынного льва.
Рода нашего жен защищают бойцы удалые,
В чьем испытанном сердце старинная доблесть жива.
Враг не тронет того, кто у нас покровительства ищет,
И о наших делах не забудет людская молва.
Знаю, все мы умрем, но не первые мы – не исчислить
Всех умерших до нас, то всеобщий закон естества.
Мы сторонимся зла, в чем и где бы оно ни явилось,
К доброй славе идем, и дорога у нас не крива.
У долины Батта вы спросите, долина ответит:
«Это честный народ, не марает им руку лихва».
На верблюдицах серых со вздутыми бегом боками
Лишь появится в Мекке, – яснее небес синева.
Ночью Омара клички – поднимется Омар и ночью,
И во сне ведь душа у меня неизменно трезва.
В непроглядную ночь он на быстрой верблюдице мчится;
Одолел его сон, но закалка его здорова;
Хоть припал он к луке, но и сонный до цели домчится.
Лишь бы сладостным сном подкрепиться в дорогу сперва!
Перевод С. Шервинского
«Он пробрался к тебе, прикрываясь полуночным мраком...»

Он пробрался к тебе, прикрываясь полуночным мраком,
Тайну он соблюдал и от страсти пылал он жестоко.
Но она ему пальцами знак подала: «Осторожно,
Нынче гости у нас – берегись чужестранного ока!
Возвратись и дозор обмани соглядатаев наших,
И любовь обновится, дождавшись желанного срока».
Да, ее я знавал! Она мускусом благоухала,
Только йеменский плащ укрывал красоту без порока.
Тайно кралась она, трепетало от радости сердце,
Тело в складках плаща отливало румянцем Востока,
Мне сказала она в эту ночь моего посещения, –
Хоть сказала шутя, упрекнула меня без упрека:
«кто любви не щадит, кто упорствует в долгой разлуке,
Тот далеко не видит, и думает он не глубоко;
Променял ты подругу на прихоть какой-то беглянки, –

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Поищи ее в Сирии или живи одиноко». Перестань убивать меня этой жестокою мукой –
Ведь аллаху известно, чье сердце блуждает далеко.
Перевод С. Шервинского
«Я раскаялся в страсти, но страсть – моя гостья опять...»

Я раскаялся в страсти, но страсть – моя гостья опять.
Звал я скорбные думы – и скорби теперь не унять.
Вновь из мертвых восстали забытые муки любви,
Обновились печали, и жар поселился в крови.
А причина – в пустыне покинутый Сельмою дом,
Позабыт он живыми, и тлена рубаха на нем.
И восточный и западный ветер, гоня облака,
Заметали его, расстилая покровы песка.
Я как вкопанный стал; караван мой столпился вокруг,
И воззвал я к пустыне – на зов не откликнулся звук.
Крепко сжал я поводья верблюдицы сильной моей, –
А была она черная, сажи очажной черней.
Перевод С. Шервинского
«Терзает душу память, сон гоня...»

Терзает душу память, сон гоня:
Любимая сторонится меня,
С тех пор как ей сказали: «Он далече
И более с тобой не ищет встречи».
Отворотясь, не обернулась вновь, –
И увидал я щеку лишь и бровь.
На празднике, с ним очутившись рядом,
Она добычу прострелила взглядом
И так сказала девушкам и женам,
Как антилопы легкие, сложенным:
«Он будет плакать и стенать, потом
И упрекать начнет, – так отойдем!»
И отошла девическая стая,
Крутые бедра плавно колыхая.
Как раз верблюды кончили свой бег,
И караван улегся на ночлег,
И было так, пока не возвестила
Заря рассвет и не ушли светила.
Мне друг сказал: «Очнись, разумен будь!
Уж день настал, пора пускаться в путь
На север, там тебя томить не станут,
Не будешь там в любви своей обманут»,
И ночь ушла, и наступил рассвет –
И то была горчайшая из бед.
Перевод С. Шервинского
«Долго ночь не редела, душой овладела тоска...»

Долго ночь не редела, душой овладела тоска,
Но послала Асма в утешенье ко мне ходока.
От нее лишь одной принимаю упрек без упрека,
Хоть и много любил, и она не одна черноока.
Но она улыбнется – и я уж и этому рад,
Счастлив, зубы увидя, нетающих градинок ряд.
Но ходок, увидав, что еще не проснулся народ,
Возвратился и стал колотушкой стучать у ворот.
Он стучал и стучал, но из наших никто не проснулся.
Надоело ему, и обратно к Асме он вернулся.
И рассказывать стал, прибавляя того и сего:
«Хоть не спали у них, я не мог достучаться его,
Где-то скрылся, сказал – у него, мол, большие дела.
Так и не дал ответа». Но тут она в ярость пришла.
«Я аллахом клянусь, я клянусь милосердным творцом.
Что до самого раджаба я не пушу его в дом!»
Я сказал: «Это старая ссора, меня ты прости, –
Но к сердцам от сердец подобают иные пути.
Вот рука моя, в ней же и честь и богатство мое»
А она: «Ты бы раньше, чудака, протянул мне ее!»
Тут к ней сводня пришла, – а они на подобное чутки,
К деловым разговорам умеют примешивать шутки.
Голос тихий у них, если гневом красавица вспыхнет.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Но становится громок, едва лишь девица затихнет.
Говорок у распутницы вежливый, неторопливый,
А сама она в платье паломницы благочестивой.
И ее наконец успокоила хитрая сводня:
«Все то воля господня – сердиться не стоит сегодня».
Перевод С. Шервинского
«В час утренний, от взоров не таим...»

В час утренний, от взоров не таим,
Горел костер перед шатром твоим.
Но кто всю ночь подкладывал алоэ,
Чтоб он струил благоуханный дым?..
Перевод С. Шервинского
«Я Зайнаб свою не склоняю на встречу ночную...»

Я Зайнаб свою не склоняю на встречу ночную,
Не смею невинность вести на дорогу дурную.
Не так луговина в цветах, под дождем животворным,
Когда еще зной не растрескал поверхность земную,
Как Зайнаб мила, когда мне она на ухо шепчет:
«Я мир заключила иль снова с тобою воюю?»
В гостях мы не видимся – если ж тебя и увижу,
Какой-нибудь, знаю, беда все равно не миную.
Меня ты покинула, ищешь себе оправданья,
Но я неповинен, тоскую один и ревную.
Перевод С. Шервинского
«Убит я печалью, горчайших не знал я разлук...»

Убит я печалью, горчайших не знал я разлук.
В груди моей буйствует сердца неистовый стук.
Невольные слезы струятся, свидетели мук, –
Так воду по каплям прорвавшийся точит бурдюк.
Она уезжает, уж руки проворные слуг
На гордых двугорбых дорожный навьючили вьюк.
К щекам моим кровь прилила и отхлынула вдруг –
Я знаю, навек отъезжает единственный друг.
Перевод С. Шервинского
«О сердце, страстями бурлящий тайник...»

О сердце, страстями бурлящий тайник!
А юность меж тем отвратила свой лик.
О сердце, ты властно влечешь меня к Хинд, –
Ты, сердце, которым любить я привык.
Сказал я – и слезы струились из глаз,
Ах, слез моих не был исчерпан родник.
«Коль Хинд охладела, забыла любовь,
Когда наслажденьем был каждый наш миг, –
Погибнет, клянусь, человеческий род,
Всяк сущий на свете засохнет язык!»
Перевод С. Шервинского
«Я эту ночь не спал, томим печалью...»

Я эту ночь не спал, томим печалью
В бессоннице за ночь одну зачах.
Любимое создание аллаха,
Люблю ее и гневной и в сердцах.
В моей душе ее всех выше место,
Хоть прячется изменница впотьмах
Из-за того, что клеветник злосчастный
Меня в коварных очернил речах.
Но я молчу, ее несправедливость
Терплю без слов, ее напрасен страх.
Сама же связь оборвала, как люди
Веревку рвут, – суди ее аллах!
Перевод С. Шервинского
«Мне говорят, что я люблю не всей душой, не всем собой...»

Мне говорят, что я люблю не всей душой, не всем собой,
Мне говорят, что я блужу, едва умчит тебя верблюд.
Так почему же скромно взор я отвращаю от всего,
К чему, паломничая, льнет весь этот небрезгливый люд?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Не налюбуются толпа на полоумного, из тех,
Кого в мечетях и домах за ум и благочестье чтут.
Уйдет он вечером, спеша грехи дневные с плеч свалить,
А возвратится поутру, увязший пуще в ложь и блуд!
От благочестия давно меня отторгнула любовь,
Любовь и ты – два часовых – очаг страстей моих блюдут.
Перевод С. Шервинского
«Глаза мои, слезы мои, что вода из ведра...»

Глаза мои, слезы мои, что вода из ведра!
Трепещете, веки, от горести красны вы стали!
Что с вами творится, лишь милая вспомнится вам!
Мученья любви, как вы душу томить не устали!
Хинд, если б вчера ты рассеяла горе мое,
Когда б твои руки, о Хинд, мою грудь не терзали!
И если могу я прощенье твое заслужить,
Прости мне, хотя пред тобой я виновен едва ли.
Скорее постыдно тебе надо мною мудрить –
Приблизусь едва, от меня поспегаешь подале.
Обрадуй меня, подари мне подарок любви!
Я верен тебе, как и был при счастливом начале.
Перевод С. Шервинского
«И сам не чаял я, а вспомнил...»

И сам не чаял я, а вспомнил
О женщинах, подобных чуду.
Их стройных ног и пышных бедер
Я до скончанья не забуду.
Немало я понаслаждался,
Сжимая молодые груди!
Клянусь восходом и закатом,
Порока в том не видят люди.
Теперь себя я утешаю,
Язвя неверную упреком,
Ее приветствую: «Будь гостьей!
Как ты живешь в краю далеком?»
Всевышний даровал мне милость
С тобою встретиться, с ревнивой.
А ты желанна мне, как ливень,
Как по весне поток бурливый!
Ведь ты – подобие газели
На горке с молодой травой,
Или луны меж звезд небесных
С их вечной пляской круговую.
Зачем так жажду я свиданья!
И убиваюсь и тоскую...
Ты пострадай, как я страдаю,
Ты поревнуй, как я ревную!
Я за тобой не соглядатай,
Ты потому боишься встречи,
Что кто-то пыл мой опорочил,
Тебе шептал кривые речи.
Перевод С. Шервинского
«Что с этим бедным сердцем случилось...»

Что с этим бедным сердцем случилось! Вернулись вновь его печали.
Давно таких потоков слезных мои глаза не источали.
Они смотрели вслед Рабаб, доколь, покинув старый стан,
Не скрылся из виду в пыли ее увезший караван.
Рабаб сказала накануне своей прислужнице Наиле:
«Поди скажи ему, что если друзья откочевать решили,
Пусть у меня, скажи ему, он будет гостем эту ночь, –
На то причина есть, и я должна достойному помочь».
И я прислужнице ответил: «Хоть им нужна вода и пища,
Мои оседланы верблюды и ждут вблизи ее жилища!».
И провели мы ночь ночей – когда б ей не было конца!
За часом час впивал я свет луноподобного лица.
Но занималось утро дня – и луч сверкнул, гонитель страсти.
Блестящий, словно бок коня бесценной золотистой масти.
Сочла служанка, что пора беду предотвратить, сказав
Тому, кто доблестен и юн, горяч душой и телом здрав:

«Увидя госпожу с тобой да и меня при вас, чего бы
Завистник не наклеветал, – боюсь я ревности и злобы.
Смотри, уже не видно звезд, уже белеет свет дневной,
А всадника одна лишь ночь окутать может пеленой».
Перевод С. Шервинского
«Вкушу ли я от уст моей желанной...»

Вкушу ли я от уст моей желанной,
Прижму ли к ним я рот горящий свой?
Дыханье уст ее благоуханно,
Как смесь вина с водою ключевой!
Грудь у нее бела, как у газели,
Питающейся сочною травой.
Ее походка дивно величава,
Стройнее стан тростинки луговой.
Бряцают ноги серебром, а руки
Влюбленных ловят петлей роковой.
Влюбился я в ряды зубов перловых,
Как бы омытых влагой заревой.
Я ранен был. Газелью исцеленный,
Теперь хожу я с гордой головой.
Я награжден за страсть, за все хваленья,
За все разлуки жизни кочевой.
К тебе любовь мне устрашает душу,
Того гляди, умрет поклонник твой.
Но с каждым днем все пуще бьется сердце,
И мучит страсть горячкой огневой.
Мне долго ль поцелуя ждать от той,
Что в мире всем прославлена молвой?
Что превзошла всех в мире красотой –
И красотой своей и добротой?
Перевод С. Шервинского
«Сторонишься, Хинд, и поводы хочешь найти...»

Сторонишься, Хинд, и поводы хочешь найти
Для ссоры со мной. Не старайся же, нет их на деле.
Чтоб нас разлучить, чтоб меня ты сочла недостойным.
Коварные люди тебе небылицы напели.
Как нищий стою, ожидая желанного дара,
Но ты же сама мне достичь не дозволила цели.
Ты – царская дочь, о, склонись к протянувшему руку!
Я весь исстрадался, душа еле держится в теле.
В свой ларчик заветный запрети клевету и упреки,
Не гневайся, вспомни всю искренность наших веселий.
Когда ж наконец без обмана свиданье назначишь?
Девичьи обманы отвратней нашептаных зелий.
Сказала: «Свиданье – в ближайшую ночь полнолуныя,
Таковыми ночами охотники ловят газелей».
Перевод С. Шервинского
«Велела мне Нум передать...»

Велела мне Нум передать: «Приди! Скоро ночь – и я жду!».
Люблю, хоть сержусь на нее: мой гнев не похож на вражду.
Писал я ответ: «Не могу», – но листок получил от нее.
Писала, что верит опять и забыла сомненье свое.
Стремянному я приказал: «Отваги теперь наберись,
Лишь солнце зайдет, на мою вороную кобылу садись.
Мой плащ забери и мой меч, которого славен закал,
Смотри, чтоб не сведал никто, куда я в ночи ускакал!».
К Яджаджу, в долину Батта мы с тобой полетим во весь дух.
При звездах домчимся мы в Мугриб, до горной теснины Мамрух!»
И встретились мы, и она улыбнулась, любовь затая.
Как будто чуждалась меня, как будто виновен был я.
Сказала: «Как верить ты мог красноречию клеветника?
Ужели все беды мои – от злого его языка?».
Всю ночь на подушке моей желтела руки ее хна.
И уст ее влага была, как родник животворный, ясна.
Перевод С. Шервинского
«Как изваяние святое...»

Как изваяние святое,

застывшее у алтаря,
Она стояла неподвижно,
светлей, чем вешняя заря.
Но сверстницы ее выводят,
и антилопой горделиво
Она плывет походкой легкой
среди подружек горделиво..
Ее от взоров любопытных
скрывали долго и упорно,
И на щеках ее ликует
румянец юный, непокорный.
«Ты любишь ли ее?» – спросили,
и я ответил без запинки:
«Моя любовь неизмерима,
как звезды в небе, как песчинки.
Мую похитившая душу –
она достойна восхищенья:
Как совершить она сумела –
спросите! – это похищенье?..».
Перевод Е. Николаевской
«Не сказать ли мне всадникам, рвущимся вдаль...»

Не сказать ли мне всадникам, рвущимся вдаль,
что в колючей степи отдыхают – в пути:
«Ваш привал затянулся, пора на коней!
Ведь уж время настало Плеядам взойти.
Затянулся ваш сон.. Я же сон потерял:
Думам тягостно жгучее горе нести».
Друг мой горькое слово сказал мне о ней, –
(Горьких слез не уйму – как беду отвести?)
Он сказал: «Ты Сулейму скорей отпусти...».
«Не могу, – мне ответило сердце, – прости...».
Плачь со мною над тем, что таится в душе,
И за страсть не брани – не могу я уйти..
Перевод Е. Николаевской
«О друзья, я так встревожен...»

О друзья, я так встревожен,
ну, а вы, душой щедры, –
К тем сверните ранним утром,
кто свернуть готов шатры.
Рода Зейнаб не браните –
все печалюсь я о ней.
Я – ее известный пленник,
до исхода наших дней.
Нашей встречи с нею в Хейфе
не забыть – пока живу,
Вспоминаю и волнуюсь,
будто вижу наяву.
Зейнаб в сердце воцарилась
и господствует над ним,
В моем сердце не оставив
места женщинам другим.
В мое сердце по-хозяйски
не пускает никого,
Лишь шутить мне позволяет,
ну, а больше ничего.
Лишь ее люблю одну я,
без нее – не жить ни дня?
Только к ней стремлюсь, – за это
не корите вы меня!
У сестер она спросила,
скрыть пытаюсь сердца жар:
«Как бы мне узнать сегодня –
не подаст ли знак Омар,
чтоб условиться о встрече?..»
«Мы пошлем за ним раба,
Но держи все это в тайне..
да хранит тебя судьба!..»
С той поры, как испытал я
этой страсти торжество,

Мое сердце – как ослепло
и не видно никого...
Перевод Е. Николаевской
«Не брани меня, друг мой Атик...»

Не брани меня, друг мой Атик,
мне хватает забот без того,
Мне хватает забот... Ты ведь сам
напустил на меня колдовство.
Ты меня не брани, ты ведь сам
восхвалял ее тысячу раз, –
Словно дьявол, несущий соблазн
и подчас искушающий нас,
В мое тело и душу мою
всемогущая вторглась любовь.
Сокрушив мои кости и плоть
иссушив, подожгла мою кровь.
Если б нас ты увидел своими
глазами тогда, о Атик,
В несказанную ночь нашей встречи –
ты б радости тайну постиг.
Я увидел из жемчуга пояс,
обвинивший ее, а на нем
Из кораллов застежку, горевшую
розовым нежным огнем...
С той поры разлюбил я всех женщин –
осталась в душе лишь она
Что другим говорю иногда я – пустая насмешка одна.
Перевод Е. Николаевской
«Говори тому, кто хочет...»

Говори тому, кто хочет
исцелить меня: «Скорей
Зейнаб приведи, и цели
вмиг достигнешь ты своей,
Чьи надежды и мечтанья –
в Зейнаб, только в ней одной?..
Если ты мне, друг, не сможешь
исцеленье принести,
Никакой не сможет лекарь
от любви меня спасти.
Не забуду я той ночи,
что провел я с Зейнаб милой,
До поры, пока не скроет
с головой меня могила...
На небе луна сияла,
а потом и мрак спустился,
Спряталась луна за тучи –
неусыпный сторож скрылся.
От любви изнемогали
до рассвета, до рассвета
Мы, всю ночь не разлучаясь,
но не преступив запрета.
Проводите же так время
в упоении безгрешном,
Пусть завистники все лопнут
и исчезнут в тьме кромешной.
Перевод Е. Николаевской
«О хулигель, завистник!.. От нас ты разлуки не требуй...»

О хулигель, завистник!.. От нас ты разлуки не требуй:
Я ее никогда не покину, свидетель в том небо!
Я не слышу того, что о Зейнаб твердишь, – уходи же!..
Замолчи! Ну, а впрочем, болтай, все равно я не слышу.
Надвигаются сумерки – мы назначаем свиданье,
Оставляя ретивых советчиков всех без внимания.
О, как жить мне, когда часть души потерял я навек?
В состоянье ль такую утрату терпеть человек?
Сна лишен и покоя под сенью родимого крова
Я рассказом о Зейнаб, что свел бы с ума и святого...
Это было в то давнее время и счастья и муки...

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Все минуло. Настало горчайшее время разлуки.
Перевод Е. Николаевской
«Кто может сердцу – без ума...»

Кто может сердцу – без ума
влюбленному – помочь,
что по красавице одной
тоскует день и ночь?..
С достоинством, не торопясь,
она свой держит путь.
Как тонкий молодой побег,
покачиваясь чуть.
Когда ее я увидал,
мой взгляд был поражен,
я был, казалось, ослеплен,
был зрения лишен..
В паломничества час ночной
ее я повстречал
Меж черным камнем и стеной,
где Ибрахим[16] стоял..
Как раньше ни просил я встреч –
не слышала мольбы,
Пока не встретились в ту ночь
мы волею судьбы.
Она была среди подруг,
с них не сводил я глаз:
Красивы все как на подбор,
стройны как напоказ.
И белолицы и нежны,
изыскан их наряд,
И, скрытого огня полны, –
как их глаза горят!..
Изящней антилоп – земли
касаются едва! –
И слушают – не пропустит! –
они ее слова:
Она сказала: «Здесь Омар!
В душе моей испуг:
Боюсь я, как бы он таваф[17]
нам не испортил вдруг.
Сестра, оклики-ка его,
чтоб он заметил нас,
И тайный знак ему подай –
пусть подойдет сейчас!..»
«Я так и сделала, но он
не двинулся в ответ...»
...И вот тогда она сама
пошла за мною вслед...
При пробужденве – влажность уст...
О, с чем сравню ее?
Сок райских ягод и плодов –
сладчайшее питье..
Перевод Е. Николаевской
«Мой друг потворствовал всем сердцем...»

Мой друг потворствовал всем сердцем
святой любви моей,
А день свиданья поворотным
стал для грядущих дней..
Она пыталась птицей скрыться,
желанью вопреки,
Но помогла ее подруга
мне закрепить силки..
Когда мы оказались рядом,
я понял в тот же час:
Как две сандалиии, мы схожи,
все – общее у нас..
Я ей сказал: «Спустился вечер..
В пути – твоя родня..
Ты не устала ли от скачки,
Не хочешь слезть с коня?».

И, поддержав меня, подруги
сказали: на земле –
Намного мягче и удобней,
чем отдыхать в седле...»
Ее подруги – словно звезды
сверкали близ луны,
Не торопясь они ступали,
сияния полны.
Я поклонился и с опаской
все оглядел вокруг;
О, как бы враг или завистник
нас не увидел вдруг!..
И, край откинув покрывала,
она сказала мне:
«Поговорим, уж раз со мной ты, –
забудем о родне...»
Ответил я: «Пусть тратят время,
шпионят – не беда!
Не уследят! Я нашей тайны
не выдам никогда!..»
Была беседа наша краткой,
в присутствии подруг.
С таким уменьем врачевавших
влюбленного недуг.
Ее желанье с полуслова
вмиг поняли они,
И попросили: «Погулять нас
пусти в ночной тени...»
Она сказала: «Ненадолго...».
Ответив: «Мы пошли...» –
Исчезли вмиг, так антилопы
скрываются вдали, –
Дав знать тому, кто разумеет,
что лишь из-за него
Они сюда порой вечерней,
страх поборов пришли..
Перевод Е. Николаевской
«Длилась ночь и прошла, – посетил меня снова недуг...»

Длилась ночь и прошла, – посетил меня снова недуг.
Снова сердце мое поразила красавица вдруг.
Нум лицом благородна, великих достоинств полна.
Ее речь – словно песня, нежна, мелодична, стройна.
Словно с неба ниспослана, – радость и свет для души,
И разумны слова, что она произносит в тиши.
Обо всем, что увидел я сам, расскажу – не солгу.
А чего я не знаю еще – описать не смогу.
Ты скупа ли, щедра – воспевать тебя вечно готов,
От меня не услышишь, о Нум, осуждающих слов.
Перевод Е. Николаевской
«Любовь к подруге вновь мне сердце взволновала...»

Любовь к подруге вновь мне сердце взволновала,
Любовь – что и ее ко мне любовью стала..
О люди, как мне жить без взгляда, без привета
Той, без которой нет ни радости, ни света?..
Как жить в разлуке с ней? Грустнее нет удела..
Она, послав гонца, мне передать велела:
«Гони клеветника, коль он придет с наветом,
я так люблю тебя – не забывай об этом!..
я так люблю тебя – одну меня лишь слушай
и помни – за тебя отдать готова душу..
Не слушай слов врага, всех измышлений злобных,
что он спешит изречь среди себе подобных.
Завистника гони: его удел – бесчестье!..
Исходит желчью он, когда нас видят вместе...».
О, ты всегда со мной!.. Судьба тому виною,
что должен обходить твой дом я стороною..
Любимая, к тебе хоть взором прикасаться
Мне слаще, чем в раю нежданно оказаться..
Перевод Е. Николаевской

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Тебя одну я вспоминаю...»

Тебя одну я вспоминаю,
когда не спится мне.
Когда под утро засыпаю,
приходишь ты во сне.
Минута, словно бесконечность –
когда ты далека.
Когда ты рядом, даже вечность –
быстра и коротка.
Перевод М. Курганцева
«Этой ночью пришла она...»

Этой ночью пришла она,
горяча, нежна и мила,
И летели часы без сна,
и была эта ночь светла.
Нежеланный пришел рассвет,
но любимая не ушла.
«Я тебя не покину, нет!» –
со слезами произнесла.
Перевод М. Курганцева
«Ты меня заморозила...»

Ты меня заморозила,
оплела, заколдовала,
«Словно войском окружила,
как страну завоевала.
Ворожбу благословляю,
прославляю колдовство –
Славлю чудо поцелуя,
чары взгляда твоего.
Ты сказала мне: «До встречи!».
Но когда, когда, когда?
«Послезавтра!» – и смеешься,
и лукавишь, как всегда...
Перевод М. Курганцева
«Любимая так хороша...»

Любимая так хороша!
Лицо светлей луны,
Что в полнолуние взошла
и смотрит с вышины,
А плечи – смуглые чуть-чуть,
а кожа так тонка,
А губы ласковы,
а грудь – свежа и высока.
Качая бедрами, нежна,
она выходит в путь.
И мне другая не нужна
красавица – ничуть.
Шагов знакомых слышу звук –
она спешит сюда.
Любую из ее подруг
забуду навсегда.
Одно я знаю – только в ней
мой свет, и жизнь, и дух.
Она нужна душе моей
как зрение и слух.
Перевод М. Курганцева
«У нее глаза газели...»

У нее глаза газели,
пробудившейся от сна.
Изумляя целый город,
мимо движется она.
Растерялся я, смутился,
зачарованный стою.
«Кто ты?» – спрашиваю робко,
сам себя не узнаю.
Вдруг она мне отвечает:

«Я – одна из многих дев,
что с тобою ищут встречи,
даже стыд преодолев».
«Неужели это правда? –
я спросил. Она в слезах
говорит: «К тебе любовью
наказал меня аллах».
Я в ответ: «Меня ты хочешь
долгой мукой извести».
А она мне: «Будем вместе
муку общую нести».
Перевод М. Курганцева
«Ты любишь милую...»

Ты любишь милую – исток
блаженства своего,
не превращай ее в кумир,
в святыню, в божество.
Приходишь на свиданье к ней –
любви отдайся весь.
Но слишком часто не ходи –
успеешь надоесть.
Не повторяй: «Люблю, люблю»,
восторги умеряй.
Свиданий новых не проси,
не плачь, не умоляй.
Навязчив будешь – набезит
нежданная беда:
– Любимая ответит: «нет»
взамен бывшего «да».
Перевод М. Курганцева
«Мое разорванное сердце...»

Мое разорванное сердце –
твои разящие глаза!
Твоя походка – так под ветром
с утра качается лоза!
Так плавны, так неторопливы
движенья стана твоего!
Ты улыбнешься – воскресая,
ты отвернешься – все мертво.
Никто не знал, что мы полюбим
и нашу встречу не предрек.
Любовь, разлуку и свиданье –
все предопределяет рок.
Перевод М. Курганцева
«Я до утра не мог уснуть...»

Я до утра не мог уснуть –
я был один, а не вдвоем.
Не спорь с любимой, все равно
она поставит на своем.
Вернется – радость подарит,
покинет – вызовет беду.
Расстанусь – потеряю все,
увидю – душу обрету!
Перевод М. Курганцева
«Люблю ее, в разлуке изнывая...»

Люблю ее, в разлуке изнывая –
она тоскует, радости не зная.
Когда обида милую томит,
меня одолевает боль сквозная.
Она повеселела – ожил я,
ее улыбка – обещанье рая.
Она – и жажда, и глоток воды,
когда вокруг пустыня вековая.
Она – мой свет. Беснуется во тьме
завистников назойливая стая.
Она – хоть безоружна и слаба –
но властвует, всемогущих побеждая!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Перевод М. Курганцева
«С любимой я поссорился...»

С любимой я поссорился. Беда!
Когда помиримся? Скажи, когда?
Когда? Я гибну, голову теряю.
К чему нам эта глупая вражда?
Аллах! Спаси, я слабый, я безвольный,
Себе я много причинил вреда.
Аллах! Люблю – она меня забыла,
Надменна, неуступчива, горда.
Аллах! Люблю – и в наше время любят
Без памяти, как в прежние года.
Аллах! Люблю! Все отдаю любимой –
И небеса, и землю – навсегда!
Перевод М. Курганцева
Джамиль ибн Абдаллах (ок. 660 – ок. 701)

«Где дней моих прекрасное начало...»

Где дней моих прекрасное начало?
Любовь Бусейны душу освещала.
Когда разлуку долгую прервем
И навсегда останемся вдвоем?
Воспоминанье кровь из сердца выпьет:
Спросила вдруг – зачем спешу в Египет?
Клялась, что если бы не чья-то злоба,
Мы не были б теперь несчастны оба.
Сдержать рыданья не хватает сил, –
Вот скорбь моя, что в сердце я носил.
Нас разделяет слез моих поток,
И дом ее становится далек.
Ей повторял, что губит страсть такая,
Она ж, насмешница: «Я это знаю».
«Верни мне разум, – он почти угас».
Опять смеется: «Только не сейчас...».
Не хочет отвечать, не слышит даже.
Любви окопы сброшу я когда же?
Но пусть за зло добром воздастся милой,
Которая мне душу истомила.
Ей говорю: «Запомни, что в веках
С тобою нас соединил Аллах.
Любовь я проношу через года
И вечную и новую всегда.
Встанут преграды, нам противореча,
И страсть твоя не приближает встречи».
Я долго жду, что ты исполнишь слово,
Проходит жизнь, а чувство так же ново.
Клеветникам за их дела в награду
Пусть поднесут убийственного яду.
Надеюсь, что для них уже готовы
Надежные и крепкие окопы.
Пусть женщины, мой скорбный слыша стон,
Подумают, что я лишь в них влюблен.
Смотрю на них, но сердцем не цвету, –
Где нет Бусейны – вижу пустоту.
Когда б я мог, измученный и хмурый,
Ночь провести в том крае Вади-ль-Кура.
Там дом ее, и там, в полях пустых,
Быть может, голос милый не затих.
Коварный рок мой путь стеснил и сузил, –
Разорванной любви свяжу ли узел?
Разлука кончится, – ведь как-то, где-то
Сближаются далекие предметы.
Быть может, к той, которой не забуду,
Направлю вновь я моего верблюда?
Найду ли путь в пустыне, в бездорожье,
Где холмики на мертвецов похожи?
Бусейна взором может упрекнуть, –
Взволнованно вдруг затрепещет грудь...

Когда идет – не смотрит и не слышит,
Лишь плащ влачит, что так искусно вышит.
Ревнивец муж, бранясь, как бесноватый,
Дорогу к ней мне преградил когда-то.
Чтоб пробудить во мне и гнев и страх,
Бусейну в смертных обвинял грехах.
Старались мы мгновенье устеречь,
Когда он наших не заметит встреч.
С путем ее соединив свой путь,
Разумнее и осторожней будь.
Свиданьем утоляется любовь,
Но лишь расстанемся – бушует вновь...
Хотят, чтоб воевал я непременно,
Но только с женщиной война священна,
Сраженья эти нас животворят,
А побежденный и велик и свят.
Я радостью печаль уравновесил, –
Лишь с женщинами счастлив я и весел.
Мне вспоминалась томительная ночь,
Когда не мог я скорби превозмочь...
Моя Бусейна с детства мне мила, –
Любовь со мной мужала и росла.
Скупой ведет всему унылый счет,
Я от Бусейны многих ждал щедрот.
Она же в ответ: «Быть щедрой ни к чему, –
Я и скупая по сердцу ему...».
Взгляните в сердце, – что я там таю?
Одну любовь бессмертную мою.
Узнай, Бусейна, молодая мать,
Что обречен тебя лишь вспоминать.
Когда же встретимся наедине,
Когда ж за все отплатишь щедро мне?
Пусть на вопрос: люблю я или нет, –
Суровый край Зу-Дама даст ответ.
Перевод Н. Стефановича
«Друзья, посетите виновницу горьких томлений...»

Друзья, посетите виновницу горьких томлений,
Чьи губы как мед и что вся – словно запах весенний.
Скажите, что я и дышать без нее не могу, –
Друзья, перед вами навеки останусь в долгу.
Зайдите к Бусейне с приветом моим на устах,
Пусть дождь животворный пошлет ей великий Аллах,
Расскажете после, – я так нетерпеньем томим, –
Взволнована будет ли этим приветом моим?
О, если любви нашей прежней волшебная связь
Еще существует, не кончилась, не прервалась
И чувство ее не остыло, судьбе не сдалось, –
Из глаз ее хлынут потоки безудержных слез.
Но если коварными, если шальными ветрами
В душе у любимой задуты священное пламя
И если сердечный союз наш врагами расколот, –
В очах ее темных суровый увидите холод.
Ужели взаимности нашей оборвана нить?
Не может Бусейна предать, обмануть, изменить.
Избавь и спаси нас от всякой разлуки, о боже,
И в мире земном, и в небесных обителях тоже.
Хочу, чтобы рядом с Бусейной меня схоронили, –
Какое блаженство лежать по соседству в могиле!
Любовью измученным, смерть, ты даруешь покой,
Так что же ты медлишь, зачем не приходишь за мной?
О трудная страсть, о потерь и напастей начало, –
Подобного мне ты, наверно, еще не встречала?
Жестокая скорбь в этом сердце царит истомленном,
Любовь не прогонишь отчаянным криком и стоном.
Все женщины тусклы, лишь образ единственный светел, –
Кто видит луну, тот бесчисленных звезд не заметил.
С Бусейной сравниться красавицам прочим невмочь, –
Есть много ночей, но одна лишь Священная ночь.
О бедное сердце, всем пламенем вечной любви,
Всей болью своею любимую благослови.

Но если к Бусейне никто не зайдет из друзей, –
Что делать я буду с любовью и мукой моей?
Рыдает, подругу свою потеряв, голубок,
Я тоже стерпеть бы покорно разлуку не смог.
И как же не плакать от скорби суровой и едкой,
Когда и голубка так жалобно плачет на ветке?
Твердят: «Околдован», – не зная, что это судьба,
Что здесь ни при чем колдовство, ни при чем ворожба.
Но, солнцем клянусь, мы сердца разделенные свяжем,
Пустыней клянусь, с фантастическим чудным миражем,
Звездой клянусь, что на небе мерцает впотьмах,
И свежестью листьев на спутанных, темных ветвях, –
Клянусь, что Бусейне я верен останусь одной,
Чей взор, как вино, – от него я навеки хмельной.
Мне вспомнилась ночь под покровом развесистой ивы,
И были глаза лучезарны, темны и красивы.
И я тосковал, и слеза, упавая из глаз,
Как жаркий огонь, как смола раскаленная, жглась.
Я эту же ночь непременно еще повторю,
И вновь, как тогда, мы багровую встретим зарю.
Звучала, как музыка, наших речей красота,
Сладчайшими были Бусейны любимой уста.
Господь даровал мне ту ночь и сиянье рассвета,
Во веки веков я ему благодарен за это.
Всю жизнь, о Бусейна, тебе подарить разреши,
И брненное тело мое, и бессмертье души.
Когда б за мгновенье той ночи святой и блаженной
Безбрежную вечность мне вдруг предложили в замену,
Я выбрал бы краткость былых незабвенных минут, –
А после пускай одинокую жизнь оборвут.
О, губы Бусейны, – в них есть чудотворная сила,
Она бы и мертвых дыханьем своим воскресила.
Когда бы другую воспел я в твореньях своих –
Мой голос мгновенно заглох бы, сорвался, затих.
Разорванной цепи мы с ней разлученные звенья, –
И это надолго, быть может, до дня Воскресенья...
Перевод Н. Стефановича
«Друг, зачем так горько укорять...»

Друг, зачем так горько укорять
Лишь за то, что к ней стремлюсь опять?'
Постучится ли к Бусейне кто-то?
В небе звезд тускнеет позолота,
Путь ночной не близок, но куда-то
Так влекут хмельные ароматы...
Ты ушла, и ты невозвратима,
На устах твое осталось имя.
Мрачен день, когда тебя не ждешь,
Он на годы долгие похож.
Если мы не встретимся и впредь, –
Предпочту исчезнуть, умереть...
Если бы себя переупрямить
Усмирить бушующую память.
Отзовись на зов моей любви,
Или, если надо, умертви.
Пересудов злых, клянусь аллахом,
Сторонюсь я с суеверным страхом.
Я смиренно принял наш разрыв,
Сердце окончательно разбив.
Пусть казнят, но буду я беречь
Трепетную тайну наших встреч.
В жизни нет разлуки, а умрем –
Мы и там останемся вдвоем.
Жду тебя, – не так ли нищий ждет
Богачом обещанных щедрот?
Жду тебя томительно и долго, –
Или ты отдать не хочешь долга?
Ты теперь мне кажешься все чаще
Тучею, дождя не приносящей.
Сердце полно яда и скорбей, –
Исцели его или убей...

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Перевод Н. Стефановича
«Ты утром, брат, иль в час дневной жары...»

Ты утром, брат, иль в час дневной жары
Покинул Сельмы пестрые шатры?
Поговорим немного, – может быть,
Смогу словами душу облегчить.
Когда от страсти сердцу невтерпеж,
Лишь в любящем сотрудника найдешь.
Любимая, – давно ль в последний раз
Я видел блеск ее огромных глаз?
Сказала мне: «Что знаем мы одни,
Ты от людей заботливо храни.
Когда ко мне ты устремляешь взгляд,
Глаза твои о страсти говорят.
Мой каждый взор так жадно не лови,
Чтоб не открыть другим своей любви.
Молчи всегда, чтоб сплетник и фискал,
Про чувства наши всем не рассказал.
Будь осторожным, скрытым в самом главном,
Чтоб наше тайное не стало явным.
Не надо на меня смотреть при встрече, –
Твой взор красноречивей всякой речи...
Ведь я на подозренье, вся родня
Давно уже преследует меня.
Тебе я прямо говорю об этом,
Но мы не поддадимся злым запретам.
Семью мою пугает наш союз, –
О, берегись, я за тебя страшусь.
Ты сам не знаешь, что тебе грозит,
Как много бед, напастей и обид.
А повод у врагов все тот же самый:
Ведь ты из Неджда, мы же – из Тихамы.
Не знаю, как тебе прийти сюда?
Кругом враги, опасности, беда.
Мы сблизились, вражду преодолев,
И это всех приводит в страшный гнев».
Ответил ей: «Нет поводов для страха,
Ведь гибнет тот, кто прогневил аллаха».
Но ты мрачна, и я в тоске глубокой,
Так больно мне от каждого упрека.
Я чувствую, желаешь ты упорно,
Чтоб клялся я другим в любви притворной.
Глаз не свожу с небесной высоты,
Мне кажется, что небо – это ты..
Твержу теперь другие имена,
Хотя одной душа навек верна.
Любовь порой, чтоб избежать беды,
Скрывается под маскою вражды.
Перевод Н. Стефановича
«Торжествуют сегодня враги веселясь...»

Торжествуют сегодня враги веселясь,
Оттого что с Бусейной разрушена связь,
Оттого что любви обрывается нить, –
Убеждают меня потерпеть, не спешить.
Быть разумным? Но этого мне не дано.
Осмотрительным? Мне угрожают давно.
Даже сами понять вы способны едва ли,
Для чего за Нубейха ее отдавали.
Друг на друга обманами нас натравив,
Вы ускорили этот недобрый разрыв.
И рыдала Бусейна, когда мы при встречах
Вспоминали о наших тревогах прошедших.
От нее оторваться не властен я разом,
Потому что она мой похитила разум.
Сколько горя обрушилось вдруг на меня!
Все друзья мои плачут, тоскует родня.
А подруги Бусейны, стройнее газелей,
Чьи жемчужные зубы, как снег, заблестели,
Заслоняют ее от палящего зноя

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Покрывалом парчовым с густой бахромою.

Лишь окликнет, и сразу, шаги убыстряя,
К ней спешат, словно птиц беззаботная стая.
Собрались, откликаясь на голос знакомый,
Словно белые чайки вокруг водоема.
Хоть взглянуть на нее если б жизнь помогла,
Мимоходом, украдкой, в пути, из седла...
Мы такому не верим, мы сказкой зовем, –
Чтоб убитый скорбел об убийце своем.
Ухожу ночевать только к нищим куда-то,
Хоть семья у меня и знатна и богата.
О шатер, утаивший любви благодать, –
За тебя мою жизнь я хотел бы отдать!
Я хочу, чтобы этот волшебный шатер
Ароматную тень надо мной распростер.
В миг разлуки терпеть я старался сначала,
Но заплакал навзрыд, и Бусейна рыдала.
Чем же я виноват? Нестерпимо жесток
Незаслуженный мною напрасный упрек.
Гнет разлуки не будет смягчен и уменьшен
Ни весельем беспечным, ни ласками женщин.
Ты не щедрая, нет, – невозможным дразня,
Только скупостью ты покорила меня.
Но напасти меня не сразят, не убьют,
Терпелив и вынослив я, словно верблюд.
На путях, что храбрейшим доступны едва ли,
Я оставил следы, отпечатки сандалий...
Перевод Н. Стефановича
«Хочу преодолеть страстей моих ознобы...»

Хочу преодолеть страстей моих ознобы,
Чтоб сердце наконец и отдохнуть могло бы.
Находит любящий исход страстям своим,
И лишь моей любви огонь неугасим.
Не первый раз томлюсь от страсти я горячей,
Но в прошлом поступать умел совсем иначе.
Вчера во тьме ночной, негаданно-нежданно,
Исчезли всадники, не стало каравана.
Здесь с нею вечером была ее родня,
А утром кружатся лишь стаи воронья.
Мученья жгучие меня не пощадят,
Теперь не властен я вернуть ее назад.
Разлука горькая, как беспощадный меч,
Который жизнь мою готовится пресечь.
Но я не слабый трус, себе я знаю цену,
Пред волею судьбы я не склонюсь смиренно.
Свой жребий осознать кто мне теперь поможет,
Когда безумен я, с ума сошел, быть может?
Взглянул я пристально, сознание затуманя, –
То был последний взгляд в минуту расставанья...
Душа моя к тебе безудержно стремится,
Тоскует, мечется, как раненая птица.
И если о любви мне кто-то говорит,
Я плачу о тебе, отчаянно, навзрыд.
Стремится взоров рой к тебе опять прильнуть,
Но слез моих поток им преграждает путь.
Лишь сердца скупостью Бусейна отчего-то
Решила отвечать на все мои щедроты.
Бусейной милою люблюсь я: она,
Как пальма на холме, красива и стройна.
Но скупость выдает нахмуренная бровь, –
Зачем же уповать на нежность, на любовь?
То, что упущено, не воротить опять,
На скупость скупостью я буду отвечать.
Простившись навсегда, не ожидая встреч,
Все узы прежние ей удалось рассечь.
Я потерял ее, сомнений в этом нет,
И на любовь свою я наложу запрет.
Отвергла ты меня, – чего же я тоскую?
Быть может, полюблю когда-нибудь другую.
В ответ на страсть мою ты стала вдвое суше,

Теперь и ты мое узнаешь равнодушие.
Невинный, лишь твоим я осужден законом, –
Простившего тебя считай тобой прощенным...
Перевод Н. Стефановича
«Слышу, – Мерван, самый грозный из наших владык...»

Слышу, – Мерван, самый грозный из наших владык,
Хочет меня изловить, чтоб отрезать язык.
Надо спастись, – пусть крепкие ноги верблюда
Быстро меня через степи уносят отсюда.
Сердце зануло, я был разрыдаться готов,
Края родного заслышав отчаянный зов.
С болью ответил я вестнику вечной любви:
«Я отзовусь, только ты окликай и зови...».
Я возвратился к подруге, любимой давно,
Сердце раскрыл, – мне любовь утолить не дано.
Люди решили, что я заболел тяжело, –
Знаю лекарство, что сразу бы мне помогло...
Если зайду к ней на несколько кратких минут,
Наше свиданье, быть может, грехом назовут?
В ней – колдовство, и колдует Бусейна над нами,
Но не встречается с ведьмами и колдунами.
Если бы она овдовела – любил бы вдову,
Выдали замуж – замужней дышу и живу.
Те имена мне всегда и милей и дороже,
Что на любимое имя хоть чем-то похожи.
Жизни моей уступлю я охотно частицу, –
Пусть ее жизнь дорогая за это продлится.
Кто-то сказал, что Бусейна приедет в Тейма,
Лишь потеплеет, как только отступит зима.
Время проходит, кончается жаркое лето, –
Где же Бусейна? Быть может, скитается где-то.
В воле твоей, чтобы жизнь моя сразу разбилась,
В воле твоей – оказать мне великую милость.
Ты до того истомила мне сердце, дразня,
Что и враги поневоле жалеют меня.
Так я измучен, что высох от горькой тоски,
Что надо мной будут плакать теперь голубки.
Если бы я заболел, вдруг лишился бы ног, –
Только тебе о спасенье молиться бы мог.
Знаю, от яда змеи, от укусов и ран
Вдруг исцелит, о Бусейна, лишь твой талисман.
Нас и в разлуках сближает желанье одно,
Даже свиданьям – любви утолить не дано.
Не охладили меня клевета и хула,
От пересудов любовь моя только росла.
Знаешь ли ты, что уста твои меду подобны,
Что без тебя я скитаюсь, как призрак загробный?
Как я боюсь умереть, пред тобой не раскрыв
Все мои чувства, страстей моих каждый порыв.
Встреча придет, и, опять этой встречей томим,
Душу раскрыть забываю пред взором твоим...
Перевод Н. Стефановича
«Вдруг узнаю: решил совет семейный...»

Вдруг узнаю: решил совет семейный
Отъезда не откладывать Бусейны.
Не надрывайся, сердце, потерпи, –
Пусть караван скрывается в степи...
Рассудок мой ты омрачила бредом, –
В игре любой стремишься ты к победам.
Одним – любить, другим – терзать безбожно:
Стремленья наши противоположны.
Как хочешь это чувство назови, –
Такой нигде не встретишь ты любви...
Приказывай гонцу седлать коня, –
Ты душу в дар получишь от меня.
Перевод Н. Стефановича
Башшар ибн Бурд (714–783)

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Ночь пришла меня баюкать, но забыться я не мог...»

Ночь пришла меня баюкать, но забыться я не мог,
Тень любимой мне предстала, сердце сжалось в комок.
А когда сказал я милой: «О души моей рассвет,
Будь щедра со мною!» – скрылась, не сказав ни «да», ни «нет».
Дай же мне забвенья, Абда! Я пока еще не тень
И не умер, хоть от страсти умираю каждый день.
Так ослаб и похудел я, что, когда к тебе пойду,
Может статься, и от ветра по дороге упаду.
Но смеется над любовью безответною судьба,
Нацепив ошейник с меткой на меня, как на раба.
Перевод Н. Мальцевой
«Весь день меня друг упрекал за безумную страсть...»

Весь день меня друг упрекал за безумную страсть,
Пустые упреки! О, как тут в унынье не впасть?
Сказал он: «Опомнись!» Но я отвечал: «Никогда!»
Сказал он: «Как видно, вы с нею лишились стыда,
О вас же судачат повсюду!» – «А хоть бы и так,
От встреч отказался бы только последний дурак!»
Грешу, не грешу – что за дело другим до того?
Ведь это касается только меня одного!
Так тюрки, напав, обвиняют хазар за налет...
Святоши! Злословили б лучше на собственный счет!
Дождусь я – и камень, пожалуй, разинувши рот,
В безумстве любви упрекать меня тоже начнет!
Мне хватит того, что сказала моя госпожа,
Чей взор поражает быстрее копья и ножа,
Того, что она, целомудрие строго храня,
Беседу прервав, вдруг сама целовала меня
И так пожимала мне руку, бледнея как мел,
Что след от пожатья ожогом на коже горел.
Когда же вдвоем оставались мы с ней взаперти.
Губами касался я шелка на нежной груди,
И тонкий браслет, зазвенев, тишину разбивал,
Когда я дыханье ее в поцелуе впивал,
Когда ее руки слабели и на пол она
Садилась без сил, как садится за горы луна,
И, плача, шептала: «Бесстыдник, вставай! Уходи!
Свидетель аллах, я пригрела змею на груди!
Откуда узнал ты, что нянюшка нынче уйдет?
Едва она скрылась, как ты постучал у ворот.
Спаси меня, господи, сжался! Любую ценой
Не дай соблазнителью верх одержать надо мной.
Он трезв, но похож на хмельного, он смел и силен,
Сломал, как игрушку, браслет мой серебряный он.
О, горе мне, горе! Как справлюсь я с этой бедой?
Все щеки уже исцарапал он мне бородой!..
Что сделали б родичи, если б увидели нас!
Тогда и всевышний тебя бы от смерти не спас.
Смотри, что творится с губами! Что делать теперь?
Как в этом виде открою я матери дверь?
Ах, что с нею будет! Разбойник, что будет тогда?
А люди узнают? Я, верно, сгорю от стыда.
Грабитель! О, как я могла уступить грабежу?
Мать скоро вернется, и что же я, дерзкий, скажу?..»
И я отвечал ей: «Не бойся, о радость души!
«Меня укусила пчела с коготками», – скажи.
Хотя догадается самый последний осел,
Что больше на свете таких не отыщется пчел.
Перевод Н. Мальцевой
«Когда приятель говорит...»

Когда приятель говорит: «Не надо, не спеши!» –
Еще сильнее скорбный стон отвергнутой души.
Страсть к Суде разум отняла, затмила белый свет.
В душе красавицам иным отныне места нет.
Как до сих пор от мук моих не содрогнулась твердь?
Клянусь аллахом, что они еще страшней, чем смерть.
Готов с заката до зари я говорить о ней,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Она во мне, как нож врага, и сердцу все больней.
За что она отстала мне? Я верен ей, как был,
И молча тайны наших встреч в душе похоронил.
Перевод Н. Мальцевой
«Селима, любовь моя! Там, далеко среди пустыни...»

Селима, любовь моя! Там, далеко среди пустыни,
Львы Бену Кейн охраняют шатры твои ныне.
Чуть не разбилась душа моя в приступе муки –
Так зазвенел на ветру колокольчик разлуки.
Дочь человека, чье имя я в тайне оставил
(Чтобы народ ненароком его не ославил), –
Небом кланусь, если б встретил однажды тебя я –
Счет позабыв, целовал бы, от жажды сгорая!
Требовал долг я отдать, но красавица ловко
Сердце мое забрала и пропала, плутовка!
Стал я подобен ослу, что пошел за рогами,
Но без ушей был оставлен, бедняга, врагами.
Перевод Н. Мальцевой
«О друг мой верный, о халиф, что скажешь ты о той...»

О друг мой верный, о халиф, что скажешь ты о той,
Из-за кого я жажду так, что почернел душой?
Я ночь над чашею провел и боль топил в вине,
Безумный ветер бушевал и буйствовал во мне.
Одни лишь письма и мечты, и больше ничего
Меж нами не было, и вот – все пусто и мертво,
О виночерпий, до краев наполни мой бокал!
Она священна, я ж святынь ничем не осквернял.
О Сельма, о запретный сон! Уйдя от зорких глаз,
Подобным райскому – вином я тешился не раз,
В селеньях Сирии оно томилось взаперти
И в девстве старилось, чтоб мне теперь с ума сойти.
Его тончайший аромат пьянит меня мечтой,
Как дуновенье ветерка, целебных трав настоек,
Но заболит сразу тот, кто к горлышку приник –
Вот голова его горит, вот онемел язык,
Вот он повержен, на земле, не шевельнет рукой,
Глаза блуждают, а в душе – и ветер и покой.
Он недвижим, но чаша мчит по воле волшебства
И убивает по пути движенья и слова.
Пока он пьет еще вино и в неге возлежит,
Забыв и то, что суждено, и то, что надлежит,
Иссякнет золото, и вдаль уйдут его стада,
И не вернуться никогда ни радость, ни года.
Тебя оставив в полусне, иссякнет и вино,
Но, усыпив других, не спит, а бодрствует оно,
И, став безумным и больным, заплачешь ты навзрыд,
Когда оно, сжигающая кровь, по жилам побежит.
Перевод Н. Мальцевой
«Сказала любимая: «Скоро нам жить друг от друга вдали»...»

Сказала любимая: «Скоро нам жить друг от друга вдали».
И горе в душе разгорелось, и слезы из глаз потекли.
Как будто случайно на сердце упал из костра уголек,
И вспыхнул, и вот уже пламенный мчится по жилам поток.
Когда же июльские ветры, подув, добавляют огня,
Сжимается сердце от боли, дым горечи душист меня.
Перевод Н. Мальцевой
«О жеманница, лик ее нежен и чист, как луна...»

О жеманница, лик ее нежен и чист, как луна!
От любви занемог я, лишь только запела она:
«Взоры черных сияющих глаз мое сердце прожгли
И, убив меня, мимо убитого молча прошли».
Я вскричал: «Только сладость твои источают уста!
Спой же, ради аллаха, твой голос пьянит, как мечта», –
«Как прекрасны зеленые горы в хрустальных ручьях!
Как прекрасен любой, кто поселится в этих краях!»
«Спой тому, кто страдает, любя!» – я сказал, осмелев.
«Что же, есть у меня для таких подходящий напев:

«Я не виделся с той, что живет в становище у вас,
Но бывает порою, что уши догадливей глаз».
И вскричал я в волненье: «О солнце на небе моем!
Ты зажгла во мне пламень, и все осветилось кругом.
Спой же страстную песню, пусть долу опустится взгляд.
Чтобы муки влюбленного стали сильнее стократ!»
О, когда бы мне яблоней стать у нее на пути,
Стебельком ароматной травы из земли прорасти!
Может быть, восхитившись, она принесет меня в дом?
О, как счастлив я был бы остаться с любимой вдвоем!
И, склонившись над лютней, так страстно запела она,
Что, услышав такое, и джинны лишились бы сна.
Той, что в гордости дерзкой вовек не уступит другой,
Стал я тотчас же самым покорным и верным слугой.
Я просил: «О, молю тебя, спой мне еще что-нибудь,
Ты, что в свет облачила мой темный, безрадостный путь!
Если б знать, что убьешь ты сегодня любовью меня,
Заказал бы я саван еще со вчерашнего дня».
И так дивно запела она! Я забылся на миг,
И заплакал, и снова пред ней головою поник:
«Нет, того, кто действительно любит, – аллах не убьет,
Но изменника казнь справедливая ждет».
Перевод Н. Мальцевой
«О сердце мое! Ты обуглилось и почернело...»

О сердце мое! Ты обуглилось и почернело,
В одной половине – огонь, а другая – сгорела.
Скрипит паланкин; на верблюде верхом восседая –
В жемчужном венце там сияет луна молодая.
При встрече скажи ей: «Покончил он с жизнью земною, –
Несчастный, который хотел тебя сделать женою».
Я плакал, но даже в слезах не нашел утешенья.
Я истинно умер. Я больше не жду воскрешенья.
Перевод Н. Мальцевой
«О Зат-ас-Самд, о следы становища...»

О Зат-ас-Самд, о следы становища! Там плачет роса.
Что с вами случилось, где шум и людей голоса?
Все опустело, молчит безучастная тьма.
Пусть же сопутствует счастье тебе, дочь Ашшада, Асма!
Помню, когда ты навстречу мне встала с земли,
Мне показалось – два солнца на небе взошли.
С милым лукавством, в испуге притворном дрожа,
Ты уклонялась от ласк, о моя госпожа!
Но, обманув, обещанья сдержала не раз.
О беззаботное время, зачем ты покинуло нас?
Там, где заре поклоняется мята и спит синева,
Нам изголовьем роскошным служила трава.
Мы возлежали в кудрявых зеленых лугах,
Как на узорном плаще, что цветами украсил аллах.
Я изнемог от разлуки. Увы, в тишине
Ныне лишь слезы бессилья ниспосланы мне.
Там, где отыщет лазейку мудрец или плут,
Ни ожиданье, ни ревность глупца не спасут.
Где посмеются над вольным, там палкой ударят раба.
«О, подскажи мне дорогу к любимой, судьба!
Перевод Н. Мальцевой
Сравнится ль с красавицей блеск драгоценных камней...

Сравнится ль с красавицей блеск драгоценных камней?
Подруги ее недостойны прислуживать ей.
Когда собираются вместе они для бесед,
Она затмевает и лунный и солнечный свет.
Я жаждой по ней истомился, но, капли вина
Не дав мне отведать, со смехом сказала она:
«Умри, если страсть твоя столь глубока и остра –
Так бедного Урву когда-то сгубила Аффа!»
Но вот я увидел, что страсть убивает меня,
Что я ей никто – не ближайший сосед, не родня,
Тогда я послал к ней Минджаза, пройдоху-гонца.
Другого такого нигде не найдешь хитреца!

Пока воздыхал я, так ловко повел он дела,
Что, гордая, сжалившись, тут же запреты сняла!
Перевод Н. Мальцевой
«Как много жемчужин отверг расторопный купец...»

Как много жемчужин отверг расторопный купец,
Пока средь достойных не выбрал одну наконец.
Не может воспеть тебя тот, кто от страсти ослеп.
Напрасны попытки, и замысел этот нелеп.
Во мне, как вино молодое, взыграла любовь,
Мой пояс развязан, кипит захмелевшая кровь.
Молил я: «Любимая, встретимся наедине!»
Но, плача от ярости, Фатима вышла ко мне.
От злости ни слова она проронить не могла –
Так, мчась без пути, кобылица грызет удила,
И слезы на темные веки упали, звеня, –
Соленые капли, что слаще всего для меня.
Проснитесь же, спящие! Что вам подарит аллах?
Не тает бессонницы вкус у меня на губах.
Перевод Н. Мальцевой
«О всемогущий, за что мне такая беда...»

О всемогущий, за что мне такая беда?
Рядом хожу, но не вижу тебя никогда.
Пусть говорят, что запретны свиданья – о нет!
Кто на уста и объятья наложит запрет?
Счастлив лишь тот, в ком умолкли и совесть и стыд,
А добродетель на коврике вытертом спит.
Горькие думы ночная таит тишина.
Копьями страсти душа моя уязвлена.
Перевод Н. Мальцевой
«О виночерпий – я в огне, налей же мне, налей...»

О виночерпий – я в огне, налей же мне, налей!
Дай мне напиток влагой губ, что диких роз алей.
Я болен жадой, и одно лекарство от нее –
Заветный мед прохладных уст, целебное питье.
Ее улыбка – лепесток, сверкающий в траве,
Ее беседа – как узор, бегущий по канве.
Глубины сердца моего сокрыты от людей,
Но ей я душу распахнул – о госпожа, владей!
И воцарилась, а затем, улыбкою дразня,
На множество ночей и дней оставила меня.
Состарюсь я от этих мук – разлуке нет конца,
И мог бы вздох мой растопить железные сердца.
Перевод Н. Мальцевой
«Целую вечность любимая спорит со мной...»

Целую вечность любимая спорит со мной –
Будь нам сегодня, любовь, беспристрастным судьей.
Так меня нынче сердечный недуг поразил,
Что не осталось уже ни желаний, ни сил.
Сжался, судья, над последнею просьбой души –
Тяжбу столь долгую в пользу мою разреши!
«Что ты! – сказала Любовь и потупила взор. –
Смею ль я вынести милой твоей приговор?
Ждать и томиться пристало тебе, а не ей...»
«Горе! – вскричал я. – Ты самый плохой из судей!»
Перевод Н. Мальцевой
«О горе! Та, что так стройна и черноока...»

О горе! Та, что так стройна и черноока,
День ото дня ко мне все более жестока,
Звук голоса ее моей душе влюбленной –
Благоуханный луг, цветущий луг зеленый.
Как будто сам Харут[18] во время нашей встречи
Подсказывает ей чарующие речи.
Когда ж устанет вдруг она от разговора,
Любого опьянит вино немого взора.
И кажется, что там, в изгибах ткани ленной, –
Весь аромат земли, все золото вселенной.

Она – как в жаркий день прохлады дуновенье,
Как радостный глоток в начале разговенья.
Из джиннов, из людей или богов ты родом.
Но ты прекрасней всех девиц под небосводом!
Достаточно ль тебе, что не подал я виду
И твоему гонцу не выказал обиду?
Хотя в моей душе посев тоски глубокой
Посеяли слова возлюбленной жестокой.
Под тяжестью любви, мечтая о кончине,
И смерти и страстям я дань плачу отныне.
Перевод Н. Мальцевой
«Как ветер северный, любовь Убейды холодна...»

как ветер северный, любовь Убейды холодна.
О, если б с юга он подул, пьянящий, как весна!
О, если б, легкий, он принес опять в мое жилище
Прозрачный, свежий аромат дыхания ее!
Зачем оправдываюсь я в любви несчастной к ней?
Ведь те, кто так меня бранят, и сами не умней.
Перевод Н. Мальцевой
«Как без любимой ночь длинна...»

как без любимой ночь длинна!
Весь мир скорее в вечность канет
Иль навсегда зайдет луна,
Чем милая мою станет.
На миг от боли я уйду,
Когда пригублю кубок пенный,
Когда поет в моем саду
Невольница самозабвенно.
Но как любимую забыть?
Забыть вовеки не сумею.
Когда б я мог любовь купить,
Я все бы отдал, что имею.
Я в бой пошел бы за нее
И защитил бы от печалей...
Но что ей рвение мое? –
Меня пред ней оклеветали.
В ночи бессонной я стонал,
Раздавленный ее презреньем.
«Убейда! – тщетно я взывал, –
Пускай к тебе придет прозренья!»
Я раньше плакал перед ней –
Струились слезы, плащ прозрачный, –
И говорил: «Среди теней
Давно бы стал я тенью мрачной,
Когда б отчаялся вернуть
Твою любовь когда-нибудь!».
Избавь скорее от мучений
Того, кто праведником был
И кто в часы полночных бдений
Аллаха славил и просил
Прощенья за грехи земные,
Но дни потом пришли иные,
И к полногрудой деве страсть
Таковую возымела власть,
Что я забыл про все святыни,
Про час господнего суда,
И не раскаялся поныне,
И не расскаюсь никогда!
Как горько мне – ведь я влюблен,
И нет тебя, любимой, рядом.
Мечусь – как будто скорпион
Всю кровь мою наполнил ядом.
Боюсь, в последний путь меня
Проводит с воплями родня
И не дождусь я светлых дней
Великой милости твоей.
И если плакальщиц печальных
Увидишь и задашь вопрос,
Кто спит в носилках погребальных,

Ответят: «Умерший от слез.
Он был влюблен, но не любим,
И ныне смерть пришла за ним...».
Перевод Н. Горской
«Пускай светила совершают круг...»

Пускай светила совершают круг,
Не суетись, живи спокойно, друг,
И не гонись за благами, а жди –
Пусть на тебя прольются, как дожди.
Не сетуй, что любовь уже ушла,
Ведь Умм Мухаммед так тебя ждала!
Пусть холодна сейчас она, как лед, –
Дай срок, – она сама к тебе придет...
...И вспомнил я: ты позвала меня,
И быстрый твой гонец загнал коня,
И был привратник пьян, и муж уснул,
К тебе я дерзко руку протянул,
Но ты сказала, отстранясь слегка:
«Доильщик не получит молока,
Коль с ласковой верблюдицей он груб,
Не распускай же, мой любимый, рук!»
Как горько мне, когда взгляну назад,
Протоку Тигра вспомню и Багдад,
Моей любимой щедрые дары,
Беспечность и веселые пиры
В кругу друзей, что были так щедры...
Клянусь, я не забуду той поры!
Все минуло... Прошла любовь твоя...
Живу невдалеке от Басры я,
Но, милая, тебя со мною нет,
В песках сирийских твой затерян след,
Кочевница, забыла ты уют.
Тебя несет породистый верблюд,
И если захочу тебя найти,
Твой муж злосчастный встанет на пути,
Забвение твое, и твой отказ,
И рок всесильный, разлучивший нас...
Не сетуй, друг, на быстротечность дней,
Смирись, уймись и не тоскуй по ней, –
Что делать, коль иссяк любви родник?
Любовь являла и тебе свой лик,
И взгляд ее мерцал, как лунный блик,
И сладко пел просверленный тростник...
Аллах, любимую благослови
За счастье юных лет, за дар любви!
Жемчужина пустынь, бела, светла,
Как ты сияла, как чиста была!
Твоих одежд коснуться я не смел
И сам – пред робостью твоей – робел.
О человек! Былого не тревожь.
Надежду потеряв, не жди, чтоб ложь
Слетела с губ той женщины святой,
которая была твоей мечтой.
Перевод Н. Горской
«К Башшару, что любит бесценные перлы...»

К Башшару, что любит бесценные перлы,
Жемчужные слезы скатились на грудь.
Он бросил поводья в печали безмерной,
Не может с друзьями отправиться в путь.
Друзья на верблюдицах быстрых умчались,
Остался Башшар – недвижим, одинок.
А слезы струились, текли и кончались,
И плащ на Башшаре до нитки промок.
Он к месту прикован любовью и горем,
Великою силой губительных чар.
И плещутся слезы – жемчужное море,
И сердцем к любимой стремится Башшар.
Не может смежить он усталые очи,
Когда над землею сияет луна,

А если уснет, то к нему среди ночи
Во всех сновиденьях приходит она.
Та первая встреча... Мгновенное счастье...
Упал с ее плеч белоснежный бурнус,
Блестящие серьги, извивы запястья,
И губ удивительных сладостный вкус...
И стонет и шепчет Башшар исступленно:
«Скорее приди, исцели от тоски!»
Но женщину муж караулит бессонно,
Меж ней и Башшаром пустыни пески.
Он выпил печали бездонную чашу,
С любимой ему не увидеться вновь...
Но прихоти рока в спокойствие наше
Непрошеной гостьей приходит любовь.
Капризна любовь, как изменчивый ветер,
Она затевает с влюбленным игру,
И если счастливым он был на рассвете,
Несчастье ему принесет ввечеру...
Башшар... Не напрасно ли встречи он ищет?
Нашел ли он то, что упорно искал?
Пришел он однажды к ее становищу,
А страж на него, словно пес, зарычал.
Но понял Башшар, что сердиться не надо,
Вина караульного невелика –
Сожженный любовью встречает преграды
На подступах к сладкой воде родника.
Будь хитрым, Башшар, обуздай нетерпенье,
На помощь всю ловкость свою призови,
Проникни к любимой неслышную тенью
И ей, равнодушной, скажи о любви.
Скажи ей: «Взываю к тебе, словно к богу,
Любовью своей исцели мой недуг!
Ведь снадобья знахарей мне не помогут –
Умру я, несчастный, не вынесу мук.
Я в самое сердце тобою был ранен
И сдался без боя и духом ослаб.
Да где ж это видано, чтоб мусульманин
Томился в плену, как ничтожнейший раб?!
Так что же мне делать? Ответа я жду!
Помедлишь мгновенье – и мертвым паду».
Перевод Н. Горской
«Наступила ночь, и нрав твой вздорный...»

Наступила ночь, и нрав твой вздорный
Вновь низверг меня в пучину боли.
Обещанье, данное во вторник,
Оказалось ложью – и не боле...
Где я был – у врат ли Миксам в Басре
Или, может быть, в преддверье ада?
Этот взор и этот лик прекрасный,
А в речах медовых столько яда!
Я спросил: «Когда же будет встреча?»
На меня взглянула ты лукаво
И сказала: «Я ведь безупречна,
Так зачем же мне дурная слава?»
И любовь меня схватила цепко,
Стала новой мукой и бедою.
Закружилось сердце, словно щепка,
В ливень унесенная водою.
Ты сверкнула солнцем с небосклона,
Ты ушла, как солнце на закате...
От любви умру, неисцеленный,
Без твоих врачующих объятий.
Помрачила ты мой светлый разум,
Сохранивши свой – незамутненным/
Я пошлю к тебе гонца с рассказом
Обо мне, безумном и влюбленном.
Я любовь принес тебе в подарок,
Где же щедрость, где же дар ответный?!
Но, как видно, все пропало даром –
Я в толпе остался незаметный.

В ожерелье мне приснишь янтарном,
Лик яви, откинув покрывало...
Я, глупец, твоим поддался чарам,
Ты меня совсем околдовала.
Если б я свою любовь развеял,
Отдал вихрям и ветрам свободным,
Ветер бы ее опять посеял,
И она дала бы в сердце всходы.
Утоли мне жажду хоть немного,
Дай воды из чистого колодца,
А когда предстанешь перед богом,
Доброта твоя тебе зачтется.
Чем была та встреча – лишь насмешкой,
Прихотью случайной и мгновенной?..
Преодо мною будь хоть трижды грешной,
Все тебе прощу я, все измены.
Я не в силах побороть томленья,
Без тебя слабею, вяну, гасну.
Ты взойдешь ли, солнце исцеленья?
Не взойдешь – умру я в день ненастный...
«Назови своей любимой имя!» –
Говорят мне близкие порою.
Я хитрю, лукавлю перед ними,
Имени любимой не открою.
Лишь наедине с собой, в пустыне,
Славлю это имя, как святыню.
Перевод Н. Горской
«Я долго к ней страстью пылал...»

Я долго к ней страстью пылал,
Преследовал и упрекал,
Но Хинд мне лгала ежедневно,
А я, – и печальный и гневный, –
Придя на свиданье, рыдал,
Напрасно ее ожидал.
Была она неуловима,
Как легкое облачко дыма.
Друзья надо мной измывались,
Над страстью моей издевались,
Над жгучей любовною жаждой.
Но другу сказал я однажды:
«Чтоб ты подавился едой,
Чтоб ты захлебнулся водой
За эти поносные речи!
Аллах пусть тебя изувечит
За глупые эти советы,
За гнусные эти наветы».
Но Хинд сожалений не знала,
Она надо мной колдовала,
Играла моею судьбой,
Обманами и ворожкой,
Как цепью, меня приковала,
Бальзама она не давала
Тому, кто от страсти зачах,
Стеная и плача в ночах,
Кто сердце, как двери, открыл
И Хинд в эти двери впустил.
О, дайте мне лук поскорей
И стрелы, что молний острее!
Жестокой любовью палимый,
Я выстрелю в сердце любимой,
Чтоб огненной страсти стрела
Холодное сердце прожгла!
Я раб моего вожденья,
Которому нет завершенья.
Я раб с того самого дня,
Когда она мимо меня
В душистом своем ожерелье,
В одеждах, что ярко пестрели,
Прошла колыхаясь, как лодка,
Скользящей и плавной походкой.

Ужель позабыть ты могла
Ту ночь, когда дымная мгла
На небе луну сожрала,
Когда ты моею была,
И был я и робким и страстным,
И вдруг пред рассветом ненастным,
Исхлестанный черным дождем,
Гонец постучался в наш дом,
Явился и спас нас двоих
От родичей гневных твоих...
Отдавшись любви, как судьбе,
Забыл я о Страшном суде,
И Хинд разлюбить я не волен –
Любовью и юностью болен...
И Хинд наконец мне сказала,
Слегка приподняв покрывало:
«Как ворон, сторожкая птица,
Что глаз любопытных боится,
Проникни во тьме, в тишине
Незримо, неслышно ко мне,
Чтоб люди тебя не видали
И после судачить не стали».
И, ночи дождавшись с трудом,
Проник я к возлюбленной в дом,
Но были мы оба жестоки,
И сыпались градом упреки,
И, руки воздев к небесам,
Воскликнул я: «Стыд мне и срам
За то, что я столько терплю
От девы, что страстно люблю!»
И Хинд, зарыдав, отвечала:
«О милый, ты выпил сначала
Горчайшее в мире питье,
Но дрогнуло сердце мое, –
Тебя я избавлю от пыток
И дам тебе сладкий напиток».
Перевод Н. Горской
«О прекрасная Абда, меня исцели...»

О прекрасная Абда, меня исцели,
Уврачуй, как бальзам, и печаль утоли!
И не слушай наветов, чернящих меня,
Ибо тот, кто, по злобе другого черня,
Хочет выставить наши грехи напоказ,
Тот и сам во грехах и пороках погряз.
Ты поверь, что коварства в душе моей нет,
Я, поклявшись в любви, не нарушу обет.
Вероломство людей удивительно мне –
После смерти лжецы пребывают в огне.
Клятву верности я пред тобой произнес,
И омыл ее чистыми каплями слез,
И вонзил эту клятву, как нож, себе в грудь –
Для того ли, чтоб ныне тебя обмануть?!
Ты суровой была, ты меня прогнала,
И печальные вздохи мои прокляла.
И не верила ты, что я чист пред тобой,
Что душа моя стала твоею рабой,
Что отныне она лишь тебе отдана
И ни в чем пред своей госпожой не грешна.
Ведь порою, когда меня гложет тоска,
Я гляжу на красавиц, одетых в шелка,
Что, как дикие лани, легки и стройны
И, как царские дочери, томно-нежны.
И проходят они, завлекая меня,
Красотою своею дразня и маня,
И проходят они, и зовут за собой,
Наградить обещая наградой любой,
Но их сладостный зов не ласкает мой слух –
Я не внемлю ему, и печален, и глух,
Я спокойно гляжу этим девушкам вслед,
В моем сердце желанья ответного нет,

Ибо сердцем моим завладела она,
Та, что так хороша, и робка, и скромна.
Эта девушка – ветка цветущей весны,
Ее стан – как лоза, ее бедра полны.
Восклицают соседи: «Аллаху хвала,
Что так рано и пышно она расцвела!»
Без чадры она – солнце, в чадре – как луна,
Над которой струится тумана волна.
Она стала усладой и болью для глаз,
Она ходит, в девичий наряд облачась,
Опяской тугою узорный платок
По горячим холмам ее бедер пролег.
Ее шея гибка, ее поступь легка,
Она вся – словно змейка среди тростника.
Ее кожа нежна, как тончайший атлас,
И сияет она, белизною лучась.
Ее лик создавала сама красота,
Радость вешнего солнца на нем разлита.
Ее зубы – что ряд жемчугов дорогих,
Ее груди – два спелых граната тугих,
Ее пальцы, – на свете подобных им нет! –
Как травинки, впитавшие росный рассвет.
Завитки ее черных блестящих волос –
Как плоды виноградных блистающих лоз,
Ее речи – цветы, ее голос медвян –
Словно шепчется с желтым нарциссом тюльпан.
Никого не ласкала она до меня
И любовного раньше не знала огня.
Она вышла однажды – и мир засиял,
Сам аллах мне в тот миг на нее указал.
И прошла она мимо, как серна скользя,
И я понял, что спорить с судьбою нельзя.
И любовь в моем сердце тогда родилась,
И была велика этой девушки власть.
И спросил я людей: «Вы заметили свет,
Что течет от нее?» – и услышал в ответ:
«Ненавистного лик отвратительней туч,
А любимого лик – словно солнечный луч».
Перевод Н. Горской
Абу Нувас (756–813)

«Пью старинное вино...»

Пью старинное вино,
ясноглазую целую.
Будь что будет – все равно
веселюсь напропалую!
И пока не порвалась
бытия живая нить,
Полон жажды, буду пить
эту влагу золотую.
Ничего не утаю,
все на свете отдаю
За хмельную, за твою,
за улыбку молодую.
В руки смуглые прими
чашу, полную вина.
Осуши ее до дна,
возврати ее пустую.
Помани меня рукой,
позабывшего покой,
Губы нежные раскрой
обещаньем поцелуя!
Перевод М. Курганцева
«Что пользы от плача...»

Что пользы от плача
над прошлой любовью твоей?
Лицо оботри,
позабудь неудачу и пей.

Вино ароматно,
 прозрачно и радует душу.
Кувшины полны,
 и подставлены чаши. Налей!
Забудь равнодушную,
 все в этом мире не вечно –
Объятья и ласки
 и взгляды газельих очей.
Но только вино
 неизменную дарит отраду.
Сердечные раны
 лечи на пирушке друзей!
Перевод М. Курганцева
«Друзья, настала для меня...»

Друзья, настала для меня
 блаженная пора,
Пришла желанная сама,
 осталась до утра.
Она пришла в вечерний час,
 и я изведаль сам,
Какие радости не раз
 она дарила вам.
Но по знакомой вам тропе
 я до утра хожу –
Ищу жемчужину в траве,
 ищу и нахожу,
И, право, не сравнится с ней
 на свете ни одна
Жемчужина – краса морей,
 добытая со дна.
Уходит день, спадает зной,
 желанная придет
И до утра со мной, со мной –
 часами напролет!
Перевод М. Курганцева
«Терпелив и нежен будь с любимой...»

Терпелив и нежен будь с любимой.
Ведь не безмятежен путь к любимой.
Не сердись, когда она нежданно
Станет злой, холодной, нелюдимою.
Не молчи угрюмо и сурово.
Твой союзник – ласковое слово.
Повторяй, что говорил ночами,
И она твоею будет снова.
Перевод М. Курганцева
«Любовь моя не ведает предела...»

Любовь моя не ведает предела:
Душа изныла, истомилось тело.
Клянусь утехой мужеской старинной –
Конем, мечом, охотой соколиной,
И нардами[19], и лютней, и дутаром[20],
Густым вином, изысканным и старым,
Клянусь стихами четкими, живыми,
Молитвенными четками своими
И розами, владычицами сада, –
Я все отдам, мне ничего не надо.
Хочу лишь одного – такую малость! –
Чтоб милая со мной не расставалась.
Перевод М. Курганцева
«Меня знобило, я врача позвал...»

Меня знобило, я врача позвал,
И мой недуг он не леча назвал.
«Не я, – сказал он, – исцелю тебя,
А та, что вымолвит: «Люблю тебя».
Ты не врача, а милую зови.
Твоя болезнь – озноб и жар любви».
Перевод М. Курганцева

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Вот и утро забрезжило...»

Вот и утро забрезжило,
ночь отступила, ушла.
Чашу пальцами нежными
девушка мне подала.
Молодая, свободная –
кудри окрашены хной.
Над округлыми бедрами
шелковый пояс цветной.
Легкостанная, дивная,
так худошава она
И тонка, будто издавна
голодом изнурена.
Перевод М. Курганцева
«Цветут, смеются розы...»

Цветут, смеются розы,
рокочут струны.
Взлетает голос флейты,
высокий, юный.
Друзья мои пируют
со мной средь луга.
Нет никого на свете
дороже друга!
Под чашу круговую
в чаду весеннем
Друзья мои пируют,
полны весельем.
Не ждут они богатства,
не ищут славы,
А захмелев, ложатся
в густые травы.
Перевод М. Курганцева
«Исчезло солнце – милая ушла...»

Исчезло солнце – милая ушла,
Померкло небо, воцарилась мгла,
И темнота мой разум поглотила,
глаза мои тоской заволокла,
И я во тьме не к богу обращаюсь,
А к духу мрака, властелину зла:
«Любимую вернешь – тебе, всесильный,
мое повиненье и хвала.
А не сможешь, просьбу не уважишь,
Оставлю все греховные дела.
Стихи писать веселые не стану,
не буду пить. Разбейся, пиала!
Начну коран заучивать – молитва
Мне, трезвому, покажется мила.
Начну поститься, отрекусь от песен –
от грешного земного ремесла».
Услышал это дьявол, испугался
И мне помог – любимая пришла!
Перевод М. Курганцева
«Поцелуй меня, прошу...»

Поцелуй меня, прошу –
ты не отказала,
Осчастливила, да мне
показалось мало.
Поцелуй меня опять –
щедро, без оглядки.
Неужели ты скупа,
боязлива стала?
Улыбаешься в ответ,
говоришь, целуя:
«Если сразу уступлю,
слишком избалую.
Подарили малышу
первую игрушку –

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Наиграться не успел,
требуется другую».
Перевод М. Курганцева
«Кубки, наши соколы...»

Кубки, наши соколы,
За вином летают;
Лютни, наши луки,
Сладостно играют.
Наша дичь – газели,
Утренние зори,
А добыча – девушки
С нежностью во взоре.
С пылкими сраженьями
Наши ласки схожи,
И бои ведем мы
На любовном ложе,
Кровь не проливаем,
Без греха воюем,
Утром мы пируем,
Вечером пируем.
Перевод М. Кудинова

«О, как прекрасна эта ночь и как благословенна...»

О, как прекрасна эта ночь и как благословенна!
Я пил с любимой моей, любви пил кубок пенный.
Я поцелуя лишь просил – она была щедрее,
От счастья я в ее отказ поверил бы скорее.
Перевод М. Кудинова
«Томность глаз твоих – свидетель верный...»

Томность глаз твоих – свидетель верный,
Что провел ты ночь совсем не скверно.
Так признайся, правды не тая,
Что была блаженной ночь твоя.
Пил вино ты из большого кубка –
И вином пропитан, словно губка.
А любовь тебе дарила та,
Чье лицо прекрасно, как мечта.
Струны лютни для тебя звучали,
Струны сердца лютне отвечали.
Перевод М. Кудинова
«Когда, увидав на лице моем брызги вина...»

Когда, увидав на лице моем брызги вина,
Над жизнью моей непутевой смеется она,
Я ей говорю: «Для меня ты желаннее всех,
Но ты же и всех бессердечней со мной, как на грех.
Желаньям моим дай исполниться! жизнью клянусь
(Хоть сердисься ты, да и сам на тебя я сержусь),
Клянусь моей жизнью: пожертвовать жизнью я рад
За ласку твою, за один твой приветливый взгляд.
Я дам тебе все, даже птичьего дам молока,
Хотя с казначейством я дел не имею пока».
Перевод М. Кудинова
«С вином несмешанным ты кубки не бери...»

С вином несмешанным ты кубки не бери
Из рук жеманницы, чей взгляд нежней зари.
Сильней вина тот взгляд пьянит, суля нам счастье,
И в сердце у тебя зажжет он пламя страсти.
Погибли многие от этого огня,
Газель жеманную в жестокости вина.
К ней близко подойдешь – уж на судьбу не сетуй,
Ее оружие – звенящие браслеты.
Перевод М. Кудинова
«Что за вино! Как будто в кубках пламя...»

Что за вино! Как будто в кубках пламя
Зажгло свои светильники над нами;
Как будто благовоньями полно

С водою в брак вступившее вино.
На пиршестве в нас посылая стрелы,
Оно не ранит ими наше тело,
Оно не угрожает нам бедой.
Мне юноша смешал вино с водой,
И пил из кубка я неторопливо,
Другой рукой лаская стан красивый
Газели стройной – был я как во сне,
И, опьянев, она сказала мне:
«Настойчив будь, мой повелитель милый!
Заставь меня склониться перед силой».
И, погрузив мой взор в ее глаза,
«Приди ко мне на ложе», – я сказал.
И шелковый шнурок мы развязали,
И мы парчу кафтана разорвали.
Перевод М. Кудинова
«Бедой великой ныне я сражен...»

Бедой великой ныне я сражен:
Меня забыла та, в кого влюблен.
А я из-за любви к ней и влеченья
Нешуточные вытерпел мученья.
Теперь она со мною холодна,
И писем нет – не шлет их мне она.
О, как это на истину похоже:
Кто скрылся с глаз – ушел из сердца тоже!
Перевод М. Кудинова
«Пить чистое вино готов я постоянно...»

Пить чистое вино готов я постоянно,
Газелей стройных я целую неустанно,
Пока не порвана существованья нить,
Блаженство райское должны мы все вкусить.
Так пей вино и наслаждайся созерцаньем
Лица, что привлекло своим очарованьем;
Цветы шиповника на щечках расцвели,
В глазах все волшебство и неба и земли,
А пальцы тонкие, что кубок обхватили,
В себе всю красоту земную воплотили.
Перевод М. Кудинова
«То высится как холм она, то как тростник склонилась...»

То высится как холм она, то как тростник склонилась,
Ей прелесть редкая дана, в ней юность воплотилась.
Отсюда далеко она. Но встреча с ней, поверьте,
Порой опасности полна: взглянул – и близок к смерти.
Сидит ли молча пред тобой иль говорит несмело –
Натянут лук ее тугой, неотвратимы стрелы.
О ты, что создана была из красоты и света,
Ты, у кого моя хвала осталась без ответа, –
Обремени меня грехом: мне будет в утешенье,
Что не войдут тогда в мой дом другие прегрешенья.
Перевод М. Кудинова
«Как сердце бедное мое кровоточит...»

Как сердце бедное мое кровоточит!
Газелью ранен я – был бесполезен щит.
Из-за нее я обезумел в миг единый,
Хоть в волосах моих уже блещут седины.
Проходит ночь без сна, и кажется к утру,
Что смерть моя близка, что скоро я умру:
Коль сердце ранено любви стрелою меткой,
Искусство лекаря тут помогает редко.
Перевод М. Кудинова
«Доставлю радость я тебе – умру от горя...»

Доставлю радость я тебе – умру от горя
И замолчу навек... Случится это вскоре.
Для сердца твоего легко меня забыть,
А я храню обет – до смерти верным быть.
Все изменяется под холодной луною.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Как изменилась ты! Как холодна со мною!
Но если я теперь ничто в твоих глазах,
То истину тебе не дал узреть аллах.
Перевод М. Кудинова
«Я увидел Джинан...»

Я увидел Джинан,
посетила она погребенье.
И стихи произнести
повелело мне сердца биенье:
Ты печальна, луна!
Вкруг подруги в тоске собрались.
Бьет по розам ланит,
жемчуга проливает нарцисс.
Только плач, не о мертвом,
кого приютила могила,
А о нищем, кого
у своих же дверей ты убила.
Я же знал: для меня
восходила сегодня луна
И красу ее скрыть
не могла темноты пелена.
Кто полюбит тебя,
осужден умирать ежечасно,
Страстно жаждать тебя
и от жажды зачихнуть безгласно.
Перевод С. Шервинского
Абу-ль-Атахия (748–825)

«Я ночи провожу в огне...»

Я ночи провожу в огне,
Меня подушка обжигает.
Душа застыла, как во сне,
И лишь от боли оживает.
Как будто в кровь мою проник
Заимодавец, ростовщик –
Он к ожиданью не привык,
Меня, как губку, выжимает.
Любимая, за счастья миг
Расплачиваюсь без конца.
Найдешь ли нового глупца,
кто этой доли пожелает?
Перевод М. Курганцева
«Ей, не верящей мне, скажи...»

Ей, не верящей мне, скажи:
Мое сердце в огне, скажи.
То не бог испытал меня,
Грозный рок истерзал меня.
Не томи, приходи сама,
Исцели, не своди с ума.
Исстрадаюсь, отчаюсь я –
За себя не ручаюсь я.
Перевод М. Курганцева
«Любимая в блеске...»

Любимая в блеске
Своей красоты!
Языческой фрески
Прекраснее ты.
С тобой забываю
Сокровища рая,
Эдемского[21] края
Плоды и цветы!
Перевод М. Курганцева
«Безразличны собратьям страданья мои...»

Безразличны собратьям страданья мои
И ночные глухие рыданья мои!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Пусть кланут, попрекают любовью к тебе,
Что им горести, муки, желанья мои!
Ненасытна любовь моя – старый недуг.
Безнадежны, пусты ожидания мои!
Все постыло вокруг, ибо ты далека.
Без тебя я в забвении, в небытии.
Иссякает терпенье, безмерна печаль.
Мне бальзам утешенья подай, не таи!
И тоска неотступна, и память горька,
Возвратись и живую водой напои!
На рассвете проснись – у постели стоят
Сожаленья, сомненья, терзанья мои!
Перевод М. Курганцева
«Меня спросил Ахмад...»

Меня спросил Ахмад
с тоской и болью:
«Ты любишь Утбу
истинной любовью?»
И я ответил
словом откровенным:
«Моя любовь, как кровь,
бежит по венам.
А сердце у меня –
дотронься! – в ранах,
Бесчисленных, кровоточащих,
рваных.
Напрасно извожу
врачей бессильных –
Меня излечит
холод плит могильных.
Меня лишь саван,
гладко отбеленный,
избавит от любви
неразделенной.
Чужого Утба
привечает нежно...
Пока люблю –
страданье неизбежно».
Перевод М. Курганцева
«Вернись обратно, молодость...»

Вернись обратно, молодость!
Зову, горюю, плачу,
свои седые волосы
подкрашиваю, прячу,
как дерево осеннее,
стою – дрожу под ветром,
оплакиваю прошлое,
впустую годы трачу.
Приди хоть в гости, молодость!
Меня и не узнаешь,
седого, упустившего
последнюю удачу.
Перевод М. Курганцева
Ибн аль-Мутааз (863–908)

«О глаза мои, вы мое сердце предали страстям...»

О глаза мои, вы мое сердце предали страстям!
Плоть иссохла моя, так что кожа пристала к костям.
Стан ее – как тростник, что возрос на откосе крутом,
Он склонился под ветром любви, но поднялся потом.
Пожалей же влюбленного, – я ведь опять ослеплен,
Хоть кричат обо мне: «Он спасется! Опомнится он!».
Написала слеза на щеке моей: «Видите, вот,
Это пленник любви, – он под гнетом страданий живет!»
Ничего не достиг я, лишь вздрогнул случайно – едва
Мой коснулся рукав дорогого ее рукава.
Перевод Е. Винокурова

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Я твоей красотой, безумец, оправдан вполне...»

я твоей красотой, безумец, оправдан вполне.
Равнодушие других – не твое! – даже нравится мне.
Дай свидание мне – за тебя я готов свою душу закласть!
До предела уже довела меня, бедного, страсть.
Перевод Е. Винокурова
«О души моей думы, поведайте мне: неспроста...»

О души моей думы, поведайте мне: неспроста
Погибает любовь и меня оплела клевета?
Нет, клянусь высшей волей, наславшей несчастья на нас:
Я-то клятвы не предал и в мыслях своих ни на час.
О, когда бы посланец, что гнал, обезумев, коня,
Передал бы мой взгляд вместе с тайным письмом от меня,
Мой бы взгляд рассказал, сколько я пережил в эти дни!..
Излечи же меня и прошедшую радость верни.
Перевод Е. Винокурова
«О газель, искусившая душу газель...»

О газель, искусившая душу газель,
Я измучен, я был ведь спокоен досель!
Но явилась без спросу она и как в бой
Красоты своей войско ведет за собой.
Жизнь и смерть моя в том получили ответ:
Состоится ли свидание с ней или нет?
Мечет стрелы смертельные прямо в упор,
как стрелок авангарда, безжалостный взор.
А над нею стоят, и святы и чисты,
Золотые знамена ее красоты.
Слева желтый цветок оттенил ее лоб,
Справа родинка черная, как эфиоп.
Как легко ты идешь, приносящая смерть! –
Надо бегством спастись, благочестье обрести!
Добродетель от ужаса вмиг умерла!
Это дьявол явился, исчадие зла!
Раньше я сомневался – сейчас убежден:
Пусть не дьявол она, но послал ее он!
Дьявол мне говорит, что нельзя побороть
Вожделений своих. Все прощает господь!
«Ты греха не страшись! И дела и слова –
Все в руке милосердного божества!»
Перевод Е. Винокурова
«Невольником страстей мой разум стал...»

Невольником страстей мой разум стал.
Я, полюбив, ложь истиной считал.
Охотник, я попал в силки газели.
Вся жизнь моя лишь выкуп? Неужели?
Она уже познала в мире страсть:
Во взоре обещание и власть.
Себе простил безумство, но со зла
Любовь я проклял, – лишь она ушла.
Перевод Е. Винокурова
«Только ночью встречайся с любимой...»

Только ночью встречайся с любимой. Когда же с высот
Смотрит солнце, не надо встречаться: оно донесет!
Все влюбленные мира встречаются ведь неспроста
Только ночью, когда все уснут и вокруг темнота.
Перевод Е. Винокурова
«Хохотала красавица, видя, что я в седине...»

Хохотала красавица, видя, что я в седине.
«Черный дуб в серебре», – так сказала она обо мне.
Я сказал: «Нет, я молод! Еще ведь не старый я, нет!».
«То поддельная молодость», – резкий услышал ответ.
Ну так что же, ведь юностью я насладиться успел,
Был когда-то я весел и радости полон, и смел!
Был с хаттийским копьем схож мой стан, и тогда
На щеках у меня не росла борода.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Перевод Е. Винокурова
«Мучительница велела замолкнуть устам поэта...»

Мучительница велела замолкнуть устам поэта,
Но сладостность искушенья еще возросла от запрета.
Безумствует шалое сердце, любя развлеченья и плутни,
Кошунствуя в лавке винной под возгласы флейты и лютни.
Оно возлюбил голос, который нежней свирели,
Волшебный голос певуны, глазастой сонной газели.
Края своей белой одежды влачит чаровница устало,
Как солнце, что распустило жемчужные покрывала.
Браслетов ее перезвоны, как звоны обители горной,
Которые господу славят, взмывая в простор животворный.
И вся она благоухает, как те благовонные вина,
Что зреют в смолистой утробе закупоренного кувшина!
То вина тех вертоградов, в прозрачную зелень воздетых,
Где зреют темные гроздья, в тени свисающих веток.
То сладкие лозы Евфрата, где струи, гибкие станом,
Таинственно и дремотно змеятся в русле песчаном.
Вокруг этих лоз заветных бродил в раздумье глубоко
Старик с неусыпным сердцем, с недремлющим чутким оком.
К ручью он спешил с лопатой, чтоб, гибкость лоз орошая,
К ним путь обрела окольный живая вода большая.
Вернулся он в августе к лозам собирать это злато земное,
И стали сборщика руки как будто окрашены хною.
Потом на гроздьях чудесных, бывшие забыв печали,
С жестокостью немилосердной давитьщики заплясали.
Потом успокоилось сусло в блаженной прохладе кувшинной,
От яростных солнечных взоров укрыто надежно глиной.
И это веселое сусло угрюмая ночь охладила,
И зябкая рань – мимолетной прозрачной росой остудила.
И осень звенящую глину дождем поутру окропляла,
Чтоб сусло в недрах кувшина ни в чем ущерба не знало!
Вином этим – томный, как будто оправившись от недуга, –
Поит тебя виночерпий со станом, затянутым туго.
Вино тебе всех ароматов и всех благовоний дороже,
Ты пьешь его, растянувшись на благомном розовом ложе.
Смешав пития, улыбнулся младой виночерпий толковый:
Так льют на золота слиток – серебро воды родниковой!
О друг мой, пожалуй, твоей я набожности не нарушу:
Любовь к вину заронили в мою надменную душу!
Ах, как хорошо виночерпий, чей лик, в темноте играя,
Подобен луне взошедшей, чуть-чуть потемневшей с края!
Лицом с полнолунием схожий, глядит виночерпий кротко,
Румянец его оттеняет юношеская борода:
Она с белизною в раздоре и, утомившись в споре,
Грозится укрыть его щеки, красе молодой на горе!
Темнеет щек его мрамор, все больше он сходен с агатом,
Вели ж белизну оплакать всем плакальщикам тороватым!
О, если б мне дьявол позволил, мои взоры не отвлекая,
Оплакивать эти щеки, была ж белизна такая!
Ах, вижу я: в благочестье многие преуспели,
Над ними не властен дьявол, меня ж он уводит от цели!
Как мне побороть искушенья – несчетные – сердцем гордым,
Как мне – греховному в жизни – пребыть в раскаянье твердым?!
Перевод А. Голембы
«Я столько кубков осушил, похожих на небес пыланье...»

Я столько кубков осушил, похожих на небес пыланье,
С лобзаньем чередуя их или с мольбою о свиданье:
В их озаренье просветлел судьбы моей постылый жребий,
Они, как солнышка куски, упали из отверстий в небе.
Наполнив кубок до краев, укрыть попробуй покрывалом:
Сквозь ткань игристое вино проступит цветом ярко-алым.
Перевод А. Голембы
«Прелестной, встреченной во сне, я говорю...»

Прелестной, встреченной во сне, я говорю:
«Добро пожаловать!» –
Когда б она решила мне миг благосклонности пожаловать!
В ней все – до зубочистки вплоть – влечет,

прекрасное и сонное,

Благоухающая плоть, души дыханье благовонное!

Перевод А. Голембы

«Кто горькие слезы унять мне поможет...»

Кто горькие слезы унять мне поможет?

Шурейра, увы, мои горести множит!

Недоброй душою судьбину кляня,

Шурейра решила покинуть меня.

По воле судьбы, подчинения ради,

Она под замком очутилась в Багдаде;

Ведь нашей судьбой, как стрелой – тетива,

Превратности рока играли сперва!

Теперь она занята чуждой судьбою,

Теперь ее чувства в разладе со мною.

Ведь ловчего с яростной сворою псов

Газель не боится в чащобе лесов.

Вот эта газель среди листьев крылатых

Похожа на деву в роскошных палатах:

Куда как трудней мне Шурейру вернуть,

Чем эту газель приманить-обмануть!

Подобны мечам языки человечьи,

Мы гибель обрящем в своем красноречьи!

Душа человека – коварный тиран,

Ты этой душе не давайся в обман!

На недруга беды надвинулись тучей –

Тебе повезло! Не проспи этот случай!

И если ты в дверь не успеешь скользнуть,

Твой враг непременно найдет этот путь.

Пускай убавляется юная смелость,

Зато приращаются мудрость и зрелость.

Сбираюсь в пустыню отправиться я,

Ну что же! Седлайте верблюдов, друзья!

Иль, может, с утра я коня оседлаю,

Стремительных стрел обогнавшего стаю,

Иль, въявь оседлав кобылицу мою,

Пощады сопернику я не даю.

Бегут воронье, бегут, не устав,

Косматые гривы с рассветом схлестав!

И ей и ему тяжело в поединке,

Так ножниц сближаются две половинки!

Летят они рядом, в мелькании дней:

На ком же верхом я, на нем иль на ней?

Увидев их, вздумаешь в облаке гула,

Что тайну коню кобылица шепнула!

В сомненье повергла нас гонка в чаду,

Ристалище храбрых, себе на беду;

Твердили одни: «Он подругу обставит!»,

Другие: «Она его сзади оставит!».

Перевод А. Голембы

«Мне сердце из огня извлечь какой наукой...»

Мне сердце из огня извлечь какой наукой?

Изменница меня пытается смертной мукой!

Разлукою полны, увы, ее деянья.

Посланья ж влюблены – и в них обет свиданья!

Язычнице, господь ей страсть ко многим выдал,

Она же мой один, мой неизменный идол, –

О нет, не презирай любви моей блаженной,

Коварно не играй с моей душою пленной!

Перевод А. Голембы

«О ночь моя в Кархе, останься такой, останься такой навсегда...»

О ночь моя в Кархе, останься такой, останься такой навсегда!

Не смей никуда уходить от меня, не смей уходить никогда!

Явился посланец и мне возвестил, что, после разлуки и ссор,

Она непременно войдет в мой покой, внесет свой сияющий взор.

Войдя, она яблоко в смуглой руке надушенное держала,

А зубы ее были дивно остры, как скорпионовы жала!

Перевод А. Голембы

«Чтоб успокоить угрызений пламя...»

Чтоб успокоить угрызений пламя,
Сей список, испещренный письменами,
Она мне примирительно вручила...
О, ежели б свернуть мне поручила!
Чтобы и я, в своей бесславной славе,
Поцеловать бы оказался вправе,
По праву исстрадавшихся в разлуке,
Писца очаровательного руки!
Перевод А. Голембы
«Душа моя исстрадалась по той, что не отвечает мне...»

Душа моя исстрадалась по той, что не отвечает мне,
Эта мука из мук все муки мои превосходит вдвойне и втройне.
Я только сказал ей: «Ответь мне», – и вот она молвила мне в ответ:
«Ответ мой: нет, и ответа не жду от тебя на него, мой свет!»
Перевод А. Голембы
«О ты, надменная, на меня ты больно гневаться стала...»

О ты, надменная, на меня ты больно гневаться стала,
Будь мною довольна, ведь я теперь раскаиваюсь устало.
«Разлука с тобою убила меня», – сказал я, а ты рассердилась,
Но, если вернешься, невольный лжец, я сдамся тебе на милость!
Перевод А. Голембы
«Был счастья день, когда судьба моя забыла покарать меня жестоко...»

Был счастья день, когда судьба моя забыла покарать меня жестоко,
Когда смежились веки бытия, когда ослепли очи злого рока;
Был день, когда, едва лишь пожелав, обрел я, усмирив души мятежность,
Вино, охапки благовонных трав, певуныи голос и любимой неясность!
Она, желанна для очей моих, подобно ясным звездам всеучастья,
Несла мне наслажденья краткий миг и обаянье истинного счастья.
Увы, мы были не наедине, был вежливый посредник между нами,
Словами он высказывал все то, что не могли мы выразить очами,
И мы решили встретиться опять, когда уснет свидетель нашей встречи
И снова будет ночь торжествовать, пришедшая к любимым издалече!
Перевод А. Голембы
«Седина взойдет, как дурная трава: не сокрыть ее в жизни земной...»

Седина взойдет, как дурная трава: не сокрыть ее в жизни земной,
Ты прости – побелела моя голова, хоть она и окрашена хной.
Промельнула юность мимо меня, хоть пошел я навстречу ей,
И господь мне оставил от всех щедрот лишь терпенье взамен страстей!
Право, если б не терпкость земного вина и сладчайших бесед распев,
Я простился бы, юность развеяв мою, с наслажденьями, отгорев.
Так не разбавляй же вино водой: оставляй его так, как есть,
Виноградному соку и суслу его мы охотно окажем честь!
На невесту монарха похоже вино – все в венце из жемчужных пен,
В исполинском кувшине томилось оно, забродив меж глиняных стен.
Милый друг, в Кутраббуле нас посети, если хочешь обрадовать нас,
Хорошо там будет тебе и нам, если в ханжестве ты не погряз!
Ах, по кругу, по кругу будет ходить непрестанно хмельной кувшин,
Все заботы изгонишь в единый миг, вечных радостей властелин!
Перевод А. Голембы
«Чтобы после вернуться к любимой...»

Чтобы после вернуться к любимой, когда жизнь, презревшая винную муть,
Благочестьем представить тебе миг услад, выдаст блуд за истинный путь!
Впрочем, как же тебе устоять, дружок, если с чашею круговой
Нынче девственно юная ходит газель и кивает тебе головой?
Ах, из кубка первой она отпила и остатком тебя поит,
На плече ее шаль шелестит, как плащ, лоб притворно хмур, не сердит!
Льет в прозрачные кубки струю вина, щедро, льет, прикрывшись платком:
Сделай жадный глоток – и по жилам твоим тот глоток пролетит огоньком!
Ты зачем отворачиваешься и бежишь, разве я с тобой не хорош?
Тот, кто скажет, что я другую люблю, тот заведомо скажет ложь!
Перевод А. Голембы
«Была нам небом ночь дарована, и мы уверовали в шалость...»

Была нам небом ночь дарована, и мы уверовали в шалость,
Решили мы, что это – золото, но это ложью оказалось.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Ведь эта ночь, где звезды блещут, совсем как золотая сбура:
Я в эту ночь еще раскаюсь, потом... А прежде – согрешу я!
Перевод А. Голембы
«Годы меня отрешили от веселья, любви и вина...»

Годы меня отрешили от веселья, любви и вина,
Былую пылкую юность похитила седина.
На лице моем буйная свежесть начертала красы урок,
Только сам я стер в книге жизни самый след этих ярких строк!
Перевод А. Голембы
«Жизнь прошла и отвернулась, я забыл, что знался с лаской...»

Жизнь прошла и отвернулась, я забыл, что знался с лаской,
И седин моих сверканье никакой не скроешь краской, –
Ненавистен стал мне дурень с бородою белоснежной...
Как же этакого старца полюбить красотке нежной?
Перевод А. Голембы
«Как прекрасна сонная вода...»

Как прекрасна сонная вода:
Лотос на поверхности пруда!
День, расширив влажные зрачки,
Смотрит на тугие лепестки.
А на стебле каждом, как закон,
Благородный яхонт вознесен.
Перевод А. Голембы
«Сколько храбрых юношей, чьи души никогда не ведали сомнений...»

Сколько храбрых юношей, чьи души никогда не ведали сомнений,
Что могли б решимости решимость научить без всяческих смятений,
Сдержанною рысью подвигались на конях среди сумрака ночного
В миг, когда созвездья погружались в предрассветный сумрак вновь и снова.
И заря своим дыханьем свежим войско Ночи в бегство обратила:
Зарумянившись от упоенья, воздымаются ее ветрила!
Крыльями захлопал ранний кочет, он охрип от горя и досады,
Кажется, он ночь оплакать хочет, будто просит для нее пощады!
По-петушьи он взывает трубно, захмелев от сновидений черных.
Словно бы карабкаясь по бубну, заплясавшему в руках проворных!
Так сломи ж, сломи ж печать, которой горлышко кувшина знаменито, –
Где вино, наследье давних предков, век хранимо и почти забыто!
Знаешь, от одной такой бутылки сколько горя и отрады, если,
Отхлебнув живые опочили, ну, а полумертвые – воскресли!
Как насущного прошу я хлеба у всемилостивого аллаха
О любви газелеокой девы, чье кокетство губительно, как плаха!
Есть любовь, в моей безмерной боли и в слезами ослепленном взоре,
Так, дружок, не спрашивай же боле, что со мной стряслось, какое горе...
Перевод А. Голембы
«Напои меня прохладой золотистого вина...»

Напои меня прохладой золотистого вина.
Полоса на небосклоне влажной мглой обрамлена.
А созвездия похожи в дивном сумраке нетленном
На серебряные бусы, окаймленные эбеном[22]!
Перевод А. Голембы
«Я жаждал, я ждал – и в конце концов постиг, что был глуп, как дитя...»

Я жаждал, я ждал – и в конце концов постиг, что был глуп, как дитя.
А ты всерьез обманула меня, мне дав обещанье шутя.
Увы, бесконечной была моя ночь, как ты и хотела вчера, –
Ведь ты поскупилась, не разрешив этой ночи дойти до утра!
Перевод А. Голембы
«Нас обносит любимая родниковой водой и вином...»

Нас обносит любимая родниковой водой и вином,
Ароматы смешав в благовонном дыханье одном.
Вся она – совершенство, вся – свежести нежной намек,
Спелых яблок румянец сквозит в смуглоте ее щек!
Перевод А. Голембы
«Сетует она, а слезы – зримый след душевных смут...»

Сетует она, а слезы – зримый след душевных смут, –

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Слезы, смешанные с кровью, по щекам ее текут:
«До каких же пор украдкой мы встречаться будем, друг?
Где найдем мы избавленье от безмерных наших мук?»
Перевод А. Голембы
«О темнокожая девушка, я страстью к тебе сражен...»

О темнокожая девушка, я страстью к тебе сражен,
Тобой ослеплен я, единственной из множества дев и жен:
Кокетливо растягиваемые, пленительные слова,
Эбеновый торс, эбеновые плечи и голова!
Перевод А. Голембы
«Ах, друзья, вы не внимайте повеленьям благочестья...»

Ах, друзья, вы не внимайте повеленьям благочестья,
А, восстав от сна, смешайте душу с винным духом вместе.
На траве святое утро плащ рассвета расстелило,
И росой отяготились вихрей влажные ветрила.
Пробил час – и перед кубком преклонил кувшин колени,
А петух вскричал: «Пируйте поутру, не зная лени!»
Громко флейта застонала от желанья и страсти,
Ну, а ей красноречиво вторят струны сладострастья.
Что вся жизнь, весь мир подлунный, кроме этого мгновенья?
Что милей, чем виночерпий в миг покорного служенья?
Перевод А. Голембы
«На моих висках страсотерпца – украшенья сребристых седин...»

На моих висках страсотерпца – украшенья сребристых седин,
Но донныне упорствует сердце в заблужденьях былых годин.
Безобразны седые пятна, но душою потребно пасть,
Чтоб гнедого коня безвозвратно перекрасить в другую масть!
Это будет поддельная младость, и подлога ничем не скрыть,
Ведь утрачена прежняя радость, порастеряна прежняя прыть!
Перевод А. Голембы
«Душу твою чаруют прекрасных очей дары...»

Душу твою чаруют прекрасных очей дары,
Влекут твое сердце ночные и утренние пиры,
Гибкой ветви подобный тебя привлекает стан
И щеки, похожие дивно на спелых яблок дурман.
Ты в сорок лет не мудрее, чем двадцатилетний юнец,
Скажи мне, приятель, когда ж ты образумишься наконец!
Перевод А. Голембы
«О ветер отчего края, родных пустынь и урочищ...»

О ветер отчего края, родных пустынь и урочищ,
Уж лучше забудь меня, если моих дум развеять не хочешь!
Ведь нынче я свое ложе в ночи разделяю с тоскою,
Мне очи бессонница на ночь подкрашивает сурьюю.
Лишь страсть мне повелевает – угрюмо, властно и строго,
Я жалуюсь только богу – и никому, кроме бога, –
Подобно тому, кто томится, живьем от любви сгорая,
И больше не ждет ни покоя, ни дремы, ни вечного рая.
Перевод А. Голембы
«Как ночь для спящего коротка – проснулся и все забыл...»

Как ночь для спящего коротка – проснулся и все забыл!
Как ничтожен чужой недуг для того, кто болящего посетил!
Та частица жизни, которую ты оставил во мне смогла,
Будь залогом счастья твоего: благодарность моя светла!
В ночь свиданья казалось мне, что лежу я в обнимку с душистой травой,
Источающей благоуханья волну в эту тьму, в этот холод живой.
И когда б облаченными в сумрака плащ нас кто-то увидеть успел,
Он одним бы единственным телом нас счел, хоть сплетенным из двух наших тел!
Перевод А. Голембы
«Сколько я ночей без сна проводил, а по постелям...»

Сколько я ночей без сна проводил, а по постелям
Собутыльники мои полегли, убитые хмелем!
И под их блаженный храп о любви святой и пылкой
С флейтой вел беседу я да с хохочущей бутылкой.
Лютня пела о любви, ну а ночь во тьме витала

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
И огни падучих звезд гневно мне в лицо метала!
Бросила в меня она рой осколков мироздания
С возгласом: «Ты сатана, дух мятежный отрицанья!».
Перевод А. Голембы
«Приятно охлажденное питье, а отчего – и сам я не пойму...»

Приятно охлажденное питье, а отчего – и сам я не пойму,
О да, друзья, я сомневался в нем, но нынче возвращаюсь я к нему.
Любому возвращению – хвала, подайте ж мне – в сорочке из стекла –
То зелье, что, как яхонт алый, спит в жемчужине, сгорающей дотла!
Вино, вливаясь в кубок, неспроста сребристую решетку чертит в нем,
Где ледяных колечек суета, то одиноких, то – вдвоем, втроем.
И кажется порой, что в кубке том поет нам дева абиссинских стран.
На ней шальвары из воды с вином, а их окрасил праздничный шафран!
Как разостлалась поверху вода, сносящая обиды уж давно,
А под водой бушует, как всегда, бунтарское тревожное вино.
Мы орошали жажду в сто глотков, и таяла прохлада пузырька,
Когда беспечных этих пузырьков касалась виночерпия рука!
Перевод А. Голембы
«Под сенью виноградных лоз мы напивались допьяна...»

Под сенью виноградных лоз мы напивались допьяна,
Лицо возлюбленной моей во тьме мерцало, как луна,
Любая зреющая гроздь преображалась на глазах
В скопления жемчужных звезд на изумрудных небесах!
Перевод А. Голембы
«О, эта ночь, судьбы подарок, благоденствие горных сил...»

О, эта ночь, судьбы подарок, благоденствие горных сил,
Чей образ – он душист и ярок – я ныне в сердце воскресил!
О, ночь воспоминаний странных, та ночь, когда взнуздал я их,
Ту пару лошадей буланых, ту пару кубков золотых!
Те кони, устали не зная, свершали путь во мраке свой,
Их согревали, подгоняя, бичи погоды дождевой.
Рысцей бежали кони эти, пока не оказался я,
Хмелея, в прятном лунном свете – на луговине бытия.
Ах, там играла тонким станом пугливоглазая газель,
Косилась, воду уносила и приносила лунный хмель...
Та ночь в моем существованье была лишь проблеском огня,
Меня влечет ее дыханье, медовой свежестью маня.
Вино и мед, вино и мука, и скорпионов крутоверть...
Смерть – это попросту Разлука, Разлука – это просто Смерть!
Перевод А. Голембы
«Долгой бессонной ночью моя тайна раскрылась глазам...»

Долгой бессонной ночью моя тайна раскрылась глазам,
И зрачки воззвали на помощь, боясь покориться слезам.
В пучину тоски и волнений, неведомую досель,
Меня погрузила печали не знающая газель.
Она припадает к кубку, совсем подобна, смотри,
Месяцу молодому, что тает в багрянце зари!
Перевод А. Голембы
«Трезвым не будь, поскольку пьянство всего примерней...»

Трезвым не будь, поскольку пьянство всего примерней,
Утреннюю попойку соединяй с вечерней.
Трезвенник пусть горланит, словно кимвал бряцаая,
Слух легковверных ранит, радость твою порицая!
Пусть сей ничтожный малый, плоше щербатой крынки,
Вздорным своим благочестьем торгует на вшивом рынке!
Выбрав себе дорогу, занятие или забаву,
Делай лишь то, что по сердцу, что по душе иль нраву!
В этом я твердо уверен, не испытываю сомненья,
Это мое правдивое и справедливое мненье!
Выдержанные вина щедро пускай вкруговую
И, осушивши чашу, бери немедля другую!
Не пей ничего (о благе взывают наши напевы),
Кроме вина и влаги уст возлюбленной девы!
Разве не слышишь, как утром гудят облака блестящие:
«Эй, протирайте очи! Эй, пробуждайтесь, спящие!».
Перевод А. Голембы

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
«Развлеките меня, ведь в жизни все – развлеченье, живем пока...»

Развлеките меня, ведь в жизни все – развлеченье, живем пока!
Жизнь, после которой приходит смерть, – отчаянно коротка.
Берите улады у времени, нам отпущенного взаимы,
Удары судьбы не медлят: пройдем и исчезнем мы.
Так дайте у этого мира мне взять все отрады его!
Когда я его покину, мне будет не до того.

Перевод А. Голембы

«Я наконец опомнился, но после каких безумств настали хлад и грусть...»

Я наконец опомнился, но после каких безумств настали хлад и грусть.
Так не ищи любви на том погосте, куда я больше в жизни не вернусь!
Я нынче охладелый седоглавец, и юноши зовут меня: «Отец!» –
Мне нынче места нет в очах красавиц и в теплоте строптивых их сердец.
Я развлекаюсь, сам себе переча, почти лишен душевного огня.
Подумать только! Никакая встреча совсем уже не радует меня!
Я всеми позабыт в домах соседних – в своем привычном дружеском кругу,
Но, впрочем, есть веселый собеседник, на шалости его я разожгу!
Да есть еще хозяйка винной лавки, она исправно верует в Христа,
Я постучался к ней, едва зарделась рассветная густая теплота.
Она услышала, кто к ней явился, узнала забулдыгу по шагам.
Того, которого не любят деньги, да и за что любить меня деньгам!
Потом она покинула лежанку, с кувшинов сбила хрупкую печать, –
Так сон дурной оставил христианку, ей веки перестал отягощать.
Ночь распустила крылья в блеске винном, вспорхнула, чтоб лететь в свои шатры.

Ведь меж большой бутылью и кувшином был солнца луч припрятан до поры!
И вот хозяйка принесла мне в кубке такого золотистого вина,
Зрачки которого блестели, хрупки, ресницами не скрыты допьяна!
Вино хранилось бережно в подвале, и тень его гнала полдневный зной.
Когда чертоги дня торжествовали и душный день кипел голубизной.
Бутыль, увита в мягкость полотенец, стоит со сверстницами заодно,
А в ней, как созревающий младенец, крепчает вдохновенное вино.
Так будь подобен утреннему свету, и мрак гони, и пальцы растопырь,
Еще не пробужденный, не воспетый, дух винограда, мальчик-богатырь!
И подал мне мое вино с улыбкой, как чудо-ветвь сгибаемая тонкий стан,
Неумолимый виночерпий, гибкий и облаченный в шелковый кафтан.
И мускус цвел на лбу его широко, и виночерпий был, как солнце, юн,
А на виске его свернулся локон, как полукруг волшебной буквы «нун»!

Перевод А. Голембы

«Весна вселяет в нас безумий череду...»

Весна вселяет в нас безумий череду,
Но это лучшее из всех времен в году.
Отраду и любовь весна тебе дает,
Как бы в залог своих улыбчивых щедрот!
В проснувшемся лесу щебечет птичий хор,
На зелени лугов – веселых песен спор,
Лужаек островки расхохотались вдруг:
То благодатный дождь все оросил вокруг!

Перевод А. Голембы

«Платье желтое надела – и очаровала нас...»

Платье желтое надела – и очаровала нас,
И пленила, покорила множество сердец и глаз,
Словно солнце на закате, волоча по нивам пряным
Драгоценные покровы, что окрашены шафраном!

Перевод А. Голембы

«Красавице Хинд что-то не по душе густая моя седина...»

Красавице Хинд что-то не по душе густая моя седина:
Мую голову, как плотной чалмой, окутывает она.
О красавица Хинд, это вовсе не мне скоро так побелеть довелось,
Побелели пока лишь пряди одни, лишь пряди моих волос!

Перевод А. Голембы

«Любовь к тебе, о соседка, бессмысленною была...»

Любовь к тебе, о соседка, бессмысленною была,
От нее отвлекали другие помыслы и дела, –
И узнал я то, во что прежде молодой душой не проник, –

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Поседел я, и седина мне подсказала, что я старик.
Созидающий замки зодчий, собирайся в далекий путь,
Человек, до богатств охочий, распротиться с ним не забудь!
Перевод А. Голембы
«Одинокие люди в доме тоски, ваши кельи невысоки...»

Одинокие люди в доме тоски, ваши кельи невысоки,
И друг с другом не общаетесь вы, хоть друг к другу вы так близки!
Будто глиняные печати вас запятали силой огня,
И ничья рука не взломает их, вплоть до самого Судного дня!
Перевод А. Голембы
«Сердце, ты на седину не сетуй, в ней обман, задуманный хитро...»

Сердце, ты на седину не сетуй, в ней обман, задуманный хитро:
Ведь нельзя платить такой монетой, бесполезно это серебро!
Я седого не хочу рассвета, страшен мне его угрюмый шаг:
Нет ему привета, нет ответа, враг ты мне, хоть светоносный враг!
Младость предала меня до срока, пегой сделалась волос река,
Вороненка пестрая сорока прогнала с крутого чердака!
Перевод А. Голембы
«Не видишь разве ты, что день принес нам чудеса...»

Не видишь разве ты, что день принес нам чудеса?
Так не теряй его – открой для радости глаза.
Взгляни – вон виночерпий встал, стан – тоньше тростника.
И чашу, как невесты шлейф, несет его рука.
Та чаша – золотом горит, в ней – холод серебра.
Так наслаждайся, пей и пой с утра и до утра.
О боге помня, совершай хорошие дела,
А согрешил – ну что ж, пора покаяться пришла.
Любимая, солги, солги – мне дорога и ложь.
А оправданье, что лгала, всегда потом найдешь.
Любовь таится от меня, мне кажется она
Жемчужиной, что в бездне вод на дне погребена.
Ужели так ты и не дашь мне радости в любви?!
Ужели только лгут уста румяные твои?!
Взываю к богу я, чтоб он сомненья разрешил.
Прошу, молю, чтоб чудо он с тобою совершил.
И вновь смотрю в твои глаза, как на письмо глядят,
Когда сорвать с него печать боятся и хотят!
Перевод Г. Регистана
«Тех, кто любит наслажденья...»

Тех, кто любит наслажденья,
Укорять нельзя, поверьте.
Что такое жизнь? Мгновенье!
Миг, украденный у смерти!
Сколько раз благоразумный
Ум терял в застолье с нами.
То в него с вином безумным
Влил огнепоклонник пламя.
Это пламя разгоралось
От вина, что, чуть играя,
Год за годом очищалось,
Крепло, силы набирая.
Им сейчас с улыбкой ясной
Нас газель обносит с лаской.
До чего ж она прекрасна
И в любви, и в гневе страстном!
И вино клокочет пенно,
Как из вспоротого горла,
Чтоб, в воде остыв мгновенно,
Золотиться в кубках гордо.
Перевод Г. Регистана
«Случая не упусти пить вино с подругой...»

Случая не упусти пить вино с подругой
На заре, когда встает солнце над округой.
Утром – сладостней вино, опьянение слаще
Пусть оно вас осенит счастьем настоящим.
Рок – и грешник и злодей, – он не пожалеет.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Только прежде, чем судьба помешать успеет,
В путь, усталые глаза. Даль – необозрима.
Мне не терпится в лицо заглянуть любимой.
Перевод Г. Регистана
«Ночь цвета кос своих она мне подарила...»

Ночь цвета кос своих она мне подарила.
Меня вином под цвет ланит своих поила.
Укрыла чернотой волос и мраком ночи.
А утром – кубком и лицом вновь озарила.
Перевод Г. Регистана
«По утрам не пью вино я...»

По утрам не пью вино я.
Лучше ночью пить, бесспорно, –
Утро схоже с сединою,
Ночь – цвет молодости черный.
И не может скрыть влюбленных
Утро от нескромных взглядов.
Их укроет вечер темный
Сумрачной своей прохладой.
Перевод Г. Регистана
«Вспомню предместье Багдада – и в памяти снова...»

Вспомню предместье Багдада – и в памяти снова
Время, что мы проводили в Матьере когда-то.
Там виноградные гроздья сверкали лилово,
Не уступая ни лозам из Хита, ни лозам Аната.
Возле каналов разлившихся часто с друзьями
Ночь среди райских садов мы у Тигра встречали.
Так сторожей мы пугали, что в страхе часами,
Как эфиопы в пещерах, они замирали.
Спали в зеленой тени виноградные гроздья.
Ягоды, как пузырьки, тяжелели нектаром.
Их соберут и на солнце разложат, как звезды,
Чтобы затем выжать ласковый сок их янтарный.
Тот, кто их выжал, для них приготовил одежду –
В глиняном платье-кувшине им крепнуть до срока...
Все это было... А ныне, лишенный надежды,
Милая, как я тобою унижен жестоко.
Сердце безумным недугом любви иссушила.
Ради тебя дал я клятву с застольем расстаться.
С истинного ты пути меня сбילה, сманила,
Но не дала красотой мне своей любоваться.
Если б хотела, – не хочешь! – дала б утешенье,
Мучить не стала бы так бесконечным отказом.
Если бы было – не будет, увы! – исцеленье,
То не погиб бы от дум бесконечных мой разум.
Ты с каждым днем от меня начала отдаляться.
Словно в гробу мертвеца, мои просьбы хоронишь.
Верной не мне, а другому ты хочешь остаться.
За равнодушным бежишь, а влюбленного гонишь.
Нет, твою нежность делить я с другими не в силах!
Горе влюбленным, несчастной любовью горящим!
Если покинешь меня ты – уж лучше могила!
Жить без любви, значит, быть мертвецом говорящим!
Перевод Г. Регистана
«Всю ночь, как росинки, сверкали дождейки над лугом...»

Всю ночь, как росинки, сверкали дождейки над лугом.
А утром цветным покрывалом окутался луг.
Дождь плакал, как друг, навсегда потерявший подругу.
А день засиял, как подругу увидевший друг.
На этом лугу, где нарциссы качались спесиво
И где к гиацинтам фиалки склонялись в тоске,
Нас дивная фея прекрасным вином обносила.
И чаша была, словно факел зажженный, в руке.
Я ей говорил: «Чтоб вино не смешал со слезами,
Смешай с влагой уст своих нежную влагу вина.
Такое ты в сердце зажгла негасимое пламя,
Что руку к нему поднеси – загорится она!».

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод Г. Регистана
«Не выдавайте тайн, глаза, не выдавайте...»

Не выдавайте тайн, глаза, не выдавайте!
Не то о горестной любви узнает каждый!
О псы-завистники, не лайте, ну не лайте!
Она и так не утолит любовной жажды!
Дворец Исхака, помоги, яви мне милость:
Пришли мне с ветром аромат дыханья милой.
Хочу во сне, чтобы она ко мне явилась
И верность данному обету подтвердила.
Да, я надеюсь, хоть, наверно, я – беспечный,
Как тот пловец, что плыл в реке, где крокодилы.
О господи, от бесконечных ран сердечных
Освободи меня, яви свою мне милость!
В пути не раз встречал я ночи и рассветы,
Когда заря манила спутников рукою.
И наши кони были сыновьями ветра,
Они летели, распластавшись над покоем.
Они дарили запах мускуса душистый,
Степной полыни горечь, устремляясь в дали.
Нас властно звал к себе напиток золотистый.
В вино влюбившись, мы запреты отвергали.
К виноторговцу мчались мы дорогой длинной,
Чтоб там опять наедине с вином остаться.
Там бурдюки похожи были в калях винных
На смуглых крепко связанных повстанцев.
А наш хозяин бурдюки на свет выносит,
И чаши полнит до краев он перед каждым.
Поверьте, дважды нас он выпить не попросит, –
Щедра рука, да и душа горит от жажды.
Во мраке ночи мы пришли, чтоб он развеял
Тоску любви, взамен блаженство дав иное.
Пусть в жилах старое вино течет, нас грея,
Как и во времена Адама или Ноя...
Подобно яхонту в руках виноторговца
Вино, что в душу так и льется, так и льется!
Перевод Г. Регистана
«Вновь взволновал меня голубки зов...»

Вновь взволновал меня голубки зов,
Которая с предутреннего луга
Воркует ласково: «К застолью стол готов!
И заждалась прекрасная подруга!».
И впрямь возлюбленная очень хороша
В браслетах и в мальчишеском камзоле.
Стройна она, тонка – в чем держится душа, –
Незаходящий свет луны во взоре.
И ясный взор ее порой черней ночей,
И страсть слилась в ней с чистотой невинной,
Чтоб напоить меня вином своих очей
И влагой уст, хранящих привкус винный.
Перевод Г. Регистана
«Уйду от тебя, не заплачу, не жди...»

Уйду от тебя, не заплачу, не жди.
Уеду, забуду, не вспомню ни разу.
Не важно – твердь суши найду впереди
Иль даль океана откроется глазу.
Нет, – все-таки лучше полет корабля,
Чей парус трепещет, как сердце в тревоге.
И тайны свои мне откроет земля,
Хотя и сама-то не знает о многих.
Перевод Г. Регистана
«Как прекрасно лицо той, с которой расстался...»

Как прекрасно лицо той, с которой расстался,
Той, с которой вовеки бы не разлучался,
Дом прекрасен ее, где теперь не бываю,
Дом, который теперь стороной огибаю.
Ждешь меня ты, и я ожидаю свиданья,

Но уже между нами лежит расстояние.
О разлука, оставь нам хотя бы мгновенье,
Ты – разрыва сестра, ты – подруга забвенья.
Даже лань молодая, в тени с олененком
От охотника прячущаяся в сторонке,
Лань, что тонкую, стройную, нежную шею
Наклонила к детенышу, ласкою грея,
Красотою не может с любимой сравниться,
У которой сверкнула слеза на ресницах.
Даже ветер, промчавшийся вечером синим
По задумчивым травам в цветущей долине,
Даже ветер, покров облаков шевелящий,
Запах мускуса в темную даль уносящий,
Всех цветов ароматы собравший над лугом,
Несравним с благовонным дыханьем подруги.
Если рядом она засыпала в постели,
Звезды яркие меркли пред ней и бледнели,
И нежнее, чем зерна в колосьях созревших,
Украшенья звенели ее под одеждой.
Стан потоньше лозы у нее, между прочим.
Да и кудри чернее, чем кожа у ночи.
Потому так горька, так ужасна потеря!..
Я, погонщиков крики услышав у двери,
Угадал лишь твои очертанья во мраке,
Как плохого писца чуть заметные знаки.
А погонщики гнали верблюдов в пустыню,
Чтоб тебя не увидел я больше отныне.
Грусть, в тот дом постучав, в ней навек поселилась.
Колесо моих жизненных дней покатилося.
Белый день настает, черный мрак заметался, –
Словно с белых яиц черный страус сорвался.
Перевод Г. Регистана
«Ты скажи, сладчайший из рабов аллаха...»

Ты скажи, сладчайший из рабов аллаха:
Неужели все надежды стали прахом,
Неужели порвала она со мною
И сменилось горем счастье неземное?!
Как могла она, скажи, пойти на это?
Как могла нарушить клятвы и обеты?!
Как могла в безумье ввергнуть за мгновенье?!
Как могла унижить за мое смирение?!
Ведь рабом любви я был на самом деле.
На других глаза мои ведь не глядели.
Если лгу – из глаз пусть слезы льются вечно
И бессонница пусть будет бесконечной!
Нет, в стан тонкий я влюблен, как и когда-то,
В щечки розовые, как цветок граната.
Помню, сколько было встреч во мгле незрячей,
Сколько кубков выпил я из рук горячих.
И ни тягостные думы, ни тревоги
Не могли тогда к нам отыскать дороги.
На лужайках, где бродили мы беспечно,
Нам казалось – наше счастье будет вечно.
С нами флейта сладкозвучная бродила,
Лютня радостно о счастье говорила.
И кувшины, как танцоры в тесном круге,
Хоровод вели, сплетая в танце руки.
А потом – кувшины к кубкам прижимались.
А потом – на стол слугою подавались.
А потом – как дождик, нас под облаками
Осыпали тихо розы лепестками.
Перевод Г. Регистана
ибн Зайдун (1003–1071)

«Далекая, всю жизнь мою ты вобрала сполна...»

Далекая, всю жизнь мою ты вобрала сполна –
И позабыла, кто твой раб, чей мир лишь ты одна;
Его забвенью предала и выжгла, как огнем,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
И в сердце даже места нет для памяти о нем!..
Лишь по ночам порой блеснет надежды луч во сне –
Тогда я верю: счастья миг еще придет ко мне.
Перевод Ю. Хазанова
«Как рассказать про горькое житье...»

Как рассказать про горькое житье,
О радость и страдание мое?!
Пускай язык послужит мне письмом
И все откроет обо мне самом:
О том, что знает лишь один аллах –
Что нет удачи в жизни и в делах;
Потерян сон – он не идет ко мне,
И нет утехи в пище и вине...
Уйти хотел от суетного дня,
Но искушение сильнее меня.
Как старец, юность вспомнивший свою,
Я перед солнцем – пред тобой – стою.
Но солнце это – под покровом туч...
А может, ты – луны полночный луч?
Перевод Ю. Хазанова
«Увы, покинут я... Но не из неприязни...»

Увы, покинут я... Но не из неприязни
Любимая моя меня подвергла казни,
В лицо не бросив мне прямого обвиненья, –
А просто чтоб узнать предел долготерпенья.
Ей нравилось, что я приказа жду любого,
Что умереть готов, когда б сказала слово;
Меня благодарить она не прекращала
За то, что я прощал, – а ей всегда прощал я...
О ивовая ветвь! Газель моей пустыни!
Как сделать, чтоб она меня любила ныне?!
Награды ждет, мое похвальное смиренье...
О, как завоевать ее благоволенье?..
Перевод Ю. Хазанова
«Я вспомнил тебя во дворце аз-Захра...»

Я вспомнил тебя во дворце аз-Захра –
Стояла прекрасного лета пора,
Был воздух прозрачен и нежен зефир, –
Несли они сердцу спасительный мир;
В саду серебрились, звенели ручьи –
Как будто упали браслеты твои;
Скользил по деревьям луч солнца косой,
Клонились цветы под обильной росой:
Как будто ко мне заглянули в глаза –
И вот и на них появилась слеза...
Раскрылась вдруг роза, свой сон поборя, –
Все ярче и ярче пылает заря.
И все здесь – как память о нашей любви,
Она неотвратно теснится в крови,
И сердцу от памяти той нелегко –
Ведь ты недоступна, ведь ты далеко!
Когда бы и вправду меня ветерок
К тебе отнести на мгновение мог,
Пред взором твоим встал бы я – молодой,
Но с бледным лицом, изнуренный бедой...
А если б меня перенес ветерок
В те дни, когда спал еще злобный мой рок,
И если б я встретился снова с тобой,
То был бы опять я доволен судьбой!
Ведь ты драгоценней каменьев любых –
Кто любит, находит блаженство без них.
Моя драгоценность, бесценная ты,
Недавно еще влюблены и чисты,
Друг с другом мы спорили в силе любви...
Ужель ты обеты забыла свои?..
Взошедшая в небе луна – это ты.
Как труден мой путь до твоей высоты!
Как я укоряю жестокость твою,

Но снова любовную песню пою,
И снова огонь раскален добела,
Хоть ты справедливой, увы, не была!
О да, я ошибку свершил без ума,
Но я принужден был – ты знаешь сама...
А разве и ты не свершила ее?
Прости же меня, принужденье мое!

Перевод Ю. Хазанова

«Превратилась близость в отдаленность...»

Превратилась близость в отдаленность,
Теплоту сменила отчужденность,
Твоего присутствия лишенный,
Жду теперь я казни предрешенной!
О, поверь мне, в этот час прощальный
Ощутил бездонную печаль я,
Что сама не старится, а старит
И, взамен улыбок, слезы дарит...
Мы любви напиток пили оба.
Но кругом росла людская злоба,
К небесам мольбы врагов летели,
Нашу чашу отравить хотели.
И завистники не обманулись:
Мы в своем напитке захлебнулись,
И на землю рухнули стропила,
Что любовь нам некогда скрепила;
Порвались надежнейшие узы
И рассыпались, как с нитки бусы!
Но ведь были времена: разлуки
Не боялись ни сердца, ни руки;
А сейчас надеждою на встречу
Ни одно мгновенье не отмечу...
Знать хотел бы тот, кто и в несчастье
К недругам врагов не обращался, –
Получили ль повод для злорадства
Вы, нарушив душ святое братство?!
Мне разрыв казался страшным бредом;
Ты ушла – но я тебе лишь предан!
Ты ж врагам для своего позора
Так бездумно услаждаешь взоры..
После бури ведь покой бывает –
Почему ж тоска не убывает?
Даже дном не вижу я светила –
А с тобой светло и ночью было!
Ты была моим душистым миртом,
Лишь любовь владела целым миром;
Древо страсти к нам клонило ветви,
Мы срывали плод любви заветный..
Я не скрою, что твоя измена
Не избавила меня от плена,
И по-прежнему, клянусь аллахом,
Без тебя весь мир считаю прахом!
И не нужен друг или другая –
Твой, как прежде, раб я и слуга я!..
О, гроза! Лети в дворец тенистый,
Напой там влагой серебристой
Ту, кто в страсти не жалела пыла.
Кто вином любви меня поила,
И узнай, страдает ли в разлуке
Та, кто обрекла меня на муки!
Ветерок, лети и ты за ливнем –
От того, кто ею осчастливлен,
Передай привет для той, чье слово
К жизни бы меня вернуло снова!..
Так она нежна, что кожу ранят
Ей браслеты и золотые ткани;
Так прекрасна – что всегда в короне
Видит ее взор мой покоренный;
Так светла, что на ее ланитах
Яркий свет созвездий знаменитых.
Не равны мы с ней происхождением –

Но любовь известна снисхождением..
Дивный сад, прохладный сад, в котором
Все плоды цвели под нашим взором!
О, пора прекрасная услады,
Что дарила сказочные клады!
О, блаженный час, когда надеждой
Укрывали тело, как одеждой,
И как знак божественного дара
Слышался мне плеск аль-Каусара!..
Вместо райских кущ теперь я вижу
Лишь колючки да зловонья жижу!
Что же делать, коль на этом свете
Мне тебя уж никогда не встретить?
Значит, так нам суждено судьбою –
Встретимся на небе мы с тобою..
Так храни же верность в отдаленье,
Пребывая под аллаха сенью!
Все равно я не смирюсь с разлукой –
Память о тебе тому порукой,
И тому залогом – сновиденья,
Что увижу нашей встречи день я!
Перевод Ю. Хазанова
«Своего обета не нарушу...»

Своего обета не нарушу:
Сердце я вложил в него и душу!
Никогда, в ночи или на дню,
Слову своему не изменю,
Что одна лишь ты, и только ты,
Стала воплощением мечты!
Пусть любовь твоя по силе страсти
Мне мою напомнит хоть отчасти,
Пусть в разлуке хоть одна лишь ночь
Будет также для тебя невмочь!..
Если жизнь потребуешь мою,
То скажу: «Возьми, я отдаю!
Для меня судьба была раба,
А теперь – в тебе моя судьба!»
Перевод Ю. Хазанова
«Когда мне увидеть тебя не удел...»

Когда мне увидеть тебя не удел –
Хотя бы услышать тебя я хотел.
И если твой страж отвернется на миг, –
Чтоб взор твой ко мне пусть бы тайно приник!
Боюсь подозрений, боюсь клеветы:
Лишь втайне любовь сохраняет цветы.
Готов ожидания муки сносить –
Чтоб радость свершенья полнее вкусить.
Перевод Ю. Хазанова
«Я радость шлю к тебе одной – летит она, как птица...»

Я радость шлю к тебе одной – летит она, как птица.
К тебе, всем судьбам вопреки, мое желанье мчится.
В воспоминаньях о тебе стихают все тревоги,
И видит взор душистый мирт, оазис у дороги..
Спокоен я, – хоть сердце ждет и жаждет перемены, –
Как путник, знающий: к ручью он выйдет непременно!
Дождусь, когда клеветники сомкнут уста и вежды, –
И упованье даст плоды, прекрасный плод надежды..
Но удивляться ль мне, что враг надежды все разрушил:
Твоя приязнь дала ему острейшее оружие!
О, если б ты узнала, в чем тоски моей причина
И что начертана судьбой мне без тебя кончина –
Ты мне позволила б узреть лик солнца горделивый
И твой прекрасный гибкий стан, подобный ветке ивы!
Дороги радостной любви меня б к тебе примчали, –
Но крылья сломаны мои, а в сердце – груз печали.
Во мне два чувства сведены – любви и отчужденья,
В надежде и в немой тоске встречаю каждый день я.
Когда б твой лик на облаках, с восходом и закатом,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Лишь дважды в день увидеть мог, – я б счел себя богатым!
И если б вместе с ветерком из-за ограды сада
Ко мне донесся твой привет – мне большего не надо!
Перевод Ю. Хазанова
«Я недругов своих люблю: ты тоже ведь не друг...»

Я недругов своих люблю: ты тоже ведь не друг –
Иначе, как сумела ты в меня вселить недуг?
Во мне ты хочешь вызвать гнев? Ответ – любовь моя.
Пускай несправедлива ты – роптать не стану я.
Ты вся – как солнце, но при нем ясней заветна тень.
Ты ярко светишься в ночи... и омрачаешь день.
Я знаю: жалобы любви рассеются, как мгла, –
О, только б милосердней ты к несчастному была!
Перевод Ю. Хазанова
«О ночь, продлись подольше, приблизь мгновенье встречи...»

О ночь, продлись подольше, приблизь мгновенье встречи;
О ночь, продлись подольше – ведь миг свиданья вечен!
О ночь, продлись подольше, влюбленному послушна;
О ночь, продлись подольше!.. А впрочем, нет, не нужно!
Ведь мне все ждать сегодня, томиться под луною,
Не зная – будет, нет ли моя луна со мною!..
О ночь, я жду ответа с надеждою и страхом,
Скажи: она верна мне? Скажи, молю аллахом!..
Ответил голос ночи печально и уныло:
«Она забыла клятвы и чувству изменила».
Перевод Ю. Хазанова
«Твоя любовь – бесценный клад... Но как его найти...»

Твоя любовь – бесценный клад... Но как его найти?
Пусть благосклонная судьба укажет мне пути...
Зеница ока моего, пришел разлуки час –
Тебя оплакало оно, с покоем разлучась!
Да и судьба моя ко мне была добра, пока
Твой несравненный дивный лик не скрыли облака.
Ты – жизнь моя, и не могу я жить в разлуке с ней –
Уж лучше пусть меня земля укроет поскорей!..
Увы, любовь мою сокрыть глаза мешают мне:
Лицо не может от души остаться в стороне.
Перевод Ю. Хазанова
«Тебе лишь только пожелать – и мы воздвигнем тайны зданье...»

Тебе лишь только пожелать – и мы воздвигнем тайны зданье,
Той, что останется всегда сокрытой самой в мирозданье!..
Увы, увы, удел любви сменила ты, как будто платье –
Но даже б за вторую жизнь любви твоей не смог отдать я!
И если душу ты мою отяготишь великой ношей –
Сумею выдержать ее и никогда ее не сброшу!
Будь гордой – это я снесу; медлительной – терпеть я стану
Надменной – тоже я стерплю; скрывайся – я тебя достану!
Лишь слово – обращусь я в слух; лишь прикажи – и я твой данник...
Тебе лишь только пожелать – и мы воздвигнем тайны зданье.
Перевод Ю. Хазанова
«Желаньем томим, которое тщетно...»

Желаньем томим, которое тщетно...
Влюблен я в нее – увы, безответно!
Кокетство ее меня убивает;
О, как тяжело на сердце бывает!
Но я все равно считаю за милость,
Что в сердце моем она поселилась,
Красы своей в нем посеяла зерна –
И вот урожай собирает покорный...
Не я лишь один от страсти немею –
Как много сердец летит вслед за нею!
Себе говорил и клялся порою,
Что муки стерплю и чувств не открою –
Но все было зря, бесплодно, напрасно:
Взываю к тебе – всегда, ежечасно!
Неужто тебя не трогает участь

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Того, кто не спит, в бессоннице мучась?!
А может, тебя обидел я больно?
Бывает, и конь споткнется неволью...
Знавали ведь мы и радость большую...
Смени же свой гнев на милость, прошу я!
Перевод Ю. Хазанова
Ибн Хамдис (1055–1132)

«Сумели угадать по множеству примет...»

Сумели угадать по множеству примет
Моей влюбленности таинственный расцвет.
Твердят, что жар любви едва ли беспредметен,
Что существует центр вращения планет...
Им хочется улик, доносов, слухов, сплетен,
Им надо выведать любви моей секрет.
Но скрытность мудрая прочней любой кольчуги,
Притворством праведным я, как броней, одет.
Предателя теперь я вижу в каждом друге,
И ни один еще не смог напасть на след.
Любовь пришла ко мне, – не так ли к верной цели
Приходят странники, весь обошедши свет?
Не сможет угадать никто моей газели,
Зачем же эта брань, в которой смысла нет?
Ее, жестокою, уста назвать не смели, –
Неумолимая лишь богу даст ответ.
А если спросят вдруг когда-нибудь, случайно,
О той, что принесла мне столько зол и бед, –
Солгу я, и язык моей не выдаст тайны,
И не нарушит он суровый мой запрет.
Перевод Н. Стефановича
«Слез утренних с небес струится водопад...»

Слез утренних с небес струится водопад,
Вороны, каркая, нас разлучить спешат.
Я так молил ее: «Волос кромешной тьмою
Опять заполни мир и ночь верни назад».
О, ночь осталась бы, и в сладком примиренье
Преодолелся бы мучительный разлад...
В устах ее и блеск жемчужин драгоценных,
И нежной влажности весенний аромат.
Что ж ран не исцелил я влагой чудотворной?
Прекрасная цветет меж каменных оград,
Где вечно стерегут ее мечи и копья,
Как тайну нежную и как бесценный клад.
О, подожди еще, не убивай, помедли!
Сгорает только тот, кто пламенем объят...
Зачем же от любви ждать вечного блаженства?
В ней горечь едкая, в ней только боль утрат...
Перевод Н. Стефановича
«Пришла в смятении, а вдруг следят за ней...»

Пришла в смятении, а вдруг следят за ней?
Газель от хищных так скрывается зверей.
Подобно мускусу она благоухала,
Кристаллов камфоры была она светлей.
И в сердце бурное внесла успокоенье,
И утолила зной безудержных страстей.
Я наслаждение пил так медленно глотками,
Как птица пьет росу с травы или ветвей.
Лишь отошла она – и утреннее солнце
Вдруг стало заходить, и сделалось темней...
Но встреча нежная такой была короткой,
Как встреча жениха с невестой своей.
Перевод Н. Стефановича
«Убита молодость зловещей сединой...»

Убита молодость зловещей сединой,
И стала седина в душе кромешной тьмой,
Я молодость отверг: она мне изменила,

И жизни вспоминать я не хочу былой.
Но юность светлую что на земле заменит?
Лекарства верного напрасно ждет больной.
Иль старость белую возможно перекрасить,
Задернуть белый день покровом тьмы ночной?
Нет, краски предадут. Мне юность изменила
И обошла меня коварно стороной.
О легкий ветерок, прохлады дуновенье,
Ты веешь свежестью и влажной чистотой.
Ты утоляешь мир дождем животворящим,
И плачут небеса над мертвою землей.
Но тучи мечутся, бегут, пугаясь грома, –
Так трусов гонит прочь воинственный герой.
Вот в небе молния стремительно сверкнула, –
То обнажили меч отважную рукой...
Всю ночь томился я во тьме невыносимой, –
Ты, утро, яркий свет мне наконец открой.
О ветер, если дождь уже насытил землю,
Что так измучена тяжелой духотой, –
Ты оскудевшие промчи обратно тучи,
Я напитаю их горячею слезой.
Я пролил ливни слез над юностью моею,
Но там по-прежнему лишь засуха и зной.
Лети же, облако! В степи, томимый жаждой,
Чертог любви моей, – он ждет тебя с тоской.
В чертоге том столбы из солнечного блеска,
И возгорается от них огонь святой.
Там несравненно все – и небо, и растенья,
И воздух, и земля, одетая травой.
Я любящее там свое оставил сердце
И лишь страданий груз в дорогу взял с собой.
И в тот волшебный край мечты мои стремятся,
Как волки, что спешат в дремучий мрак лесной.
Там чащи, где дружил я с царственными львами,
Газелей навещал я в тех лесах порой,
И там, в раю святом, не бедность и забота,
Но радость вечная была моей судьбой.
Перевод Н. Стефановича
«По земле рассыпается град...»

По земле рассыпается град –
То жемчужины с неба летят.
В небе движутся темные тучи –
То распахнутых раковин ряд.
Жемчуг с неба легко достается,
А из моря – труднее стократ.
Что за перлы! Для взора любимой
Нет на свете милее услад.
Подбирай! Ожерельем бесценным
Ты достойно украсишь наряд.
Но, увы, все жемчужины тают,
И в ничто превращается клад,
И у влажной земли на ресницах
Только белые слезы лежат.
Льются слезы. Струятся ручьями,
Словно змеи в траве шелестят,
И сшибаются пенные всплески,
Словно в битве – с отрядом отряд,
И, подобные звеньям кольчуги,
Пузырьки серебруются, дрожат.
Прогоняющий сон и дремоту,
Слышен грома протяжный раскат.
Он призыву верблюда подобен,
Вожака, повелителя стад.
Гром трубит, возвещая, что ливень
Оросит и пустыню, и сад.
Он ворчит, как погонщик верблюдов,
Если медлят они, не спешат.
Блещет молния – бич разгулялся,
Бьет и хлещет, тяжел и хвостат.
Блещет молния – меч обнаженный

Ослепляет испуганный взгляд.
Блещет молния – ловит добычу
Лев, рванувшийся наперехват.
Блещет молния – фокусник пляшет,
Машет факелом, весел и рад.
На лугу пробиваются травы
И цветы, распускаясь, горят.
Упиваясь дождем, что превыше
Наслаждений любых и отрад.
И поток низвергается щедро –
Это с неба летит водопад,
И земля щеголяет в зеленом
Новом платье – без дыр и заплат.
Словно ковш, наклоняется небо,
Брызжут капли, стучащие в лад.
От воды захмелевшие ветви,
Полупьяно шатаясь, шумят.
А гроза уползает устало,
Как змея, что истратила яд.
В небе светится огненный сокол
И с восхода летит на закат.
Перевод М. Курганцева
«Мы рано утром в сад приходим...»

Мы рано утром в сад приходим,
На берег тихого ручья.
Отполированная солнцем
Вода – как лезвие меча.
Ручей сверкает, отражая
Движение каждого луча,
В тени раскидистых деревьев
Поблескивая и журча.
У нас вино в большом кувшине,
И мы – невольники вина.
Мы пьем пылающую жидкость,
И вся вселенная пьяна,
И чаша ходит, как живая,
До края самого полна,
И плещет огненная влага
И нас качает, как волна.
Я опьянен. Я одурманен.
Моя любимая со мной.
Ручей шумит, не умолкая.
Кувшин шатается, хмельной.
Бредет по саду, спотыкаясь,
Гуляка – ветер озорной,
А дождь, как голос примиренья,
Царит над пьяной кутерьмой.
Висят на ветках апельсины –
Литого золота шары.
Цветы пылают, словно свечи,
В тиши предутренней поры.
Поют, захлебываясь птицы,
Самозабвенны и щедры,
Как-будто голос аль-Гарида
Пьянит мединские шатры.
Поют, как Мабад[23] незабвенный:
Рулады льются, как ручьи
Не устают, не затихают,
Не умолкают соловьи.
И пусть желанья обновятся,
Надежды сбудутся мои.
Дрожу, как дерево под ветром,
Изнемогаю от любви.
Перевод М. Курганцева
«Одежда твоя – словно пена морская...»

Одежда твоя – словно пена морская.
Прозрачней стекла твоя шаль кружевная.
Ты белая лодка на ранней заре –
Качаясь, плывешь, под лучами блистая.

Я ночью спешил на свиданье с тобой –
Луну темнота застилала густая.
Жемчужные звезды слетали с небес –
Так стрелы летят, опереньем сверкая.
Пришла долгожданная – солнце взошло,
Туманы развеяло, тьму отвергая!
Перевод М. Курганцева
«Любимая, останься, погоди...»

Любимая, останься, погоди,
Не смейся надо мной, не уходи!
Все возвратится – заново зажжется
Былое пламя у тебя в груди!
Печальны дни, а ночи одиноки.
От гибели спаси меня – приди!
Я сердце проиграл тебе и душу –
И никакой надежды впереди!
Тебе игра понравилась такая?
Что ж, позабавься! Но не уходи!
Перевод М. Курганцева
ибн Кузман (1080–1160)

«Любимая покинула меня...»

Любимая покинула меня –
И вот вернулась, чтобы мучить снова,
Вновь отвергая и опять маня
Из одного лишь любопытства злого.
Остер как бритва был всегда язык,
Но ты к устам приникла вдруг – и сразу
Он онемел, в гортани замер крик,
Я даже не успел закончить фразу...
Что сладостней и горестней любви,
Спокойней и мучительней разлуки?
И радость и печаль благослови,
Все искусства таинственной науки.
Сиянием затмившая луну,
Подобно ей уходишь с небосвода.
Открой мне наконец мою вину!
Ведь я твой раб, мне не нужна свобода!
Жестокая и добрая, равно
Ты дорога мне. Приходи и мучай,
Ввысь поднимай, и увлекай на дно,
И, как луна, скрывайся вновь за тучей.
Приемлю все, одной лишь не хочу
Молвы досужей и заботы вздорной,
Советуют, судачат – я молчу,
Не слушая бессмыслицы тлетворной.
Ведь им и мне друг друга не понять.
Ты неверна – зато тебе я верен.
Воистину, мне не на что пенять,
И в торжестве конечном я уверен.
К чему лукавить и зачем спешить?
Соперник мой насмешливый напрасно
Пытается меня опередить –
Любовь к нему пребудет безучастна.
Никто из них со мною несравним.
Свидетельством тому – вот эти строки.
Прими же их – и с автором самим
Ты будешь дружен все земные сроки.
Перевод А. Межирова
«Любовь моя, ты мне дала обет...»

Любовь моя, ты мне дала обет –
И обманула, не сдержала слова.
Казалось бы, тебе прощенья нет,
Но, все простив, тебя зову я снова.
Упорствуй же, обманывай, гони,
Скупись безбожно, обделяй дарами,
Ругай отца и мать мою кляни,

Меня чести последними словами,
Кошунствуй своевольно, прекословь,
Своди с ума и насылай несчастья –
Все испытанья выдержит любовь,
Не находя ответа и участия.
Кто видит молодой луны восход
В ночь праздника, тот прославляет бога.
Но праздники бывают дважды в год –
Ты неизменно рядом, недотрога.
Я славлю этот день и этот миг,
Когда тебя увидел я впервые.
Уста – что сахар, не лицо, а лик,
И аромат – как травы молодые...
Любимая, будь с любящим нежна,
Не помышляй о гибельной разлуке!
Повсюду обо мне молва слышна:
«Всех мудрецов он превзошел в науке.
Все испытал, все знает, все постиг –
Историю, Коран, искусство слова...
Рассказ его – струящийся родник,
Стихи его – из жемчуга морского.
И сравнивать его ни с кем нельзя –
Ученость безгранична, мощен разум.
Там, где других в тупик ведет стезя,
Он все вопросы разрешает разом».
Все лучшее во мне воплощено,
И даже зависть не колеблет славу.
Достойного награды все равно
В свой срок однажды наградят по праву.
Не поливаешь поле – никогда
Хорошего не снимешь урожая.
Путь к совершенству – это путь труда,
Всегда трудись, познанья умножая.
Но забывая сокровенный долг,
Я вижу лишь в тебе свою надежду.
«Себя не жалко – пожалей хоть шелк.
Зачем же с горя раздирать одежду?
Все жалобы напрасны. Ты ведь был
Уже допущен мною в дом однажды».
Насмешница! Утишь любовный пыл –
Сгораю я от неизбывной жажды!
И эта милость краткая – сама
Мучения мои усугубила.
Зачем сводить несчастного с ума,
Когда бы и взаправду ты любила?
Клянусь в любви, но ты не веришь мне.
Ведь я не вор, укрывшийся Кораном.
Любовью ранен по твоей вине –
Позволь же исцелиться этим ранам!
Быть может, заблуждаюсь я. Ну что ж,
Я молод, и аллах простит ошибку.
Доколе мне сносить хулу и ложь,
Сто унижений – за одну улыбку...
Да что там я, когда и Аль-Ахнаф
До дна испил из этой горькой чаши!
У всех красавиц одинаков нрав,
Что им страданья и мученья наши?
Мой покровитель, посочувствуй мне.
Ты добр и мудр, ты кладезь совершенства,
И как ни славить – ты велик вдвойне,
С тобою рядом быть – уже блаженство.
Смысл жизни для тебя всегда в одном –
Помочь, утешить, проявить участие.
Твои щедроты золотым дождем
Текут на землю, умножая счастье.
Ты благодетель мой, и на тебя
Я уповаю страстно и всецело.
Коль будет нужно – жизнь отдам, любя,
Они твои, душа моя и тело.
А ты, читатель строгий этих строк,
Вновь удивишься мастерству поэта

И скажешь: «Ибн Кузман, жестокий рок
Напрасно тщится сжить тебя со света.
Пусть выкупом я буду за тебя,
Чтоб отступили прочь твои невзгоды,
Чтоб, недругов безжалостных губя,
Ты был на высоте своей природы.
Благословен твой несравненный дар,
Свободный от лукавства и притворства.
Что перед ним тщета враждебных чар
И клеветы бессмысленной упорство?
Завистник, каждый ненавистник твой
Пусть в плутовских сетях бессильно бьется
(Кот гонится за мышью в кладовой,
Но с полки упадет и разобьется)».
Перевод А. Межирова
«Встречаясь с ней, не поднимаю глаз...»

Встречаясь с ней, не поднимаю глаз,
Безмолвствую. К чему слова привета?
Когда бы не любил ее – отказ
Навряд ли вызвал отчуждение это.
Но я люблю и нахожу в ответ
Капризы, своеволие, коварство.
Ужели от болезни этой нет
Нигде на свете верного лекарства?
Какую власть над нами дал господь
Красавицам безбожным и жестоким!
В них нет души – всего лишь только плоть.
Что ж делать нашим душам одиноким?
На этом свете их любви не жди
И не надейся даже на свиданье,
Обещанное где-то впереди, –
В загробном мире сдержит обещанье!
Постигнув это, вывод сделал я
Единственно разумный и возможный –
И сразу изменилась жизнь моя,
Рассеялся туманом призрак ложный.
Не любит, любит – ах, не все ль равно?
И как могла тревожить эта малость?
Я развлекаюсь вволю, пью вино,
Не ведая забот, забыв усталость.
Что пользы от бессмысленной любви?
Что эта жизнь презренная без денег?
Коль ты богат – судьбу благослови,
А нищ – мытарствуй, мыкайся, как пленник.
Всего важнее золото – и вот
Властителей восславил я по праву,
Которые от всех своих щедрот
Лишь одного не делят с нами – славу.
Ибн Фарадж, благ ее достоин ты.
Ты праведен и мудр, ты щедр безмерно
И лишь увидишь скверну нищеты,
Как сразу отступает эта скверна.
Все, чем владею, – мириады слов,
Которыми тебя я славлю ныне.
Хоть не судил мне рок иных даров,
Что выше этой дивной благостыни?
Моих стихов чудесное вино
Таит в себе усладу и блаженство.
Ничто с ним не сравнится – ведь оно
Является залогом совершенства.
Так будь же щедр и милостив ко мне,
А если ты ответишь мне отказом –
Уж лучше бы тогда сгореть в огне,
С собою и с нуждой покончив разом!
Перевод А. Межирова
«Вздыхала ласково, но тут же, спохватясь...»

Вздыхала ласково, но тут же, спохватясь,
От страсти собственной мгновенно отреклась,
От слов, которые еще не отзвучали,

От клятв, которые давала мне сейчас.
Давно не верю я обетам вероломным,
И ласковым речам, и блеску женских глаз.
Она когда-то мне лукаво обещала,
Что ночью встретимся и ночь укроет нас.
Я долго ждал тогда, забылся, истомленный,
Но только не пришла она и в этот раз...
Что делать мне теперь? Мучительно и горько
читать в глазах ее насмешливый отказ.
Ужель, жестокая, она не понимает,
Что взор сразил меня и душу мне потряс?
О боже праведный, умножь мои богатства,
Чтоб злата у меня не иссякал запас.
Она не устоит перед оружием этим,
И успокоюсь я, победой утолясь.
Перевод Н. Стефановича
«Влюблен я в звездочку...»

Влюблен я в звездочку. Любой, ее заметя
И полюбив ее, повержен и убит.
Я знаю, и меня она не пощадит.
Смогу ли от нее найти надежный щит.
Или не властен я рассеять чары эти?
Сальвато, весельчак, – ужели быть беде?
Блуждаешь, как в бреду, никто не знает – где,
Не прикасаешься к напиткам и еде, –
Ты молчаливее, ты всех мрачней на свете!
И так ответил я: «Увы, свидетель бог,
Я не стерпел моей тоски, не превозмог.
Зачем к ее дверям иль в винный погребок
Теперь влечет меня так властно из мечети?
Одна лишь страсть к тебе теперь во мне жива,
Ты вавилонского чудесней волшебства,
И музыкой твои мне кажутся слова,
И пенье слышится всегда в твоём привете.
А грудь – как яблоки. А нежная щека,
Как мрамор, белая, как мел или мука.
Улыбка светлая лукава и сладка.
И зубы, как алмаз. И красота в расцвете
Когда б велела ты нам всем, отбросив страх.
Забывать, как нужен пост и всемогущ аллах, –
В мечети в тот же миг, в ее пустых стенах
Остался б только тот, кто связан, кто в цепях.
Кого крепчайшие опутывают сети.
Что слаще на земле дыханья твоего?
Ты госпожа моя, царица, божество.
А кто не верит мне и спорит – я того
Сражаю наповал одним ударом плети.
Зачем же прячешься куда-то от меня?
Я изнемог уже от страстного огня...
Когда ж благословит нас бог, соединя,
И ниспошлет любви взаимной долготелье?».
Перевод Н. Стефановича
«Покинут я – как мой удел суров...»

Покинут я – как мой удел суров!
Ни строчки, ни записки, ни ответа...
О, если бы хоть знать, что в мире где-то
Найду тебя, о, если б вера эта,
Что ты опять откликнешься на зов...
Ты бросила меня, и сердцу ясно,
Что все мечты бесплодны и напрасны,
И лишь тоска со мною ежечасно,
И догореть последний луч готов.
Убийственны любви моей мытарства.
О, выслушай без злобы и коварства,
Ведь гибну я, – бессильны все лекарства...
Любовь и смерть – страшнее нет врагов.
Перевод Н. Стефановича
ибн аль-Араби (1165–1240)

«Когда воркует горлинка, не плакать я не в силах...»

Когда воркует горлинка, не плакать я не в силах,
Когда воркует горлинка, я в горестях унылых;
И слезы катятся, и я горячих слез не прячу.
Когда воркует горлинка, я вместе с нею плачу.
Осиротела горлинка – запричитала тонко;
И мать бывает сиротой, похоронив ребенка!
А я на горестной земле за всех сирот печальник.
Хоть бессловесна горлинка – я вовсе не молчальник.
Во мне неутомима страсть к той горестной округе,
Где бьют ключи и горячи в ночи глаза подруги.
Чей взгляд, метнувшись, наповал влюбленного уложит,
Чей взгляд – булат и, как кинжал, вонзиться в сердце может.
Я слезы горькие копил, я знал – настанет жажда,
Я в тайнике любовь хранил, боясь охулки каждой.
Но ворон трижды прокричал, и суждена разлука;
Расстались мы, и мир узнал, кого терзает мука...
Они умчались, в ночь скача, верблюдов погоняли,
И те, поклажу волоча, кричали и стенали.
А я поводишь не рванул, почуяв горечь скачки,
А я верблюда повернул, дышавшего в горячке.
Когда любовью ранен ты, тебя убьет разлука.
Но если встреча суждена – легка любая мука!
Запомни, порицатель мой: донесешь вовек и ныне
Она одна любима мной – и здесь и на чужбине!
О погонщик верблюдов, не надо спешить, стой!
Я за вами бреду спозаранку, больной и пустой...
Стой, погонщик! Помедли! Вниманием меня удостой!
Богом я заклиная тебя и любовной своей маетой!
Слабы ноги мои, но душа окрылилась мечтой –
Милосердья прошу и молю об услуге простой;
Ведь не может чеканщик узор проковать золотой,
Если сбиты чеканы и крив молоточек литой.
Ты в долину сверни, к тем кострам – там их мирный стой.
О благая долина! Мне сладостен дым твой густой,
О долина, ты всех собрала, кто мне верный устой,
Кто – дыханье мое и души моей жаркий настой!
Я любовь заслужу, коль умру со своей тяготой
На коне ли, в постели иль в сирой степи, как святой.
Перевод А. Эппеля
«Остановись у палаток, развалины обрыдай...»

Остановись у палаток, развалины обрыдай,
Стенам обветшалым вопрос вековечный задай;
Узнай ты у них, где твоих ненаглядных шатры,
Где след их в пустыне, поклажа, стада и костры.
Все словно бы рядом, но это всегдашний мираж:
И пальмы, и люди, и груды лежащих поклаж.
Все так далеки, а пустыня окрест горяча,
Они на чужбине кочуют у чудо-ключа.
Я ветер восточный спросил: «О, скажи, задувавший с утра,
Где встретил ты их – на пути или возле шатра?».
И ветер ответил: «Они на вершине холма
Поставили нынче свои кочевые дома.
Они над любимой раскинули полог цветной,
Чтоб ей не во вред оказался полуденный зной.
Верблюдов усталых уже разгрузили они.
А ты собирайся! Седлай! Разыщи! Догони!
Когда же устанешь гостить по заезжим дворам,
Когда поплутаешь по долам, пескам и горам,
Тогда их стоянку почует замученный конь –
Увидишь костер их, похожий на страсти огонь.
Седлай! Собирайся! Ты страстью великой объят.
А страхи пустыни пред нею беспомощней львят!».
Перевод А. Эппеля
«Из-за томной, стыдливой и скромной я тягостно болен...»

Из-за томной, стыдливой и скромной я тягостно болен.
Вы сказали о ней – я утешен, польщен и доволен.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Стонут голуби горько в полете крутом и прощальном;
Их печали меня навсегда оставляют печальным.
Мне дороже всего это личико с мягким овалом,
Среди прочих красавиц сокрыто оно покрывалом.
Было время, глядел я влюбленно на это светило,
Но оно закатилось, и душу печаль помутила.
Вижу брошенный угол и птиц, запустения вестниц;
Сколько прежде в шатрах я знавал полногрудых прелестниц!
Жизнь отца своего я отдам, повинуюсь желанью,
Повинуюсь пыланью, в душе моей вызванном ланью.
Мысль о ней в пламенах, осиянная сказочным светом.
Разгорается свет – и пылание меркнет при этом...
О друзья, не спешите! Прошу вас, друзья, не спешите!
У развалин жилища ее – вы коней вороных придержите!
Придержите, друзья, скакуна моего за поводья,
Погорюйте со мною, друзья дорогие, сегодня!
Постоимте немного, оплачем мою неудачу,
Или лучше один я свою неудачу оплачу!
Словно стрелы каленые, выстрелы яростной страсти,
И желания меч пересек мое сердце на части.
Вы участьем меня, дорогие друзья, подарите,
Вы отчасти хоть слезы мои, дорогие друзья, разделите!
Расскажите, друзья, расскажите о Хинд и о Лубне!
О Сулейме, Инане и Зейнаб рассказ будет люб мне.
А потом, когда станем блуждать, как блуждали доселе,
Расскажите о пастбищах тех, где резвятся газели.
О Маджнуне и Лейле скажите, мое утоляя пыланье,
Расскажите о Мей и еще о злосчастном Гайляне.
Ах, сколь длительна страсть к той, которой – стихов моих четки.
Россыпь слов, красноречье и доводы мудрости четкой.
Родовита она, ее родичи царского сана,
Властины великого града они Исфахана.
Дочь Ирана она, и отец ее – мой же учитель.
Я же ей не чета – я пустынного Йемена житель.
И отсюда тревожность моя и счастливых минут невозможность;
Мы неровня друг другу – мы просто противоположность.
Если б ты увидал за беседою нас, в разговорах,
Где друг другу мы кубки любви подносили во взорах,
Где в беседе горячечной, пылкой, немой, безъязыкой
Наша страсть оставалась взаимной и равновеликой –
Был бы ты поражен этим зрелищем дивным и странным,
Ведь в глазах наших Йемен соединился с Ираном!
Нет, не прав был поэт, мне, наследнику, путь указавший,
Нет, не прав был поэт, в достоверное время сказавший.
«Кто Канопус с Плеядами в небе высоком поженит?
Кто порядок всегдашний в чертогах небесных изменит?
Вековечный порядок незыблем, един и всемерен:
Над Ираном – Плеяды, Канопуса родина – Йемен».
Перевод А. Эппеля
«В Сехмад веди, погонщик, дорога туда не долга...»

В Сехмад веди, погонщик, дорога туда не долга.
Там тростники зеленые и сладостные луга,
Яркая молния в небе сверкает жалом клинка,
Утром и вечером белые скопляются облака.
Песню запой, погонщик, в песне этой воспой
Стыдливых дев длинношеих, сияющих красотой.
В черных глазах красавиц черный пылает свет,
Каждая шею клонит, словно гибкую ветвь.
Каждая взглядом целит – не думай сердце сберечь!
Ресницы – острые стрелы, взгляд – индостанский меч.
Шелка тоньше и мягче, белые руки нежны –
Алоэ и мускусом пахнут, как у индийской княжны.
Заглянешь в газельи очи – грусть и влажная тьма,
Их черноте позавидует даже сурьма сама!
Чары их столь убийственны, столь карминны уста!
В ожерелье надменности убрана их красота!
Но одной из красавиц желанья мои не милы.
Она холодна к человеку, сложившему ей похвалы.
Черным-черны ее косы, каждая – словно змея;
Они следы заматают, а это – стезя моя...

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Аллахом клянусь, я бесстрашен и презираю смерть!
Единственное пугает – не видеть, не ждать, не сметь.
Перевод А. Эппеля
«Среди холмов и долин...»

Среди холмов и долин,
На плоскогорьях равнин
Бегут антилопы стада,
Ища, где плещет вода.
Едва показалась луна,
Я пожалел, что она
Сверкнула на небесах
И я почувствовал страх
За свет неземной, за нее,
За нежную прелесть ее, –
Зачем сиять для меня?
Мне хуже день ото дня!
Жилы мои, надрывайтесь!
Глаза мои, не открывайтесь!
Слезы мои, проливайтесь!
Сердце мое, страдай!
Ты, что зовешь, погоди –
Огонь у меня в груди,
Разлука ждет впереди...
Господи, мужества дай!
Пришла разлука разлук –
И слезы исчезли вдруг.
Устрою в долине привал,
Где был сражен наповал.
Там серны пасутся. Там
Она – кому сердце отдам.
Скажи ей: «Один человек
Пришел проститься навек;
Забросило горе его
В края, где нет никого!
Луна, осиявшая высь,
Оставь несчастному жизнь!
Взгляни из-под покрывал,
Чтоб взгляд он в дорогу взял.
Увы, не под силу – ту
Постичь ему красоту!
Иль дай ему сладких даров,
И станет он жив и здоров,
Поскольку среди степей
Сейчас он трупа мертвей...».
Умру я от горя и зла,
Плачевны мои дела!
Был ветер восточный не прав,
Весть о тебе прервав!
С тобой он был тоже лжив,
Наворожив, что я жив...
Перевод А. Эппеля

«Отдам я отца за локоны, подобные тени ветвей...»

Отдам я отца за локоны, подобные тени ветвей,
Они над щеками чернеют, черненьких подвесок черней.
Распущенные и убранные, они – как древняя вязь,
И, словно змеи, упруги они, в тяжелых косах вьязь.
Они пленяют небрежностью, нежностью полнят сердца;
За дивные эти локоны отдам я родного отца.
Они, словно тучки небесные, ее отгоняют взгляд,
Они, словно скаред сокровище, ее красоту хранят,
Они, что улыбка нежная, словно чарующий смех, –
Как было бы замечательно перецеловать их всех!
Нежна она обнаженная – восточная эта княжна,
И, солнцем не обожженная, кожа ее влажна.
Речей ее сладкозвучие дурманит меня волшебством,
Словечки ее певучие туманят меня колдовством.
И нет ничего нечестивого в ее неземной красе,
И даже благочестивые придут к ее медресе [24].
Неизлечимо хворого влагою уст исцелит,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org

Зубов жемчугами порадует, улыбкою подарит.
Стрелы очей вонзаются в пылу любовных ловить,
Без промаха поражаются участники жарких битв.
А покрывало откинет она – и лик ее, как луна;
Ни полного, ни частичного затмения не знает она.
На тех, кто ей не понравится, облако слез найдет,
Бурю вздохов накличет она – бровью не поведет.
И вот, друзья мои верные, я в путях жаркой тщеты –
Теперь на меня нацелены чары ее красоты.
Она – само совершенство, любовь – совершенство мое.
Молчальника и отшельника сразит молчанье ее.
Куда бы она ни глянула, взор – отточенный меч.
Улыбка ее, что молния, – успеи себя побережь!
Постойте, друзья мои верные, не направляйте ног
Туда, где ее убежище, туда, где ее чертог.
Я лучше спрошу у сведущих, куда ушел караван;
Не помешают опасности тому, кто любовью пьян.
Я не боялся погибели в близком и дальнем краю,
В степях и пустынях усталую верблюдицу гнал свою.
Она отошала, бедная, от сумасшедшей гоньбы,
И силы свои порастратила, и дряблыми стали горбы.
И вот наконец к становищу добрался я по следам,
Верблюды высоконогие неспешно ходили там.
Была там луна незагатная, внушавшая страх красотой.
Была там она – ненаглядная – в долине заветной той.
Я подойти не отважился, как странник, кружил вокруг нее.
Она, что луна поднебесная, вершила кружение свое,
Плащом своим заметаючи следы верблюжьих копыт,
Тревожась, что обнаружит их настойчивый следопыт.
Перевод А. Эппеля
«Вот молния блеснет в Зат-аль-Ада...»

Вот молния блеснет в Зат-аль-Ада,
И свет ее нам донесет сюда
Гром громогласный, словно в битве вождь,
И жемчуга рассыплет свежий дождь.
Они воззвали к ней: «Остановись!».
Погонщика я умолял: «Вернись!
Останови, погонщик, караван –
Ведь я одной из ваших обуян!»
Гибка она, пуглива и стройна,
Лишь к ней одной душа устремлена.
Скажи о ней – и выпадет роса.
О ней твердят земля и небеса.
Пребуди она в бездонной глубине,
Пребуди она в надзвездной вышине –
Она в моих мечтаньях высока,
Не достигнет завистника рука!
А взор ее руины возродит,
Мираж бесплотный в явь оборотит.
На луг ли глянет – и цветов полно,
Вино протянет – усладит вино.
А лик ее сияет светом в ночь,
День – тьмы волос не может превозмочь.
Ах, мое сердце больше не вольно –
Оно без промаха поражено:
Очами мечет дротики она,
Копьеметателем не сражена.
Без милой обезлюдели края.
И над пустыней крики воронья.
Она совсем покинула меня,
А я остался здесь, судьбу кляня!
Я одинок и сир в Зат-аль-Ада...
Зову, ищу – ни слова, ни следа.
Перевод А. Эппеля
«Дыханье юности и младости расцвет...»

Дыханье юности и младости расцвет,
Предместье Карх, горячность бесед.
Семнадцать мне – не семь десятков лет,
И ты со мной, событий давних след:

Ущелье милое – приют мой и привет,
Дыханье юности и младости расцвет.
В Тихаму мчится конь, и в Надж, и горя нет,
И факел мой горит, даря пустыне свет.
Перевод А. Эппеля
«Господь, сохрани эту птичку на веточке ивы...»

Господь, сохрани эту птичку на веточке ивы;
Слова ее сладостны были, а вести правдивы.
Она мне сказала: «Коней оседлав на рассвете,
Ушли восвойси единственные на свете!»
Я следом за ними, а в сердце щемящая мука,
В нем адово пламя зажгла лиходейка-разлука.
Скачу я вдогон и коня горячу что есть мочи,
Хочу их следы наконец-то увидеть воочью.
И путь, мой нелегок, и нет мне в пути указанья,
Лишь благоуханье ее всеблагого дыханья.
Она, что луна, – занавеску слегка отпустила, –
Ночное светило дорогу в ночи осветило.
Но я затопил ту дорогу слезами своими,
И все подивились: «Как новой реки этой имя?
Река широка, ни верхом не пройти, ни ногами!».
Тогда я слезам повелел упадать жемчугами.
А вспышка любви, словно молния в громе гремящем,
Как облачный путь, одаряющий ливнем бурлящим.
От молний улыбок в душе моей сладкая рана;
А слезы любви – из-за сгинувшего каравана;
Идет караван, и стекает слеза за слезою..
Ты сравнивал стан ее с гибкой и сочной лозою, –
Сравнил бы лозу с этим гибким и трепетным станом,
И будешь правдивей в сравнении сем первозданном.
И розу еще луговую сравни в восхищенье
С цветком ее щек, запылавших румянцем смущенья.
Перевод А. Эппеля
«О голубки на ветках араки, обнявшейся с ивой...»

О голубки на ветках араки, обнявшейся с ивой!
О, как меня ранит ваш клекот, ваш голос тоскливый!
О, сжальтесь, уймите тревожные песни печали,
Чтоб скорбь не проснулась, чтоб струны души не звучали.
О, душ перекличка! О, зовы тоскующей птицы
На тихом восходе и в час, когда солнце садится!
Я вам откликаюсь всем трепетом, жилкою каждой,
Всем скрытым томленьем и всей неумною жаждой.
Сплетаются души, почуяв любви дуновенье,
Как пламени вихри над глыбами черных поленьев.
О, кто мне поможет пылать без угара и дыма
В слиянье немом, в единении с вечно любимой!
Кто даст потеряться, утратить черты и приметы
В калении белом, в горенье единого света?
Вокруг непостижного кружатся пламени шквалы,
Стремятся вовнутрь, но целуют одно покрывало.
Так, камни лобзая, пророк предстоял пред Каабой,
Как перед подобием чьим-то, неверным и слабым.
Что значат, сказал он, святые Кааба и Мекка
Пред истинным местом и высшей ценой человека?
Бессильны все клятвы, и тленный не станет нетленным.
Меняются лики, и только лишь суть неизменна.
Как дивна газель! О, блеснувшее длинное око,
В груди у меня ты как будто в долине глубокой.
И сердце мое принимает любое обличье –
То луг для газелей, то песня тоскливая птичья;
То келья монаха, то древних кочевий просторы;
То суры[25] Корана, то свитки священные Торы.
Я верю в любовь. О великой любви караваны,
Иду я за Кайсом, иду я дорогой Гайляна.
Вы, лубна и Лейла, для жаркого сердца примеры.
Любовь – моя сущность, и только любовь – моя вера.
Перевод З. Миркиной
«Луноликие скрылись в своих паланкинах...»

Луноликие скрылись в своих паланкинах.
Чуть качаясь, плывут у верблюдов на спинах.
Там за легкой завесой от взоров укрыты
Белый мрамор плеча, и уста, и ланиты.
Паланкины уходят, плывут караваны,
Обещанья вернуться – пустые обманы.
Вот махнула рукой, обнажая запястье,
Гроздь перстов уронив... Я пьянею от страсти!
И свернула к Садиру, вдали пропадая,
И о скорой могиле взмолился тогда я.
Но внезапно вернулась она и спросила:
«Неужель одного тебя примет могила?».
О голубка, дрожит в твоём голосе мука!
Как тебя ворковать заставляет разлука!
Как исходишься ты в этих жалобных стонах,
Отбирая и сон и покой у влюбленных!
Как ты к смерти зовешь... О, помедли, не надо!
Может, утренний ветер повеет прохладой,
Может, облако с гор разольется над сушей
И дождем напоит воспаленные души.
Дай пожить хоть немного, чтоб в ясные ночи
Стали зорки, как звезды, неспящие очи;
Чтобы дух, пробужденный в немое мгновенье,
Вместе с молнией вспыхнул бы в новом прозреньи.
Благо тихому сну, нам дающему силу!
Нет, не надо душе торопиться в могилу.
Смерть, довольно добычи ушло в твои сети, –
Пусть улыбкою доброй любовь нам ответит.
О, любовь! О таинственный ветер весенний!
Ты поишь нас вином глубины и забвенья,
Сердце к свету ведя в благовонье степное,
Тихо шепчешься с солнцем, щебечешь с луною...
Перевод З. Миркиной
«В обители святой, в просторах Зу-Салама...»

В обители святой, в просторах Зу-Салама,
В бесчисленных обликах изваяна газель.
Я вижу сонмы звезд, служу во многих храмах
И сторожу луга бесчисленных земель.
Я древний звездочет, пастух степей, я – иннок.
И всех троих люблю, и все они – одно.
О, не хули меня, мой друг, перед единой,
Которой все и всех вместить в себе дано.
У солнца блеск ее, и стройность у газели,
У мраморных богинь – белеющая грудь.
Ее одежду взяв, луга зазеленели
И пестрые цветы смогли в лучах сверкнуть.
Весна – дыханье той, невидимо великой.
А проблеск молний – свет единственного лика.
Перевод З. Миркиной
«О, ответь мне, лужайка, укрытая в скалах...»

О, ответь мне, лужайка, укрытая в скалах, –
Чья улыбка в покое твоём просверкала?
Чьи шатры под твоею раскинулись тенью?
Кто расслышал твой зов и затих на мгновенье?
Ты, над кем беззакатное золото брезжит,
Так свежа, что в росе не нуждаешься свежей.
Бурным ливнем тебе омыться не надо, –
В зной и в засуху вся ты – родник и прохлада, –
Так тениста, что тени не просишь у склона,
Как корзина с плодами, полна, благовонна,
И тиха до того, что блаженные уши
Каравана не слышат и криков пастушьих.
Перевод З. Миркиной
«Ранним утром смятенье в долине Акик...»

Ранним утром смятенье в долине Акик.
Там седлают верблюдов, там гомон и крик.
Долог путь по ущельям глубоким и скалам
К неприступной вершине сверкающей Алам.

Даже сокол не сможет добраться туда,
Только белый орел долетит до гнезда.
И замрет на узорчатом гребне вершины,
Как в развалинах замка на башне старинной.
Там на камне седом прочитаешь строку:
«Кто разделит с влюбленным огонь и тоску?».
О забросивший к звездам души своей пламя,
Ты затоптан, как уголь, у нее под ногами.
О познавший крыла дерзновенного взмах,
Ты не в силах привстать, утопая в слезах,
И, живущий в горах, над орлиным гнездовьем,
Ты в пыли распростерт и раздавлен любовью.
Вы, уснувшие в тихой долину Акик,
Вы, нашедшие вечности чистый родник,
Вы, бредущие к водам живым вереницей,
Чтобы жажду забыть, чтоб навеки напиться!
О, очнитесь скорей! О, придите сюда!
Помогите! Меня поразила беда
В стройном облике девы, чей голос и взор
Застигают врасплох, как набег среди гор.
Запах мускуса легкий едва уловим,
Вся она – точно ветка под ветром хмельным;
Словно кокон – плывущая линия стана,
Бедрa – будто холмы на равнине песчаной.
О, хулителю, над сердцем моим не злословь!
Друг, уйми свой укор, не брани за любовь.
Лишь рыданьями только могу отвечать я
На упреки друзей и на вражьи проклятья.
Точно в плащ, я в печаль завернулся свою.
Пью любовь по утрам, слезы вечером пью.
Перевод З. Миркиной
«О, смерть и горе сердцу моему...»

О, смерть и горе сердцу моему!
О радость духа, о бесценный дар! –
В груди моей живет полдневный жар,
В душе – луна, рассеявшая тьму.
О мускус! Ветка свежая моя!
Что благовонней в мире, что свежей?
Нектар сладчайший – радость жизни всей
С любимых уст твоих впиваю я.
О, луны щек, блеснувшие на миг
Из-под шелков нависшей темноты!
Нас ослепить собой боишься ты
И потому не открываешь лик.
Ты – солнце утра, молодой побег,
Хранимый сердцем трепетным моим.
Я напою тебя дождем живым,
Водю светлой самых чистых рек.
И ты взойдешь, как чудо для очей.
Увянешь – смерть для сердца моего.
Я в золото влюбился оттого,
Что ты в венце из золотых кудрей.
И если б в Еве видел сатана
Твой блеск, он преклонился б и поник;
И, созерцая светоносный лик,
Где красоты сияют письмена,
Свои скрижали бросил бы Идрис, –
Ты для пророка вера и закон.
Тебе одной бы уступила трон
Царица Сабы, гордая Билькис.
О утро, подари нам аромат!
О, ветра благовенного порыв! –
Ее дыханьем землю напоив,
Цветы и ветки нас к себе манят.
Восточный ветер шепчет и зовет
В путь до Каабы... Ветер, усыпи!
О, дай очнуться где-нибудь в степи,
В ущелье Мины, у крутых высот...
Не удивляйтесь, что в тоску свою
Я вплел всех трав и всех ветров следы, –

Когда поет голубка у воды,
Я дальний зов и голос узнаю.
Перевод З. Миркиной
«Лишь следы на песке да шатер обветшалый...»

Лишь следы на песке да шатер обветшалый –
Место жизни пустыней безжизненной стало.
Встань у ветхих шатров и в немом удивленье
Узнавай их – свои незабвенные тени.
Здесь со щек твоих мог собирать я когда-то,
Как с душистых лужаек, весны ароматы.
Просверкав, ты ушла, как в засушь зарница,
Не даруя дождя, не давая напиться.
«Да, – был вздох мне в ответ, – здесь под ивою гибкой
Ты ловил стрелы молний – сверканье улыбки.
А теперь на пустых обезлюдевших склонах
Жгут, как молнии, гребни камней раскаленных.
В чем вина этих мест? Только время виною
В том, что стало с шатрами, с тобою и мною».
И тогда я смирился и стихнул, прощая
Боль мою омертвелому этому краю.
И спросил, увидав, что лежат ее земли
Там, где ветры скрестились, просторы объема:
«О, поведай, что ветры тебе рассказали?».
«Там, – сказала она, – где пустынные дали,
Средь бесплодных равнин на песчаниках диких
Есть шатры нестареющих дев солнцеликих».
Перевод З. Миркиной
«О, светлые девы, мелькнувшие сердцу мгновенно...»

О, светлые девы, мелькнувшие сердцу мгновенно!
Они мне сияли в пути у Каабы священной.
Паломник, бредущий за их ускользящей тенью,
Вдохни аромат их, вдохни красоты дуновенье.
Во тьме бездорожий мерцает в груди моей пламя.
Я путь освещаю горящими их именами.
А если бреду в караване их, черною ночью
Полдненное солнце я на небе вижу воочью.
Одну из небесных подруг мои песни воспели –
О, блеск ослепительный, стройность и гибкость газели!
Ничто на земле состязанья не выдержит с нею –
Поникнет газель, и звезда устыдится, бледнея.
Во лбу ее – солнце, ночь дремлет в косе ее длинной.
О солнце и ночь, вы слились в ее образ единый!
Я с ней – и в ночи мне сияет светило дневное,
А мрак ее кос укрывает от жгучего зноя.
Перевод З. Миркиной
«Я откликаюсь каждой птице...»

Я откликаюсь каждой птице
На песню скорби, песню горя.
Пока напев тоскливый длится,
Душа ему слезами вторит.
И порывается, тоскуя,
Сказать певиче сиротливой:
«Ты знаешь ту, кого люблю я?
Тебе о ней сказали ивы?».
Перевод З. Миркиной
С персидского

Рудаки (ок. 860–941)

Стихи о старости

Все зубы выпали мои, и понял я впервые,
Что были прежде у меня светильники живые.
То были слитки серебра, и перлы, и кораллы,
То были звезды на заре и капли дождевые.
Все зубы выпали мои. Откуда же злосчастье?

Быть может, мне нанес Сатурн удары роковые?
О нет, не виноват Сатурн. А кто? Тебе отвечу:
То сделал бог, и таковы законы вековые.
Так мир устроен, чей удел – вращенье и круженье,
Подвижно время, как родник, как струи водяные.
Что ныне снадобьем слывет, то завтра станет ядом,
И что ж? Лекарством этот яд опять сочтут больные.
Ты видишь: время старит все, что нам казалось новым.
Но время также молодит деяния былые.
Да, превратились цветники в безлюдные пустыни,
Но и пустыни расцвели, как цветники густые.
Ты знаешь ли, моя любовь, чьи кудри, словно мускус,
О том, каким твой пленник был во времена иные?
Теперь чаруешь ты его прелестными кудрями, –
Ты кудри видела его в те годы молодые?
Прошли те дни, когда свежи, упруги были щеки,
Прошли, исчезли эти дни – и кудри смоляные.
Прошли те дни, когда он был желанным, милым гостем,
Он, видно, слишком дорог был – взамен пришли другие.
Толпа красавиц на него смотрела с изумленьем,
И самого его влекли их чары колдовские.
Прошли те дни, когда он был беспечен, весел, счастлив,
Он радости большие знал, печали – небольшие.
Деньгами всюду он сорил, тюрчанке с нежной грудью
Он в этом городе дарил дирхемы[26] золотые.
Желали насладиться с ним прекрасные рабыни,
Спешили, крадучись, к нему тайком в часы ночные,
Затем, что опасались днем являться на свиданье, –
Хозяева страшили их, темницы городские!
Что было трудным для других, легко мне доставалось, –
Прелестный лик, и стройный стан, и вина дорогие.
Я сердце превратил свое в сокровищницу песен,
Моя печать, мое тавро – мои стихи простые.
Я сердце превратил свое в ристалище веселья,
Не знал я, что такое грусть, томления пустые.
Я в мягкий шелк преображал горячими стихами
Окаменевшие сердца, холодные и злые.
Теперь стихи мои живут во всех чертогах царских,
В моих стихах цари живут, дела их боевые.
Мой слух всегда был обращен к великим словотворцам,
Мой взор красавицы влекли, шалуни озорные.
Забот не знал я о жене, о детях, о семействе,
Я вольно жил, я не слыхал про тяготы такие.
О если б, милая, меня ты видела в те годы,
А не теперь, когда я стар и дни пришли плохие,
Тогда звенел я соловьем, слагая песнопенья,
Тогда я гордо обходил пути, края земные.
Тогда я был слугой царям и многим – близким другом.
Теперь я растерял друзей, вокруг – одни чужие.
Заслушивался Хорасан твореньями поэта,
Их переписывал весь мир, чужие и родные.
Куда бы я ни приходил в жилища благородных,
Я всюду яства находил и кошелю тугие.
Мне сорок тысяч подарил властитель Хорасана,
Пять тысяч дал эмир Макан, – даренья недурные.
У слуг царя, по мелочам, набрал я восемь тысяч.
Счастливый, песни я слагал правдивые, прямые.
Лишь должное воздал эмир мне щедростью подобной,
А слуги, следуя царю, раскрыли кладовые.
И тем и этим я владел в блестящий век Саманов,
От них – величье, и добро, и радости мирские.
Но изменились времена, и сам я изменился,
Дай посох: с посохом, с сумой должны брести седые.
Перевод С. Липкина

«В благоухании, в цветах пришла желанная весна...»

В благоухании, в цветах пришла желанная весна,
Сто тысяч радостей живых вселенной принесла она.
В такое время старику нетрудно юношею стать,
И снова молод старый мир, куда девалась седина!

Построил войско небосвод, где вождь – весенний ветерок,
Где тучи – всадники равны, и мнится: началась война.
Вот молний греческий огонь, вот воин-барабанщик – гром,
Скажи, какая рать была, как это полчище, сильна?
Взгляни как туча слезы льет. Так плачет в горе человек.
Гром на влюбленного похож, чья скорбная душа больна.
Порою солнце из-за туч покажет нам свое лицо,
Иль то над крепостной стеной нам голова бойца видна?
Земля на долгий срок была во тьму повергнута, в печаль,
Лекарство ей принес жасмин, она теперь исцелена.
Все лился, лился, лился дождь, как мускус, он благоухал,
А по ночам на тростнике лежала снега пелена.
Освобожденный от снегов, окрепший мир опять расцвел
Ручьи наполнила вода, всегда шумна, всегда вольна.
Как ослепительный клинок, сверкнула молния меж туч,
И прокатился первый гром, и громом степь потрясена.
Тюльпаны, весело цветя, смеются в травах луговых,
Как новобрачные они, чьи пальцы выкрасила хна.
На ветке ивы соловей поет о счастье, о любви,
Ему в ответ поет скворец от ранней зорьки дотемна.
Воркует голубь древний сказ на кипарисе молодом,
О розе песня соловья так упоительно звучна.
Живите весело теперь и пейте славное вино,
Пришла любовников пора, им радость встречи суждена.
В кустах шиповника, в саду, влюбленный стонет соловей,
Успокоенье ты найдешь от звуков лютни и вина.
Перевод С. Липкина
«Плещет, блещет Мулиён, меня зовет...»

Плещет, блещет Мулиён, меня зовет,
Та, в которую влюблен, меня зовет.
Под ногами, словно шелк, пески Аму,
Трудный брод, зеленый склон меня зовет.
Там, где пена по колена скакунам,
Там Джейхуна[27] слышен стон: меня зовет.
В город счастья, в Бухару спеши, эмир,
Шлет она тебе поклон, меня зовет.
Ты – луна, а Бухара – небесный свод,
Что луною озарен, меня зовет.
Ты – платан, а Бухара – цветущий сад,
Листьев шум, пернатых звон меня зовет...
Перевод С. Липкина
«Будь весел с черноокою вдвоем...»

Будь весел с черноокою вдвоем,
Затем, что сходен мир с летучим сном.
Ты будущее радостно встречай,
Печалиться не стоит о былом.
Я и подруга нежная моя,
Я и она – для счастья мы живем.
Как счастлив тот, кто брал и кто давал,
Несчастен равнодушный скопидом.
Сей мир, увы, лишь вымысел и дым,
Так будь, что будет, насладись вином!
Перевод С. Липкина
«По струнам Рудаки провел рукой...»

По струнам Рудаки провел рукой.
Запел он о подруге дорогой.
Рубин вина – расплавленный рубин,
Но и с губами схож рубин такой.
Одна первооснова им дана:
Тот затвердел, расплавился другой.
Едва коснулся, – руку обожгло,
Едва пригубил, – потерял покой.
Перевод С. Липкина
«Мою Каабу превратила ты в христианский храм...»

Мою Каабу превратила ты в христианский храм,
В неверии друзей лишила, зачем – не знаю сам,
А после тысячи поклонов кумиру моему,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Любовь, я стал навеки чуждым всем храмам и богам[28].
Перевод С. Липкина
«Прелесть смоляных, вьющихся кудрей...»

Прелесть смоляных, вьющихся кудрей
От багряных роз кажется нежней.
В каждом узелке – тысяча сердец,
В каждой завитке – тысяча скорбей.
Перевод С. Липкина
«Прекрасен день весны – пахучий, голубой...»

Прекрасен день весны – пахучий, голубой,
Но мне милее ночь свидания с тобой.
Перевод С. Липкина
«Ты со мной, но я боюсь...»

Ты со мной, но я боюсь: уйдешь ты на мою беду.
Днем часам веду я счет, а ночью звездам счет веду.
Перевод С. Липкина
«Не любишь, а моей любви ты ждешь...»

Не любишь, а моей любви ты ждешь.
Ты ищешь правды, а сама ты – ложь.
Перевод С. Липкина
«Только тот, кто пьян любовью...»

Только тот, кто пьян любовью, понял, что такое хмель,
Перенес ты бед немало, но такой не знал досель.
Перевод С. Липкина
«Ты не газель: в мои тенёта пришла...»

Ты не газель: в мои тенёта пришла, сама того желая,
Ты не ищи освобожденья; не вырывайся, дорогая!
Перевод С. Липкина
«Да не будет в мире сердца, что ее не жаждет страстно...»

Да не будет в мире сердца, что ее не жаждет страстно,
Да земли не будет в мире, что не будет ей подвластна!
Перевод С. Липкина
«Я всегда хочу дышать амброю твоих кудрей...»

Я всегда хочу дышать амброю[29] твоих кудрей.
Нежных губ твоих жасмин дай поцеловать скорей!
Всем песчинкам поклонюсь, по которым ты прошла,
Бью почтительно челом пыли под ногой твоей.
Если перстня твоего на печати вижу след,
Я целую то письмо, что вселенной мне милей.
Если в день хотя бы раз не дотронусь до тебя,
Пусть мне руку отсекут в самый горестный из дней!
Люди просят, чтобы я звонкий стих сложил для них,
Но могу я лишь тебя славить песнею моей!
Перевод С. Липкина
«Лицо твое светло, как день из мертвых воскресенья...»

Лицо твое светло, как день из мертвых воскресенья,
А волосы черны, как ночь не знающих спасенья.
Тобою предпочтен, я стал среди влюбленных первым,
А ты красавиц всех стройней, а ты – венец творенья.
Кааба – гордость мусульман, а Нил – сынов Египта,
А церкви – гордость христиан, есть разные ученья,
А я горжусь блистаньем глаз под покрывалом черным.
Увижу их – и для меня нет радостней мгновенья.
Перевод С. Липкина
«Лишь ветерок из Бухары ко мне примчится снова...»

Лишь ветерок из Бухары ко мне примчится снова, –
Жасмина запах оживет и мускуса ночного.
Воскликнут жены и мужа – То ветер из Хотана,
Благоуханье он принес цветенья молодого!
Нет, из Хотана никогда такой не веет ветер,
То – от любимой ветерок, и нет милее зова!

Ты далеко, но твой наряд мне снится на рассвете
В мечтах – в объятьях ты моих, краса всего земного!
Мы знаем: свет звезды Сухейль приходит из Йемена, –
Ищу тебя, звезда Сухейль, средь звездного покрова!
О мой кумир, я от людей твое скрываю имя,
Оно – не для толпы, оно – не для суда людского,
Но стоит слово мне сказать, – хочу иль не хочу я, –
Заветным именем твоим становится то слово.
Перевод С. Липкина
«Слышу два великих слова, – и страдаю, оскорбленный...»

Слышу два великих слова, – и страдаю, оскорбленный,
Их впустую чернь склоняет, не постигнув их законы.
О красавице прекрасной говорят: – Она прекрасна!
Кто влюблен, того влюбленным кличет голос изумленный.
Это больно мне, подруга, ибо только ты – прекрасна,
Это больно мне, страдальцу, ибо только я – влюбленный.
Перевод С. Липкина
«Только раз бывает праздник, раз в году его черед...»

Только раз бывает праздник, раз в году его черед, –
Взор твой, пери[30], праздник вечный, вечный праздник в сердце льет
Раз в году блистают розы, расцветают раз в году,
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет.
Только раз в году срываю я фиалки в цветнике,
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет.
Только раз в году нарциссы украшают грудь земли,
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год.
Эти черные нарциссы, чуть проснулись – вновь цветут,
А простой нарцисс, увянув, новой жизнью не блеснет.
Кипарис – красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он – горбун, кривой урод.
Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии – в других,
Ты – цветник, в котором блещут все цветы земных широт.
Ярче розы твой румянец, шея – лилии белей,
Зубы – жемчуг многоценный, два рубина – алый рот.
Вьется кругом безупречным мускус локонов твоих,
В центре – киноварью губы, точно ярко-красный плод,
Ты в движенье – перепелка, ты в покое – Кипарис,
Ты – луна, что затмевает всех красавиц хоровод.
Ты – луна в кольчуге страсти и с колчаном нежных стрел,
Перепелка – с кубком хмельным, кипарис, что песнь поет.
Не цепями приковала ты влюбленные сердца –
Каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед...
Перевод В. Левика
«О ты, чья бровь – как черный лук, чей локон петлю завит...»

О ты, чья бровь – как черный лук, чей локон петлю завит,
Чьи губы красны, как рубин, нежнее шелка пух ланит!
Тюльпаном расцветает шелк, и пахнет мускусом аркан,
Лук мечет стрелы галие[31], и жемчуга рубин таит.
Под сводами бровей цветут нарциссы огненных очей.
Но пышный гиацинт волос в их завитках покуда скрыт,
Твоих кудрей волнистый шелк волшебник мускусом натер
И губы в сахар обратил, чтоб влажный лал[32] не знал обид.
О, сколько раз я в сеть любви смятенным сердцем попадал!
О, сколько раз я, как змеей, был страстью пламенной обвит!
Но гибели я не страшусь, хоть вижу гибельную сеть,
Не замечаю смертных уз, хотя и мне аркан грозит.
Твой взор – двойник души твоей, он тем же полон волшебством.
Мой стан – двойник твоих кудрей, в том горький мой и сладкий стыд.
Но стан и кудри – что роднит? – Дугой согбенная спина!
Но взор и душу – что роднит? – Желанье, что тебя томит!
Не Заратуштры ли огонь пылает на твоих щеках?
Не мускус ли и галие твоих кудрей поток струит?
Кудрями сердце отняла, его глазам ты отдала.
Моя душа полна тоской, но сердце радостью горит...
Перевод В. Левика
«Я потерял покой и сон – душа разлукою больна...»

Я потерял покой и сон – душа разлукою больна,

Так не страдал еще никто во все века и времена.
Но вот свиданья час пришел, и вмиг развеялась печаль, –
Тому, кто встречи долго ждал, стократно сладостна она.
Исполнен радости, я шел давно знакомую тропой,
И был свободен мой язык, моя душа была ясна.
Как с обнаженной грудью раб, я шел знакомую тропой,
И вот навстречу мне она, как кипарис, тонка, стройна.
И мне, ласкаясь, говорит: ты истомился без меня?
И мне, смущаясь, говорит: твоя душа любви верна?
И я в ответ: о ты, чей лик затмил бы гурий красотой!
О ты, кто розам красоты на посрамленье рождена!
Мой целый мир – в одном кольце твоих агатовых кудрей,
В човганы[33] локонов твоих вся жизнь моя заключена.
Я сна лишился от тоски по завиткам душистых кос,
И от тоски по блеску глаз лишился я навеки сна.
Цветет ли роза без воды? Взойдет ли нива без дождя?
Бывает ли без солнца день, без ночи – полная луна?
Целую лалы уст ее – и точно сахар на губах,
Вдыхаю гиацинты щек – и амброй грудь моя полна.
Она то просит: дай рубин – и я рубин ей отдаю,
То словно чашу поднесет – и я пьянею от вина...
Перевод В. Левика
«Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот...»

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрыв ковром цветочным дол и влажной пылью – небосвод.
Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.
Под вечер заблестал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.
Цветок смеется мне вдали – иль то зовет меня Лейли.
Рыдая, облако пройдет – Маджнун, быть может, слезы льет.
И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод,
Ей стоит косу распустить – и сто сердец блаженство пьют,
Но двести кровью изойдут, лишь гневный взор она метнет.
Покуда розу от шипа глупец не в силах отличить,
Пока безумец, точно мед, дурман болезнетворный пьет,
Пусть будут розами шипы для всех поклонников твоих,
И как дурман, твои враги пусть отвергают сладкий мед...
Перевод В. Левика
«Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан...»

Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан,
Как твой благоуханный локон, изогнут мой согбенный стан.
Доколе мне ходить согбенным, в разлуке мне страдать доколе?
Как дни влачить в разлуке с другом, как жить под небом чуждых стран?
Не оттого ли плачут кровью мои глаза в ночи бессонной?
Не оттого ли кровь струится потоком из сердечных ран?
Но вот заволновалась тучка, как бы Лейли, узрев Маджнуна,
Как бы Узра перед Вамиком[34], расцвел пылающий тюльпан.
И солончак благоухает, оваян севера дыханьем,
И камень источает воду, весенним ароматом пьян.
Венками из прозрачных перлов украсил ветви дождь весенний,
Дыханье благовонной амбры восходит от лесных полян.
И кажется, гранит покрылся зеленоблещущей лазурью,
И в небесах алмазной нитью проходит тучек караван...
Перевод В. Левика
«Самум разлуки налетел – и нет тебя со мной...»

Самум разлуки налетел – и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.
Твой локон – смертоносный лук, твои ресницы – стрелы,
Моя любовь! Как без тебя свершу я путь земной!
И кто дерзнет тебя спросить: «Что поцелуи твой стоит?» –
Ста жизнью мало за него, так как же быть с одной?
Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила.
Ты сердце опалила мне усладой хмельной.
Перевод В. Левика
«О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой...»

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой,
Хоть раз обрадуй Рудаки, свое лицо ему открой.
Ужель так тягостно тебе открыть лицо, поцеловать
И так легко меня терзать, губить навеки мой покой?
Что для меня легко – тебе великим кажется трудом,
Что тяжело мне, то тебе забавой кажется пустой.
Перевод В. Левика
«Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз...»

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз:
Цвет взяла для щек румяных, аромат – для черных кос.
Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо,
Пряным мускусом повеет от распущенных волос.
Перевод В. Левика
«Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит...»

Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит,
И к тебе из губ раскрытых крик любви не излетит,
Дорогая, сядь на коврик и с улыбкою скажи:
«Как печально! Умер бедный, не стерпев моих обид!».
Перевод В. Левика
«Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожиданья...»

Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожиданья,
Но от возлюбленной, как радость, она приемлет и страданья.
Тебя ночами вспоминаю и говорю: великий боже!
Отраднa и разлука с нею, каким же будет день свиданья!
Перевод В. Левика
«К тебе стремится прелесть красоты...»

К тебе стремится прелесть красоты,
Как вниз поток стремится с высоты.
Перевод В. Левика
«Поцелуй любви желанный, – он с водой соленой схож...»

Поцелуй любви желанный, – он с водой соленой схож.
Тем сильнее жаждешь влаги, чем неистовее пьешь.
Перевод В. Левика
Омар Хайам (ок. 1048 – ок. 1123)

«И пылинка – живую частицей была...»

И пылинка – живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой[35] яснолицей была!
Перевод Г. Плисецкого
«Видишь этого мальчика, старый мудрец...»

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется – строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!».
Перевод Г. Плисецкого
«Нет ни рая, ни ада, о сердце мое...»

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!
Перевод Г. Плисецкого
«Если низменной похоти станешь рабом...»

Если низменной похоти станешь рабом –
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и – куда же потом?
Перевод Г. Плисецкого
«Сей кувшин, принесенный из погребка...»

Сей кувшин, принесенный из погребка,
Был влюбленным красавцем в былые века.
Это вовсе не ручка на горле кувшинном –
А обвившая шею любимой рука.
Перевод Г. Плисецкого
«На зеленых коврах хорасанских полей...»

На зеленых коврах хорасанских полей
Вырастают тюльпаны из крови царей,
Вырастают фиалки из праха красавиц,
Из пленительных родинок между бровей...
Перевод Г. Плисецкого
«Поутру просыпается роза моя...»

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О жестокое небо! Едва распустилась –
Как уже осыпается роза моя.
Перевод Г. Плисецкого
«Разорвался у розы подол на ветру...»

Разорвался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза – мгновенна,
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...».
Перевод Г. Плисецкого
«Ты не очень-то щедр, всемогущий творец...»

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
Сколько в мире тобою разбитых сердец!
Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!
Перевод Г. Плисецкого
«Ты не слушай глупцов, умудренных житьем...»

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
С молодой уроженкой Тараза вдвоем
Утешайся любовью, Хайам, и питьем,
Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...
Перевод Г. Плисецкого
«Видит бог: не пропившись, я пить перестал...»

Видит бог: не пропившись, я пить перестал,
Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
Пил – утешить хотел безутешную душу.
Всей душой влюбившись, я пить перестал.
Перевод Г. Плисецкого
«Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда...»

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным – не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу-богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!
Перевод Г. Плисецкого
«Каждый розовый, взоры ласкающий куст...»

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
Рос из праха красавиц, из розовых уст.
Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств.
Перевод Г. Плисецкого
«Оттого, что неправеден мир, не страдай...»

Оттого, что неправеден мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.
Перевод Г. Плисецкого
«Как прекрасны и как неизменно новы...»

Как прекрасны и как неизменно новы

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
И румянец любимой, и зелень травы!
Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!».
Перевод Г. Плисецкого
«Лунолика! Чашу вина и греха...»

Лунолика! Чашу вина и греха
Пей сегодня – на завтра надежда плоха.
Завтра, глядя на землю, луна молодая
Не отыщет ни славы моей, ни стиха.
Перевод Г. Плисецкого
«Виночерпий, бездонный кувшин приготовь...»

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
Эта влага мне стала единственным другом,
Ибо все изменили – и друг и любовь.
Перевод Г. Плисецкого
«Когда ветер у розы подол разорвет...»

Когда ветер у розы подол разорвет,
Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
На лужайке с подругой своей белогрудой
И об камень ненужный сосуд разобьет!
Перевод Г. Плисецкого
«С той, чей стан – кипарис, а уста – словно лал...»

С той, чей стан – кипарис, а уста – словно лал
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!
Перевод Г. Плисецкого
«Не горюй, что забудется имя твое...»

Не горюй, что забудется имя твое.
Пусть тебя утешает хмельное питье.
До того, как суставы твои распадутся, –
Утешайся с любимой, лаская ее.
Перевод Г. Плисецкого
«Словно ветер в степи, словно в речке вода...»

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел – и назад не придет никогда,
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем – не стоит труда.
Перевод Г. Плисецкого
«Лживой книжной премудрости лучше бежать...»

Лживой книжной премудрости лучше бежать,
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
До того, как судьба твои кости иссушит, –
Лучше чашу без устали осушать!
Перевод Г. Плисецкого
«Отврати свои взоры от смены времен...»

Отврати свои взоры от смены времен,
Весел будь неизменно, влюблен и хмелен.
Не нуждается небо в покорности нашей –
Лучше пылкой красавицей будь покорен!
Перевод Г. Плисецкого
«Мир – капкан, от которого лучше бежать...»

Мир – капкан, от которого лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
Пламя скорби гаси утешительной влагой.
Ветру смерти не дай себя с прахом смешать.
Перевод Г. Плисецкого
«Словно солнце, горит, не сгорая, любовь...»

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая – любовь.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Но еще не любовь – соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, – любовь!
Перевод Г. Плисецкого
«Кто урод, кто красавец – не ведает страсть...»

Кто урод, кто красавец – не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.
Перевод Г. Плисецкого
«Чем за общее счастье без толку страдать...»

Чем за общее счастье без толку страдать –
лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.
Перевод Г. Плисецкого
«Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось...»

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
Утолить свою страсть без мучений и слез?
Дал себя распилить черепаховый гребень,
Чтобы только коснуться любимых волос!
Перевод Г. Плисецкого
«Пей с достойным, который тебя не глупей...»

Пей с достойным, который тебя не глупей,
Или пей с луноликой любимой своей.
Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.
Перевод Г. Плисецкого
«Я к неверной хотел бы душой охладеть...»

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
Новой страсти позволить собой овладеть.
Я хотел бы – но слезы глаза застилают,
Слезы мне не дают на другую глядеть!
Перевод Г. Плисецкого
«Когда песню любви запоют соловьи...»

Когда песню любви запоют соловьи –
Выпей сам и подругу вином напои.
Видишь, роза раскрылась в любовном томленьи?
Утоли, о влюбленный, желанья свои!
Перевод Г. Плисецкого
«Дай вина! Здесь не место пустым словесам...»

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
Поцелуй любимой – мой хлеб и бальзам.
Губы пылкой возлюбленной – винного цвета,
Буйство страсти подобно ее волосам.
Перевод Г. Плисецкого
«Не моли о любви, безнадежно любя...»

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим –
Может статься, тогда и полюбят тебя.
Перевод Г. Плисецкого
«Горе сердцу, которое льда холодней...»

Горе сердцу, которое льда холодней,
Не пылает любовью, не знает о ней.
А для сердца влюбленного – день, проведенный
Без возлюбленной, – самый пропащий из дней!
Перевод Г. Плисецкого
«Волшебства о любви болтовня лишена...»

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли – огня лишена.
А любовь настоящая жарко пылает,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Сна и отдыха ночи и дня лишена.
Перевод Г. Плисецкого
«В жизни сей опьянение лучше всего...»

В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение лучше всего.
Перевод Г. Плисецкого
Хакани (1120–1199)

«Тюрчанка, откуда ты к нам пришла на погибель сердец...»

Тюрчанка, откуда ты к нам пришла на погибель сердец?
В каком ты взросла цветнике, бесценной красоты образец?
Редчайший рисунок творца, прекраснейший в мире кумир,
В каком ты чертоге живешь, какой украшаешь дворец?
Сойдя со страниц красоты, ты словно от бога пришла.
Кого ты достойна, кому тебя предназначил творец?
О свежий розовый куст, расцветший студеной зимой!
Откуда дыханье весны несешь ты, чудесный гонец?
Неверье отринула ты, притворно в ислам перешла.
Чью веру решила отнять, на чей посягаешь венец?
Душа расстается с душой, мечтая тебя увидеть.
С кем клятвую связана ты, кто рая земного жилец?
Вчера ты ушла от меня, покинула праздничный пир,
Скажи мне: где нынче гостишь, какой тебе мил удалец?
Воистину твой Хакани, как прежде, он верен тебе.
Ответь же: кому ты верна и чья ты сама наконец?
Перевод М. Синельникова
«О ты, заставившая все кровоточить сердца...»

О ты, заставившая все кровоточить сердца,
Не одного сломила ты, сгубила гордеца!
О ты, из-за которой нам покоя не видать,
Оставившая жгучий след и в сердце мудреца!
Ты видишь: души обагрил кровавых слез поток,
И сердце выжала тоска, и муке нет конца.
Надежды нардовая кость застряла в тупике,
Нет хода на доске любви, не выйти из кольца.
Влюбленным нужно рисковать, и храбро я пошел
По улице, где ты живешь, до твоего крыльца.
Как только о твоей красе услышал Хакани,
Весть о безумии его перегнала гонца.
Перевод М. Синельникова
«Только в мире ты явилась – смуты пламенная мгла...»

Только в мире ты явилась – смуты пламенная мгла
Обожгла сердца, взъярилась, дымом все заволокла.
Что мне делать у порога? Не откликнешься на зов!
К небесам уходят вопли всех сжигаемых дотла.
Если голову ты вскинешь, сотни падают голов,
Лишь на миг ты нас покинешь, душ лишаются тела.
Нравом ты подобна миру, в мире этом, как ни жаль,
Невозможно, чтоб удача рядом с бедами не шла.
Знаю, что легко ты можешь утолить мою печаль.
Не сжигай души плененной, эта доля тяжела!
Вслушайся в мое стенанье, что взлетает к небесам!
Вместе с ним душа умчится, и останется зола.
Хакани коснулось тленье, подошла душа к устам,
Только дай соизволение, унесут ее крыла.
Перевод М. Синельникова
«Весна, что озаряет мир, явив щедроты, – это ты...»

Весна, что озаряет мир, явив щедроты, – это ты,
И легкий всадник, что громит ряды пехоты, – это ты,
Цветенье сердца моего и сладкий плод моей души,
Весна, что пробудить пришла мир от дремоты, – это ты.
Драконы выщипав кос, ресниц манящих колдовство,
И чудотворец и калиф, дол и высоты – это ты.

Ты на охоте дичь моя, но вижу: я тобой убит.
Пронзающая тучей стрел в пылу охоты, – это ты.
Я – тот несчастный, чьи дела тобой расстроены вконец.
Кос распустившая тугих водовороты – это ты.
Каменосердая, опять ты ранишь и не лечишь ран.
Бросающая в грудь мою прямые дроты, – это ты.
Убила чарами меня, не повредив и волоска.
Отринувшая свысока мои заботы, – это ты.
Ты взором сердце Хакани сожгла, красавица, дотла.
Преобразившая в огонь свои красоты, – это ты.
Перевод М. Синельникова
«Мир обновился, увидев тебя, душу твоей красой обновил...»

Мир обновился, увидев тебя, душу твоей красой обновил,
Разум, что прежде кафиром был, верой себя святой обновил.
Снова твои колдовские глаза воспламенили сердце мое,
Души пламень рубинов твоих, словно сады весной, обновил.
Снова молву о твоей красоте запад узнал, услышал восток,
Клятвы свои обновил небосвод, время любовной игры обновил.
Нас пробудила любовь к тебе, вихрем влетела, в сердце вошла,
В каждой душе старую боль ветер любви сквозной обновил.
Снова пустыню твой свет озарил, стали как море слезы мои.
Новый огонь увидел Муса[36], воды потопа Ной[37] обновил.
Празднеством стала тоска по тебе... Ты убиваешь терпенье мое,
Жертвой закланья будет оно, жертвенник я огневой обновил.
Сахар из этих сладостных уст нам обещаешь ты каждый год,
Год обновился, надо, чтоб я наш договор былой обновил.
Радуйся дивной своей красе, ибо воспевший тебя Хакани
Занят дозволенным колдовством, свод стихотворный свой обновил.
Перевод М. Синельникова
«О утро! Глянь, куда тебя я из юдоли сей пошлю...»

О утро! Глянь, куда тебя я из юдоли сей пошлю.
Я к солнцу верности тебя, к сиянию лучших дней пошлю.
Ты в запечатанном письме к любимой тайну отнеси,
Но никому не говори, куда тебя я с ней пошлю.
В обитель дружбы ты вошло лучом тончайшим чистоты,
Тебя в чертоги чистоты я от своих дверей пошлю.
Я знаю: ветер – жалкий лжец, а ты правдиво до конца,
И лучше я пошлю тебя, не этот суховея пошлю.
Покрыт кольчугой росяной лужайки золотой наряд,
В цветы одетого гонца я с ворохом вестей пошлю.
Мне душу натуго узлом скрутила дикой страсти длань,
Тебя я к той, что развязать должна узлы страстей, пошлю.
Перед уходом в мир иной душе отсрочки не дано,
И потому тебя в полет я молнии быстрее пошлю.
Ты рассмотри по одному недуги сердца Хакани,
Ведь за лекарством я тебя к возлюбленной своей пошлю.
Перевод М. Синельникова
«Спешి любви предаться, сердце, вот – поприще и подвиг твой...»

Спеши любви предаться, сердце, вот – поприще и подвиг твой.
Ты головою правишь, сердце, и что же стало с головой!
Терзалось ты от старой боли и от нее освободилось,
Но умолчи о том, как страдаешь от боли новой и живой.
Враждебен город к чужеземцам, любимая недостижима,
И здесь ли место для скитальцев, гонимых сумрачной судьбой!
На золото здесь ценят ласки, и есть весы любви в Дамаске,
Но хватит хвастаться Дамаском, коль в чаше пусто весовой.
Я знаю – красота опасна. Но предпочту, сказать по чести,
Несправедливости любимой всей справедливости пустой.
Теперь, когда ты видел цепи, повсюду сыплющие мускус,
Ты разорви свои оковы, пусть дремлет разум, часовой.
Струистых кос почуяв мускус, ты сразу стал ничтожно малым,
Не зря в далеком Джоу-джоу[38] погоня шла за кабаргой[39].
За кровь свою не требуй платы, кровь только ты и проливаешь,
Пролома не ищи снаружи, внутри – твой враг роковой.
О Хакани! Ты что затеял? У сердца – тысячи желаний,
К чему еще любви заботы, капризы чаровницы той?
Вот ворон, он чернее ночи, он не родится белоглазым.
Уж лучше черным оставаться, коль не расстаться с чернотой.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Перевод М. Синельникова
«Это бедное сердце к устам светлолицей бежало...»

Это бедное сердце к устам светлолицей бежало,
В дикой жажде оно к пламенистой кринице бежало.
Плачет пламя в воде, и вода от огня закипает,
Прямо в пламя и воду веселья крупица бежала.
Соблазнили Адама ланитами смуглыми Евы,
В рай явилась беда, и в слезах чаровница бежала.
Черных локонов зов в миг неверья услышало сердце,
В край неверья оно, чтоб отмстить и разбиться, бежало.
Сердцу лишь по воде можно было бежать из темницы,
Со слезами оно, покидая зеницы, бежало.
Это мертвое тело, оставив пустыню индийцев,
В царство серны из Чина[40], к нарциссам юницы, бежало.
Ты в любви – словно див, ну а разум – всего лишь безумье.
Сколько мощных умов от любви в огневице бежало!
Свой шафрановый лик сблизив с мускусом локонов милой,
Сделал я амулет, и болезнь-дьяволица бежала.
Хорошо, Хакани, на земле слушать притчи о небе.
Твое счастье с небес, чтоб на землю спуститься, бежало,
Перевод М. Синельникова
«Суждены одни напасти тем, кто милой взят в полон...»

Суждены одни напасти тем, кто милой взят в полон.
Тот незрел, кто трезв и в страсти, тот, кто ей не опален.
У тебя никто доселе милости не находил,
Лишь небытие даруешь, насылаешь вечный сон.
Сотню лет прожду свиданья, дальний путь к нему ведет,
А захочешь – лишь полшага, и осилен крутосклон.
Город опьянен любовью, и не видно во хмелю,
Из какой поят нас чаши, только слышен кубков звон.
Наша детская беспечность искренностью рождена.
За такими простачками беды кинулись вдогон.
Своевольем изнурила всех пленившихся тобой,
Лицезрения любимой любящий навек лишен.
Больше тысячи страданий – в каждом сердце огнем,
И у каждого страданья – больше тысячи имен.
О моем разбитом сердце ты спроси у Хакани,
Чтоб узнать название боли, чтоб услышать сердца стон.
Перевод М. Синельникова
«О красавица, что взглядом ранила сердца мужей...»

О красавица, что взглядом ранила сердца мужей,
Сокрушила души блеском дивных мускусных цепей!
Лик, подобный лицам гурий, превратил в эдем пустыню,
От стенания влюбленных задымилась зыбь морей.
Ты свиданье обещала – все глаза мы проглядели,
И заждался твой невольник, утомился в беге дней.
Эти гневные ресницы сердце обрекли на муки,
Эти сахарные губы сделали тоску милей.
Длинные кос твоих драконы жалят, словно скорпионы.
Разве скорпионов кто-то видывал в обличье змей?
Сердце унесла с собою, на аркане кос умчала,
А потом его взнуздали сбруей амбровых кудрей.
Сердце в поисках покоя ночью от меня бежало
К этим прядям беспокойным пери ветреной моей.
Безответен страсти вызов, Хакани из глаз-нарциссов
Льет кровавые потоки ночью у твоих дверей.
Перевод М. Синельникова
«О, разве сердцу моему дано свиданья с ней достичь...»

О, разве сердцу моему дано свиданья с ней достичь?
Оно в безумии бежит. Ему ли цели сей достичь?
Пока увидеть на луне не сможет солнце отблеск свой,
Безумцу ль молодой луны во мгле пустых ночей достичь?
Что ей Санджар[41]? Его шатра ее превыше торока,
О, разве нищего рука сумеет их ремней достичь?
Покуда на ее устах сияют лалы, жемчуга,
Дождусь ли милостыни я? Чего руке моей достичь?
Что глаз дурной, покуда грудь, как рута чадная, горит?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Чего пред нежной красотой сумеет чародей достичь?
Как солнцем Страшного суда, любовью сердце сожжено.
Любовь – как Судный день, лишь с ней хочу скончанья дней достичь.
О Хакани! Вот скорбь твоя, что сердце убежало к ней.
Взгляни-ка издали, чего теперь удастся ей достичь.
Перевод М. Синельникова
«Тебя мое сердце в конечном итоге достигнет...»

Тебя мое сердце в конечном итоге достигнет,
душа единенья с красой недотроги достигнет.
Рыданье безумца ушей равнодушных твоих,
жемчужины слез оставляя в залоге, достигнет.
Я стану безумцем, лишь вестник твоей красоты
лачуги моей, засверкав на пороге, достигнет.
Такое бывает, когда бесноватого взгляд
лазури, где серп зажелтел тонкорогий, достигнет.
Терпенье ушло и постится в разлуке, а там
придет разговорье, и счастья убогий достигнет.
Лишь снитса свиданье, но пусть высоки торока,
однажды рука их ремня без подмоги достигнет.
Надежда от радости крыльями плещет, когда
высокого свода в счастливой тревоге достигнет.
Зенита достиг день крылатой надежды моей,
боюсь: он однажды заката в дороге достигнет.
меня не забудь, а иначе тебя Хакани
дозволенной магией в горнем чертоге достигнет.
Перевод М. Синельникова
«Ну почему ты отвернулась? Ведь я не скидывал ярма...»

Ну почему ты отвернулась? Ведь я не скидывал ярма!
Убила и проходишь мимо, молю, а ты – глухонема.
Дорогу к счастью бессердечно ты для влюбленного закрыла
и розы верности вручила врагам, достойным лишь клейма.
Пришла, как солнце на рассвете, и глянула в окошко сердца.
Ушла, окно землей засыпав... Теперь в груди моей – тюрьма.
вином наполненные чаши ты осушала с подлецами
и часто на меня плевала, собой довольная весьма.
Хитро меня ты обольстила, силки расставила повсюду,
рассыпав зёрна для приманки, для помрачения ума.
А в голове твоей – гордыня, которой больше стало ныне,
когда вокруг прекрасных лилий струится мускусная тьма.
ты Хакани не дашь отпора, тебя осилит он, и скоро,
ведь человечности доспехи ты с тела сбросила сама.
Перевод М. Синельникова
«О пери, ты пленяешь нас, ты обольстительна и зла...»

О пери, ты пленяешь нас, ты обольстительна и зла,
укорами терзаешь нас, как будто уши надрала.
Струистых не распутать пут, терпенья цепь они порвут,
что перед родинкой твоей, благочестивые дела!
я знаю, твой природный нрав строптив, и резок, и лукав
и наша доля тяжела, и даже слишком тяжела...
сегодня вечером, впотьмах, она пришла ко мне в слезах,
и вся душа моя зажглась и вмиг обуглилась дотла.
спросил я: «Чудо красоты! Ну отчего так плачешь ты?».
ответила: «Мне без тебя и жизнь нисколько не мила».
О господи! Волшебный вид: нас прелесть юная слепит,
и потому во всех глазах ты по-иному расцвела.
О Хакани! Восславь того, кто смог из глины и воды
такое диво сотворить! Всевышнему – твоя хвала!
где силы, чтобы до нее, до той, что жестока, дойти?
я – муравей. где Сулейман[42]? Смогу ли за века дойти?
как закружилась голова! От жажды гибну я в песках!
где Хизр[43]? Исчез и не сказал, как мне до родника дойти
ночь беспросветна, путь далек, везде разбойники грозят
неужто до ее дверей в лохмотьях бедняка дойти?
когда приду – не клясть судьбу, а славить буду, как Юсуф[44].
до цели братья помогли ему, намяв бока, дойти.
О соловьи! Я расскажу, как птицеловы к вам добры,
лишь только, цел и невредим, смогу до цветника дойти.
я – капля крови, я – слеза, мне страшно немощи моей!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Нет сил от глаза до ресниц, хоть велика тоска, дойти.
О Хакани! Нелегко путь. Где плаха гибельной любви?
Не так уж просто до нее тебе издалека дойти.
Перевод М. Синельникова
«Любовь пришла и сделалась судьбой...»

Любовь пришла и сделалась судьбой,
Жизнь вечная – свидание с тобой.
В тени волос твоих светлеет сердце,
Соседствует с небесной синевой.
Арканом кос ты сердце захлестнула,
Я от обиды горькой – сам не свой.
Как божий день мне ясно: сердце скрылось,
Окутанное мускусною мглой.
Я отдал душу за любовь, хоть знаю:
Огонь бесплатен в стороне любой.
Пусть небеса у твоего порога
Стоят, как страж, как зоркий часовой, –
Красавицы, бывало, знали жалость,
Ты пожалей пришедшего с мольбой!
Ведь Хакани живое красноречье –
Как залежи, богатые рудой.
Перевод М. Синельникова
«Сердце в руки любви нам отрадно метнуть...»

Сердце в руки любви нам отрадно метнуть,
Мы недаром влюбленности выбрали путь.
Знай: тоску по тебе мы кувшинами пили,
Ибо тайной тоски нам пришлось отхлебнуть.
Взяв сердца, ты велела сидеть нам покорно,
Вот я встал, чтоб тебе жизнь свою протянуть.
Мы послушны твоей непреклонной гордыне,
Я напрасно молю: «Благосклоннее будь!».
Шли мы рядом с твоими собаками злыми,
И Медведицы выше пришлось нам шагнуть.
Мы – ничьи не рабы, ведь в тебя мы влюбились
И, поскользнувшись, не зависим ничуть.
Перевод М. Синельникова
«О ты, в ночи волос разлитых упрятавшая лунный лик...»

О ты, в ночи волос разлитых упрятавшая лунный лик,
Под зонтиком из гиацинтов ланит укрывшая цветник!
Знай: жемчуг взгляда черно-белый раскрылся, сердце разбивая.
Рубины уст попрали клятву и не оставили улики.
Я понял – странники солгали, выдавшие далекий Йемен:
Мол, в сердолик там превращает простые камни солнца блик.
Любимой сердце – все из камня. Так почему же непрестанно
В моих глазах любовь рождает слезы кровавый сердолик?
С тех пор как сердце убежало и в этих косах поселилось.
Утратив на него надежду, не успокоюсь ни на миг.
Себя оплакивает сердце, себя клянет, к себе взывает!
Оно само себя сгубило, и нет злосчастней горемык.
И сердце бедное похоже на гибнущего шелкопряда,
Себе он свил роскошный саван и в шелке горестно поник.
Чего же хочет это сердце от Хакани, от страстотерпца?
Иль мало было испытаний и от страданий он отвык?
Перевод М. Синельникова
«Нам ветер мускусных волос, цветенья аромат пошли...»

Нам ветер мускусных волос, цветенья аромат пошли,
Нам хоть единый волосок по ветру наугад пошли.
О помощи к твоим устам душа взывает без конца,
Подобный амбре поцелуй, чтобы осилить яд, пошли,
Сама ты видишь: я влюблен, я обезумел, я убит.
Хоть день ты поживи для нас и благосклонный взгляд пошли.
Ты узел с локоновними и сделай узами для нас,
Нам сахар благодатный уст, что слаще всех услад, пошли.
Ты нашим покажи глазам сиянье своего лица,
Явись – и солнцу через них свет, что займы им взят, пошли.
Даруй же нам рукою сна посланье с обликом твоим,
Устами ветра весть о том, что верность нам хранят, пошли.

Пойми, что сердце Хакани покрыто тысячами ран,
Бальзам хотя бы для одной, когда они горят, пошли.
А если безучастна ты, хоть милосердие яви
И сердце, взятое тобой, молю тебя, назад пошли!
Перевод М. Синельникова
«Горя меньше, чем разлука, не придумала она...»

Горя меньше, чем разлука, не придумала она.
За жемчужину такую жизнь – ничтожная цена.
Ты известна чудесами и зовешься Сулейманом,
Кольцам локонов земная красота подчинена.
О твоём жестокосердьё полетела весть по странам,
И в своих кровопролитьях мир покаялся сполна.
В том краю, куда повеет дуновение разлуки,
Если во дворец тыходишь, разрушается стена.
Не твоё ли это счастье обрекло меня на муки?
Верить ли, что знал я прежде золотые времена?
Нет в ночи надежд на утро, дни разбиты, жизнь убога.
Что хватать полу рукою? Выше головы – волна!
Не тверди опять о встрече. Разговоров слишком много.
Лишь разлуку и свиданье вижу я, не зная сна,
Перевод М. Синельникова
«Я растоптан тоской, но, скажи, за какие дела...»

Я растоптан тоской, но, скажи, за какие дела?
И насилия длань ты зачем надо мной занесла?
Шип насилья в меня ты вонзила, а я не обижен,
Но мольбы лепесток стал обидой тебе – ты ушла.
Твой лукавющий взгляд, остриями ресниц завлекавший,
Обескровив, прогнал... И вдогонку несется хула.
Дерзким взглядом прельщен, очарован я взглядом лукавым.
Где ж терпенье мое? Да ведь я – человек, не скала!
Я встречаю тебя и приветствую красноречиво,
Ну а ты поглядела и холодно взор отвела.
Ты и влагу и сушу холодным ответом спалила.
Где вы холод видали, сжигающий душу дотла?
Так не скажешь ли мне, как еще Хакани покараешь?
Что еще сотворишь? ты ведь сделала все, что могла!
Перевод М. Синельникова
«Сбросивший оковы страсти к той, что всех цариц милей...»

Сбросивший оковы страсти к той, что всех цариц милей,
Помыслы свои избавил от невидимых цепей.
Потрясенному разрывом, трудно быть мне терпеливым,
Утешителей не стало в сей обители скорбей.
Жизнь – и сушь ее, и влага – все погибло в миг единый,
Ибо разума лужайку выжег страсти суховей.
Если цену поцелуя назовут ее рубины,
Ты за поцелуй заплатишь тысячею кошель.
Но сокровищницу жизни заселившая разлука,
Отнимая силу воли, изнуряет все сильнее.
Жаждет Хакани свиданья, но от милой нет ни звука,
И вручил он ожиданью тайники души своей.
Перевод М. Синельникова
«Откуда мог я знать, что столько в страсти пыла...»

Откуда мог я знать, что столько в страсти пыла,
Что жизнь мою она испепелить решила?
Казалось, что любовь цветами машет мне...
Приблизилась – гляжу: в ладонях пламя было.
Довольства пыль смела, как блески серебра,
Рассудок мне она что камнем прищемила.
Из сердца прогнала терпение она,
И в голову вошла терпенья злая сила.
В тенета я попал, и в тот же миг меня
Стыдиться стала та, что прелестью пленила.
От верности она – в ста поприщах пути,
Насилью – два шага до моего светила.
Нет, сердцу не догнать свиданья караван,
Дорога далека, копыта лошадь сбила.
Стенанья Хакани прошли сквозь небеса,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Ведь органон любви всегда играл уныло.
Перевод М. Синельникова
«Что для любимой наше сердце? Милее мира суета...»

Что для любимой наше сердце? Милее мира суета!
Дичь сбитую не поднимая, прошла, надменна и крута.
Мы от восторга чувств лишились, когда ее красу узрели,
Но, ничего не замечая, она другими занята.
Она лишь повела глазами, и стали мы гонимой дичью,
А после даже не взглянула, ей незнакома доброта.
Сказала: «Пары не ищу я!» – и верность слову сохранила.
Сказала: «Буду одинокой!» – и правду молвили уста.
Когда удача изменила, из рук свидание уплыло,
Мне сердце милая пронзила, затем что не было щита.
Прошла молва, что процветают дворцы желанного свиданья,
Пошел я умолять о встрече, но отыскать не мог врата.
В отчаянье решил взлететь я на крышу этого чертога,
Но толку не было – бессильна моя бескрылая мечта.
Боролся Хакани с тоскою, с ней в нарды верности играя,
Но видит: кости нет прохода, ловушка прочно заперта.
Перевод М. Синельникова
«Красавицам лишь власть мила, коварным верность не дана...»

Красавицам лишь власть мила, коварным верность не дана,
Из них любая жаждет зла и лишь насилию верна.
От мира и от всех, кого для этой жизни он взрастил,
По чистой правде говоря, исходит пагуба одна.
Каких не вспомнишь дивных лиц, каких не встретишь чаровниц,
Тебе презреньем воздадут и всякой мерзостью сполна.
В красавицах ты ищешь зло, на них посмотришь и найдешь,
К чему добра от злого ждать? Прождешь напрасно допоздна.
Стареет все, что рождено, и станет уксусом вино,
Зато из уксуса никто уже не сделает вина.
О сердце! В злую не влюбись, изменницы остерегись!
Утешит ли тебя душа, что кровожадна и темна?
Нет, человеку человек таких обид не причинит,
Похожа все-таки не зря на пери злобную она.
О сердце! В горестные дни будь верным другом Хакани,
Твои любимые тебя забыли в эти времена.
Что проку плакать и стенать? Ведь счастью не открыть глаза,
Не добудиться, хоть греми здесь Исрафилова[45] зурна!
И друга верного искать среди дружков поберегись,
Тебе, я думаю, давно их суть змеиная видна.
Перевод М. Синельникова
«Уста Исы даны любимой, но для меня вздохнуть ей жаль...»

Уста Исы даны любимой, но для меня вздохнуть ей жаль.
Пред ней – больной неисцелимый, но для меня шагнуть ей жаль.
Что думать мне о солнцеликой, как мне прославить прелесть злую?
Ей для меня благоуханья, цветенья легкой сути жаль.
Я преданности ожерелье ношу на шее, как голубка,
Но пусть любимая – кааба, открыть к святыне путь ей жаль.
Надев рубашку из бумаги, жду осуждения проступка,
Но ей бумаги жаль, тростинку в чернила окунуть ей жаль.
Пишу кровавыми слезами страницы длинного посланья.
Жаль для меня чернил на строчку, бумажных ей лоскутьев жаль!
Как! Сердце Хакани забыто! Не вспомнит без напоминанья.
Неужто милости ей жалко, помочь в сердечной смуте жаль?
Перевод М. Синельникова
«Такой красой твой лик сияет, которой и у пери нет...»

Такой красой твой лик сияет, которой и у пери нет.
Нет равных царств у Сулеймана, подобных ей империй нет.
Ступай, твори благодеянья и ведай: праведнее гостя
И в хижине у Джибраила[46] среди преданнейших вере нет.
Нигде таких пиров халифских, нигде таких султанских ратей
По всей земле необозримой, да и в небесной сфере нет.
За поцелуй единый надо отдать в уплату оба мира,
И даже небу дозволенья коснуться этой двери нет.
Ты гневаешься, что в подарок могу отдать я только душу,
Но одари меня улыбкой, в том для тебя потери нет!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Ведь в мире этом человека, который, милую увидев,
Терзаний, Хакани сгубивших, не знал бы в той же мере, нет.
Перевод М. Синельникова
«Любимая, подарок нам с печалью пополам пошли...»

Любимая, подарок нам с печалью пополам пошли.
Еще невиданную боль привыкшему к скорбям пошли.
В прах наши души обрати, дома испепели дотла,
Боль подари, дай платье нам – одежду скорби нам пошли.
Как только ты припомнишь нас, хоть чем-то с нами поделись.
Заплачешь – слезы присылай. Мы рады и слезам... Пошли!
Твой облик – сладостный бальзам для сердца, что больно тобой.
Разлукой ранившая нас, болящему бальзам пошли.
В плену – пропавший наш Юсуф, он – в путях локонов твоих,
Ты весть о том, как хорошо ему живется там, пошли.
Пусть Сулейманово кольцо сумел похитить локон твой,
Владельцу перстень возврати и лишь рубин устам пошли.
Я вижу: в мире места нет пожиткам бедным Хакани,
Брось взгляд ему и в мир иной, к неведомым садам пошли.
Перевод М. Синельникова
«Долгих молений, горестных слез ты отчего не приняла...»

Долгих молений, горестных слез ты отчего не приняла?
Сто заклинаний я произнес – и одного не приняла.
Я умолять о пощаде хотел, щелкая пальцами, я полетел –
Сердца, пронзенного тысячей стрел, ты моего не приняла.
Сердце горело в пламени бед, но у любимой жалости нет.
Душу свою ей принес, но она, скрыв торжество, не приняла.
Я у чертога свидания с ней плакал, стонал много ночей.
В дверь до утра я стучал, но стена стыла мертво – не приняла.
Тут я прибегнуть к обману решил, двери разлуки гвоздями пришил.
Хитрости я применял, но она и плутовства не приняла.
Ворогам злобным потоками ты сыпала золото своей красоты.
С жемчугом я к тебе приходил, что ж ты его не приняла?
Дикая прихоть: сначала принять, после отвергнуть и гневно прогнать,
Сердце, пойми, что любимая зла и ничего не приняла!
Перевод М. Синельникова
«Если какой-нибудь ночью глухой можно свиданье с тобой обрести...»

Если какой-нибудь ночью глухой можно свиданье с тобой обрести,
Значит, удачу в юдоли земной может несчастный любой обрести.
Сердце не знает покоя, когда зашевелится чуть слышно любовь.
Боль – ожиданье! На жарком огне разве возможно покой обрести?
Помнит душа о любимых устах. Лучше бы ей позабыть их совсем,
Ибо уста – не охотничья дичь, чтобы, словив их, покой обрести.
Ах, я сгорел оттого, что живьем в страсти варился! Но только пойми:
Страсти котел без огня золотых можно лишь с пищей сырой обрести.
Знай, что, покуда в любви не сгоришь, ты не прославишься! Только когда
Кожу прижгут, сможешь ты от клейма славу, обласкан молвой, обрести.
Перевод М. Синельникова
«Что натворил твой верный раб, каких наделал бед...»

Что натворил твой верный раб, каких наделал бед?
Ты отступилась от него, одобрила навет!
Ты говорила «Не уйду!» – и через миг ушла.
Ты обещала не казнить – нарушила обет.
Ты пишешь в книге бытия лишь письма разлук.
Страницу в ней переверни, верни мне солнца свет!
Вот – сердце, пьяное тобой, не сокруши его!
В том, чтобы пьяных сокрушать, большой отваги нет.
Смогу ли милой дать отпор? Ведь ты, моя душа,
Рустама в битве разгромишь. Потерян счет побед!
Что толку попусту бежать мне за твоим конем?
Я нагоню, а ты уйдешь вперед на сотню лет.
В том ослепительном дворце, где твой стоит портрет,
Окрасил сердце Хакани лазури скорбный цвет.
Перевод М. Синельникова
«Ты другу верность не хранишь, он снова нехорош...»

Ты другу верность не хранишь, он снова нехорош.
Чтоб сокрушенного поднять, рукой не шевельнешь.

Там, где ты рану нанесешь, откажешься лечить,
Того, кому подаришь боль, бальзамом не спасешь.
Как небеса, одаришь ты и отберешь дары,
Кому подаришь дикий лук, ты хлеба не даешь.
Хоть расстаешься ты легко с друзьями прошлых дней,
С тем не расстанешься вовек, с чем весело живешь.
Как малость примешь все, чем я за поцелуй плачу.
Что ж так недешев поцелуй и так не скор платеж?
Своим ресницам, рассердись, велишь меня убить,
Так что же к жизни ты меня устами не вернешь?
Зря ищет нищий Хакани свидания с тобой,
Ведь ты в гордыне самому султану не кивнешь.
Перевод М. Синельникова
«Скажи, кто не влюблен в тебя на длинной улице твоей...»

Скажи, кто не влюблен в тебя на длинной улице твоей?
Кто, чтобы видеться с тобой, не поселился бы на ней?
Волнуется базар любви, на нем испытывают нас,
И всех проступков прямота – от кривизны твоих кудрей
Я поглядел в твое лицо, и выросла моя душа.
Увы, твой нрав с лицом несхож, он – душегубец и злодей.
Я рад разлуке – у меня есть силы вынести ее,
Но твой невыносимый нрав... Страх перед ним меня сильней.
Безрадостно мое лицо, как степь, лишенная воды.
Конечно, должен пренебречь моей водою твой ручей.
Что делать, пусть вдыхает враг благоухание твое,
Не смеет близко подойти душа, подобная моей.
Перевод М. Синельникова
«На улице, где ты живешь, колючий шип – что райский крин...»

На улице, где ты живешь, колючий шип – что райский крин.
Твой локон для меня – гнездо, твой тонкий волос – мой притин.
Наверное, зашить глаза я должен иглами ресниц,
Чтоб видеть мне одну тебя, мой бессердечный властелин.
Успел я столько слез пролить на улице, где ты живешь...
Смотри: обагрена земля, под каждым камнем здесь – рубин
С тех пор как похвалился я своей любовью невзначай,
Повсюду у меня – враги, повсюду – зависть без причин
Взволнованные небеса надели синий траур свой,
Увидев, что вся жизнь моя – одно терзанье, стон один.
Кто видел бурю слез моих, пролитых по твоей вине,
Тот понял: сгинул урожай, и не наполнится овин.
Я обессилел, я поник, унижен, словно Хакани,
Иначе жил бы в небесах я выше снеговых вершин.
Перевод М. Синельникова
«Душа меня покидает, когда ты стоишь в дверях...»

Душа меня покидает, когда ты стоишь в дверях.
Пусть плотью уста владеют, поскольку душа в бегах.
О светоч высокой дружбы, о солнечный свет любви!
Душа моя быть не смеет в одних с тобою местах.
О локонов грозных изгибы! Душа, что от них спаслась,
Теряется, словно идол, когда воссиял аллах.
Ты – боль моя, ты – исцеленье, лекарство для ран души.
На середине дороги надежда моя и страх.
Как нищий, я прах целую у ног твоей стражи злой
И этим горжусь, как будто владычество – этот прах.
Когда лихорадка разлуки ночами казнит меня,
Спасенье от лихорадки – в раскрытых твоих устах.
Я сам заблудился в чаще, чтоб ты показала путь.
И что для себя мне сделать, когда ты в моих руках?
Сама не таись, не прячься, ты где-то спрятана в нас,
А Хакани вопрошает: «В каких ты теперь краях?»
Перевод М. Синельникова
«Кто стезей любви не ходит, сделать шагу не спешит...»

Кто стезей любви не ходит, сделать шагу не спешит,
Чьи глаза не мыли сердца кровью, льющейся навзрыд,
Что он ведает о страсти, что узнать ему дано?
Ведь любовь не поразила эту грудь стрелой обид.
Он твоей не знает силы, чувство для него темно...

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Вымогает лишь свиданья, лишь о встречах говорит.
И душа его, и сердце – все проиграно давно,
Хоть не сказано ни слова той, что сердце пламенит...
Днем и ночью страсти пламя здесь, в груди разожжено,
Воздвигает в сердце знамя, воскрешает милой вид.
Господи! Какая мука!.. Раньше сердце ни одно
В эти двери не стучалось. Храм запретный был закрыт.
О, как жаль мне это сердце, что до пепла спалено, –
Вечно полное печалью, знавшее один магнит.
Много ль было дней счастливых? Радость знало ли оно?
Не подул ему и в спину ветер от ее ланит.
Только то блаженно сердце, что от бед ограждено.
То, которое всевышний даже в страсти охранит.
Перевод М. Синельникова
«Клянусь я винным цветом губ, чьим хмелем жгучим я не сыт...»

Клянусь я винным цветом губ, чьим хмелем жгучим я не сыт,
И поцелуем, что меня, как молодой орех, целит;
Клянусь кольчугою, что стан стрелоподобный обтекла;
Клянусь я лучником ресниц, чей выстрел сердце просквозит;
Клянусь цитронами грудей, парчюю твоего чела
И телом, ласковым, как шелк, и нежным, словно аксамит;
Клянусь нарциссами двумя и гиацинтами двумя;
Клянусь рубином нежных уст и розами твоих ланит;
Клянусь нарциссовым вином, сверкнувшим на румянце роз,
Жасмином, на котором пот, подобный амбре, чуть блестит;
Клянусь я телом неземным, что сделано из серебра
И на котором без конца подвесок золото гремит;
Клянусь затмившим блеск Зухры сияньем твоего лица,
Волшбою сердца, что меня верней Харута искусит;
Клянусь я парюю зрачков, подобьем эфиопских дев,
Что в брачных комнатах, в твоих йеменских раковинах, спит;
Клянусь я мочками ушей, колечками в твоих ушах,
Двумя цепями, где звено объемлет звенья и звенит;
Клянусь я влагой жарких слез и сердца кровью огневой,
Которая твоим устам умолкнуть в ужасе велит;
Клянусь я искрами костра, которым сердце спалено,
Моими вздохами, чей дым на волосах твоих лежит;
Клянусь я жаждою души, изнывшей в поисках тебя,
Клянусь я плотью, что сейчас, в тоске расплавившись, бурлит;
Клянусь я волоском твоим, что амулетом служит мне,
И памятью о том, что я петлею мускусной обвит;
Клянусь намеками любви и голосами певчих птиц,
Клянусь я песнею твоей, что вновь и вновь меня пьянит;
Клянусь: пока у Хакани на месте сердце и душа,
Он место только для тебя в душе и сердце сохранит!
Ты долго, милая, живи... Ведь слишком долго ждать пришлось,
У мученика Хакани нет больше сердца, он убит.
Перевод М. Синельникова
«Красота справедливо дана той, что гурий небесных свежей...»

Красота справедливо дана той, что гурий небесных свежей,
Изгибаются перед тобой горделивые шеи мужей.
В день, когда тебя мать родила в мире прелести и красоты,
Изумленный наполнили мир дух соблазнов и дух мятежей.
Весь израненный множеством стрел, мир от взглядов твоих полужив,
Но никто не узнал до конца сокрушающей мощи твоей.
Обнадежены ранней зарей, мы до вечера жизни дошли,
Обещаниям веря твоим, дождались мы скончания дней.
Сокровенное званье тебе благосклонной судьбою дано,
Сокровенные думы прочла, но не чувствуешь наших скорбей.
Под изменчивым взором твоим столько крови успело протечь –
Не упомнишь убитых тобой, не сочувствуешь участи сей.
Если кровь не стыдишься пролить, беззаботно играя людьми,
Ты убийственность взоров пойми, наших мук устыдиться сумей.
Знаю, хочешь ты вновь и опять – вечно кровь Хакани проливать.
Кто велел тебе так поступать, насмехаясь над жизнью моей?
Перевод М. Синельникова
«Ты, что жизни прекрасней, твоя благодать доколе...»

Ты, что жизни прекрасней, твоя благодать доколе?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Ты – свеча, мотылька ты уходишь искать. Доколе?
Разлучив с правосудьем природу свою, утвердила насилие в этом краю,
Будешь кровь проливать и убийство скрывать доколе?
Подбородком нежнейшим и мускусом кос, что лишил нас рассудка и душу унес,
Сто начальников стражи убила, как тать.. Доколе?
Сердце ты, словно пламень, мгновенно прожгла, предо мной так пленительно,
плавно прошла.
Как живая вода, будешь в русле бежать доколе?
Плещет ветер, и ворот застегивать лень, и, заносчиво шапку надев набекрень,
Распустила ты косы.. Влюбленным страдать доколе?
Вор на промысел темный идет без свечи. Ну а ты, как свеча в непроглядной
ночи,
При огне будешь наши сердца похищать доколе?
Каждый миг ты – в сраженье, в бою – что ни миг, и ристалище тесно, летишь
напрямик.
Сокрушаешь влюбленных все вновь и опять. Доколе?
Ветер я опалю, если чуть подышу, если вылететь крику души разрешу.
Где разлуки предел, сколько верить и звать? Доколе?
Хакани, возмужавший в горниле скорбей, – словно птица, возвращенная в клетке
твоей.
Он – обитель печали. И гостя ей ждать доколе?
Перевод М. Синельникова
«Сердце обратилось в бегство, мной проиграна война...»

Сердце обратилось в бегство, мной проиграна война.
В плен сдалось мое терпенье, ведь коварством ты сильна.
Блещет в небе сотня тысяч ярких пуговиц червонных,
Но из них твоей одежды не достойна ни одна.
У земли не оказалось для тебя даров достойных,
Небо пред тобой склонилось, и в зубах его – луна.
Сердце ты мое убила, кровь немолчно в нем бурлила,
Но душа не знала злобы и тебе была верна.
Ты сказала, что создатель дал мне радостное сердце,
О аллах! Я ведал радость, но не в эти времена!
Сам я свой покинул разум, что послушался любимой,
Возмутившую душу усмирил, как шалуна.
Думал: выпадут мне в нардах три шестерки скорой встречи,
Тройка горестной разлуки мне сегодня суждена.
Сердце Хакани сожгла ты – все равно не виновата,
Всем скажу, что ты ни сделай, это – не твоя вина.
Перевод М. Синельникова
«Мир на слабую душу обрушился вдруг...»

Мир на слабую душу обрушился вдруг,
Содрогается сердце под тяжестью мук.
Если даже на розу я гляну – мне в сердце
Взгляд шипом возвратится, колюч и упруг.
Безнадежно готовится сердце к дороге,
Для надежд основанья не видит вокруг.
В плодоносном саду до гранатовой ветви
Дотянуть не смогу обессиленных рук.
Если рай раздавать будут людям частями,
Мне размерами с шапку достанется луг.
Коль по свету искать я бальзама устану,
Мне на долю достанется только недуг.
Как тоскует душа, что к устам подступила!
«Да, бывает и так!» – отвечает мне друг.
С караваном терпенья пошел я в надежде,
Что дадут Хакани хоть какой-нибудь выюк.
Перевод М. Синельникова
«Гурий только горделивых все влюбленные хотят...»

Гурий только горделивых все влюбленные хотят,
Только жертвенных влюбленных непреклонные хотят.
Разум там не засидится, где любовь еще – царица,
Где соперников не видеть покоренные хотят.
Разве жизни жаль? Взгляни же: только быть к свече поближе
Мотыльки, как я, хмельные, истомленные хотят,
Пусть коварна чаровница, не хотят они взмолиться,
Снова пламени рубинов опаленные хотят.
Лишь возлюбленная глянет, острый взор до крови ранит.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Вовсе не кровавой мести уязвленные хотят.
Помни шариат[47] влюбленных и не путайся в законах:
От любви не цену крови ей казненные хотят.
Без любви нельзя добиться, чтоб запела эта птица,
Розы песен соловьиных вне сезона не хотят.
Перевод М. Синельникова
«Трепеща в твоих тенетах, сердце страждет несказанно...»

Трепеща в твоих тенетах, сердце страждет несказанно,
Душу локоны обвили, нет спасенья из капкана.
Разум, пеленой покрытый, если даже ветром станет,
Не взлетит и не поднимет трон высокий Сулеймана,
Ветер, верный только праху под любимыми ступнями,
Не осмелится вернуться к милой без венца султана.
Множество цариц прекрасных обитает в кущах рая,
Но приди, и будут видеть лишь тебя глаза Ризвана[48].
Что меж верою и страстью обрести дано влюбленным?
Но пришло твое веленье, и отчаиваться рано.
Слезы бурные влюбленных – волны нового потопа,
И любовь подобна Нюю в ожиданье урагана.
Если подлый станет хвастать, клясться, что достиг свиданья,
Знай, что мяч промчался мимо, мяч – не для его човгана!
Если гуль[49] назвался хизром, не найдешь ты с ним дороги,
Он живой воды не видел, и не исцелится рана.
Приближенному владыки во дворце не страшен стражник,
Он заискивать не станет у привратника-болвана.
Если ты, хвала аллаху, твердой клятве не изменишь,
Что же нас лишит награды, той, что нам обетованна?
Многие по воле рока разлучить хотят влюбленных,
Сохрани же верность клятве, счастье будет постоянно!
Душу Хакани, что грезит царством светлого свиданья,
Не зальют потоки злата в царстве грозного хакана[50].
Перевод М. Синельникова
«Что вера сделает, коль сам я в локонах неверных кану...»

Что вера сделает, коль сам я в локонах неверных кану?
Скажи, что сделает бальзам, залечит ли такую рану?
Твой околдовывает лик! Иначе, как соблазн проник
В запретный ангельский цветник? Скажи, что делать в нем шайтану?
О, если на меня с высот свиданья ветер не дохнет,
В тоске по локонам твоим что говорить, что делать стану?
Но сердце – в муке и в тоске, а ты – вблизи и вдалеке.
Что делать гибнущей душе в тенетах, льющихся по стану?
Приму ли глубиною глаз желанного свиданья час?
Что делать розе средь песков и в доме нищего султану?
Позволишь ли в какой-то миг увидеть мне твой светлый лик?
Что делать зеркалу, когда в твое лицо влюбленно гляну?
Коль руки Хакани отмыл от мира, что ему немил,
Что сможет повелеть Санджар? Что делать грозному хакану?
Перевод М. Синельникова
«Любимая дала мне чашу, наполненную болью мук...»

Любимая дала мне чашу, наполненную болью мук,
Терпение, покинув сердце, на волю выбежало вдруг.
Терпенье от меня бежало, ведь под ресницами любимой –
Соблазна грозная засада и взгляда смертоносный лук.
Меня любовь остановила, ногой растерла, словно глину,
Меня любимая забыла, как розу выронив из рук.
В огонь швырнув мою подкову, явилась память, и разлука,
Надежды дверь забив гвоздями, накинула засова крюк.
Хоть зло любовь творит такое, какого в мире не творили,
Пусть глаз дурной ее минует, пусть обойдет ее недуг.
Грудь Хакани дотла сгорела, а милая и знать не знает
И ветру пепел мой швыряет, испепеляя все вокруг.
Перевод М. Синельникова
«Знай, что весь мир твоей гордыни, надменной брани не снесет...»

Знай, что весь мир твоей гордыни, надменной брани не снесет!
Мое измученное сердце боль расставанья не снесет.
Я жизнь свою тысячекратно готов швырнуть твоей собаке,
Твой пес не хочет меньшей кости и невниманья не снесет.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Осмелюсь ли пойти дорогой, ведущей к твоему кварталу?
Ведь так там тесно, что дорога толпы дыханье не снесет.
Любовь к тебе ношу я в сердце, но тесно ей с любовью к жизни.
Рахш[51] – лишь один, и двух Рустамов он на майдане не снесет.
Убив меня стрелой взгляда, ты собралась отрезать косы.
Не делай этого, не надо – душа страданья не снесет!
Что сделать Хакани с душой, чтоб молча боль снести такую!
Ведь красоты такой сиянье все мирозданье не снесет!
Перевод М. Синельникова
«Ни к чему твоя досада, не казни, помилуй нас...»

Ни к чему твоя досада, не казни, помилуй нас!
Косами играть не надо, белый свет от них угас!
Не кидай ты взглядов острых, не карай меня безвинно!
Меч судьбы – твой взгляд лукавый... Пощади на этот раз!
Хоть враги твои грозят мне и рискую головою,
Ты прогневаться решила... Мало мне твоих проказ!
Попрекнул тебя я в шутку, но зачем же ты уходишь?
Погоди, дай слово молвить, подари еще хоть час!
Если что-либо дурное обо мне тебе расскажут,
Верь: я завистью оболган, в клевете людской увяз.
О, не принимай на веру сплетни за твоей спиной,
Если на тебя клеветуют, презирай злословья глас.
О тебе я не злословил никогда, клянусь аллахом,
Мне свидетелем – твой образ, тот, что в сердце не угас!
Я наговорил так много, ибо лик, подобный розе,
Убережь хочу от низких, утаить от алчных глаз.
Я ничуть не изменился, будь и ты, какой бывала...
Говорит о нас весь город, не кончается рассказ.
Хакани – твой раб, и, если провинился ненароком,
Он готов ценою жизни искупить вину сейчас.
Перевод М. Синельникова
«Вижу, что тебе не нужен тот, кто искренне влюблен...»

Вижу, что тебе не нужен тот, кто искренне влюблен,
Лишь наглец тебе по нраву, только неуч-пустозвон.
Я – твоя немая жертва, не грози рукой насилья!
Ты мне грудь пронзи стрелой, все равно я обречен.
Ночь – завеса, за которой я свою скрываю тайну,
А от солнечного света сердца мука – мой заслон.
Душу мне сжигает горе, но, страшись молвы досужей
И соперника пугаясь, подавил я сердца стон.
Брось кошель пустого «завтра», нет в нем золота свиданья –
Я сегодняшней избыток трачу, с милой разлучен.
Разве горестное сердце знает страсти этой цену?
Разве жемчуг лучезарный раковиной оценен?
Если ты лицо откроешь среди розового сада,
Ветер утренний отвергнет распустившийся бутон.
И покуда сердце бьется, Хакани все там же будет,
Милой жаждет сердце злое покорить любовью он.
Перевод М. Синельникова
«Пощади – из глаз я пролил реку, полную огнем...»

Пощади – из глаз я пролил реку, полную огнем!
Иль потопа не боишься в ослеплении своем?
Плачу жалобно, как серна, пред газельими глазами
Сколько горестных стенаний уходило с каждым днем!
В шапке набекрень пришла ты и в фиштактовой рубашке.
Взгляд очей миндалевидных метким кажется стрелком.
Засмеешься – две покажешь ямочки на лице лунном,
Я заплачу – и на землю два ручья сбегут жгутом.
Я, как Сулейман, рыдаю, потеряв заветный перстень,
Но уста твои смеются, став рубиновым кольцом.
Боже! Радуюсь разлуке – ведь за ней придет свиданье.
Милостям не рад – за ними горести приходят в дом.
Если даже чуть смягчишься, выжмешь ты из камня воду,
Но из меда воск добудешь в гневе яростно-крутом.
Дай уста – нет слаще ягод... Ягоде подобен винной
Я, морщинами покрытый, с окровавленным лицом.
Хакани, лей слезы скорби! Не расстанется с любовью
Скорбь – начальник стражи верный, награжденный серебром.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод М. Синельникова
«Страсть к тебе, оба мира пройдя напролет...»

Страсть к тебе, оба мира пройдя напролет,
Многих сердца лишает, вздохнуть не дает.
Ты еще на земле не успела родиться,
А уж слава гремела нездешних красот.
И тоска по тебе подожгла мою душу,
Так что бурные искры ушли в небосвод.
Будь счастливой, ничто – моя слава дурная,
Пусть меня осуждает досужий народ.
Враг примчался меня убивать и промолвил:
«Что за жирную дичь я добыл в этот год!»
Если в мире такая великая смута,
Как мне жить, как на лад мое дело пойдет?
Хакани беспрестанной измучен враждою,
Гонит недруг его, как змею садовод.
Перевод М. Синельникова
«Дни мои ночами стали, оглянись – кругом темно...»

Дни мои ночами стали, оглянись – кругом темно,
И душа к устам подходит, плоть покинуть ей вольно.
Небо слышало так часто возгласы мои: «Господь!»,
Что само им стало вторить и бедой сокрушено,
В дом вошла любовь и стала жажду утолять мою,
Наливая полной чашей запрещенное вино.
Помню: я пьянел, бывало, лишь от одного глотка,
Нынче – осушаю чаши, сердце горечью полно.
Вижу путь, что не под силу иноходцу моему,
И деяния, которых совершить мне не дано.
Я пришел к ее воротам, но сказал суровый страж:
«Для чего ты здесь, безумец? Не открою все равно!»
Молвил мой сосед, внимая вздохам тяжким Хакани:
«Вот какая лихорадка! Весь – в жару. Немудрено».
Перевод М. Синельникова
«Не тронуть мне свиданья ветвь – недосыгаема листва...»

Не тронуть мне свиданья ветвь – недосыгаема листва.
Нет сил тебя изобразить – воображенья мощь мертва.
Несчастные мои глаза однажды видели тебя,
И тысячами бед плачу за миг единый волшебства.
Всю жизнь с разбитым сердцем я скитаюсь от тебя вдали.
Но весть от сердца твоего не приносила мне молва.
Из-за того что до тебя я дотянуться не могу,
Душа из уст моих ушла, поникла скорбно голова.
И вновь точеная стрела твоих упреков огневых
Впивалась прямо в сердце мне, и не слабела тетива,
Но счастлив я уже и тем, что вижу издали тебя.
Как быть, ведь это – жребий мой, судьба, наверно, такова
Не позволяет сердце мне от этих отойти ворот,
Повелевает Хакани все эти вымолвить слова.
Перевод М. Синельникова
«Охватить воображеньем миг свиданья мудрено...»

Охватить воображеньем миг свиданья мудрено,
Описать его словами мне, должно быть, не дано.
Жизнь прошла неуследимо... Паланкин свиданья медлит,
Потерялся он в дороге, между тем уже темно.
Обещало мне свиданье в срок прийти без опозданья,
Но ко мне без уговора смерть пришла, а где оно?
Ты пренебрегала нами, ты вино пила с врагами,
Не оставив нам ни капли. Мимо протекло вино.
На тебя я призываю заклинания Мессии,
Но, увы, они бессильны, ты не внемлешь все равно.
Что поделаться, если к сердцу счастье так неблагоприятно?
Хакани к тебе дорогу отыскать не суждено.
Перевод М. Синельникова
«Смотри: с пути любви к тебе не сходит сердце и болит...»

Смотри: с пути любви к тебе не сходит сердце и болит.
Из сердца не уходит страсть, как звезды не сойдут с орбит.

Молю, к другому не стремись, ведь мне другая не нужна!

О, не меняйся, ведь тоска перемениться не спешит!

Я так измучился, а ты не научилась тосковать,

Дивлюсь, что сердца твоего моя тоска не оживит.

Пусть мне в разлуке тяжело, благодарю за это зло!

Быть может, хуже будет мне и пуще станет боль обид.

Надежда тайная была в душе, как золото, светла,

Но тяжкие мои дела едва ли мир позолотит.

Невзгоды горькие приму, злосчастью верен своему,

Сам удивляюсь, как оно вселенной вспять не обратит.

Вода разлуки подошла и плещет выше головы,

Не замочив ступни твоей, мне страшной гибелью грозит,

О, был ли день такой, когда не знал страданий Хакани

И у твоих ворот в крови не кувыркался, как шахид?

Перевод М. Синельникова

«Безумцем стану я, когда, подобна пери, ты придешь...»

Безумцем стану я, когда, подобна пери, ты придешь.

Увижу кольца черных змей, кудрей струящуюся дрожь.

Ты – солнце, что взошло в ночи, такого чуда больше нет.

Ночь сразу превратится в день, когда над миром ты блеснешь.

Хоть ночью, в полной темноте, не смотрит в зеркало никто,

Гляжу, тобою ослеплен, – твой лик на зеркало похож.

Перевод М. Синельникова

«Тому, кто заболел тобой, не нужен никакой бальзам...»

Тому, кто заболел тобой, не нужен никакой бальзам.

За миг свидания с тобой все царства мира я отдам.

Врата к свиданию с тобой нешироки, невысоки,

И кто же не согнет спины, к заветным подойдя вратам?

Жизнь отдававший сотню раз, чтоб взять кольцо любимых уст,

Вовеки не отдаст его за перстень, коим славен Джам.

Постигнув, что тебе никто подарков меньших не пришлет,

И сердце посылаю я, и веру в дар твоим устам.

Терпение изнемогло под страшным бременем тоски,

Гора под ношею такой не устоит, а где уж нам!

Перед нашествием любви мой бедный разум бросил щит,

Ведь перед натиском таким не устоял бы и Рустам.

Ты молвила: «Тебя всегда приятно видеть, Хакани!»

Ступай же, озорница, прочь, доверья нет к твоим словам!

Перевод М. Синельникова

«Был уговор у нас с тобой, тебе, конечно, он знаком...»

Был уговор у нас с тобой, тебе, конечно, он знаком,

Но опостылел, устарел и стал казаться пустяком.

Мне уши нежил голос твой, струился голос, как ручей,

Сегодня кровь из глаз моих багряным хлещет родником.

Огонь заклятья твоего сжег душу бедную дотла,

Ты веешь пламенем одним, и пламя – вся ты, целиком.

Не жду я верности твоей и знаю, что изменишь ты.

Не жди насилья от меня, ты знаешь: не тяну силком.

Ты кровью сердца моего спешишь разлуку угостить,

Но к скатерти свиданья ты не приходила и тайком.

Хочу я жизнь свою пресечь, когда тебя со мною нет,

И знаю, не смутишься ты, узнав о выходе таком.

Ну что ж, насилью твоему не удивится Хакани,

Поскольку в мире ты живешь и возвращена в аду мирском.

Перевод М. Синельникова

«Молва о красоте твоей – везде, куда я ни пойду...»

Молва о красоте твоей – везде, куда я ни пойду.

Гремит на небе все звучней и в райском слышится саду.

Ступило сердце шаг-другой в чертог свидания с тобой,

И поскользнулось о порог, и оступилось на ходу.

Я о тебе вздохнул, и грудь пылает, как проезжий путь, –

Как видно, встретил караван степных разбойников орду.

И нет несчастнее купца! Что хуже этого конца?

Хотел он прибыльной любви – и ни за что попал в беду.

Но как же до спокойных вод корабль терпенья доплывет?

Сто тысяч дыр на парусах, и только гибели я жду.

Был на груди моей замок, надежно верность он стерег,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Теперь он сжал мои уста, врагов твоих узнав вражду.
Вдали от милой в эти дни лишился воли Хакани.
Тебе известно, как в беде впадают в крайнюю нужду.
Перевод М. Синельникова
«Душу сладостную возьму и возлюбленной в дар принесу...»

Душу сладостную возьму и возлюбленной в дар принесу,
Милым локонам веру свою, сердца каждый удар принесу.
И когда ты захочешь испить эту сладкую горечь вина,
Сотню сладостных жизней тебе, как единый динар[52], принесу.
Словно ягода – эти уста... Ей, как винную ягоду, я
Окровавленное лицо, и морщинист и стар, принесу.
Я насыплю перед тобой кучу жемчуга ростом с тебя,
Я добытые в заводях глаз жемчуга на базар принесу.
Первых дней молодую зарю я последней любви подарю,
Я тебе свои юные дни, бурной страсти разгар принесу.
Две костяшки слезами облив, в звезды яркие их превращу,
Я любимой сиянье Плеяд – светоч любящих пар – принесу.
Приложившись щечкою к земле и любимой целуя стопы,
Обрету я заветный венец и владычице чар принесу.
У влюбленных обычай таков: сердце дарят любимым они,
Ну а я тебе душу отдам, жизни трепет и жар принесу.
Что ж краснеешь, стыдясь, Хакани? Знай: обрел я гордыню свою
У султанских корон и тебе блеск венцов и тиар принесу.
Перевод М. Синельникова
«Смотри, что я в любви обрел, – найдешь ли в темноте просвет...»

Смотри, что я в любви обрел, – найдешь ли в темноте просвет?
Меж тем как я тоской убит, на мне и волос не задет.
Поскольку я ее люблю, нет смысла толковать о том,
Чем за любовь к ее лицу я заплатил в горниле бед.
Эй, голубь! Ты хотя бы раз письмо любимой отнеси,
На крыльях радости лети и принеси скорей ответ.
На муку сердца посмотри, ведь сердце ждет свиданья с ней,
Эй, голубь! Только сердца жаль, что ждет Симурга[53] столько лет.
Пусть будет улицей моей твой вольно-голубой простор:
На башню вражью не садись, лети, не забывая примет!
Будь осторожен, голубь мой, поберегись, поторопись,
Ведь сокол, пущенный врагом, быть может, кинулся вослед.
Возьму я желтизны с лица и привяжу к твоей ноге,
Посланца не вернут назад, не взявши золотых монет.
Частичкой каждой, плотью всей свиданья жаждет Хакани...
Ей жаль ползернышка души, она не ждет меня, о нет!
Перевод М. Синельникова
«Если ты стала моею душой, не уходи...»

Если ты стала моею душой, не уходи.
Сжался над кровью души, надо мной, не уходи.
Разорвала ты завесу святой тайны моей,
Не обольщай невозможной мечтой, не уходи.
Все, что душе моей ты повелишь, выполню я.
Гостьей незваной пришла, но постой, не уходи.
Радостно за подаянье твое душу отдам,
Только отсюда за данью другой не уходи.
Если арканом девических кос я обвяжусь,
Словно аркан ускользая тугой, не уходи.
Пьешь мою кровь, словно тюрки... Скажи, это – любовь?
Полно, тюрчанка, окончи разбой, не уходи.
Не замечаешь того, кто убит... Не убивай
Мудрых людей, как невежда любой, не уходи.
Если твой преданный раб – Хакани, раб – только твой,
Будь только шаха[54] Ирана рабой, не уходи.
Перевод М. Синельникова
«К луне, чтобы свое лицо она открыла, я приду...»

К луне, чтобы свое лицо она открыла, я приду.
На шею жемчуга надень, мое светило! Я приду.
Ты украшений звон умерь, их блеск перед тобой – ничто.
Еще униженнее их к тебе уныло я приду.
Мне голубь твой письмо принес, и было сказано в письме:
«Быстрее голубя к тебе, быстрее посыла я приду!».

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org

Червонец своего лица я с голубем тебе пошлю,
Объятя сокола раскрыв ширококрылые, приду.
Твой сторож на пути стоит и не впускает через дверь.
Но если ты хоть лунный свет в окно впустила, я приду.
От сглаза этот лунный лик окрасила в индиго ты,
К тебе, как лилия в слезах, как воды Нила, я приду.
Ты – солнце, гордо за собой влачишь парчовую полу.
Мой ворот повлажнел от слез, как туча стылая, приду.
Я с полной золота полкой хотел вернуться от тебя,
С лицом, которое тоска позолотила, в дом приду.
Стыдась, что милой подарить могу я только жизнь свою,
Понурий, словно локон твой, больной и хилый, я приду.
Посмею ли к твоим стопам припасть беспутной головой?
Кивая псам, целуя пыль, где ты ступила, я приду.
В надежде, что продлишь мне жизнь благоуханием своим,
С вином расплавленной души, чтоб ты испила, я приду.
Как скатерть в серебре – твой лик, где соль прекрасных уст нежна,
С горячей солью, солью слез, теряя силы, я приду.
Как месяц тридцати ночей, вползающий под солнца сень,
Вползу на пришествие твое, на ложе милой я приду.
Мои подковы ты сожгла, возьму подковы скакунов,
Как в буре пламени Азер[55], дрожа от пыла, я приду.
Перевод М. Синельникова
«Я на улицу милой, прокравшись в тиши, в полночь гостем неожиданным пришел...»

Я на улицу милой, прокравшись в тиши, в полночь гостем неожиданным пришел.
Как без тела душа или тень без души, весь повитый туманом, пришел.
Эта улица спальней была для души, но печальной душе не спалось.
Тень у входа оставив, я в спальню твою, призван милым тираном, пришел.
Я к собакам на улице пыльной твоей, словно верный твой пес, подбежал.
И в ошейнике, с рабым клеймом на лице я к покоям желанным пришел.
Я увидел огонь дорогого лица, рутый стал в тот же миг для огня,
И невольно я вскрикнул, взглянув на тебя, с воплем я покаянным пришел.
К заповедному кладу в тревоге идут и светильник страшатся зажечь,
Но, беспомощных вздохов светильник задув, я беспечным буяном пришел.
Иглы этих ресниц из атласа лица сшили новый халат для меня,
Одарили меня, когда в сумерках я к ней бродягой незванным пришел.
Вот любимая выпила чашу вина и, смеясь, мне плеснула глоток,
Был я прахом немым, но сегодня воскрес, к ней счастливым и пьяным пришел.
Что страшиться зловредных завистников мне, ведь свидание с нею дано!
Стану ль я опасаться вражды и хулы, если властным султаном пришел!
Ибо вечером я не прислужником стал, а возлюбленным пери моей,
Ибо утром домой не певцом Хакани, а могучим хаканом пришел.
Перевод М. Синельникова
«В двери мои постучалась она, в полночь нагрязнула, опьянена...»

В двери мои постучалась она, в полночь нагрязнула, опьянена,
О, солнцеликая эта краса, розовоустая эта луна!
В дверь постучалась тихонько она и позвала, потянув за кольцо.
Молвил я: «Кто там у наших ворот в пору такую? Кому не до сна?».
Слышу: «Открой! Я – подруга твоя! Я – исцеленье недуга, открой!
Гостью прими, хоть незваной пришла...» – так у порога сказала она.
Двери открыл я, впустил ее в дом. «Что за добыча! – я громко вскричал,
– Что за чудесная долгая ночь! Так благодатна она и темна!»
Ночь я восторженно благословил и благодарно восславил вино,
Ибо усилиями этих двоих встреча с любимой была мне дана.
Если б не ночь, никогда бы она здесь не открыла лица своего.
Не позабыла бы страха вовек, если бы не было в мире вина.
Так я сказал: «Хоть себе я вчера дал воздержания крепкий зарок,
Что моя клятва! Сегодня с тобой ночь наслаждения нам суждена».
Молвил я: «Пусть твой серебряный лик примет подарок сейчас от меня.
Чистое золото перед тобой, щек изможденных моих желтизна».
«О Хакани, – ты спросила, смеясь, – разве из золота щеки твои?»
Я отвечал: «Дорогая, прости, – золота яркость в ночи не видна».
Перевод М. Синельникова
«О ты, смутившая влюбленных, с лица срывая покрывало...»

О ты, смутившая влюбленных, с лица срывая покрывало!
Твои рубины так сияют, что солнце к ним возревновало.
Плетется жалкой побирушкой по улице твоей луна,
Потоки черных кос увидев, ночь отшвырнула покрывало.

О ты, забившая гвоздями уста всемирных мудрецов,
О ты, которая шипами постели раненых устлала!
Пришедшая мой дом ограбить и плоть спалившая мою,
О ты, что прядями своими как будто горло сердца сжала!
Твои нарциссы колдовские всю ночь меня бросают в жар,
Лишают солнца, в пот холодный бросают, словно горя мало.
Свое пресыщенное сердце к дорожной пыли обратив,
Мое ты сердце невлюбила, в огонь его швырнула шало.
Ну что же, к твоему насилью привыкло сердце Хакани,
Его душа в аду пылает, а тело пропадом пропало.
Перевод М. Синельникова
«О бывшая моей любимой, решившая знакомой стать...»

О бывшая моей любимой, решившая знакомой стать!
О ты, порвавшая с достойным, чтоб недостойного избрать!
О ты, жемчужину которой злодеев просверлил алмаз,
Доколе, как янтарь, ты будешь к себе злодеев привлекать?
Доколе, словно солнце в небе, ежевечерне в поздний час
К земле, служа друзьям неверным, ты будешь голову склонять?
Приятельница и подруга ты лишь тому, кто ниже нас,
Часы любви, часы досуга решила ты врагу отдать.
Воистину достойный избран! Все по достоинству сейчас:
Достойна трапеза Мессии, осла – кормежки благодать.
Жемчужиною даровою был для тебя я и угас...
Жестокая, ты не хотела моей цены высокой знать!
Оценит ли сиянье солнца тот, кто лишен с рожденья глаз?
И сможет ли простой горшечник сапфиру должное воздать?
Да, так судьба судила злая – в твоих тенетах я увяз.
Пусть на судьбу падут удары, что нас хотели бы сломать!
О, если б налетело пламя и землю охватило враз,
Чтоб эту страсть спалить, чтоб выжечь и красоту твою, и стать!
Да, это – божества веленье, судьбы таинственный приказ,
Иначе Хакани не мог бы так от любви к тебе страдать.
Перевод М. Синельникова
«То, что ты сделала со мной, поскольку верности чужда...»

То, что ты сделала со мной, поскольку верности чужда, –
Несправедливости предел и средоточие вреда.
Что значили твои слова? То были сети колдовства.
Что клятва? Это ветер был, не оставляющий следа.
Не помнишь ты любви былой... Нет, не таков обычай мой,
А ты идешь таким путем затем, что лишена стыда.
Что мне рыдать из-за тебя, когда, тоскуя и любя,
Тебе я отдал сердце сам и надо мною нет суда?
О сердце Хакани! Забудь былые горести и дни!
Взгляни, что сделала она, уж это – подлинно беда.
Перевод М. Синельникова
«В пучине страсти я тону, моих мучений ты не множь...»

В пучине страсти я тону, моих мучений ты не множь!
Хотя бы выслушай меня, ведь суть речей моих – не ложь!
Душа тобою сожжена... Что там за молния видна?
Ты проливаешь кровь мою... Скажи мне, что это за нож?
Я плачу и не прячу слез, поток любви меня унес.
Так пощади же ты меня! кругом – буруны, гребни – сплошь.
Поток – везде, со всех сторон... Тебе – по щиколотку он,
А мне дошел до головы. О, неужели не спасешь?
Пусть ты неласкова и зла, пусть мне другого предпочла,
Ты знать, конечно, не могла, как на меня он непохож.
Перевод М. Синельникова
«Нет ко мне благоволения, мы опять с тобою в ссоре...»

Нет ко мне благоволения, мы опять с тобою в ссоре.
Не ступила ты и шагу, чтобы мне помочь в разоре.
Душу ржавчиною скорби ты осыпала, не глядя,
Что легла на сердце с неба тень печальная лазори.
Дни мои ты помрачила – я ни разу из почтенья
Не сказал любимой ясно о своем великом горе.
Ты своим лукавым взглядом кровь мою пила, как воду,
Я слабел и все не видел снисхождения во взоре.
В гневе ты сказала: «Мигом я сверну ковер беседы!».

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Но ведь не был он развернут. Что свернешь в пустом задоре?
Думал я, что ты – лекарство для измученного сердца,
Ты – недуг, и невозможно исцеление от хвори.
Хакани – он твой навеки! Что ж ты сердце разоряешь?
Грабишь ты свое жилище... Так не скажут и о воре.
Перевод М. Синельникова
«Твой нрав безжалостен, как прежде...»

Твой нрав безжалостен, как прежде. Была ты злой и столь же зла.
Твои глаза не увлажнились, когда ты грудь мою сожгла.
Бывает, что враги, смирившись, стыдясь людского осужденья,
Мир заключают хоть притворный, но ты готова жечь дотла.
Истерся мой язык от жалоб, он стал во рту как волос тонкий.
Но ты ни на волос уменьшить свое насилие не могла.
Ты эту горестную душу своим не радовала ликом,
Душа моя с тобой не стала, как твой прекрасный лик, светла.
Ты, как жемчужину, пронзила мое измученное сердце,
Как раковину, грудь разверзла, но исцеленья не дала.
Любовь к тебе мной овладела, над головою воду выпив,
И долею души безвинной скорбь неизбывная была.
Жестокая, в делах насилия ты этому подобна миру,
Но даже мир жестокосердный такие не творил дела.
Ты в изобилии усыпав дорогу Хакани шипами,
К Земле ни разу не нагнулась, ни одного не подняла.
Перевод М. Синельникова
«Межу свиданий и разлук тоска влеченья перешла...»

Межу свиданий и разлук тоска влеченья перешла,
И вижу я, что боль моя черту леченья перешла.
Стараньями загублен труд, мяч быстрый мимо пролетел,
Клюка човгана в длань врага в час помраченья перешла.
Одно занятие в эти дни, печаль одна – любовь к тебе,
Ей невозможно пренебречь, миг – и в мученье перешла.
Когда смогу тебя достичь? Ведь наша встреча, словно конь,
Ристалищ двадцать перейдя, в край разлученья перешла.
Лишенный властелина мир простит соблазн любви к тебе,
Ведь вера отлетевших дней грань отреченья перешла.
Полу халата Хакани ручей кровавый омочил,
Нет, не полу, а воротник волна теченья перешла.
Перевод М. Синельникова
«Как ошипанная птица я в руках у палача...»

Как ошипанная птица я в руках у палача.
Я стою перед тобою, как безглавая свеча.
Горько на тебя глядеть мне при сопернике украдкой.
Я живу, тебя не видя, участь жалкую влача.
Знай: стрела борца за веру тонкий волос расщепила,
Но души незримый пояс рассекла ты без меча.
Мне в любви клялась недавно и немедля изменила,
Обещала мне свиданье и уходишь, хохоча.
О тебе душа мечтает, устремляясь в мир свиданья,
И мгновенно сотни поприщ пробегает сгоряча.
Погляди: сердца упали в тень у стремени любимой,
Головы лежат у трона, ей отсечены плеча.
Хакани! От силы страсти дрогнули укоров цепи
Так, что звенья разорвались и рассыпались, брэнча.
Перевод М. Синельникова
«Ты – судья души! Отчего же ни полслова не слышишь ты...»

Ты – судья души! Отчего же ни полслова не слышишь ты
И меня, о господи боже, чуть живого, не слышишь ты?
Я прошу у тебя правосудья, я стенаю во прахе, в крови.
Отчего же ни вздоха, ни стона никакого не слышишь ты?
Стон горячий, который от сердца я сейчас посылаю к устам,
Вновь устами верну я сердцу. Что же снова не слышишь ты?
Сколько раз ты меня просила: «О приметах любви расскажи!».
Но сама распознать приметы не готова, не слышишь ты.
Слышит Рыба, держащая сушу, грохот моря рыданий моих.
В том же море плывешь ревушем, только рева не слышишь ты.
Притаились в засаде взгляда тюрки-лучники, целясь в меня.
Как же отзвука стрел певучих ветрового не слышишь ты?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Спросишь ты, не болит ли сердце, но не слышишь криков моих.
Как же ты говоришь о сердце, ведь больного не слышишь ты?
Или серьги мешают слушать, или локоны, но, увы,
Тайных мыслей моих не знаешь, да и зова не слышишь ты.
Я тебе говорю: «Сегодня я душою покинут, гордись!».
О царица души, или в силу нрава злого не слышишь ты?
Лишь тебе сокровища дарят и глаза и уста Хакани.
Слышишь имя его сурово, а иного не слышишь ты.
Ты – гора серебра, и повсюду говорят о богатствах твоих,
Но молвы о сокровищах сердца золотого не слышишь ты.
Перевод М. Синельникова
«Сердце за любовь заплатит, не приняв цены в расчет...»

Сердце за любовь заплатит, не приняв цены в расчет,
Но заздравную молитву все же не произнесет.
Сто узлов – на верви жизни, не развяжешь ни узла,
И терпению не распутать оплетающих тенет.
Мне любимая велела: «К магам за вином ступай!
Пламя скорби воды лечат – отыщи водоворот!»
И пошел я в гости к магам, но не вижу здесь того,
Чья десница в русло сердца воду радости вольет.
Вижу: юный виночерпий выплеснул в огонь глоток,
Но земля, как прежде, жаждет, буйного потопа ждет.
Горе! Он плеснул на пламя Хизровой живой водой.
Видя прах, гонимый ветром, все он знает наперед.
От глотка впадаю в ярость и вскипаю, как земля...
Лишь глоток на прах он пролил, а напиток не дает.
Сердце ранила жестоко та, что черпает вино,
Разве есть на свете сердце, чтоб стерпело этот гнет?
Вот – мои глаза и слезы, виночерпий и вино,
Черепку лицо подобно, всё в морщинах от невзгод.
Лишь кувшин, и виночерпий, и вина густой отстой...
Иль меня ничто другое от печали не спасет?
Знай, о старец-маг! Не буду частым гостем у тебя,
Можешь спать, тебя уж больше не встревожит мой приход.
Не подаст мне больше чаши твой пьянчужка озорной,
Чтобы, разума лишаясь, пил я ночи напролет.
У твоей горы нет больше той неистовой реки,
Чтобы снова подхватило камень мой стремниной вод.
Хакани! Помолодела пальма легкая любви.
Где рука, что эту пальму беспечально потрясет?
Перевод М. Синельникова
«И вновь меня тоска в кабаке нетвердым шагом привела...»

И вновь меня тоска в кабаке нетвердым шагом привела,
Искателя Каабы вновь в трущобы к магам привела.
От нагоняющей тоски бежало сердце одвуконь.
Судьба, швырнув меня под плеть, перехватила удила.
Я так соблазна избегал, скользил я пеной по воде,
Но крокодил любви загнал меня в глубины моря зла.
Я в самой гуще боя был, я в сече был, как блеск меча,
Когда кольчужного кольца меня заклепка подвела.
Ты отпустила тетиву, когда взглянула на меня,
И прямо в сердце, точно в цель, твоя ударила стрела.
Ах, сердце бедное тебе служило глиной для мытья!
Пропало сердце ни за грош, а ты румяна и бела.
Разлуки ветер улетел с моею глиной и водой.
Вино свиданья принеси, ведь страсть огонь уже зажгла.
Поводья жизни упустив, разгула стремя удержи,
Для винопития судьба так много поводов дала.
Мую потерянную жизнь мне поцелуем возврати,
Ведь сгинувшее счастье мне судьба обратно принесла.
Хребты и степи Хакани в своей дороге одолел,
Но возвратился он домой – жива душа и плоть цела.
Перевод М. Синельникова
«Я крепко пьян и пить хочу, скорей воды сюда подай...»

Я крепко пьян и пить хочу, скорей воды сюда подай,
Горящей розовой воды, багряной, как руда, подай.
В покое брачном – в пиале, окрашенной в небесный цвет,
Нам солнца огненную дочь, что красотой горда, подай.

Сияющее солнце нам в чадре из воздуха неси,
Рубин в звенящем хрустале, и пламени, и льда подай.
Кувшин джамшида[56] принеси, кровь Сиявуша в нем кипит,
Афрасиабу[57] грозный меч, когда придет беда, подай.
Чтоб не обуглилась душа в огне невиданных скорбей,
Хрусталь души невинной нам до Страшного суда подай.
Чтоб капля, падая во прах, его багрила, как сафьян,
Рубин, который не смогла затмить Сухейль-звезда, подай.
Не думай, что твои дела лишились блеска навсегда,
Того, что, как вода, журчит, что плещет, как вода, подай.
Деревня опустошена, все пьяны, все вповалку спят,
Свой голос ты в пустом селе, где жизни нет следа, подай.
Тугие косы закрути, нам сердце копьями пронзи,
И гроздьев огненную кровь, пока ты молода, подай.
Хоть на мгновенье Хакани в уединенье опьяни,
Две чаши сладкого вина, не ведая стыда, подай.
Перевод М. Синельникова
«Слова раскаянья забудь, отныне не жалея вина...»

Слова раскаянья забудь, отныне не жалея вина,
Пока я глиною не стал, дай в глине поскорей вина.
Две кыблы[58] нам воспрещены: иль благочестье, иль вино.
Не нужно благочестья – дай кувшинов и сулей вина.
Заря и вечер протекут, румяна сменит галие.
Подай косметики хмельной! Нет ничего милей вина.
Поводья сердца подбери и руку разума возьми,
Сбей их с дороги, приведи на улицу друзей вина.
Взгляни: идет бездумно жизнь. Ты за полу ее схвати
и приведи ее к вину, на берега морей вина.
Хмельным глашатаям пиров кричу: «Налейте, я готов!».
Эй, собутельника зови, что закричит: «Налей вина!».
Я – тот, кто начал пить с утра. Зови, уж если я таков,
Того, кто, как и я, в толпе толчется у дверей вина.
Что делать Хакани в раю у тихоструйного ручья?
Твое мне сердце – райский сад, так приведи ручей вина!
Перевод М. Синельникова
«Мы чужды двух миров делам и здесь и там, ведь мы вольны...»

Мы чужды двух миров делам и здесь и там, ведь мы вольны.
Мы выпиваем по утрам, по вечерам, ведь мы вольны.
Мы проиграли этот мир, немного праха отыграв,
А тот мы отдали в заклад... Все это – хлам, ведь мы вольны.
Хоть разум старостой слывет в селенье жизни, у людей,
Но в разуме нет нужды нам, он слишком прям, а мы вольны.
Ведь в нем – начало всех скорбей, и прах любви – его милей.
Нет разуму дороги к нам и всем скорбям, ведь мы вольны.
Но в мире есть у нас любовь, что делать, если нет души?..
Есть Сулейман, что трон его, что перстень нам, ведь мы вольны!
Не нужен собутельник нам, что пьян от запаха вина,
Мы пьем, и нас не напоить хмельным морям, ведь мы вольны.
Пусть верный друг необходим творящим тайные дела,
Но мы открыто пьем вино, что грех и срам, ведь мы вольны!
Ты нашим глиняным устам дай в глине сладкого вина.
А чаша Джама – что она? И что нам Джам? Ведь мы вольны.
Что арка неба, купол звезд, чертогов арки, купола!
В труппах пьем и не придем к тем куполам, ведь мы вольны.
Мы тело сделали щитом, изнемогли под градом стрел.
Излечит раны поцелуй. К чему бальзам? Ведь мы вольны.
Конечно, вы от нас вольны, есть вера, сердце есть у вас.
У нас нет веры, сердца нет, мы чужды вам, ведь мы вольны.
Ты стелешь сети там и сям и нас к покорности зовешь,
Нас не поймать твоим сетям, твоим словам, ведь мы вольны.
Души спасеньем не хвались, мы не надеемся на рай,
И не боимся ада мы... Наш нрав упрям, ведь мы вольны.
О Хакани! Подай вина! Забудь Каабу и Замзам[59]!
Ведь от Каабы – воля нам, и что Замзам, ведь мы вольны!
Перевод М. Синельникова
«Любви надимам и певцам ее тревог...»

любви надимам[60] и певцам ее тревог,
В квартале каландаров[61] нам готов чертог.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org

Надимы верные тому, кто в чаше чтит осадка тьму,
Мы – властелины кабака. Устав нестрог!
Не ради рая путь торим, не в адском пламени горим,
Не рай нас в горе приютил, не ад обжег.
Всесильной волею судьбы любимой верные рабы,
Не ищем рая мы. Что нам его порог?
Коль мир не вечен, все равно! Нам бремя вечное дано.
Кто нас на верную любовь навек обрек?
Рубашки не хотим ничьей, и не утрачен свет очей,
Приносит от Юсуфа весть нам ветерок.
Мы – то Муса, то Ибрахим пред этим пламенем святым,
Который породил любовь и нас увлек.
Пока горю, мне чуждо зло, на сердце у меня светло,
Хоть черен я в твоих глазах, свидетель – бог!
Палимы гибельным огнем, мы от халифов род ведем,
Мы – сироты, но данный нам удел высок.
Не в наших ли земных делах встречается с надеждой страх?
На перекрестке мы стоим, у двух дорог.
Мы чем-то высшему сродни. В трущобах, словно Хакани,
Грядущего величья нам вручен залог.
Перевод М. Синельникова
«Любовь моя, как видно, грех. К чему нам говорить о нем...»

Любовь моя, как видно, грех. К чему нам говорить о нем?
Всё так, в безверье верю я! Зачем же веры не вернем?
О, почему бы не гореть от страсти сердцу моему,
Частицу тайны не иметь в душе, охваченной огнем?
Идут на утренний намаз [62], огонь засыпавши землей.
Я – прах любви, так почему не скрыть огня в чаду своем?
Велела душу мне сгубить, и это – праздник для меня,
Но коль душа обречена, чего ж не сжечь ее живьем?
И то – удача для меня, что в сердце скорбь вселила ты,
Но почему бы не внести мне радость в этот скорбный дом?
Луна, чертоги озарив, не подарила мне луча.
Что ж маленький дворец души мне сразу не отдать на слом?
Пока я себялюбцем был, не шли на лад мои дела,
Я отступился от себя, так отчего мы не вдвоем?
Всегда цветасты черепки, но где, скажи, мои цветы?
Вот – сердце, битый черепок! Что ж не залить его вином?
Я – Хакани? Спаси аллах!.. Нет, я – Симуург небытия!
Так почему не уравнивать мне бытия с небытием?
Перевод М. Синельникова
«Ушло из рук, пропало сердце, ушло, любви не поборов...»

Ушло из рук, пропало сердце, ушло, любви не поборов.
Я вдруг лишился дара речи. К чему теперь богатство слов?
Я утешителя не вижу. Кому же радоваться в мире?
Какие мне искать забавы? Ведь нет у скорби берегов.
Я знаю, нет мне дозволенья войти в чертог свободной воли.
Зачем входить в шатер желанья, в нем царских ожидать пиров?
Я гляну в зеркало и встречу унынья взгляд осиротелый.
Как зеркало под ржой печали, мой лик и темен и суров.
Как благоденствие решится хоть заглянуть в мои ворота,
Когда невзгоды и напасти не покидают этот кров?
Я поражен ударом рока и распален огнем печали,
Как будто бы не человек я – железо, взятое в расков.
Я опоздал уйти, и стало достоинство водою мутной.
О если б смерть разбила камнем кувшин на тысячу кусков!
Судьба ушла своей дорогой, забыв меня, и я сегодня
Стереть изображенья счастья с лица желанья готов.
Поскольку сердце лютой скорби сам отдаю на растерзанье,
Для Хакани я – враг заклятый, хотя, понятно, не таков!
Перевод М. Синельникова
«Никто безжалостней, чем ты, не мучил, не лишал утех...»

Никто безжалостней, чем ты, не мучил, не лишал утех,
Ты всех злонравней на земле, мой зачеркнувшая успех.
Забудь меня, ступай к себе, подумай о своей судьбе!
Где больший был тиран, чем ты, реши сама.. И слышу смех.
Ты – солнце красоты, но тот, кто на свидание идет,
Чем ближе к встрече, все мрачней.. А потому какой тут спех!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Я с розою тебя сравнил – она прекрасна, неверна...
Но запах розы для меня – лишь тень благоуханий тех!
С тех пор как сердце обожгло, к тебе впервые обратясь,
Дворец терпенья строил я. Теперь к нему не сыщешь вех.
Лишь в том была моя вина, что привязался я к тебе,
Вода, что льется из очей, сегодня мой смывает грех.
В ряду влюбленных меньше всех был по значенью Хакани,
Но в прославлении тебя он стал красноречивей всех.
Перевод М. Синельникова
«Ты на головы влюбленных груз желаний возложи...»

Ты на головы влюбленных груз желаний возложи,
Шахский трон любви воздвигни там, где пали в прах мужи.
Сердце нежное любимой пусть замкнет уста твои,
Гибнет множество влюбленных... Там же голову сложи.
Ты возлюбленной удары, как бальзам, сумей принять,
Назови противоядьем яд жестокой госпожи.
Знает страсть лишь только нечет, и взаимности не жди,
На пустом любовном ложе в одиночестве лежи.
Ты не хвастай красотой, глянь-ка в зеркало скорей,
В нем твои черты не милы и не очень-то свежи.
Миром лживым не прельщайся, а уж если обольщен,
Уступи ты оба мира той любительнице лжи.
Хакани! Твоя отчизна – за межою бытия.
Сохрани лишь верность слову, жизни разорвав тяжи!
Перевод М. Синельникова
«Ты дух укрепляешь, покоишь в тени, о ветер...»

Ты дух укрепляешь, покоишь в тени, о ветер!
Но чем ты порадуешь в скорбные дни, о ветер?
Как плещущий голубь ты мне принесешь письмо от любимой,
Ведь вестником нежным ты был искони, о ветер.
Глаза мои рады с тобою дружить. Промчавшийся мимо,
Ты веешь Юсуфом, ты счастьем сродни, о ветер.
Тюрчанке, чьи гордые веют уста дыханием лилий,
Посланье печальное ты протяни, о ветер.
Ты к ней полетишь и с ответом ко мне вернешься не ты ли?
Я пьян от беззвучной твоей болтовни, о ветер.
Сурьмы для очей моих ты раздобудь – земли этой сладкой,
Мне прах принеси из-под легкой ступни, о ветер.
Из локонов милой один волосок, похитив украдкой,
Сюда принеси и, смотри, не усни, о ветер.
Я слова промолвить не смею досель о локонах милой,
Но как же – ты дуешь, и терпят они, о ветер?
В плену мое сердце... Скорее нахлынь, врываясь всей силой,
Плененному сердцу ты волю верни, о ветер.
Коль сердца она не позволит забрать, строга и злонравна,
Ты с ней подерись, отними, догони, о ветер.
Ты скрытый такой, но твое колдовство столь явно,
Что сердцу почудилось: ты – Хакани, о ветер!
Перевод М. Синельникова
Низами (ок. 1141 – ок. 1209)

«Гнет страсти мне в сердце – ведь сердце мишень – вошел...»

Гнет страсти мне в сердце – ведь сердце мишень – вошел.
Мой крик в небеса, сквозь лазурную сень, вошел.
Нет, мне не забыть ноготка на руке твоей!
Нож в сердце мое – мучить милой не лень – вошел.
Что толку скрывать в этом мире любовь к тебе!
В тот мир уж давно слух о ней, словно тень, вошел.
Мой дух за тобой с караваном хотел брести.
Да снова в свой дом – за ступенью в ступень – вошел.
Ты молвила: «Низами, я приду». Спеши!
Судьбою назначенный, в горницу день вошел.
Перевод Ив. Бруни
«Я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть...»

я полюбил тебя. Куда теперь шагнуть?
Путь праведный избрать или позорный путь?

Пока жива душа, живешь в моей душе.
А если мне не быть, то ты на свете будь.
Из-за любви со мной враждуют города.
Раз не прощаешь ты, простит ли кто-нибудь?
С протянутой рукой твой локон стерегу.
Забытого бежать и презирать забудь.
О, пусть никто, как я, не будет без тебя!
Не я проник к тебе: тоска проникла в грудь.
Перевод Ив. Бруни
«Спеши, о спеши, без тебя умираю...»

Спеши, о спеши, без тебя умираю!
Мне помощь подай, – без нее пропадаю!
В крови мое сердце, стенаю в разлуке:
Свиданья! Тоска! Часа встречи не знаю.
Уж раз ремесло твое – быть музыкантшей.
Я звуков высоких и низких желаю.
Ты луки бровей не натягивай грозно –
Скорее стрелу посылай! Ожидая.
Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же – бросаю!
Я вижу: удачи я жаждал напрасно, –
Я вздохом последним тебя призываю.
Тебе низами отдает свою душу,
Прими – как страдания я принимаю.
Перевод Ив. Бруни
«Скорбь моя благословенна, вечно по тебе она...»

Скорбь моя благословенна, вечно по тебе она.
Эта скорбь за все отрады мне не будет отдана.
Скорбь моя веселья лучше. Что на это молвишь ты?
«Лучше бьешь ты, чем ласкаешь». Эта речь и мне странна.
Я тебе служу покорно, хоть служить и права нет.
Ты же мне помочь не хочешь, хоть вся власть тебе дана.
Без речей ты мне сказала: «Жди свидания со мной».
Может быть, не в этой жизни? Здесь надежда не видна.
Как вместить иную в сердце? Место в сердце – для тебя.
Кто с тобою схож? Ответь мне. С кем ты схожа? Ты – одна!
Перевод Ив. Бруни
«Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты...»

Я всю ночь не сплю, мечтаю: будь хоть ночь со мною ты.
Не захочешь – снова сердце наградишь тоскою ты.
Ты других ласкаешь нежно, и глаза твои – нарцисс,
На мою звезду посмотришь колкою травой ты.
Дружбой хвастаешься дерзко с тысячью врагов моих
И меня стыдишь пред ними, о создание злое, ты.
Постучись в согласья двери, будь хоть день в ладу со мной.
Не страшны враги мне, если ласкова порою ты.
Ты куда летишь, как птица? Как тебя мне разгадать?
Нет, не поймана ни глазом, ни моей душой ты.
Город весь пленен тобою, не один лишь Низами,
Но лишь только Ахсатана обняла рукою ты.
Перевод Ив. Бруни
«О день мой счастливый: я видел лица твоего овал...»

О день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
О рок мой, он благосклонен: я твой аромат вдыхал.
Я господу славословлю, о пламень очей моих.
К ногам красоты сегодня счастливый мой взор упал.
Противоядье – свиданье! Два мира ему цена.
Губительный яд разлуки испробовал я, узнал.
Кто хоть однажды взглядом окинет красу твою,
Не скажет, что понапрасну тебя для любви избрал.
Как вырвать теперь из сердца, о друг мой, любовь к тебе –
Ведь с жизнью и с телом вместе я эту любовь впитал.
Душа аромату свиданья возрадовалась давно,
Но время прошло, я в клочья рубаху в тоске порвал.
С пылающим кровью сердцем все это сказал Низами.
О день мой счастливый: я видел лица твоего овал!
Перевод Ив. Бруни

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
когда тебя нету со мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь,
беда в мой вступает покой.
Клянусь, придет свиданья час:
пройти бы не мог стороной.
Клянусь я мглою кос твоих:
уйдешь – и охвачен я мглой.
Не мне ль нестись к тебе одной,
стремиться могу ли к другой?
Тебе ль искать подобных мне, –
не тешусь надеждой пустой.
Сравнись со мной – величье ты,
вглядись – я в тоске пред тобой.
Сравнюсь с тобой – не прах ли я?
Все клады в тебе лишь одной.
Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик,
мне радости нет под луной.
Нет ног – поспеть к тебе, нет рук,
чтоб с жаркой сложить их мольбой.
Забыла ты о Низами,
владеешь моей ты судьбой.
Днем гороскоп читаю я,
в ночь звезды слежу над собой.
Перевод К. Липскерова
«Готова молодость твоя...»

Готова молодость твоя
откочевать, схвати ее.
Родную кинувший страну,
скажи мне: где пути ее?
Зачем согнулись старики,
давно изведавшие мир,
что ищут юность; глядя в прах,
все мнят в пыли найти ее.
Зачем бросаешь ты, скажи,
на буйный ветер жизнь свою?
Припомни вечность. Надо здесь
тебе приобрести ее.
Ведь жизнь не жизнью ты купил,
не знаешь цену жизни ты.
Жемчужины не взвесил вор,
хоть он зажал в горсти ее.
Коль будешь радоваться ты –
в отставку горе не уйдет.
Горюя, радость не спугнуть,
навек не отмести ее.
Дай органона звоны нам!
Дай аргаванное[65] вино!
Есть песнь любви, о Низами!
На радость в мир пусти ее!
Перевод К. Липскерова
«Спать не стоит! Станем лучше...»

Спать не стоит! Станем лучше
веселиться до утра!
Этот сон в другие ночи
мною продлится до утра.
То к тебе прижму я веки,
то тебя душою пью,
чтоб тебе вот в этом сердце
поселиться до утра.
Ты, дитя, миндальноока,
сахар – твой красивый рот.
Пьяным люблю снедью этой
усладиться – до утра.
До утра вчера в разлуке
свои руки я ломал.
Ночь – и я в венце, и розам
не раскрыться до утра.
Жизнь свою тебе я отдал.
Вот – рука, и весь я твой.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Дважды шесть! И в нардах счастье
нам сулится до утра.
Наклони ко мне свой локон,
и до полночи целуй.
Волосам твоим струиться –
винам литься до утра!
К Низами склонись лукаво!
Что кольцу в твоём ушке
До кольца дверного? Кто-то
пусть стучится до утра!
Перевод К. Липскерова
«Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней...»

Весть! Весть о милой пришла! Что же с ней?
С той, что для сердца стрела – что же с ней?
Чем занята, что творит, что вершит?
Глаз ее сладостна мгла. Что же с ней?
С той, что, как жизнь моя, мне дорога,
С той, что мне хочет лишь зла – что же с ней?
Долгие дни я сгораю в огне.
С розой, что в росах выросла, – что же с ней?
Льет мою кровь она ловко! Скажи
С клятвой, что роза дала – что же с ней?
Стал Низами – как Якуб[бб], ну, а с той,
Что как Юсуф, расцвела, что же с ней?
Перевод К. Липскерова
«О кипарис с плавной поступью мой...»

О кипарис с плавной поступью мой,
роза скупая моя!
Я-то весь твой, о тебе ж не скажу:
«Ты не чужая – моя».
Жизнь переполнена только тобой,
сердце тебе вручено.
Вот моя жизнь! Вот и сердце, а в нём
страсть огневая моя.
И под мечом буду руки тянуть
к локонам черным твоим,
Лишь бы, как ворот, меня обняла,
милая, злая моя!
Я погибаю, сгораю, спаси,
я прибегаю к тебе.
Сладостный рот твой – живительный ключ,
жизнь он вторая моя.
Ты приходи к Низами, чтобы он
голову поднял свою
радостно – будет тебе вручена,
песня любая моя!
Перевод К. Липскерова
«Растопился черный мускус...»

Растопился черный мускус –
то она пришла вчера.
Оттого пришли в порядок
все мои дела вчера.
Луноликая спешила,
соглядатаев боясь.
Полотно с Луны срывая,
розы обожгла вчера.
На жемчужину глядел я,
глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам –
влажная – прошла вчера.
И покоились мы рядом.
Пробудилось – и бегом
Счастье резвое пустилось,
чуть сгустилась мгла вчера.
«Ухожу! – она сказала.–
Что мне дать в залог тебе?»
– «Поцелуй!» – я той ответил,
что мне жизнь дала вчера.

Я проснулся, опаленный,
и огонь во мне горит, –
Впрямь была вода живая
в той слезе светла вчера.
Головою ширваншаха
вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе
милая была вчера.
Перевод М. Тарловского
«Что смятенней: время...»

Что смятенней: время,
локон ли твой каждый,
дело ли ненужное мое?
Меньше ль малый атом,
рот ли твой карминный,
сердце ли ненужное мое?
Родина, душа ли
у тебя чернее,
иль мое несчастье черней?
Слаще ль мед пчелиный
или губы милой,
слово ли жемчужное мое?
Мысль моя светлее,
солнце ли с луною,
иль твое прекрасное лицо?
Ты ли непреклонней,
иль моя планета,
сердце ли недужное мое?
Верность ли красавиц,
стыд ли твой слабее,
иль мое терпение слабей?
Что, скажи мне, больше:
красота твоя ли,
горе ль безоружное мое?
Перевод М. Тарловского
«Тюрки рабами индийскими стали...»

Тюрки рабами индийскими стали –
рядом с тобой.
Глаза дурного бы не замечали –
рядом с тобой.
Пряди волос моих лишь за единый
твой волосок!
Жертвой достойной стали б едва ли –
рядом с тобой.
Я напоил тебя влагою сердца –
чистым вином.
Печень мою истерзают печали –
рядом с тобой.
Перевод М. Тарловского
«В пору мне груз твой! Скажешь – немолод. Пусть...»

В пору мне груз твой! Скажешь – немолод. Пусть!
Ношу приемлю! Путь не прополот? Пусть!
Страсти, тобой мне внушенной, пью я хмель:
Яд примешала милая в солод – пусть!
Мной не гнушайся – ты мне дороже всех.
Сердцем твоим управляет холод – пусть!
Я – наковальня. Жизнь – это молот. Что ж!
Милая, пусть ударяет молот – пусть!
Жду я тебя, не сытый. Жду, изнемог.
Пусть утоленьем кончится голод – пусть!
Жив, Низами, в саду твоём соловей.
Роза цветет, шипом он проколот... Пусть!
Перевод М. Тарловского
Четверостишия

Перевод Т. Стрешневой

*

Как в курильнице алоэ, тлеет жизнь моя в огне.
Сердце истекает кровью в обездоленной стране.
Ты ко мне неблагоклонна? Разлюбила? Скройся с глаз!
Я молю тебя: «Останься!». Ты безжалостна ко мне.
*

Вот, как некогда в Иране, песнь запели, не дремли!
Кубок полнит виночерпий пьяным зельем, не дремли.
Небо в утреннем сиянье, чаша выпита до дна.
Солнцеликая, засмейся, в час веселья не дремли.
*

Я горем убит, непригляден мой вид.
Мой облик твою красоту омрачит.
О встрече с тобою Хосров не мечтает,
Пустая надежда мой дух бередит.
*

Кто расскажет о печали, той, что сердце мне гнетет?
Дух избавится едва ли от мучительных тенет.
Ведь печаль, подобно розе, расцвела в твоём саду.
Аромат неуловимый и дурманит и влечет.
*

Я сказал: «Мое моление до тебя пусть долетит!
Я люблю, мое терпенье Вседержитель наградит».
«Друг, о чем Аллаха молишь?» – прозвучал ее вопрос.
Я ответил: «О свиданье». – «Бог любовь вознаградит».
*

Дорогой горя и скорбей мой дух, устав безмерно, бродит.
Он возле замкнутых дверей возлюбленной неверной бродит.
Знай, сердце пьяное мое безумным стало от волнения.
В безумстве, веру потеряв, мой дух по жизни брэнной бродит.
*

Чтоб заслужить ее любовь, души своей лишись,
Родного дома и добра не пожалей, лишись.
Оставь надежду в двух мирах забвенью отыскать,
Успокоенье обрести и жизни всей лишись.
*

О ты, стенающая там, расстались мы не в срок.
Но здесь твой образ начертать по памяти я смог.
Изобразил твоё лицо на глинистой земле,
Затем, припав к нему, пролил кровавых слез поток.
*

Доколь дыханьем жить твоим, как будто ты Иса[67]?
Доколе верить, что свершать ты можешь чудеса?
Ты станешь раны наносить, я – исцеленья ждать,
Испепеляет жизнь мою смертельная краса.
*

Где мне любимую искать? Что делать мне теперь?
Кому о горе рассказать, что делать мне теперь?
Отныне мне не видеть ту, которую любил.
И кровью плачу я опять, что делать мне теперь?
*

Всевышний, разбуди, молю, любимую от сна –
Испив из чаши красоты, она опьянена.
Пусть протрезвеет иль меня сознания лишит,
Скажи ей, что моей беды виновница она.
*

В огне печали жизнь мою, о небо, не сожги!
Да будет нежный поцелуй наградой для слуги.
«Не надо!» – пусть шепнет она, прильнув к моим устам.
Желанью сердца моего, создатель, помоги!

*

Нет сострадающих вблизи, к чему тогда вздыхать?
Немного дней осталось жить, зачем напрасно ждать?
Я посвящаю каждый вздох, любимая, тебе
И не желаю никому такого испытать.
Саади (1210–1292)

«В зеркале сердца отражен прекрасный образ твой...»

В зеркале сердца отражен прекрасный образ твой,
Зерцало чисто, дивный лик пленяет красотой.
Как драгоценное вино в прозрачном хрустале,
В глазах блистающих твоих искрится дух живой.
Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой.
Освобождает из петли главу степная лань,
Но я захлестнут навсегда кудрей твоих петлей.
Так бедный голубь, если он привык к одной стрехе,
Хоть смерть грозит, гнезда не вьет под кровлю другой.
Но жаловаться не могу я людям на тебя,
Ведь бесполезен плач и крик гонимого судьбой.
Твоей душой дай на миг мне стать и запылать,
Чтоб в небе темном и глухом сравниться с Сурайей.
Будь неприступной, будь всегда, как крепость в высоте,
Чтобы залетный попугай не смел болтать с тобой.
Будь неприступной, будь всегда суровой, красота!
Дабы пленяться пустозвон не смел твоей хвалой.
Пусть в твой благоуханный сад войдет лишь Саади!
И пусть найдет закрытым вход гостей осиный рой.
Перевод В. Державина
«Коль спокойно ты будешь на муки страдальца взирать...»

Коль спокойно ты будешь на муки страдальца взирать –
Не могу я свой мир и душевный покой отстоять.
Красоту свою гордую видишь ты в зеркале мира –
Но пойми: что влюбленным приходится претерпевать!
О, приди! Наступила весна. Мы умчимся с тобою,
Бросим сад и в пустыне оставим других ночевать.
Почему над ручьем не шумишь ты густым кипарисом?
Кипарисом тебе подобает весь мир осенять.
Ты такой красотой сияешь, таким совершенством,
Что и красноречивым каламом их не описать.
Кто сказал, что смотреть я не должен на лик твой чудесный?
Стыдно годы прожить и лица твоего не видеть.
Так тебя я люблю, что из рук твоих чашу любую
Я приму, пусть мне яд суждено в том напитке принять.
Я от горя в молчанье горю. Ты об этом не знаешь!
Ты не видишь: слеза на глазах моих блещет опять!
Ты ведь знал, Саади: твое сердце ограблено будет...
Как набегу разбоя грозящего противостать?
Но надежда мне брезжит теперь, что придет исцеленье.
Ночь уходит, глухая зима удаляется вспять.
Перевод В. Державина
«В ночь разлуки с любимой мне завесы парча не нужна...»

В ночь разлуки с любимой мне завесы парча не нужна –
В темной опочивальне одинокая ночь так длинна.
Люди мудрые знают, как теряет свой ум одержимый.
У влюбленных безумцев впереди безнадежность одна.
Пусть не плод померанца – свою руку безумец порежет.
Зулейха[68] невиновна, недостойна укоров она.
Чтобы старец суровый не утратил душевного мира,
Скрой лицо кисеєю, ибо ты так нежна, так юна.
Ты подобна бутону белой розы, а нежностью стана –
Кипарису: так дивно ты гибка, и тонка, и стройна.
Нет, любой твоей речи я ни словом не стану перечить.
Без тебя нет мне жизни, без тебя мне и радость бедна.
Я всю ночь до рассвета просидел, своих глаз не смыкая,
К Сураие устремляя блеск очей-близнецов из окна.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Ночь и светоч зажженный, – вместе радостно им до рассвета
Любоваться тобой, упиваться, не ведая сна.
Перед кем изолью свои жалобы? Ведь по закону
Шариата влюбленных – на тебе за убийство вина.
Ты похитила сердце обещаний коварной игрою..
Скажешь: племенем Са'да так разграблена вражья казна.
Не меня одного лишь – Саади – уничтожить ты можешь
Многих верных... Но сжался! Ты ведь милостью дивной полна.
Перевод В. Державина
«Мы живем в неверье, клятву нарушая то и знай...»

Мы живем в неверье, клятву нарушая то и знай.
Всемогущий! Это слово ты забвенью не предай!
Клятву верных нарушает и цены любви не знает
Низкий духом, кто среди верных оказался невзначай,
Если в день суда на выбор мне дадут, мол, что желаешь?
Я скажу: подругу дайте! Вам отдам небесный рай.
Пусть расстанусь с головою, но любви останусь верным,
Даже в час, когда над миром грянет ангела карнай.
Умирал я, но здоровым стал, едва пришла подруга.
Врач! Подобным мне – недужным – ты бальзама не давай!
Болен я. Но ты явилась и болезни удивилась.
Исцели меня, вопросов праздных мне не задавай!
Ветерок, что веет в пуще, позабудет луг цветущий,
Если кос твоих коснется благовонных, словно май.
И зубами изумленья разум свой укусит палец,
Если ты с лица откинешь кисеи летучий край.
Мне отрада пред тобою пламенеть, сгорать свечою.
Не гаси меня до срока, с головы до ног сжигай!
Не для глаз недаленовидных красота, но ты, о мудрый,
Кисти самого аллаха след в ней тайный различай.
Взоры всех к тебе стремятся, но любовь и откровенье
Не для низких себялюбцев, не для наглых черных стай.
Ты у Саади, о верный, научись живому чувству,
На своей могиле бедной мандрагоры насаждай.
Темным душам недоступны все восторги опьянения,
Прочь уйди, советчик трезвый, в пьянстве нас не упрекай.
Перевод В. Державина
«Терпенье и вожделенье выходят из берегов...»

Терпенье и вожделенье выходят из берегов.
Ты к страсти полна презренья, но я, увы, не таков.
Сочувствия полным взглядом хоть раз на меня взгляни,
Чтоб не был я жалким нищим в чертоге царских пиров.
Владыка жестокосердный рабов несчастных казнит,
Но есть ведь предел терпенья и в душах его рабов.
Я жизни своей не мыслю, любимая, без тебя,
Как жить одному, без друга, среди низменных и врагов?
Когда умру, будет поздно рыдать, звать надо мной.
Не оживить слезами убитых стужей ростков.
Моих скорбей и страданий словами не описать,
Поймешь, когда возвратишься, увидишь сама – без слов.
Дервиш богатствами духа владеет, а не казной.
Вернись! Возьми мою душу, служить я тебе готов!
О небо, продли подруге сиянье жизни ее,
Чтоб никогда не расстались мы в темной дали веков.
В глазах красоты презренны богатство и блеск владык
И доблесть, и подвиг верных, как ни был бы подвиг суров.
Но если бы покрывало упало с лица Лейли, –
Врагов Медждуна убило б сиянье ее зрачков.
Внемли, Саади, каламу своей счастливой судьбы
И, что ни даст, не сгибайся под ношей ее даров!
Перевод В. Державина
«Я нестерпимо жажду, кравчий! Скорей наполни чашу нам...»

Я нестерпимо жажду, кравчий! Скорей наполни чашу нам
И угости меня сначала, потом отдай ее друзьям.
Объятый сладостными снами, ходил я долго между вами
Но расставаясь с друзьями: «Прощайте», – молвил прежним снам.
Перед мечетью проходила она, и сердце позабыло
Священные михраба[69] своды, подобные ее бровям.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Я не онагр степной, не ранен, ничьей петлей не заарканен,
Но от стрелы ее крылатой по вольным не уйду степям.
Я некогда испил блаженство с той, что зовется Совершенство..
Так рыба на песке, в мученьях, тоскует по морским волнам.
До пояса не доставал мне ручей, и я пренебрегал им;
Теперь он бурным и бездонным вдруг уподобился морям.
И я тону... Когда ж судьбою я буду выброшен на берег, –
О грозном океанском смерче в слезах поведаю я вам.
И вероломным я не стану, и не пожалуюсь хакану,
Что я сражен ее очами, подобно вражеским мечам.
Я кровью сердца истекаю, от ревности изнемогаю,
Так бедный страж дворца рыдает, певцам внимая по ночам.
О Саади, беги неверной! Увы... Ты на крючке, как рыба, –
Она тебя на берег тянет; к ней – волей – не идешь ты сам.
Перевод В. Державина

«Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна...»

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,
Красотою твоею будет слава солнца посрамлена.
Сбить с пути аскета могут эти пламенные глаза,
А от глаз моих давно уж отогнали отраду сна.
И давно бразды рассудка уронила моя рука.
Я безумен. Мне святыня прежней истины не видна.
Но Междунна не избавит от мучений встреча с Лейли,
Изнуренному водяной чаша полная не полна.
Тот не искренний влюбленный, кто не выпьет из милых рук
Чашу огненного яда вместо искристого вина.
Как жалка судьба лишенных человечности и любви!
Ведь любовь и человечность – неразрывная суть одна.
Принеси огня скорее и собрание озари!
А с пустых руин налога не потребует и казна.
Люди пьют вино надежды, но надежд они лишены.
Я не пью, душа любовью к ней навеки опьянена.
Саади в себе не волен, он захлестнут петлей любви,
Сбит стрелой, чьим жалом ярость Афросьяба сокрушена.
Перевод В. Державина

«В дни пиров та красавица сердце мое привлекла...»

В дни пиров та красавица сердце мое привлекла,
Кравчий, дай нам вина, чтобы песню она завела.
В ночь на пируестве мудрых ты нас красотой озарила.
Тише! Чтобы кутилы не знали, за кем ты ушла!
Ты вчера пировала. Все видят – глаза твои томны.
Я от всех утаю, что со мною вино ты пила.
Ты красива лицом, голос твой мое сердце чарует,
Хорошо, что судьба тебе голос волшебный дала.
Взгляд турчанки – стрела, брови темные выгнуты луком.
Боже мой! Но откуда у ней эти лук и стрела?
Я – плененный орел, я сижу в этой клетке железной.
Дверцу клетки открой. И свои распахну я крыла!
Саади! Был проворен в полете, а в сети попался;
Кто же, кроме тебя, мог поймать его, словно орла?
Перевод В. Державина

«Я влюблен в эти звуки, в этот сердце мне ранящий стон...»

Я влюблен в эти звуки, в этот сердце мне ранящий стон
Я беспечен, и день мой проплывает неясно, как сон.
Ночи... Ночи бессонные в ожиданье моей светлоокой,
Но тускнеет пред нею свет, которым весь мир озарен.
Если вновь приведется мне лицо ее нежное видеть –
Сам себя я счастливым буду звать до скончанья времен.
Я – не муж, если скрою свою грудь от камней порицанья.
Муж душой своей твердой, как щитом, от копья огражден.
Не изведав несчастий, не достигнешь заветного счастья.
Кто дождался Ноуруза, стужу зимнюю вытерпел он.
Хоть жнецы были мудры, но Лейли они тайны не знали,
Лишь Междунн ее ведал, кем был весь урожай их спален.
Сонм влюбленных, что верой и богатствами мира играет.
Жатвы не собирает, а несметным добром наделен.
Ты другого арканом уловляй! Мы же – верные слуги.
Ведь не нужно стреножить скакуна, что давно приручен.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
День вчерашний умчался, ну, а завтра пока не настало.
Саади, лишь сегодня ты и волен в себе и силен!
Перевод В. Державина
«О, если бы мне опять удалось увидеть тебя ценой любой...»

О, если бы мне опять удалось увидеть тебя ценой любой,
На все времена до Судного дня я был бы доволен своей судьбой!
Но вьюк с моего верблюда упал... В туманную даль ушел караван.
И брошен толпой вероломных друзей, что заняты были только собой.
Когда чужестранец в беду попадет, ему и чужой сострадает народ.
Друзья же обидели друга в пути, покинув его в пустыне глухой.
Надеюсь я – долгие дни пройдут, раскаянье тронет души друзей.
Я верю – придут они, друга найдут, измученные своею нуждой.
Ведь воля – о муж, – это воля твоя! Захочешь – войю, захочешь – мирись.
Я волю свою давно зачеркнул – иду за тобой безвестной тропой.
А кто на чужбине осла завязил в трясине и сам свалился без сил.
Ты молви ему, что в сладостном сне увидит он край покинутый свой.
Ты счастья, ты радости ищешь себе. На образ красавицы этой взгляни!
А если взглянул – с отрадой протись, навеки забудь свой сон и покой.
Огнепоклонник, и христианин, и мусульманин – по вере своей, –
Молитвы возносят, но только мы, о пери, твоей пленены красотой!
Я прахом у ног ее пасть захотел. «Помедли! – она промолвила мне. –
Я не хочу, чтоб лежал ты в пыли и мучился вновь моей виной!»
Я гурию-деву увидел вчера, которая в сборище шумном друзей
Сказала возлюбленному своему, поникшему горестно головой:
«Желанья ты хочешь свои утолить? Ты больше ко встрече со мной не стремись!
Иль вовсе от воли своей откажись, тогда насладишься любовью со мной».
Коль сердце печаль свою в тайне хранит, то, кровью оно истекая, горит
Не бойся предстать пред глазами врагов открыто, с израненною душой.
Пусть море мучений клокочет в тебе, но ты никому не жалуйся, друг,
Пока утешителя своего не встретишь ты здесь – на дороге земной.
О стройный, высокий мой кипарис, раскрой окрыленные веки свои,
Чтоб тайны покров над скорбью моей я снял пред тобой своею рукой!
Друзья говорят: «Саади! Почему ты так безрассудно любви предался?
Унизил ты гордость и славу свою пред этой невежественной толпой».
Мы в бедности, мы в униженье, друзья, и гордость, и славу свою утвердим!
Но каждый из нас – по воле своей – пусть выберет сам тот путь иль иной.
Перевод В. Державина
«Что не вовремя ночью глухой барабан зазвучал...»

Что не вовремя ночью глухой барабан зазвучал?
Что, до света проснувшись, на дереве дрозд закричал?
Миг иль целую ночь приникал я устами к устам...
Но огонь этой страсти пылающей не потухал.
Я и счастлив и грустен. Лицо мое, слышу, горит.
Не вмещается в сердце все счастье, что в мире я взял.
Головою склоняюсь к твоим, о мой идол, ногам.
На чужбину с тобой я ушел бы и странником стал.
О, когда бы судьба помирилась со счастьем моим,
Онемел бы хулиатель и низкий завистник пропал.
В мир явился кумир. И прославленный ваш Саади
Изменился душой, – поклоняться он идолу стал.
Перевод В. Державина
«Мне опостылело ходить в хитоне этом голубом...»

мне опостылело ходить в хитоне этом голубом!
Эй, друг, мы осмеем ханжей с их святостью и плутовством.
Кумиру поклонялись мы, весь день молитвы бормоча.
Ты нас теперь благослови – и мы свой идол разобьем.
Средь юных я хочу сидеть, и пить вино, и песни петь,
Чтобы бежала детвора за охмелевшим чудаком.
В простор пустынь меня влечет из этой душной тесноты.
Несется радостная весть ко мне с рассветным ветерком.
Пойми, когда разумен ты! Не прозевай, когда ты мудр!
Возможно, лишь одним таким ты одарен счастливым днем.
Где одноногий кипарис шумит, колеблясь на ветру,
Пусть пляшет юный кипарис, блистая чистым серебром.
Ты утешаешь сердце мне, ты радуешь печальный взор.
Но разлучаешь ты меня с покоем сердца, с мирным сном!
Терпенье, разум, вера, мир теперь покинули меня,
Но может ли простолоудин взывать пред шаховым шатром?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Пусть льется дождь из глаз твоих, и в молниях – гроза скорбей –
Ты пред невеждой промолчи, откройся перед мудрецом.
Смотри: не внемлет Саади укорам низких и лжецов.
Суфий, лишения терпи! Дай, кравчий, мне фиал с вином!
Перевод В. Державина
«Тяжесть печали сердце мое томит...»

Тяжесть печали сердце мое томит,
Пламя разлуки в сердце моем кипит.
Розы и гиацинты мне не забыть,
В памяти вечно смоль твоих кос блестит.
Яда мне горше стал без тебя шербет,
Дух мой надежда встречи с тобой живит.
На изголовье слезы я лью в ночи,
Днем – ожиданье в сердце моем горит.
Сотнею кубков пусть упоят меня,
В чаши отравы разлука их превратит.
Предан печалям, как палачам, Саади!
Не измени мне, иль пусть я буду убит!
Перевод В. Державина
«Кто предан владыке – нарушит ли повиненье...»

Кто предан владыке – нарушит ли повиненье?
И мяч пред чоуганом окажет ли сопротивление?
Из лука бровей кипарис мой пускает стрелу,
Но верный от этой стрелы не отпрянет в смятенье.
Возьми мою руку! Беспомощен я пред тобой,
Обвей мою шею руками, полна сожаленья!
О, если бы тайны завеса открылась на миг –
Сады красоты увидал бы весь мир в восхищенье...
Все смертные пламенным взглядом твоим сражены,
И общего больше не слышно теперь осужденья.
Но той красоты, что я вижу в лице у тебя,
Не видит никто. В ней надежда и свет откровенья.
Сказал я врачу о беде моей. Врач отвечал:
«К устам ее нежным устами прильни на мгновение».
Я молвил ему, что, наверно, от горя умру,
Что мне недоступно лекарство и нет исцеленья,
Разумные по наковальне не бьют кулаком,
А я обезумел. ты – солнце. А я? – буду тенью!
Но тверд Саади, не боится укоров людских, –
Ведь капля дождя не боится морского волненья,
Кто истине предан, тот голову сложит в бою!
Лежит перед верным широкое поле сраженья.
Перевод В. Державина
«Эй, виночерпий! Дай кувшин с душою яхонта красней...»

Эй, виночерпий! Дай кувшин с душою яхонта красней!
Что – яхонт? дай мне ту, чей взгляд вина багряного хмельней!
Учитель старый, наш отец, вино большою чашей пил,
Чтоб защитить учеников от брани лжеучителей.
Скорбей на жизненном пути без чаши не перенести,
Верблюду пьяному шагать с тяжелой ношей веселей.
Ты утешаешь нам сердца. Бессмысленной была бы жизнь
Без солнца твоего лица, что солнца вечного светлей.
Что я о красоте твоей, о сущности твоей скажу?
Немеет пред тобой хвала молящихся тебе людей.
Пусть держит медоносных пчел разумный старый пчеловод.
Но тот, кто пьет из уст твоих, мед соберет вселенной всей.
Ты сердце, как коня, взяла и в даль степную угнала,
Но если сердце увела, то и душой моей владей!
Или отравленной стрелой меня ты насмерть порази,
Или спасительной стрелы душе моей не пожалей.
Предупреди меня, молю, пред тем, как выпустить стрелу,
Пред смертью дай поцеловать туранский лук твоих бровей,
Какие муки снес, гляди, с тобой в разлуке Саади,
Так обещаю же встречу мне, надеждой радости повеи!
Но хоть целительный бальзам затянет рану, может быть, –
Останутся рубцы от ран, как видно, до скончанья дней.
Перевод В. Державина
«Кто дал ей в руки бранный лук? У ней ведь скор неправый суд...»

кто дал ей в руки бранный лук? У ней ведь скор неправый суд.
От оперенных стрел ее онагра ноги не спасут.
Несчастных много жертв падет, когда откроешь ты колчан,
Твой лик спит, а свод бровей, как черный лук Турана, крут.
Тебе одной в пылу войны ни щит, ни панцирь не нужны,
Кольчугу локонов твоих чужие стрелы не пробьют.
Увидев тюркские глаза и завитки индийских кос,
Весь Индостан и весь Туран на поклонение придут,
Покинут маги свой огонь, забудут идиолов своих;
О идол мира, пред тобой они курильницы зажгут.
На кровлю замка можешь ты забросить кос твоих аркан,
Коль башни замка под твоим тараном гневным не падут.
Я был, как на горах Симург. Но ты меня в полон взяла.
Так когти сокола в траве индейку горную берут.
Уста увидел я. И лал в моих глазах дешевым стал.
Ты слово молвила – пред ним померкли перл и изумруд.
Твои глаза громят базар созвездий вечных и планет.
Где чудеса творит Муса, убогий маг, – при чем он тут?
Поверь, счастливую судьбу не завоеешь силой рук!
Запечатленный тайны клад откапывать – напрасный труд.
О Саади! Ты знаешь: тот, кто сердце страсти отдает, –
И нрав избранницы снесет, и сонмище ее причуд.
Перевод В. Державина
«Не нужна нерадивому древняя книга познания...»

Не нужна нерадивому древняя книга познания,
Одержимый не может вести по пути послушанья.
Пусть ты воду с огнем – заклинания силой сольешь,
Не любовь и терпенье, тоска мне стесняет дыханье.
Наблюдай всей душой кумира приход и уход.
Как движенье планет, как луны молодой нарастанье.
Не уйдет, коль прогонишь, – уйдя, возвратится она.
В этом вечном кругу непостижном – ее обитанье.
Не прибавишь ни слова ты в книге печали моей.
Суть одна в ней: твоя красота и мое пониманье.
Саади! О, как долго не бьет в эту ночь барабан!
Иль навек эта ночь? Или это – любви испытанье?
Перевод В. Державина
«Нет, истинно царская слава от века ущерб не знала...»

Нет, истинно царская слава от века ущерб не знала.
Когда благодарность дервишам и странникам бедным являла.
Клянусь я живую душой! – осудит и злой ненавистник
Того, чья калитка для друга в беде запертою бывала
Нет, милость царей-миродержцев от прежних времен и донныне
Из хижины самой убогой всегда нищету изгоняла.
А ты меня все угнетаешь, ты жизнь мою горько стесняешь,
Ну что ж! Я тебе благодарен за боль, за язвящие жала.
Заботятся люди на свете о здравии, о многолетье.
Ценою здоровья и жизни душа моя все искупала.
Невежда в любви, кто ни разу мучений любви не изведал
И чья на пороге любимой в пыли голова не лежала.
Вселенную всю облетела душа и примчалась обратно.
Но, кроме порога любимой, пристанища не отыскала.
О, внемли молениям несчастных, тобою покинутых в мире!
Их множество шло за тобою и прах твоих ног целовало.
Не видел я платья красивей для этого бедного тела,
И тела для пышного платья прекрасней земля не рождала
Коль ты ослепительный лик свой фатою опять не закроешь.
Скажи: благочестье из фарса навеки откочевало.
Не мучь меня болью разлуки, ведь мне не снести этой муки –
ведь ласточка мельничный жернов вовек еще не подымала.
Едва ли ты встретишь на свете подобных – мне преданно верных.
Душа моя, верная клятве, как в бурю скала, устояла.
Услышь Саади! Он всей жизнью стремится к тебе, как молитва.
Услышь! И надежды и мира над ним опусти покрывало!
Перевод В. Державина
«Я лика другого с такой красотой и негой такой не видал...»

Я лика другого с такой красотой и негой такой не видал,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Мне амбровых кос завиток никогда так сердце не волновал.
Твой стан блистает литым серебром, а сердце, кто знает – что в нем?
Но ябедник мускус дохнул мне в лицо и тайны твои рассказал.
О пери с блистающим ликом, ты вся – дыхание ранней весны.
Ты – мускус и амбра, а губы твои – красны, словно яхонт и лал.
Я в мире скиталец... И не упрекай, что следую я за тобой!
Кривому чоугану желаний твоих мячом я послушным бы стал.
Кто радости шумной года пережил и горя года перенес,
Тот весело шуму питейных домов, и песням, и крикам внимал.
Всей жизни ценой на базаре любви мы платим за сладкий упрек,
Такого блаженства в пещере своей отшельник бы не испытал.
Не ищет цветник взаймы красоты, живет в нем самом красота,
Но нужно, чтоб стройный, как ты, кипарис над звонким потоком стоял.
О роза моя! Пусть хоть тысячу раз к тебе возвратится весна.
Ты скажешь сама: ни один соловей так сладко, как я, не певал.
Коль не доведется тебе, Саади, любимой ланит целовать,
Спасение в том, чтобы к милым ногам лицом ты скорее припал.
Перевод В. Державина
«Встань, пойдём! Если ноша тебя утомила...»

Встань, пойдём! Если ноша тебя утомила –
Пособит тебе наша надежная сила.
Не сидится на месте и нам без тебя,
Наше сердце в себе твою волю вместило.
Ты теперь сам с собой в поединок вступай! –
Наше войско давно уж оружие сложило.
Ведь судилище верных досель никому
Опьянение в грех и вину не вменило.
Идол мира мне преданности не явил, –
И раскаянье душу мою посетило.
Саади, кипариса верхушки достичь –
Ты ведь знал – самой длинной руки б не хватило!
Перевод В. Державина
«Я в чашу садов удалился, безумьем любви одержимый...»

Я в чашу садов удалился, безумьем любви одержимый.
Дыханьем цветов опьяненный, забылся – дремотой долимый.
Но роза под плач соловьиный разорвала свои ризы,
Раскаты рыдающей песни бесследно покой унесли мой.
О ты, что в сердцах обитаешь! О ты, что, как облако, таешь,
Являешься и исчезаешь за тайною неисследимой!
Тебе принеся свою клятву, все прежние клятвы забыл я.
Обетов и клятв нарушение – во имя твое – несудимо.
О странник, в чьих полах застряли шипы одинокой печали,
Увидя цветущий весенний цветник, обойди его мимо.
О сваленный с ног своим горем дервиш, безнадежно влюбленный,
Не верь ни врачам, ни бальзаму! Болезнь твоя неизлечима!
Но если любовь нам запретна и сердца стремление тщетно,
Мы скроемся в дикой пустыне, ветрами и зноем палимой.
Все остропернатые стрелы в твоём, о кумир мой, колчане
Пронзят меня... Жертв твоих сонмы умножу я, раной томимый.
Кто взглянет на лик твой, на брови, подобные черному луку,
Пусть мудрость свою и терпенье подымет, как щит нерушимый.
«Зачем, Саади, ты так много поешь о любви?» – мне сказали.
Не я, а поток поколений несметных поет о любимой!
Перевод В. Державина
«Когда б на площади Шираза ты кисею с лица сняла...»

Когда б на площади Шираза ты кисею с лица сняла,
То сотни истых правоверных ты сразу бы во грех ввела.
Тогда б у тысяч, что решились взглянуть на образ твой прекрасный,
У них у всех сердца, и разум, и волю ты б отобрала.
Пред войском чар твоих я сердце открыл, как ворота градские,
Чтоб ты мой город разрушению и грабежу не предала.
Я в кольцах кос твоих блестящих запутался стопами сердца,
Зачем же ты, блестя кудрями, лучом лица меня сожгла?
Склонись, послушай вкратце повесть моих скорбей, моих страданий!
Ведь роза, освежась росой, стенанью жаждущих вяла,
Но ветер, погасив светильник, вдаль беспечально улетает.
Печаль светильни догоревшей луна едва ль бы поняла.
Пусть отдан я на поруганье, но я тебя благословляю,

О, только б речь сахарноустой потоком сладостным текла.

Насмешница, задира злая, где ныне смех твой раздаётся?

Ты там – на берегу зеленом. Меня пучина унесла.

Я пленник племени печалей, но я не заслужил упреков.

Я ждал – ты мне протянешь руку, ведь ты бы мне помочь могла.

При виде красоты подруги, поверь, терпенье невозможно.

Но я терплю, как терпит рыба, что на песке изнемогла.

Ты, Саади, на воздержанье вновь притязает? Но припомни,

как притязателей подобных во все века толпа гнала!

Перевод В. Державина

«До рассвета на веки мои не слетает сон...»

До рассвета на веки мои не слетает сон.

О, пойми, о услышь, ты – чей временем взгляд усыплен.

Ты – с натянутым луком, обетам ты неверна,

Разве это клятва аскетов, чье слово закон?

Без тебя мое тело колючки пустыни язвят,

Хоть лежу я на беличьих шкурах, в шелка облачен.

Как к михрабу глаза правоверных обращены,

Так мой взгляд на тебя обращен, лишь в тебя я влюблен.

Сам по собственной воле жертвою страсти я стал.

Стариком в этой школе подростков попал я в полон.

Смертным ядом, из розовой чаши ладоней твоих,

Я, как сладким гулабом, как чистым вином, упоен.

Я – безумец. Близ кельи красавиц кружусь я всю ночь.

Мне привратник с мечом и копьем его жалким смешон.

Нет, никто и ничто Саади не властно убить,

Но разлукой с любимой высокий дух сокрушен.

Перевод В. Державина

«Не беги, не пренебрегай, лунолика, мной...»

Не беги, не пренебрегай, лунолика, мной!

Кто убил без вины – отягчил свою душу виной.

Ты вчера мне явилась во сне, ты любила меня,

Этот сон мне дороже и выше всей яви земной.

Мои веки в слезах, а душа пылает огнем,

В чистых водах – во сне я, а днем – в беде огневой.

Слыша стук у дверей моих, думаю: это она.

Так мираж умирающих манит обманной водой,

Для стрелы твоей цель хороша – дервиша душа,

Кровь его на ногтях твоих рдеет багряною хной.

Твоя речь, как река, в беспредельность уносит сердца.

Что же соль ты на раны мне сыплешь беспечной рукой?

Ты прекрасна, и роскошь одежды лишь портит тебя,

Кисея на лице, словно туча над ясной луной.

Эту за ухом нежную впадинку ты позабуди,

Ты приникни к поле, пропитай ее красной росой,

Да, тюрчанка соблазна полна со свечою в руке,

В сладком уединенье с тобой, с головою хмельной,

Ты бы внешнего солнца затмила сиянье и блеск,

Если б солнечный лик не скрывала густой кисеей.

Саади, если хочешь, как чанг [70], быть в объятьях ее, –

Претерпи эту боль, чтобы струн своих выверить строй.

Перевод В. Державина

«О утренний ветер, когда долетишь до Шираза...»

О утренний ветер, когда долетишь до Шираза,

Друзьям передай этот свиток рыдающих строк.

Шепни им, что я одинок, что я гибну в изгнание,

как рыба, прибоем извергнутая на песок.

Перевод В. Державина

«Если в рай после смерти меня поведут без тебя...»

Если в рай после смерти меня поведут без тебя, –

Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть.

Ведь в раю без тебя мне придется сгорать, как в аду,

Нет, аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

Перевод В. Державина

«Спросил я: «В чем вина моя, что ты не смотришь на меня...»

Спросил я: «В чем вина моя, что ты не смотришь на меня?»

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Куда ушла твоя любовь и ласковость минувших лет?»
Она мне: «В зеркало взгляни, увидишь сам – ты сед и стар.
Тебе не свадебный наряд, а траурный приличен цвет».
Перевод В. Державина
«Красавица и в рубище убогом...»

Красавица и в рубище убогом,
И в бедности всех будет затмевать.
А той – уродине в парче и злате –
Покойников пристало обмывать.
Перевод В. Державина
«Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь...»

Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов [71] не связал!
Смотри, как в помыслах высок владыка слова Саади, –
Он пел любовь, одну любовь – земных владык не восхвалял.
Перевод В. Державина
«Я хочу в уединенье до рассвета быть с тобой...»

Я хочу в уединенье до рассвета быть с тобой.
В неизвестности и тайне от врагов и от друзей...
За грехи да будет кара! Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злоба и гоненья все сильнее?
Перевод В. Державина
Амир Хосров Дехлеви (1253–1325)

«Я рассказать печаль моих ночей не в силах...»

Я рассказать печаль моих ночей не в силах,
Любя, рыдать и петь, как соловей, не в силах.
Вглядись в мое лицо, и ты поймешь, как таю,
Но, вижу, ты понять тоски моей не в силах.
Взгляни на грудь мою в кровоточащих ранах,
Терпение хранить я больше в ней не в силах.
Все ж радуюсь тому, что ты проникла в душу,
Хоть я к твоей душе найти ключей не в силах.
Быть может, мне вернешь похищенное сердце,
Но слезно умолять: «О, пожалей!» – не в силах.
Его в твоих кудрях навеки я оставлю,
Вернуть Хосров того, что взял злодей, не в силах.
Перевод Д. Седых
«Опьяненные тобою не нуждаются в вине...»

Опьяненные тобою не нуждаются в вине.
Не найдется врачеватель, что помочь сумел бы мне.
Не показывайся в небе, солнцеликая луна!
Коль сияет лик любимой, ты Хосрову не нужна.
Что мне сказки о Джамшиде – древней славы черепки?
Разве хуже прах развалин, где у магов погребки?
Что доказывать в моленьях одержимость небесам?
Без молений одержимость вседержитель знает сам.
Та ничто монета сердца, та фальшивей всех монет,
На которой отпечатка единенья с богом нет.
Сердце, кинь сию обитель, царство гнета, царство зла!
Не собрать, о сердце, дани с разоренного села.
Так Хосров и не увидел вожделенный взору лик.
Что Хосров? И самый зоркий в небо взором не проник.
Перевод Д. Седых
«Сказал: «В обитель сердца войди его усладой!»

Сказал: «В обитель сердца войди его усладой!».
Она: «Я клада жажду, развалин мне не надо».
Сказал: «Сжигает душу лицо твое, как пламя».
Она: «Не радо сердце свиданью с мотыльками».
Сказал: «Ответь, могу ли надеяться на встречи?».
Она: «О нет, скиталец! Твои безумны речи».
Сказал: «Зачем ловила меня в силки печали?».
Она: «Глаза приманку зачем же замечали?».
Сказал: «Как быть с любовью? Как снять ее оковы?».

Она: «Меня увидишь, наденешь цепи снова».
Сказал: «Как жить Хосрову, коль ты его забудешь?».
Она: «Мой образ вспомнишь, и одинок не будешь».
Перевод Д. Седых
«Свой лунный лик яви молящему о встрече...»

Свой лунный лик яви молящему о встрече
И услади мой слух чарующею речью.
О скатный жемчуг слов, жемчужицей хранимый!
Жемчужницу открой, да будут перлы зримы.
Но створки где ее? Ты их рисунок зыбкий,
Коль все же есть они, яви своей улыбкой.
Яви свой аромат, и я из мертвых встану,
Узнаю по нему рисунок тонкий стана.
О локоны твои! Они чернее ночи.
Явись, и станет ночь светлее и короче.
Сказала: «Жду тебя у своего порога».
Не убивай мечту и укажи дорогу.
Мой идол, мой кумир, не будь со мной сурова!
Среди влюбленных нет влюбленнее Хосрова.
Перевод Д. Седых
«Я в этот мир пришел в тебя уже влюбленным...»

Я в этот мир пришел в тебя уже влюбленным,
Заранее судьбой на муки обреченным.
Ищу с тобою встреч, ищу как озаренья,
Но гордость не могу забыть ни на мгновенье.
О смилуйся и скинь густое покрывало,
Чтоб сердце пало ниц и бога потеряло!
Отбрось надменность прочь, лицо приоткрывая,
Чтоб гордость вознесла меня в обитель рая.
А если ты меня не удостоишь взглядом,
Покину этот мир, что стал при жизни адом.
Нет, сердца никому не дам пленить отныне,
Чтоб жить в его плену отшельником в пустыне.
И что же услышал Хосров в ответ на стоны:
«Придет и твой черед, надейся, о влюбленный!».
Перевод Д. Седых
«Кто предопределял вращение светил...»

Кто предопределял вращение светил,
Теперь ушел во мрак и сладким сном почил.
Твой в розе вижу лик. Да, гредишь ты на ложе,
Коль томной розы лик и твой – одно и то же.
Очнитесь, гордецы! Мы ненадолго здесь.
Отрубит смерть мечом и голову, и спесь.
Взгляните, это кровь окрасила тюльпаны.
Скорбя, кровавых слез я лить не перестану.
Да не взойдет луна в ночной беззвездной мгле!
Утратил я луну, предав ее земле.
И, коль дохнет Хосров кромешной тьмой печали,
Потонет мир во тьме кромешной, как вначале.
Перевод Д. Седых
«О ты, чьи кудри для благочестья – соблазн опасный...»

О ты, чьи кудри для благочестья – соблазн опасный,
Уста которой едва приметны и тем прекрасны,
Поверь, не стал бы любой неверный так сердце ранить.
А может, вера так разрешает сердца тиранить?
Коль мимоходом так убивают улыбкой губы,
В уста-рубины вонзить отмщеньем хотел бы зубы.
Я лбом касаюсь твоих коленей, склонив колени,
Как пред кумиром склоняет брахман, творя моление,
И если был бы кумир тобою, поверь, о пери,
Я впал бы тотчас, как этот брахман, и сам в неверье.
Но разве можно достичь каабы моей любимой?
Лежат меж нами пески пустыни непроходимой.
Как я рыдаю, ужель не слышат любимой уши?
Я схож с певцами, что ждут от стражи великодушья.
Коль власть таится в тебе, о пери, как в мандрагоре,
В земле отыщешь глаза страдальца, сочащих горе.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
И вечно будет в груди Хосрова дымиться рана,
Узор на перстне, запечатленный концом чекана.
Перевод Д. Седых
«Пусть недостойный глаз не сглазит, возлюбя...»

Пусть недостойный глаз не сглазит, возлюбя,
Пусть только ветерок касается тебя
И аромат несет, подобный капле яда.
Нет жизни у того, в чьем сердце пламя ада.
Я жажду нежных слов – шипы в твоих устах.
Не сыпь на раны соль, – и без того зачах.
Твоя обитель – рай, а я в аду сгораю.
Надеясь в аду могу ль на яства рая?
С безумьем пополам страдания влачу.
Подобна красота для разума бичу.
Влюбленного в кумир не отворишь словами,
Как во хмелю пропойц не протрезвить речами.
Наметит жертву страсть у двери кабака,
Смеясь над сединой, споит и старика.
Но если он, как я, в вине любви утонет,
Омой его вином пред тем, как похоронят.
Умолкни, о Хосров! Твои газели – стон.
Смертельней, чем кинжал, сердца изранит он.
Перевод Д. Седых
«Ты сияла мне луною. Нет со мной моей луны...»

Ты сияла мне луною. Нет со мной моей луны,
И от дыма стонот: «Боже!» – ночи душны и черны.
Будьте вы благословенны, ночи пьяные любви!
Отстонали, отрыдали, улетели соловьи.
Я твержу хвалу ресницам, полумесяцам-бровям,
Как твердят аят[72] корана в медресе: «Нун ва-л-калам!».
Что отвечу, если спросишь, как я ночи провожу?
Одинок до рассвета я у стен твоих брожу.
О приди, душа, что может быть душою тысяч тел,
Тех, что души потеряли от твоих разящих стрел!
Коль души лишит подруга, не кляни судьбу, Хосров!
Ведь обычай у красавиц с дней творения таков.
Перевод Д. Седых
«О блаженство! Я ликую, осчастливленный судьбой...»

О блаженство! Я ликую, осчастливленный судьбой
Ты явилась в край забытых, в край покинутых тобой.
Благосклонно улыбнулась и вошла. Не уходи!
Дай упиться Близнецами – пылкой нежностью груди!
Наконец-то, о всевышний, о владыка горних сил,
Стан, подобный кипарису, я в объятья заключил.
Вот он – светопреставленья, разрушитель всех основ!
Я до светопреставленья любоваться им готов.
Не тревожься, коль ударит караульный в барабан.
Кто же спит, когда любовью на груди у друга пьян?
О смеющаяся роза, о подобная луне,
Из каких пришла чертогов подарить блаженство мне?
С чем сравню тебя? С нежданно залетевшим лепестком,
Что упал ко мне на ложе, занесенный ветерком.
Ты со мной! Со мной! О чудо! Да хранит тебя аллах!
Нестойный, я люблюсь влажным жемчугом в устах.
Но очнись, Хосров, умолкни! Хватит петь хвалу судьбе.
Нет возлюбленной с тобою. Все пригрезилось тебе.
Перевод Д. Седых
«Скитаться на путях любви, о сердце, не устань...»

Скитаться на путях любви, о сердце, не устань!
Бессильно тело без тебя. Бессильней, тело, стань!
О ты, что взорами сердца кровавишь вновь и вновь,
Пролей соперников моих еще обильней кровь!
О камень сердца твоего разбиться буду рад.
Да будет каменной оно и тверже во сто крат!
Винят влюбленные тебя в жестокости. Пускай!
Еще сильнее мучь меня, еще больней терзай!
Сгорает сердце от любви. Взгляни, на нем зола.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Коль ты довольна, пусть его сожжет любовь дотла!
Благочестивый, жаждешь мне молитвою помочь?
Молись: «Пускай безумцем он блуждает день и ночь!»
Слезами скорбными Хосров оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез соперников своих!
Перевод Д. Седых
«Кто зеркало вручил тюрчанке столь пригожей...»

Кто зеркало вручил тюрчанке столь пригожей?
Любуется собой, забыв меня, о боже!
Терзает грудь мою мучительнее рока.
Скажи, кто сотворил ее такой жестокой?
Влюбленному в кумир нельзя искать Каабы.
Иного божества возжаждал он тогда бы.
Душа моя! Увы, я, пойманный кудрями,
Не в силах погасить в плененном сердце пламя.
Тюрчанка, не лови походкой плавной в сети!
Пройдешь – не усидят сидящие в мечети.
И столько метких стрел пускать в меня не надо.
Давно убита дичь одной стрелой взгляда.
О не трудись! Сражен Хосров своей любовью.
Ты можешь кисти рук омыть горячей кровью.
Перевод Д. Седых
«Тюрчанка, пусть аллах тобой не почитаем...»

Тюрчанка, пусть аллах тобой не почитаем,
Перед тобой ничто вся Индия с Китаем.
Хоть раз прими меня, чтоб я забыться мог,
Забыл, как обивал напрасно твой порог.
Сказала: «Не блуждай, о странник, сделай милость!».
Могу ли не блуждать, коль сердце заблудилось?
Я стражу по ночам у стен твоих несую
И поверяю боль в твоих воротах псу.
К чему ходить в мечеть сраженному любовью?
Я к Мекке обращен, молюсь, а вижу брови.
Пою о соловьях, о розах я пою,
Чтоб только воспевать жестокою мою.
Бывало, шел в цветник, блаженствуя заране,
Теперь влечет меня твое благоуханье.
Сожги меня, сожги неправедным огнем
И пепел мой рассыпь на зеркале твоём!
Рад голову Хосров подставить под удары,
Коль для тебя в игре она подобна шару.
Перевод Д. Седых
«Рок разлучил меня с тобой на время...»

Рок разлучил меня с тобой на время,
И жизнь влачу как тягостное бремя.
Спроси того, кто знает боль разлуки,
Что значит боль и что такое муки!
И все же я тебе, изнемогая,
Шипов моей тоски не пожелаю.
Я смыл слезами на твоём подоле
Кровавый след моей безмерной боли
И поступил весьма неосторожно:
Он обо мне напомнил бы, возможно.
Молю, приди, но у мечети павой
Не выступай походкой величавой:
Воздеть горе не сможет дервиш очи
И разорвет колпак и коврик в клочья.
Хосров умрет у ног своей любимой,
И пусть кричат: «Безумец! Одержимый!».
Перевод Д. Седых
«Ты правоверью враг. Твои уста и брови...»

Ты правоверью враг. Твои уста и брови
Отступников родят и льют потоки крови.
Ищу с тобою встреч в мечетях, в кабачках.
Влюбленному равно – что Будда, что аллах.
И тот, и этот мир поправ одной ногою,
На собственной душе они стоят другою.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Нелюбящей Ширин тяжёл фархада[73] взгляд,
Но тяжести горы не чувствует Фархад.
Пред подвигом любви бледнеет подвиг ратный.
Игрок идет на риск, влюбленный – на стократный.
О брахман, приюти забывшего ислам.
А может, пал я так, что чужд любим богам?
Кричат мне: «Повяжись зуннаром, о блаженный!».
Так исхудал Хосров, что как зуннары вены.
Перевод Д. Седых
«Все, кто в этот мир приходит, не останутся, уйдут...»

Все, кто в этот мир приходит, не останутся, уйдут.
Да помянут тех достойно, кто достойно прожил тут!
Всех живущих на прицеле держит меткая стрела.
Нет числа пронзенным ею, и не будет им числа.
У всевышнего в колчане та стрела всего одна,
Настигает в одиночку, но настигнет всех она.
Жить до светопреставленья не надейся. Только тот
Так наивен, кто не знает, что у смерти свой расчет.
Все уйдем, не в этом дело. Как уйдем – куда важней:
Будут помнить ли могилу, позабудут ли о ней.
Не моли о милосердьи кровожадную судьбу:
Дождь находит неизбежно водосточную трубу.
Много тысяч караванов шло по нашему пути,
Многим тысячам таких же предстоит еще пройти.
Всяк живущий, коль не знал бы, что во прах вернется плоть,
Возгордился бы безмерно. Мудро создал нас господь!
Так ликуй, встречая весны, не печалься, не скорбя,
Будь доволен тем, что весен есть немало у тебя!
О Хосров, как рак-отшельник не живи, пока не стар,
Не торгуйся в лавке жизни, не скупясь бери товар!
Перевод Д. Седых
«Почему живешь бездумно, если разум дал аллах...»

почему живешь бездумно, если разум дал аллах?
В прах вернешься. Почему же не у неба ищешь благ?
Рок созвездья сочетает. Не они, а рок – тиран.
Что же шлешь проклятья плахе, если суд вершит султан?
Схожи гурии с цветами. Почему ж один цветок
Ты зовешь – нарцисс, другой же называешь – ноготок?
Знай, ценнее постоянство сотен слитков и монет.
Пусть оно тебя украсит, чести в ветренности нет.
За удачей наступает невезения черед.
Не горюй, коль нет удачи, не ликуй, коль повезет.
Угодишь в силки корысти, помни, в том твоя вина.
Что пенять на птицелова птице, алчущей зерна?
Если льешь потоки крови беспощадною рукой,
Не вопи, коль попадешься кровопийце. Сам такой!
О богач, духовно нищий, не познавший суть свою,
Неприкаянному сердцу нет покоя и в раю.
Что печаль Хосрову в сладость, знает только он один.
Разве сладость мук фархада знала сладкая Ширин?
Перевод Д. Седых
«О, налей сегодня чашу, виночерпий, дополни...»

О, налей сегодня чашу, виночерпий, дополни,
Ибо смерть – пустая чаша опьяненным без вина!
Можешь душу взять, но телу дай испить блаженство рая.
О, яви же благосклонность, чашу мне налив до края!
Не молись, благочестивый, о спасении моем!
Одержимость не покинет мой обжитый ею дом.
Еженощно на безумье я настаиваю строки,
Вероломству луноликих бесконечно шлю упреки.
На листах моей тетради стонет каждая газель,
И пустоет до рассвета одинокая постель.
Что ж, свече не мнится пламя адской огненной геенной,
И сгорает, как в экстазе, мотылек самозабвенно.
Коль тебя корит соперник, принимай укор за лесть,
Коль твое склоняют имя из-за пери, это – честь.
Нет, не подвиг пасть в сраженье, защищая правоверье.
Подвиг – сжечь себя любовью, умереть во славу пери!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Не проси, Хосров, пощады, коль любовь заносит меч»
Перед ней бессилен разум, головы не уберечь.
Перевод Д. Седых
«Не в силах я насытить тобою взоры...»

Не в силах я насытить тобою взоры
И, страстью одержимый, истаю скоро.
У стен твоих ночами брожу бессонно
В надежде, что услышишь скитальца стоны.
Поверь, что для тавафа не пощажу и брови.
Уже в тавафе ноги я стер до крови.
Ты верности не веришь, но разве мало
Печаль моих газелей тебе сказала?
Мое на перекрестках бесчестят имя,
Но все мечты остались, увы, пустыми.
И все же я о лике твоём мечтаю,
Хоть долгими ночами свечою таю.
О как ты животворно благоуханна!
Твой аромат почуяв, из мертвых встану.
Пусть нет моей печали конца и край,
Тебя на оба мира не променяю.
К чему, Хосров, газелей твоих стенанья?
Уже твое безумье вошло в сказанья.
Перевод Д. Седых
«Нищета намного сладостнее царства...»

Нищета намного сладостнее царства.
Праведности лучше гордое бунтарство.
У царей по горло всяческих забот,
Нищий подаяньем без тревог живет.
За тремя замками сердце властелина,
Нараспашку сердце у простолюдина.
Дружбой не умеет властный дорожить.
Чем с высокомерным, лучше с псом дружить.
Пусть любовь красавиц – не по силам ноша,
Все ж она приятней ханжества святоши.
Коль разбито сердце гурией твое,
Для него лекарства только мумиё.
Хоть влюбленным встреча райских благ дороже.
Верь, для них разлука – наслажденье тоже.
О Хосров, любовью к небесам живи!
Нет на этом свете сладостней любви.
Перевод Д. Седых
«Сто сердец пылают, как во мраке свечи...»

Сто сердец пылают, как во мраке свечи,
В черных косах, павших струями на плечи.
И в огне сочится и чадит алоэ
Распаленных страстью, взятых в плен тобою.
Ты мечом жестоко рассекаешь тело
И неотразимо мечешь взором стрелы.
Извела Хосрова так твоя немилость,
Что глазницы кровью сердца обагрились.
Но оковы рабства надеваешь снова,
Хоть давно печали продала Хосрова.
Перевод Д. Седых
«В этом мире всех наездниц превзошла искусством ты...»

В этом мире всех наездниц превзошла искусством ты,
В этом мире нет красавиц столь же дивной красоты!
Стан – стройнее кипариса. Если есть еще такой,
То достоин поцелуев и объятий только твой!
Нет душе моей покоя, сердце мечется, стена,
А терпенья не осталось и крупички у меня.
Многих в горе я утешил, от любви полуживых.
Средь утешенных, однако, нет утешившего их.
Ты сулишь блаженство встречи. Так не медли, поспеши!
Опоздаешь – у Хосрова не останется души.
Лучше вместо обещаний навсегда со мной порви.
Не испытывай, не мучай сердце пленника любви!
Верь, оно твое! Не веришь? Оттого меня не жаль?

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Что ж, не веришь ты Хосрову, так спроси его печаль.
Перевод Д. Седых
«Раскрылись розы в цветнике. Приди, приди, мой гулистан...»

Раскрылись розы в цветнике. Приди, приди, мой гулистан!
Томлюсь и жду, когда мелькнет меж кипарисов тонкий стан.
В траву отсветом слез моих тюльпаны бросили огни.
Приди, приди, о мой кумир, молю, в моем саду мелькни!
Когда тебя со мною нет, цветы теряют аромат.
Приди! Прекраснее цветка еще ничей не видел сад.
Твой каждый взгляд – источник мук, внушает каждый локон страсть.
Приди хотя бы для того, чтоб мог твоею жертвой пасть.
Твои слова – смертельный яд, и все же боль разлук страшней.
Твоя любовь ко мне – полынь, и все же сладость меда в ней.
Ты знаешь, сладостью речей давно прославился Хосров,
Приди, пускай не для любви, а для его сладчайших слов!
Перевод Д. Седых
«О черный мрак разлуки, подобный тьме ночей...»

О черный мрак разлуки, подобный тьме ночей!
Во мраке вижу кудри – и мрак еще черней.
Как тьмой не быть объятым, когда свечу желанья
Зажечь не в силах сердце от призрака свиданья?
Не знает тот, кто не был хоть раз любовью пьян,
Вина, что опьяняет сильнее, чем дурман.
Во зле повинны люди, в корысти – зла причины.
Во всех моих печалях красавицы повинны.
Вопить из-за колючки – таков удел людей.
Из-за прекрасной розы рыдает соловей.
Любовь, как зной пустыни, томит влюбленных жаждой.
Отправиться в пустыню отважится не каждый.
Я не дерзну губами твоих коснуться ног,
Но дай мне в изголовье, как милость, твой порог!
Коль я умру, не думай, что я убит тобою.
О нет, не ты убийца! Любовь тому виною.
Ее хмельные стрелы давно попали в цель.
Проходит жизнь Хосрова, но не проходит хмель.
Перевод Д. Седых
«С тебя портрет не написать и мастерам Китая...»

С тебя портрет не написать и мастерам Китая,
Азера идола ничто, коль вступишь ты, сияя.
Молю тебя, не убивай приверженца ислама.
Люблю, но я не еретик – не брахман и не лама.
В ночи, как призрак, я бродил. Сосед, прошедший мимо
Сказал: «Видение опять увидел одержимый».
Хочу не плакать – не могу. Не знаю, что случилось.
И сердце сжалось так в груди, как будто ты явилась.
О горе мне! Не залечить в душе кровавой раны.
Ты друг и недруг, смесь любви, коварства и обмана.
И все же будь рабом, Хосров, не разума, а страсти.
Ведь разум тоже подчинен ее всемогущей власти.
Перевод Д. Седых
«Я луной тебя назвал бы – слух она не услаждает...»

Я луной тебя назвал бы – слух она не услаждает.
Я тебя назвал бы розой – перлы слов не рассыпает.
Ты не знаешь, нет, не знаешь, что не сплю я до рассвета.
Где уж знать, коль ты вкушаешь сладкий сон, забыв поэта.
И никто тебе не скажет, как тоска скитальца гложет.
Ветерок об этом знает, но сказать, увы, не может.
До земли спадают кудри и окутывают плечи,
Но уста они лишили словаря любовной речи.
О жестокая, волнение – для тебя чужое слово.
Ты могла бы научиться волноваться у Хосрова.
Перевод Д. Седых
«Знай, разум потерял и как вернуть – не знаю...»

Знай, разум потерял и как вернуть – не знаю.
Бесцельно я брожу, и нет печали края.
Коль головы лишусь, не больше в том напасти,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Чем с головой уйти, как я, в безумье страсти.
Рыдаю, и от слез, что лью помимо воли,
На сердце у меня щемящий сгусток боли.
С тех пор, как по кудрям тоска в меня вселилась,
Тоскою побежден, я сдался им на милость.
Когда скрываешь лик, ращу слезами розы,
Гляжу на них и вновь сдержать не в силах слезы.
Не трогать мне кудрей рукой нетерпеливой,
Как трогает зефир, соперник мой счастливый,
У сердца-мотылька уже сгорели крылья,
Но к твоему огню дороги не открыли.
И оттого, что им неведома дорога,
Царят в моей душе смятение и тревога.
Едва Хосров твое увидел совершенство,
Он черпать перестал в бутонах роз блаженство.
Перевод Д. Седых
«Напрасны проклятья и слезные стоны...»

Напрасны проклятья и слезные стоны!
Что делать, судьба не всегда благосклонна.
Я с радостью жертвою стал бы твоею.
Что делать, заставить любить не умею.
Печальному сердцу лекарство – терпенье.
Что делать, коль в сердце терпенья – ни тени?
Сношу терпеливо лишь тяжкие муки.
Что делать, коль ранен кинжалом разлуки?
Тебя не заставит забыть и могила.
Что делать, коль ты обо мне позабыла?
Раба обласкают – он сдвинет и горы.
Что делать, стелюсь я, а слышу укоры.
Ты жизни Хосрову дороже, о пери!
Что делать, стучусь я в закрытые двери.
Перевод Д. Седых
«Я жертвой стал твоих кудрей. О как я изнемог...»

Я жертвой стал твоих кудрей. О как я изнемог!
Я – пленник, я – покорный раб, я – пыль твоих дорог.
В оковах локонов твоих, обвивших цепью стан,
Брожу безумцем в том краю, в котором ты – тиран.
В безумье не твои глаза, а сам я виноват,
Когда взмолился я: «Взгляни!» – ты опустила взгляд.
О нет, не думай, не кляню безумие любви,
Хоть слезы лью из-за него и вымок я в крови.
Мне только думы подарил чудесный образ твой.
Не стою большего. Я рад и милости такой.
И пусть любовь вонзила в грудь печали острие,
Не дорог сердцу тот покой, когда не знал ее.
Хотел бы встретиться с тобой, но в лучший из миров
Уже тоской переселен полуживой Хосров.
Перевод Д. Седых
«О ты, чьи кудри ловят без промаха в силки...»

О ты, чьи кудри ловят без промаха в силки,
Дай пойманному сердцу лекарство от тоски!
В нем деревцо терпенья растил я, но оно
Нахлынувшею страстью, как бурей, сметено.
Я был благоразумным, явилась ты – и вот
Тебя, как подаянья, безумный нищий ждет.
Молю, о ветер, кудри любимой причеши,
Чтоб волны их в волнение не привели души!
Из уст ее услышать хотел бы хоть упрек,
Не протянула хлеба тому, кто изнемог.
Не знает сладострастный, как сладок вкус любви.
Душистый мед пригубить пропойцу не зови!
Прорвите сердце, стоны, любви молельный дом!
Ведь вам из-за пробоин не удержаться в нем.
Навек дала Хосрову любовь к тебе судьба.
Ничем до самой смерти не смыть тавро раба.
Перевод Д. Седых
«Влюбленного не станет увещевать мудрец...»

Влюбленного не станет увещевать мудрец,
По повеленью шаха не ждет его конец.
Его палач – разлука. Не знаешь – почему?
Спроси тоску Якуба по сыну своему.
В любви благоразумный куда глупей глупца,
А потерявший разум – мудрее мудреца.
И пусть благочестивый меня честит при всех,
Считать не вздумай, сердце, безумие за грех.
О лик, что вызвал смуту и опрокинул мир,
Ты, только ты безумцу целебный эликсир!
Меня неудержимо влечет к твоим устам.
О, не гони! Бессмертье за поцелуй отдам!
Но ты предпочитаешь на ложе сна покой.
Лишь образ предо мною. Ну что ж, убей тоской!
На вечную разлуку Хосров приговорен.
Ослушаться владыки, увы, не может он.
Перевод Д. Седых
«Я жду тебя, жестоко играющую мной...»

Я жду тебя, жестоко играющую мной,
Томящую, как жажда в невыносимый зной.
Терзаюсь от разлуки, брожу, не чуя ног,
Не веря, что зарею затеплится восток.
Во мраке ночи только луна ко мне добра
Да горьким утешеньем красуется Зухра.
О ветерок, что шепчет: «Она – мой аромат!»,
Скажи, ко мне придет ли хотя бы бросить взгляд?
А ей скажи, что таю, что не смыкаю глаз,
Держу кинжал и саван и только жду приказ.
О призрак, что сжигает и душит страстью, – прочь!
Уж я стонать не в силах, уж мне рыдать невмочь.
Бессонными ночами не призрак я зову.
Согбенная тоскою придешь ли наяву?
Похитившая сердце, лукавый душегуб,
Утратил я надежду отведать сладость губ.
Уж нет числа навеки простившимся со мной.
Когда ж Хосров догонит ушедших в мир иной?
Перевод Д. Седых
«Ты – статуя, ты – идол, чье сердце тверже скал...»

Ты – статуя, ты – идол, чье сердце тверже скал.
Нет, сердце не такое создатель Еве дал.
Я с амброю сравнил бы твой тонкий запах кос,
Но благовонней амбры сердца в силках волос.
Твой лик – сиянье шелка, но похищать сердца
Не может шелк подобно сиянию лица.
Сказал: «Себя увидишь, коль взглянешь на луну».
В ответ сказала: «Лучше я в зеркало взгляну».
Я жажду сна в могиле. О, как покоен он!
Коль рядом нет подруги, подобен аду сон.
Винишь, Хосров, красавиц? Виновны не они.
В соблазне красотой глаза свои вини!
Перевод Д. Седых
«Покой души моей уходит, стенает сердце от любви...»

Покой души моей уходит, стенает сердце от любви.
Лишь тот понять меня сумеет, кто весь, как я, от мук в крови.
Она из лунного сиянья пришла в созвездье Близнецов,
А это счастье предвещает, согласно мненью мудрецов.
Твердят: «Возлюбленной откройся, и, может быть, придет опять».
Тому, кто в сердце, невозможно о муках сердца рассказать.
Она, змее подобно, жалит, хоть втайне жаждет быть со мной.
Факир змею не заклинает, пока не сделает ручной.
Уж я от горестных рыданий промок, хоть выкрути подол,
Уж тело стало тонкой нитью, которой жизни груз тяжел,
Кто видел сам, как ниспадали вдоль стана локоны Лейли,
Постиг, какие до безумья Медждуна цепи довели.
И я, безумец, сердце отдал кудрям возлюбленной во власть,
Кудрям, что могут и аскета заставить перед ними пасть.
Моих мучений и страданий не пожелаю и врагу.
О боль разлуки! Я до встречи дожить, должно быть, не смогу.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Ту, что красой подобна пери, увы, напрасно ищет взгляд.
Отныне стонам у Хосрова учиться мог бы и Фархад.
Перевод Д. Седых
«Опять в лугах сегодня та, что повергает наземь...»

Опять в лугах сегодня та, что повергает наземь,
Опять взглянувший на нее теряет тотчас разум.
И вновь сраженные лежат, не в силах встать из праха,
Она же ищет новых жертв, и я дрожу от страха.
Хотя бы вспомнила порой, бездомного согрела,
Покуда не ушла душа из немощного тела.
О ветер! Коль не суждено лобзать любимой ноги,
Развей мой прах и, как песком, усыпь ее дороги.
Легко смотреть со стороны, а ведь в порезах руки...
Взгляни, Юсуф, на Зелиху, мои оценишь муки.
О страж недремлющий – луна! Ты землю озираешь.
Но как моя проходит ночь, не ведаешь, не знаешь.
Я обезумел, но не жду к моей судьбе участия.
Хосрову, видно, не дано в любви изведать счастье.
Перевод Д. Седых
«Благословляю день, когда явился образ твой...»

Благословляю день, когда явился образ твой!
Не будь его, считал бы жизнь холодной и пустой.
Стрела любви пронзила грудь. Стенаю, боль страшна.
Нет, не любившим не понять, как мучает она.
Но сам ответить не могу, как сердце потерял:
Не знает, что произошло, сраженный наповал.
О пери, твой разящий меч моей душе грозит.
Я принимаю на себя удары, точно щит.
О дар и неба и земли, вершина красоты,
Что оба мира пред тобой? Для глаз милее ты.
Томясь в ночи, не знаю я, приходит ли рассвет,
Хотя зарею край небес окрашен в алый цвет.
Хосров рыдает, но с его слезами не шути!
Порою реки горьких слез смывают все с пути.
Перевод Д. Седых
«Насквозь пронизан этот мир тоскою и печалью...»

Насквозь пронизан этот мир тоскою и печалью,
Как будто радости вовек его не посещали.
И сердцу места не найти, скорбим и плачем вместе.
О счастье дней, когда оно покоилось на месте!
Ты веселишься – над тобой печаль витает тенью,
Не помню, чтоб она ушла хотя бы на мгновенье.
Счастливым небо – злейший враг, терзающий со страстью.
За что ж преследует меня? Ведь я не видел счастья.
Решил я: в беспечальный край печаль из сердца вылью,
Но оказалось, что печаль повсюду в изобилие.
А, впрочем, если б человек и жил как небожитель
Не ликовал бы. Ведь Адам – живущих прародитель.
Довольны жизнью лишь глупцы. Они богатству рады.
Разумный в этом мире нищ, хоть под ногами клады.
Хосров, коль в силах, возвеличь духовные твердыни!
Все остальное на земле подобно зыбкой глине.
Перевод Д. Седых
«О небо, дай на старость лет влюбленному отраду...»

О небо, дай на старость лет влюбленному отраду!
Я – ринд! За пиршественный стол с подругой юной сяду.
И, коль захочет стрелы глаз в меня она направить,
Под стрелы буду рад и грудь и душу я подставить.
Ей будут золото дарить, а я вручу несмело
В подарок ей мою печаль и немощное тело.
Прочь, назидатель! Не кори в измене правоверью.
Я – ринд! Хочу сегодня пить вино во славу пери.
А если сжалится судьба над участью моею,
Пригублю чашу юных уст и вновь помолодею.
Скачи ж, наездница, ко мне, молю во имя бога,
И под копытами Хосров расстелется дорогой.
Перевод Д. Седых

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
«Сердце к ней ушло, оставив то, чего оно желало...»

Сердце к ней ушло, оставив то, чего оно желало,
И молва на перекрестках, как змея, вонзает жало.
Я и сам делюсь печалью и скорбью, не пряча слезы,
Ведь моим устам остались лишь несбывшиеся грезы.
Как мячом, играла честью, но победу, безусловно,
Над соперниками все же одержал я, пусть духовно!
Вся цена душе, о роза, твоему равнялась взгляду,
И, коль сердца не осталось, оболочки ей не надо.
На твоём пути, наверно, вовсе душу потеряет
Тот потерянный, чье сердце у тебя в руках сгорает.
Что отвыкнет от страданий и без сердца он едва ли
Тот, чье сердце так привыкло к безысходности печали.
О Хосров, не лучше ль сразу, не испытывая жалость,
Кончить все земные счёты, если сердца не осталось?
Перевод Д. Седых
«О вернись ко мне скорее, разлучившая с душою...»

О вернись ко мне скорее, разлучившая с душою,
А не то в огне разлуки вспыхну пламенем алоэ!
Брось в жаровню, точно руту, чтоб горел перед тобой.
От сияющего лика отведу я глаз дурной.
Но страшись! Тебя замучу насмерть вздохами своими.
Тем, кто в душу бросил пламя, помнить следует о дыме.
Что душа моя – пылинка, солнце – твой чудесный лик,
Понял я, когда лучами в щели сердца он проник.
Пред моей любовью меркнут донесенные с любовью
И легенда о Меджнуне и преданье о Хосрове.
О себе и быть и небыль слышу я со всех сторон,
Я ж и впрямь, подобно ринду, до безумия влюблен.
О седой Хосров! С любовью кто могуществом сравнится
Коль заставила седины перед юностью склониться?!
Перевод Д. Седых
Хафиз (1325–1389)

«Тебе всю душу отдаю...»

Тебе всю душу отдаю –
ты свет зари, а я свеча.
Твою улыбку узнаю:
она легка, она свежа.
Умру – прольются надо мной
фиалок запахи весной,
как будто дышит локон твой,
спадая волнами с плеча.
Глаза раскрою, подниму,
тебя как утро восприму,
Но ты мне даришь только тьму,
где ни просвета, ни луча.
Спасибо горю – здесь оно
со мной бессменное одно
живет, не спит, меня давно
от одиночества леча.
И хоть черны мои зрачки,
но от немислимой тоски
Светлы в них слезы и горьки,
дрожат, прозрачнее ручья.
Для всех любимая моя
лицо открыла, не тая,
Но сердце знаю только я,
нигде об этом не крича.
Хафиз воскреснет, оживет,
могильный саван разорвет,
Чуть мимо милая пройдет,
подобно ветру, горяча!
Перевод М. Курганцева
«Без любви нужна ли мне весна...»

Без любви нужна ли мне весна?

Без вина мне чаша не нужна.
Что без милой луг и зелень сада,
Аромат, прохлада, тишина?
Что без соловья любая роза?
Вянет, осыпается она.
Что мне ночь, и небо, и созвездья,
Если нет тебя, моя луна?
Если нет любви, куда годится
Самая достойная жена?
Нет любви, Хафиз, – и жизнь постыла,
И душа уныла и скудна.
Перевод М. Курганцева
«От напрасных страданий избавьте меня...»

От напрасных страданий избавьте меня,
От смешных ожиданий избавьте меня.
От любовного бреда, от женских уловок,
От пустых обещаний избавьте меня.
От тоски по объятьям, желанным и лживым,
От ревнивых терзаний избавьте меня.
От неискренних ласк, от скупых поцелуев,
От холодных свиданий избавьте меня.
От несбывшихся снов разбудите Хафиза –
От бессонных желаний избавьте меня!
Перевод М. Курганцева
«Как рассказать о том, чего хочу...»

Как рассказать о том, чего хочу?
Быть возле сердца твоего хочу.
Молить об исполнении желаний
Тебя, живое божество, хочу.
Глаз не смыкая, праздновать с тобою
Ночь нашу, наше торжество хочу.
Жемчужное зерно сверлить блаженно
Всю ночь, со дна добыв его, хочу.
Тебя одну, желанную награду,
Отраду сердца моего хочу,
С любимых ног хочу снимать пылинки
Губами – только и всего хочу.
Чтоб милую мою заморозило
Стихов Хафиза волшебство хочу!
Перевод М. Курганцева
«Налей полнее – вновь пустеет пиала...»

Налей полнее – вновь пустеет пиала.
Легка была любовь, а стала тяжела.
Вдохнуть бы аромат благоуханных кос –
От запаха волос душа бы ожила.
Я мог бы жить один, шутя и без забот,
Но милая зовет, желанна и светла.
Молиться бы, а я наполнил пиалу,
Всевышнего молю: спаси меня от зла.
Что знает о любви отшельник и мудрец?
Во глубине сердец – сумятица и мгла.
Любовь меня взяла в неволю с давних пор,
На горе и позор до гроба обрекла.
Не жалуйся, Хафиз! Любимой верен будь.
Ничтожное забудь! Высокому – хвала!
Перевод М. Курганцева
«Мои стихи, мою мольбу...»

Мои стихи, мою мольбу
кто отнесет любимой?
Будь милосердной, доброй будь,
не будь неумолимой.
Ты, нежная, светлей луны,
и люди ошеломлены
Лицом волшебной белизны,
красой неодолимой.
Соперник грозен и ревнив,
и беспощаден, словно див,

Но ты сияй, лицо открыв,
звездой неугасимой.
Румянец розовых ланит
пылает, светится, манит –
Дотла вселенную спалит
пожар неукротимый.
Ресницы – черные лучи
безжалостны, как палачи.
Меня от страсти излечи,
от муки нестерпимой.
Я без тебя живу, скорбя.
Во сне и наяву тебя
Я жду. Ищу, зову тебя
в тоске неутолимой.
Хафизу дай вина глотнуть,
всегда великодушной будь.
К твоей душе заветный путь
мне отворит Незримый.
Перевод М. Курганцева
«Врача на помощь не зови...»

Врача на помощь не зови –
Он не излечит от любви.
Легко разбрасывает роза
Дары багряные свои.
Я другу сердце открываю –
Оно горит, оно – в крови.
Взойди, любимая, как солнце,
Все озари и обнови.
Твоя любовь – ларец закрытый.
Где спрятаны ключи твои?
Отдай их мне без сожаленья,
Будь щедрой, бога не гневи.
Не будь скупой, спаси Хафиза,
Смягчи страдания мои.
Перевод М. Курганцева
«Живу в разлуке – слышу, как всегда...»

Живу в разлуке – слышу, как всегда,
Лишь похвалы тебе, моя звезда.
Среди твоих вздыхателей я – лишний,
Еще один, бредущий в никуда.
В пустыне, в храме, в пьяном харабате
Везде со мною ты, моя беда.
Покаяться, отречься от любимой
Не предлагай безумцу никогда.
Мне нужно лишь твое благоволение,
И горести растают без следа.
Хафиз печален, а стихи – беспечны.
Что делать? Так бывает иногда.
Перевод М. Курганцева
«Чтобы воскресла душа моя, жду тебя снова...»

Чтобы воскресла душа моя, жду тебя снова.
Радость последняя самая, жду тебя снова.
Прочь суету! Вседержителю равен влюбленный.
Я – твой невольник, а ты – моей жизни основа.
Животворящим дождем окропило нас небо.
Только любить – и не надо удела иного!
Только бы ты развязала свой сладостный пояс,
Мне отворила пределы блаженства земного.
Вместе мы будем всю ночь напролет, до рассвета.
Седобородый, тебе заменю молодого.
А как умру, не являйся к могиле без песен,
Танца, вина, и цветов, и веселого слова.
Свет моих глаз, приходи на могилу к Хафизу.
Чтобы воскресла душа моя, жду тебя снова!
Перевод М. Курганцева
«Я любовью опьянен – не хочу вина...»

Я любовью опьянен – не хочу вина.

Я тобою опоен – вся душа пьяна.
Гляну в милые глаза, припаду к устам –
И хмелею, и горю. Ты же – холодна.
Покрывало урони, выйди, покажись.
Из-за тучи появишься, полная луна!
Я – кольцо твоих дверей, и замок, и ключ.
Верю, что в такую ночь милая – одна.
Поцелуя не прошу, ласки не ищу.
Наглядеться б на тебя досыта, сполна.
Я – паломник, ты – мираж на моем пути.
Жажда горькая, Хафиз, не утолена!
Перевод М. Курганцева
«Едва придешь, помолодею вмиг...»

Едва придешь, помолодею вмиг,
Бальзамом жизни овладею вмиг.
Я без тебя – слепой, но стану зрячим,
Едва придешь, откроешь нежный лик.
Ты явишься, и ночи тьма исчезнет,
И будет свет – я от него отвык.
Я задыхаюсь, ты – целебный воздух.
От жажды умираю, ты – родник.
Придешь ли снова – спрашиваю звезды,
Пока рассвет не вспыхнул, не возник.
Приди к Хафизу! Трелью соловьиной
Его душа зальется в тот же миг!
Перевод М. Курганцева
«Я никогда не позабуду...»

Я никогда не позабуду
тебя, моя услада –
Повадку ласковую, голос,
очарованье взгляда.
Я так тобою переполнен,
что места не осталось
Ни для каких иных желаний,
а мне иных – не надо.
Твое лицо перед глазами
и в памяти, и в сердце –
Единственное наслаждение,
страданье и награда.
Я все забуду, кроме муки,
тревоги и печали –
Они рождаются в разлуке
с тобой, моя отрада.
Силки волос твоих поймали
мою простую душу.
Она в плену – крепки засовы
и высока ограда.
Мое измученное сердце
тебя зовет и жаждет –
Больной желает исцеленья,
лекарства, а не яда.
Влюбленные! Не повторяйте
печальный путь Хафиза –
Вас ожидает только горечь,
обида и досада.
Перевод М. Курганцева
«Не уходи, останься как всегда...»

Не уходи, останься как всегда.
Лишь одного хочу – промолви: «Да».
Не кутайся в глухое покрывало,
Пленительна, лукава, молода.
Не торопись – краса твоя пребудет
Неразрушимой долгие года.
Не слушай сплетников – они бессильны,
Тебе их ложь не причинит вреда.
Не бойся, если назовут Хафиза
Глупцом влюбленным – это не беда.
Перевод М. Курганцева

Весь этот мир дешевле слез
твоих – живых жемчужин.
Мне чаша полная нужна,
пустой почет не нужен.
Мне благочестье ни к чему,
его и даром не возьму.
Забуду четки и чалму –
кувшин вина мне нужен.
Не верь поэту, говорят,
он одурачит всех подряд.
Ему подай земных усад,
а небосвод – не нужен.
Неправда! Презирает он
и власть, и золото, и трон.
Ему ваш мелочный закон,
смешной расчет – не нужен.
Я в море встречу ураган,
соленой влагой буду пьян.
Мне друг – бездонный океан,
а жалкий брод – не нужен.
Не нужен людям плод войны:
дома и нивы сожжены,
живые гибнут без вины..
Кровавый плод – не нужен!
Хафизу верен одному,
забудь мирскую кутерьму.
Носи дырявую суму,
тебе доход – не нужен!
Перевод М. Курганцева
«Любовь – моя вера, мой свет...»

Любовь – моя вера, мой свет
и предел, и начало:
Воскресла душа моя,
сердце болеть перестало.
Любовь мне открыла тебя –
заповедную тайну:
Сбылись упованья,
откинула ты покрывало.
Любовь подарила мне слово,
дала вдохновенье,
И время для песен
во славу любимой настало.
Любовь наградила певца
нищетой и забвеньем,
Блаженством и счастьем,
какого еще не бывало.
Любовь меня сделала
выше богатых и знатных –
Подобна шатру падишаха
душа моя стала.
Любовь повелела
усыпать дорогу к любимой
Багряными розами,
что драгоценнее лала.
Любовь возвестила,
что вся красота мирозданья –
Лицо моей милой –
как солнце оно воссияло!
Любовь – это строки Хафиза,
вино и веселье!
Любовь – моя вера и свет,
и предел, и начало!
Перевод М. Курганцева
«Твои золотистые плечи, отрада моя...»

Твои золотистые плечи, отрада моя,
И взоры хмельные, и речи – награда моя!
Пленительней, краше, смелее, нежнее, правдивей
Страница 149

Красавиц любых моя радость, услада моя.
Лицо твое – дивное диво, само совершенство,
Подарок аллаха, светильник, лампада моя.
Звезда моя! Родинку, что у тебя над устами,
Увижу – погибну, умру, о свиданьи моля.
Скажи, смуглолицая, правда, что ты уезжаешь?
Услышал – как будто ужалила в сердце змея.
Ты можешь словами убить и вернуть меня к жизни, –
Родник чудотворный, бальзама живая струя.
Хафизу поверь – он тебя божеством называет,
Святыня, душа моя, свет и отрада моя!
Перевод М. Курганцева
«Радостный ветер, к любимой лети на рассвете...»

Радостный ветер, к любимой лети на рассвете.
Стукни в окно, разбуди мою милую, ветер.
Ей передай: приближается время свиданья,
Час приближается, самый желанный на свете.
Прошлести, прошепчи: умирает в разлуке
Любящий, верный, – подумай на миг о поэте.
В каждой строке у него – сокровенная тайна.
Только захочешь – откроешь сокровища эти.
Только захочешь – спасешь от гибели друга,
Муки его тяжелее, чем жажда и плети.
Только захочешь – развяжешь пленительный пояс,
Любящий сам попадет в блаженные сети.
Персы и турки равно понимают Хафиза –
В каждое сердце любовь ударяет, как ветер!
Перевод М. Курганцева
«Смиренно к небу простираю руки...»

Смиренно к небу простираю руки.
Спаси, молю, от горя – от разлуки.
Дай лекаря, чтоб сердце успокоил,
Хотя б на день освободил от муки.
Куда идти? Что делать? В харабате
Учиться забвению – простой науке.
Мои желанья – тайные убийцы,
Крадутся, натянув тугие луки.
Душа! Отвергни верещанье пташек,
Глупеющих от суеты и скуки!
Душа! Не бойся, наслаждайся – слушай
Напевы ринда – сладостные звуки!
К возлюбленной летите, стрелы песен –
То грустные, то радостные звуки!
Услышит ли она мои моленья?
Никто Хафизу не дает поруки.
Перевод М. Курганцева
«Говорить со мною станешь, неужели станешь...»

Говорить со мною станешь, неужели станешь?
Только слово отчеканишь – оттолкнешь? Притянешь?
До чего же ты красива, до чего лукава!
Позовешь, рукой поманишь и опять обманешь.
Поведешь точеной бровью – душу заарканишь,
Заколдуешь, одурманишь, разум затуманишь.
Как священное писанье, всю тебя запомню –
Ты меня томить устанешь, мучить перестанешь...
Улыбнешься, мимоходом глянешь на Хафиза –
Стрелами-глазами ранишь, прямо в сердце ранишь...
Перевод М. Курганцева
«В мечети я припомнил...»

В мечети я припомнил
излом твоих бровей,
И выпали молитвы
из памяти моей.
Меня покинул разум,
моя гордыня разом
Растаяла, пропала –
к чему жалеть о ней?

Вино играет в чаше,
сердца пылают наши,
И соловьи рыдают
среди зелени ветвей.
И по траве примятой –
волнами ароматы,
И огненные розы
становятся пышней.
В моих объятьях тесных
ты – божество, невеста!
Над нашим брачным ложем
ликует соловей.
Без шелка и атласа,
без жемчуга и злата
Ты красотой богата,
и нет тебя милей.
Я беден и беспечен,
но я тобой отмечен,
Люблю тебя все крепче,
все жарче и смелей,
Хафиз! Душа открыта,
и песня не забыта
Во славу светозарной
возлюбленной твоей!
Перевод М. Курганцева
«Любовь – как море. Не боюсь, пльиви...»

Любовь – как море. Не боюсь, пльиви.
Спасет аллах достойного любви.
Какое счастье – жить самозабвенно!
С потоком страсти не борясь, пльиви.
Молчи, рассудок! Отложи заботы –
Не пригодились доводы твои.
Мне, раненному в сердце, не помогут
Ни звезды, ни стихи, ни соловьи.
Любимая! Живу одним желаньем:
Твое лицо увидеть. Позови!
Откройся, тайна! Пьяному безумцу
Себя, мое сокровище, яви!
Но у любимой – каменное сердце.
Забудь, Хафиз, терзания свои!
Перевод М. Курганцева
«Зазвени, веселый чанг – снова, снова, снова...»

Зазвени, веселый чанг – снова, снова, снова, –
Вторя звону пьяных чаш – снова, снова, снова!
Я с красавицей не груб, но с ее румяных губ
Дань взимаю по ночам – снова, снова, снова!
Если пить не будешь ты, не постигнешь красоты.
Пей, внимай моим речам – снова, снова, снова!
Аромат, касанье, свет! Ты, любовь, забвенье бед
Бескорыстно даришь нам – снова, снова, снова!
Ты к любимой, ветер, мчись, передай: опять Хафиз
Припадет к ее устам – снова, снова, снова!
Перевод М. Курганцева
«Ты лицо свое открыла – отступила тьма...»

Ты лицо свое открыла – отступила тьма.
Ты мне сердце опалила, вспыхнула сама.
Это ангел-небожитель пламенем любви
Охватил живую душу, свел меня с ума.
Мы с тобой свечу сознанья так и не зажгли –
Нас ревнивое молчанье губит, как чума.
Думал я – открою тайну сердца твоего,
Но в груди моей – ненастье, хмурая зима.
Низвожу я душу с неба, милой отдаю –
Розовы ее ланиты, стать ее пряма.
У других – благая доля, радостные дни.
Мой удел – тоска немая, нищая сума.
Славь любовь – огонь бесценный! Не забудь, Хафиз
Наши радости – мгновенны, этот мир – тюрьма!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод М. Курганцева
«Не спеши, мое сердце, остыть и уйти...»

Не спеши, мое сердце, остыть и уйти
От вина и любви – от святого пути.
Пью, всевышний, без меры. Любимую крепко
Обнимаю. А ты мне грехи отпусти.
Пиалу осушаю, целую подругу –
Не суди меня строго за это, прости.
Все по воле твоей – и любовь, и застолье.
Я по совести, право, безгрешен почти.
Воздержанье и трезвость противны Хафизу,
И, надеюсь, они у тебя не в чести.
Перевод М. Курганцева
«Пронзи мое сердце насквозь...»

Пронзи мое сердце насквозь –
Оно на обман поддалось.
Проходят бессонные ночи –
Желанье мое не сбылось.
Кто розу полюбит, безумец,
Незванный на празднике гость.
В лампаде усталое пламя
Погасло и вновь не зажглось.
Что мускус? Он вовсе не нужен
Волнам благовонных волос.
Мой путь – отойти и забыться,
Дождаться, чтоб все улеглось.
Горящее сердце Хафиза!
Мечтать о возлюбленной брось!
Перевод М. Курганцева
«Меня вконец измучила тоска...»

Меня вконец измучила тоска.
Любимая все так же далека.
Кого она глазами полонила,
Быстра, лукава, горяча, легка?
Кого, притягивая, оттолкнула
Скупая, злая, нежная рука?
Кого лейли как молния пронзила?
Медждуна своего наверняка.
Кого не любит бог? Конечно, трезвых.
Грех – не допить последнего глотка.
Кто будущее знает? В книге судеб
Кому понятна хоть одна строка?
Кто верил небу, молнии дождался.
Она сожгла Хафиза, бедняка.
Перевод М. Курганцева
«Ох, эти кудри – каждый завиток...»

Ох, эти кудри – каждый завиток!
Кто может позабыть их? Я не смог.
Ох, эта ямочка на подбородке –
Передо мной поставленный силок!
Твое лицо – от горя исцеленье,
Спасенье от неведомых тревог!
Твои ладони! Жажду прикоснуться,
Далек, забыт, покинут, одинок.
Дождись меня – привратнику у двери
Скажи, чтоб не был нелюдим и строг.
Скажи: «Скитальца бедного увидишь –
Позволь ему переступить порог.
Ко мне Хафиз торопится, влюбленный,
Покрытый пылью пройденных дорог».
Перевод М. Курганцева
«Искал я счастье, а нашел беду...»

Искал я счастье, а нашел беду.
Пришла пора – в небытие уйду.
Впустую длятся медленные ночи
В тоске, во тьме, в бессоннице, в бреду.

Не принимает жалоб соловьиных
Глухая роза у меня в саду.
Душа и сердце учатся терпенью,
Хоть им уже давно невмоготу.
Тону в пучине, погружаюсь в бездну,
Не вижу дна, спасения не жду.
Храню обет молчания, смиряюсь,
Подвластен только божьему суду.
Ты, нежная, покинула Хафиза –
Все потеряю, но тебя найду!
Перевод М. Курганцева
«Как хороша весна, как хороша...»

Как хороша весна, как хороша!
Ручей в саду заговорил, спеша.
Вечнозеленый рай? Вода живая?
О них не сокрушается душа.
На рынке жизни время продается –
Товар слепого рока-торгаша.
Я выкупаю светлые минуты,
Чтоб их прожить, не каюсь и греша.
Пусть невелик прибыток мой и скоро
Уйду в ничто, застыну, не дыша,
Но я свое вино еще не выпил
До дна из драгоценного ковша.
На волоске висят людские судьбы.
Ударит гром, вселенную круша.
Погибнут все – и праведник, и грешник,
Сгорят быстрее сухого камыша.
Успеешь ли, Хафиз, наполнить чашу,
Свое предназначение верша?
Перевод М. Курганцева
«Мне вино куда нужней, чем хлеб...»

Мне вино куда нужней, чем хлеб.
Пить нельзя – на страже мохтасеб[74].
Жажду, истомившую поэта,
Не отменит даже мохтасеб.
Пью с оглядкой, ночью, втихомолку –
Соглядатай-праведник свиреп.
Для него кувшин – источник яда,
А застолье хуже, чем вертеп.
Знаю: не вином – слезами, кровью
Мир упьется, жалок и нелеп.
Знаю: даже шаха переселят
В новое жилье – в холодный склеп.
Видишь сам, Хафиз, пора в дорогу –
Ты ведь не безумен и не слеп.
Перевод М. Курганцева
«Весна явилась на рассвете в сад...»

Весна явилась на рассвете в сад:
Тюльпаны дышат – листья шелестят.
Играет ветер лепестками розы.
Цветет рейхан[75] – струится аромат.
Твои ланиты, пальцы, губы, кудри
Меня благоуханием томят.
Высмеивать влюбленного нетрудно
Гулякам, осадившим харабат.
Я – Ной в ковчеге посреди потопа.
Когда, господь, увижу Арарат?
Всевышнего напрасно умоляю –
Кто жаждет рая, попадает в ад.
Мой бог – моя любовь. У ног любимой
Мести губами пол я буду рад!
Мне тайны мирозданья недоступны –
И разум слаб, и затуманен взгляд.
И мой удел – земля, могильный саван,
А небеса всесильные молчат.
Весь этот мир – тюрьма, темница, яма,
Тоска и скука, теснота и чад.

Что, чернокошая? Ответь, какие
Мне бедствия нежданные грозят?
Хафиз! Не сетуй, торопись, блаженствуй,
Пока еще благоухает сад!
Перевод М. Курганцева
«Мое вино искрится в чаше...»

Мое вино искрится в чаше,
как солнце утром рано.
Лицо твое нежней и краше
расцветшего тюльпана.
Резвится ветер, беспокоя
твои густые кудри.
Примятая твоей стопой
трава – благоуханна.
Я без тебя во тьме, ты – полдень,
лучистое светило.
Я был печалью переполнен,
томившей непрестанно.
Меня сладостями не кормило
безжалостное время.
Изведавшему горечь мира,
мне только ты желанна.
Я вынесу не хуже Ноя
удары провиденья –
Восстанет солнце надо мною
из мрака и тумана.
Моя жемчужина живая –
ты подлинное чудо.
Тебя добуду, не желая
подделки и обмана.
Я без тебя умру. Доверься
мольбе моей последней.
Приди! Ты у Хафиза в сердце
единственная рана!
Перевод М. Курганцева
«Мне мудрец говорит, в пиалу наливая вино...»

Мне мудрец говорит, в пиалу наливая вино:
«Пей, другого лекарства от боли твоей не дано.
Пей, не бойся молвы – оклеветают и юную розу,
А она раскрывается, дышит, цветет все равно.
Пей! Повсюду на свете, на этом бессовестном рынке
Добротой, и доверьем, и правдой торгуют давно.
Пей! Не жалуйся – все на земле ненадежно, не вечно.
Даже шахскому трону рассыпаться в прах суждено.
Пей, Хафиз, наливай, наслаждайся, живи беспечально.
Пей, осталось немного – и в чаше покажется дно...».
Перевод М. Курганцева
«Тюрчанка молодая, ты ушла...»

Тюрчанка молодая, ты ушла,
Влюбленного обидой обожгла.
Увижу ли глаза твои, как прежде?
Куда ты скрылась? Что ты обрела?
Печаль мне душу пламенем не выжгла,
Но словно дымом свет заволокла.
С тобой в разлуке знаю только слезы –
От их наплыва грудь изнемогла.
Едва стою, глаза мои застлала
Тоска – густая, гибельная мгла.
Но сердце обещает: ты вернешься.
Молю тебя: приди, не помни зла.
Любимой нет, и небеса – пустыня,
Земная твердь – остывшая зола.
Сказали мне: «Ты болен безнадежно.
Бедняга, плохи у тебя дела...».
Вернись, моя любимая, к Хафизу,
Пока его могила не взяла.
Перевод М. Курганцева
«Лицемер, твои речи смешны...»

Лицемер, твои речи смешны,
Поученья твои не нужны.
Утешенье – улыбка любимой,
А внушенья твои не нужны.
Эти плечи и стан – совершенство,
И для радости сотворены.
Мы дождемся – ворота Эдема
Будут любящим отворены.
В небеса улетит мое сердце –
Разобьется, упав с вышины.
Ты не жалуйся, сердце, не сетуй.
Причитанья твои не слышны.
Твоя доля, Хафиз – ожиданье,
А страданья твои не нужны.
Перевод М. Курганцева
«Израненное сердце предчувствием горит...»

Израненное сердце предчувствием горит:
Обиды и невзгоды мне время подарит.
Рука моя любого посланца твоего
Наградами осыплет и отблагодарит.
Чтоб ты верна осталась – напрасно я молю
Того, кто создал небо, вселенную творит.
Меня простит всевышний, тебя – за все грехи
Накажет он, навечно ко мне приговорит.
Земные властелины! Любовь сильнее вас.
Она сердцами правит, в груди моей царит.
Возьму скрижаль завета, о камни разобью,
Чтоб любящим не ведать запретов и обид.
Увижу лик любимой – пойму, что рядом с ней
Любой бутон поникнет, ненужен и забыт.
Услышу – вопрошают ширазцы: «Где Хафиз?».
Отвечу: «Он изгнанник, беда ему грозит».
Перевод М. Курганцева
«Ты птица счастья, вестница услад...»

Ты птица счастья, вестница услад.
Покинув небо, посети мой сад.
Я несказанно рад: увижу в чаше
На самом дне лицо твое и взгляд.
Быть может, ветер донесет к любимой
Моих газелей музыку и лад.
Живой воды источники, быть может,
Мою немую жажду утолят.
Зачем, душа, ты угодила в сети?
Они тебе спасенья не сулят.
Любимая, останься, погадай мне,
А вдруг удачный выпадет расклад?
А вдруг луна, все озарив, подарит
Мне одному тебя – желанный клад?
Пыль на твоём пороге для Хафиза
Милее всех соблазнов во сто крат.
Перевод М. Курганцева
«Завистник лицемерный в неведение глухом...»

Завистник лицемерный в неведение глухом
Любовь мою считает пороком и грехом.
Слова его бессильны, проклятия – смешны.
Он, богом обделенный, с любовью не знаком.
Вокруг моей любимой – волнами аромат.
Ловлю его, вдыхаю открыто и тайком.
Глаза – живые стрелы нацелены в меня.
Стою незащищенный, открытый целиком.
На все мои моленья согласим ответь –
Наперекор запретам останемся вдвоем.
Безропотно приемлю все тяготы любви,
Чтоб в сердце удержаться, единственном, твоём.
Хафиз! Поведай людям, что испытал, как жил,
И слезы их польются рекой, а не ручьем.
Перевод М. Курганцева

Глаз янтарное сиянье
 навсегда запомню.
Долгожданное свиданье
 навсегда запомню.
Ты мне счастье возвратила,
 сердце воскресила –
Это доброе деянье
 навсегда запомню.
Что за факел небывалый –
 щек румянец алый!
Цвет и жар, и полыханье
 навсегда запомню.
Губы – влажные рубины,
 губы – кубок винный
Подари. Твое даянье
 навсегда запомню.
Мы одни в часы ночные,
 краткие, хмельные.
На рассвете расставанье
 навсегда запомню.
Каждое прикосновенье,
 сладость опьянения,
Смех, улыбки обаянье
 навсегда запомню.
Над тобой луны рожденье –
 зыбкое свеченье,
Серебристое мерцанье
 навсегда запомню.
Дни и ночи, и объятья
 в тайном харабате,
И святые возлиянья
 навсегда запомню.
Пой, Хафиз, – она сказала
 ласково, устало.–
Твоего стиха звучанье
 навсегда запомню.
Перевод М. Курганцева
«Как хочется, чтоб ты моей была...»

Как хочется, чтоб ты моей была,
Моей душе отраду принесла.
Как хочется, чтоб ты со мной осталась
Навеки рядом, будто приросла.
Как хочется руки твоей коснуться,
И чтобы ты ее не отняла.
Хочу, чтобы всегда перед глазами
Стояла ты – доверчива, светла;
Чтобы, моей душой повелевая,
Мне собственную душу отдала;
Чтобы мои перевязала раны,
Обиды смыла, беды отвела.
Хочу, чтоб каждое мое двустийше
Тебя пронзало сразу, как стрела.
Хочу, чтоб мне, певцу, три поцелуя,
Три яхонта бесценных ты дала;
Чтоб с вечера вошла в мои объятья,
А утром – оторваться не могла.
Хочу, чтоб верила: с тобой в разлуке
Хафизу даже слава не мила.
Перевод М. Курганцева
«Едва ты откроешь лицо, потускнеет луна...»

Едва ты откроешь лицо, потускнеет луна.
Сверкнула улыбка – душа моя ослеплена.
Душа моя гибнет, уносится в небытие.
Захочешь – она возвратится, воскреснет она.
Когда успокоит сердечную жажду мою
Волос твоих благоуханье, живая волна?
В разлуке с любимой проходят постылые дни.

Пьянею, но только от страсти, а не от вина.
Приди, мое счастье, меня избери одного.
Душа изнывает, горит, ожиданья полна.
Приди, озари мирозданье своей красотой.
Быть может, надежду разбудишь от долгого сна?
Приди, одари ароматом румяных ланит.
Ты – райского сада цветенье, дыханье, весна!
Спешу, виночерпий, наполнить мою пиалу,
живи без печали – удача тебе суждена.
Но если пойдешь по дороге любви, берегись –
Дорога слезами кровавыми окроплена.
Стихами Хафиза обрадуй себя и скажи:
«Да славится имя поэта во все времена!»
Перевод М. Курганцева
«Кто счастливый откинул твое покрывало...»

Кто счастливый откинул твое покрывало?
Чья рука тебя, робкую, околдовала?
Кто с тобой? – вопрошаю бессонную ночь.
В чьих объятиях ты засыпаешь устало?
Я не ведаю страха, тобой опьянен.
Ты горда и возмездия ждать перестала?
Ты взглянула – как будто ударом ножа
Мое сердце пробила, тоской пронизала.
Брови – соколы, что за добычей летят,
А ресницами ты меня в сети поймала.
Высоко ты стойшь, велика твоя власть,
Мое горе тебя не тревожит нимало.
Где светильник? Хочу твое сердце зажечь,
чтобы пламя не гасло, не ослабевало.
Не гонись за миражем, соблазны отринь.
Заблудиться легко, это часто бывало.
Жизнь идет, и не так уж она коротка.
Окончание ищешь – находишь начало.
Изменяется все – постоянен Хафиз.
Быть иным, быть неверным ему не пристало.
Перевод М. Курганцева
«Глаза твои – реки, а время – пустыня...»

Глаза твои – реки, а время – пустыня,
А сердце мое утонуло в пучине.
По-прежнему пламя греха и соблазна
Пылает – с адамовых дней и донине.
Стрела поразила меня огневая.
Но влага – спасение и благостыня.
Хмелеет земля от мелодии чанга,
Заслушалось небо, безоблачно сине.
Любимая, ты возвращаешься – счастье,
Краса, наслажденье, отрада, святыня!
Смелее развязывай трепетный пояс,
Терпенья у любящих нет и в помине.
Хафиз, торопи драгоценное время,
С любимой блаженствуй и радуйся – ныне!
Перевод М. Курганцева
«Тебя увижу – обрету удачу...»

Тебя увижу – обрету удачу,
Забуду горе, жизнь переиначу.
К твоим устам лукавым припаду –
Над горькой чашей больше не заплачу.
Твои глаза – веселое вино.
Со всеми пью и радости не прячу.
Приснишься ночью – сердце отберешь.
Рассудок подарю тебе – в придачу.
Я – твой невольник, милости ищущий.
Тобой забытый, ничего не значущий.
Отыскиваю лучшие слова –
Быть может, время не напрасно трачу.
Тебя стихами пробую пленить –
Пустое дело. Сам себя дурачу.
И все ж Хафиз воистину поэт –

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Возьми любую строчку наудачу.
Перевод М. Курганцева
«О помощи зову нетерпеливо...»

О помощи зову нетерпеливо –
Друзья не слышат моего призыва.
Терпеньем запасаясь, жду тебя,
Как жатвы – созревающая нива.
Тебя не упрекаю, не кляню,
Не пробую учить велеречиво.
Я думал, ты бесхитростна, верна,
И неподкупна, и благочестива.
Что сетовать? Как прежде, я люблю,
Не тороплю разлуки и разрыва.
Не потому ли хорошеешь ты,
Что я боготворю тебя ревниво?
Будь благосклонна к любящему, будь
К нему добра, как пальма и олива.
Тебе Хафиз всю душу отдает,
И ты будь щедрой – это справедливо.
Перевод М. Курганцева
«Всю ночь мое сердце пылало в огне...»

Всю ночь мое сердце пылало в огне.
И радость, и жизнь отгорели во мне.
И воском расплавленным кровь моя стала
Без милой в унылой ночной тишине.
С оплившей свечой, с мотыльком обгоревшим
Я числюсь по праву теперь наравне.
Душа моя стала иссохшим тюльпаном,
И нет утешенья – спасенья в вине.
Горю, одинокий, ищу состраданья,
Свиданья с возлюбленной наедине.
Я стал неприкаянным, нищим, беспутным,
Себя потерял по своей же вине.
Доверюсь аллаху, забуду соблазны,
И радость войдет в мою душу извне.
Довольно, Хафиз, принимайся за чашу.
Уж ночь на исходе, а правда – на дне.
Перевод М. Курганцева
«Обещаем наслажденье – мне созвездия сказали...»

Обещаем наслажденье – мне созвездия сказали.
Звездных знаков совпадения мне блаженство обещали
Лишь бы локонов любимой не коснулся нечестивец!
Огради ее, незримый, не оставь ее в печали.
Ямочка на подбородке у нее – ловец искусный.
Кто в силко не попадался, в мире сыщется едва ли.
Кто ее лицо увидит, оробеет, ослепленный.
Побледнеет даже солнце, озаряющее дали.
Я – медлительный, забытый, незадачливый паломник.
А соперники не дремлют, свежий ветер оседлал.
Кто же я? Невольник, пленник, отраженье луноликой?
Пыль у милого порога, что не стерли, не убрали?
Кто же я? Поэт, владетель вековечного калама.
Занесу родное имя на священные скрижали.
Тороплюсь на поклоненье к недопитому кувшину
И рубиновой улыбке, что сияет из-под шали.
Я – Хафиз! Любые муки принимаю терпеливо –
Сколько раз ресницы-стрелы мое сердце поражали!
Перевод М. Курганцева
«Роза раскрылась и слушает речь соловья...»

Роза раскрылась и слушает речь соловья:
«Ты – не одна в цветнике, чаровница моя».
Роза ему отвечает: «Влюбленный, забудь
Речи такие, а мне их и слушать нельзя».
Если не выпьешь бальзам этих розовых губ,
Будет тебе уготована злая стезя.
Ради того, кто любил, одиноко стоит
В пьяной тиши харабата пустая скамья.

Утренний ветер играет волнами волос,
Черные локоны льются струями ручья.
Зная грядущее, мне возвещает мудрец:
«Звезды сказали: безрадостна доля твоя».
Нужно ли заново нежные речи твердить?
Нет! наполни пиалу, золотая струя!
Стоит ли разум терять, убиваться, Хафиз,
Все свои беды в груди хороня и тая?
Перевод М. Курганцева
«Мы пировали всю ночь до утра...»

Мы пировали всю ночь до утра.
Заново чаши наполнить пора.
Заново надо начать возлиянья
Сразу, сегодня же, как и вчера.
Снова с утра пробудилась лужайка,
Благоуханна, свежа и пестра.
Нет, не вино пиалу наполняет –
Это рубинов живая игра.
Губы твои улыбаются нежно –
Будь благосклонна ко мне и щедра.
Нет к харабату дороги. А жажда
Неутолима, горька и остра.
Мне от привратника, от лицемера
Трудно сочувствия ждать и добра.
Лишь бы, Хафиз, от тебя не сокрыла
Деву-удачу глухая чадра!
Перевод М. Курганцева
«В наполненной чаше – мерцанье и радужный свет...»

В наполненной чаше – мерцанье и радужный свет.
В рокочущем чанге – веселье, а горечи нет!
На дне пиалы я, как прежде, любимую вижу.
Мне жаль тебя, трезвенник горький, непьющий сосед!
Бессмертье – награда тому, кто воистину любит.
Быть может, и я проживу еще тысячу лет?
Знавал я немало красавиц – пленительных, ладных.
Ты – в небе луна, а они – вереница планет.
Гляжу на тебя – и хмелею, и разум теряю.
Пьянею, сгораю, любой нарушаю запрет.
Запретное пью! Неужели меня остановят
Угроза, отказ, назидание, трезвый совет?
В цветущем саду отыщи мою милую, ветер.
В разлуке с любимой, – скажи, – угасает поэт.
Она еще помнит меня или время – всеильно? –
Спроси у возлюбленной и принеси мне ответ.
Как море, не знает границ благородная щедрость –
Хотел бы я плыть, наслаждаясь, не ведая бед.
Не плачу, не жалеюсь – лишь бы дождаться свиданья!
Вернется к Хафизу блаженство и вера, и свет!
Перевод М. Курганцева
«Что делать? В сердце у меня...»

Что делать? В сердце у меня
горит и ноет рана.
Ты метко бьешь – не помогли
кольчуга и охрана.
Твержу печальные стихи –
разбрасываю жемчуг.
Впустую лучшие слова
растрачиваю рьяно.
Кто мне поможет? Кто спасет?
Кто мне уступит чашу
Безумья сладкого, огня,
блаженного дурмана?
Ты – солнце. Жду тебя всю ночь,
безмолвно призываю.
Молчу – нельзя о божестве
рассказывать пространно.
Нельзя о риндах говорить,
как о дурных и грешных.

Господь дает им волю пить –
всегда и невозбранно.
Слова мои – огонь. Смотри,
будь осторожна – вспыхнешь.
Схвачу, не вырвешься –
стихи надежнее аркана.
Стихи всесильные вернут
любимую Хафизу –
Клянусь Каабой и луной,
и сурами Корана!
Перевод М. Курганцева
«Слава ласковому ветру...»

Слава ласковому ветру,
что с утра повеял здесь –
Он вернулся издалека,
принеся благую весть.
Насыщая свое сердце
песнопеньями Дауда[76],
Откровеньям Сулеймана
отдаюсь душой весь.
Отметаю прозябанье,
обретаю упование:
Мне вина благоуханье
не успело надоесть.
Все, что будет – принимаю:
постоянство и неверность,
Мед и яд, веселье, горе –
всю причудливую смесь.
Милая добросердечна
и к поэту благосклонна,
И не лжет... Достоинств много –
невозможно перечесть.
Только бы опять услышать
от нее хотя бы слово!
У нее – великодушье,
у меня – надежда есть.
Милосердная вернется,
чтобы радовать Хафиза...
Это ветер обещает –
похвала ему и честь!
Перевод М. Курганцева
«От горя плавилась душа, сгорала...»

От горя плавилась душа, сгорала,
В самозабвении себя теряла,
Завороженная незримой целью,
Скиталась по земле, себя терзала,
Сокровище искала понапрасну,
Чужих молить о помощи дерзала,
И все ждала, и верила обетам,
И тщетно к милосердию взывала,
Надеялась: все будет как и прежде,
Все повторится снова, как бывало.
Душа! Ты – голубь, ты попала в сети,
Упала в бездну – в глубину провала.
Ты столько силы отдала впустую,
А волю дай – и больше б отдавала.
Зачем? Чтобы спасли меня от жажды
Уста любимой – два багряных лала,
Чтоб милая поверила Хафизу
и от себя его не отдаляла...
Перевод М. Курганцева
«Исполняются желанья...»

Исполняются желанья!
Славься, винная струя,
Цветника благоуханье,
воз дыханье соловья!
Не иссякло наше время!
Раскрывают лепестки

Розы, лилии, нарциссы –
 многоцветная семья.
Сад весенний, ладный тополь,
 благородный кипарис –
Это ты, твой стан, осанка
 горделивая твоя.
Губы тронула улыбка –
 распускается бутон.
Подари его счастливцу,
 не скупясь и не тая.
Ты – родник. Ты бескорыстна.
 Ты щедра! Еще не все
Продают и покупают
 на базарах бытия.
Ты невысказано красива.
 Ты – проснувшийся огонь.
Брось единственную искру –
 запылаю разом я!
От волос твоих до неба
 долетает аромат
И возносит мою душу
 в запредельные края.
В цветнике запели птицы...
 Где газель твоя, Хафиз?
Пусть она звенит нежнее,
 чем рулада соловья!
Перевод М. Курганцева
«Утренний ветер, спеши к моей милой, лети...»

Утренний ветер, спеши к моей милой, лети.
Мимо дороги моей, легкокрылый, лети!
Спросит она, сладкоустая: «Где мой певец?
Может, бездомному время покоя обрести?».
Спросит лукавая: «Где он, воспевавший меня,
Самозабвенный, слепой, бездыханный почти?»
Доброту сердцу охотно отдамся в полон –
Хитрая сеть не сумеет меня оплести.
Может, любимая вдруг на веселом пиру
Странника вспомнит и мысленно скажет: «Прости?»
Нет, не грустит обо мне молодая газель –
И не подумала, не пожелала спасти.
Что говорить – безупречна ее красота,
Но постоянства в душе у нее не найти.
Голос Хафиза печален – внимайте ему,
Горы, и доли, и звезды на Млечном Пути!
Перевод М. Курганцева
«Красавица моя, будь благосклонна...»

Красавица моя, будь благосклонна
К поэту, что скитается бессонно.
Останься, не прощайся, не спеши.
Ты – падишах, я – у подножья трона.
Твое оружие – аромат волос.
Я побежден, бессильна оборона.
Ты видишь эту розу? Мне – шипы,
Тебе – прикосновение бутона.
Пушок над уголками алых губ
На ощупь мягче шелка и виссона [77].
Лицо – цветок, а родинки горят,
Как на рассвете звезды небосклона.
Но ты уходишь... Вновь передо мной
Немая тьма, незримая препона.
Ты говоришь: «Хафиз! Надежды нет,
И ни к чему безумствовать влюбленно».
Перевод М. Курганцева
«Будем пить! Не скудеют, не гаснут сердца...»

Будем пить! Не скудеют, не гаснут сердца!
Утолим свою жажду по воле творца!
Брови – черные луки, а стрелы – ресницы
Поражают и скромника, и гордеца.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Лепестки наших роз увядают в печали.
Словно пепел, на них оседает пыльца.
Будем пить – в утешение виноторговцу –
Во дворце и в лачуге, до дна, до конца!
Мы себя потеряли. Найдем ли спасенье
В назиданиях книжника и мудреца?
Пиалу отодвиньте – все истины мира
Прочитайте в улыбке любого лица.
Отложите сомненья, поверьте Хафизу –
Откровенное слово смягчает сердца!
Перевод М. Курганцева
«Вижу лицо твое – так розовеет рассвет...»

Вижу лицо твое – так розовеет рассвет.
Утро настало, а мне утешения нет.
Черные косы – петля. И не выйти на волю,
Нет избавления, освобождения нет.
Нет, не люблю я рассказ о влюбленном Фархаде,
Жалком невольнике... Зря его славит поэт.
Много ли надо мне, право? Господь посылает
Нищему – крохи, богатому – груды монет.
Жизнь хороша, как невеста. Посватался – платишь
Выкуп обидами, бедами прожитых лет.
Сяду один у источника под кипарисом
В тихом саду, где забвенье оставило след...
Не обольщайся, Хафиз! Одинокое сердце
Ноет в разлуке, болит – исцеления нет.
Перевод М. Курганцева
«Ты хороша, как Иосиф Прекрасный – везде говорят...»

Ты хороша, как Иосиф Прекрасный – везде говорят.
Это неправда – ты лучше, ты краше стократ.
Рядом с тобой незаметна, невзрачна ширин –
Только тебя почитают и боготворят.
Губы твои – нераскрывшийся алый бутон.
Шепот и лепет, и вздох – обещанье наград.
Стан кипарису подобен, а речи твои
С первого звука любого из нас покорят.
Ты мне сулишь долгожданную встречу, а я
Каждому слову любимой довериться рад.
Хочешь, я лучшие годы тебе подарю
Ради блаженных утех, невозможных усад?
В сердце без промаха бьет роковая стрела –
Из-под ресниц неожиданно брошенный взгляд.
Ты отвернулась, не смотришь, а в сердце моем
Прежние раны по-старому ноют, болят.
Доброе слово скажи! Для Хафиза оно –
Щедрый, несметный, нечаянно найденный клад!
Перевод М. Курганцева
«Иди сюда, отшельник! Налей себе вина...»

Иди сюда, отшельник! Налей себе вина!
Чтоб стать благочестивым, напейся допьяна!
Секреты мироздания откроются тебе –
Единственная правда нетрезвому дана.
Ловушки расставляешь, словесные силки?
Напрасные заботы – добыча не видна.
Любовью заколдован, я верю в красоту,
А проповедь аскета влюбленному смешна.
Предпочитаю слушать властителя миров,
И нас не разделяет незримая стена.
Раскрывшуюся розу срывая, торопись –
В раю тебе ни разу не встретится она.
Утрачено веселье, а молодости нет.
Пора остановиться – густеет седина.
Пора хоть на прощанье наполнить пиалу,
Исполнить обещанье – испить ее до дна.
Джамшидово богатство, сокровищница тайн –
Пророческая чаша Хафизу отдана!
Перевод М. Курганцева
«В наше время найду ли я друга верней...»

В наше время найду ли я друга верней,
Чем певучая строчка газели моей?
Одиноко, без ропота, молча за чашей
По достоинству жить в эти годы сумеи.
Неразумын бездельник, но ты, хлопотливый,
Поглощенный заботами, вряд ли умней.
Все стараешься, хочешь чего-то добиться,
Суетишься, торопишься, как муравей...
Неужели надеешься жить бесконечно,
Не предчувствуя часа кончины своей?
Если горькая доля – твое достоянье,
Не подслащивай горечи медом речей.
Не беги от любимой! Разлука навеки
Вам завещана властью – неведомо чьей.
Помни, только любовь нерушима, нетленна!
Сотворенное нами – ничто перед ней.
Опьяняйся, Хафиз! Утоли свою жажду!
Вожделенную полную чашу допей!
Перевод М. Курганцева
«Прилежно посещаю харабат...»

Прилежно посещаю харабат,
И пью, и жажду – сорок лет подряд.
И добрый человек, виноторговец
Меня утешить неизменно рад.
Не осуждайте пьяного поэта!
Он видит рай, благословенный сад.
Его душа – неприрученный сокол.
Она парит, не ведая преград.
Она, как соловей, поет на воле –
Журчит ручей, рокочет водопад.
Святые люди – жители Шираза,
Недоуменно отводите взгляд!
Иду в кабаки, не во дворец постылый –
Нетрезвые ко мне благоволят.
Хмельную чашу грешному Хафизу
Пускай дадут и осушить велят!
Перевод М. Курганцева
«Все обещания тобой забыты...»

Все обещания тобой забыты.
Что остается? беды и обиды.
Израненное сердце – мертвый голубь:
Глаза пустые, крылья перебиты.
Что остается? жить, не ожидая
Спасенья, состраданья и защиты.
Терпи. Молчи. Клеветников не бойся.
Под этим небом правды не ищи ты.
Что остается? виночерпий, чашу!
Беспутному все истины открыты.
Забудемся, беспечные гуляки –
Елейной ложью мы по горло сыты.
Любовь – моя единственная правда,
И большего у бога не проси ты.
И не ищи, Хафиз, благоволенья
У падишахской челяди и свиты!
Перевод М. Курганцева
«Мне приснилось: луна взошла...»

Мне приснилось: луна взошла,
А вокруг – все чернее мгла.
Этот сон означает: скоро
Ты вернешься – как день, светла.
Пью за встречу. Где виночерпий?
Где запретная пиала?
Где живая вода, чтоб душу
От печали уберегла?
Без любимой земля – пустыня,
Сердце – тлеющая зола.
Жду единственную, тоскую,

Без огня сгораю дотла.
Возвращайся! Не будь жестокой,
Снизойди, отойди от зла!
Ты добра, ты ко мне вернешься.
Милосердной, тебе – хвала!
Кто не любит – не знает счастья.
Кто погас, не ищи тепла.
Кто от горя спасет Хафиза?
Ты – щедра, молода, мила!
Перевод М. Курганцева
«Не помогает врач – душа моя больна...»

Не помогает врач – душа моя больна.
Она с твоей душой давно разлучена.
Любимая придет – и буду исцелен,
Едва передо мной появится она.
Любимая придет – надежду подарит.
В ширазе красотой прославится она.
Любимая придет – развеется печаль.
В душе заговорит счастливая струна.
Любимая придет, меня заморозит –
По сердцу пробежит блаженная волна.
Любимая придет и душу опьянит,
И жажду утолит – воистину сполна!
Не сетуй, не тоскуй, не жалуйся, Хафиз!
Любимая придет – желанна и нежна!
Перевод М. Курганцева
«Гонец явился – ты письмо прислала...»

Гонец явился – ты письмо прислала:
Тоска пропала, солнце засияло.
Ты весела, как прежде, хороша –
И время счастья для меня настало.
Отдам тебе я душу за письмо.
Не упрекай, что отдаю так мало.
Тебе по праву я принадлежу –
Неразделимо, вечно, изначала.
Твои желанья – воля божества.
Благословенно все, что ты сказала.
Не поколеблет верности моей
Ни время, ни разлука, ни опала.
Священный прах, целебный порошок –
Пыль, по которой милая ступала.
Я буду ждать возлюбленную. Ждать
И верить ей душа не перестала.
Терпеть, Хафиз! Надеяться, Хафиз!
Уж видно так судьба предначертала.
Перевод М. Курганцева
«Пройдет и обида твоя, и невзгода...»

Пройдет и обида твоя, и невзгода.
Пройдет и тоска, что не знает исхода.
Забывтый, обманутый, не забывай:
Развеется горе, уйдет непогода.
Грядущее наше во власти того,
Чья воля вращает круги небосвода.
Что движет мирами? Добро или зло?
Господь? Какова его суть и природа?
Не спрашивай, смертный. Ответа не жди.
Привычного не нарушай обихода.
Друг друга найдут мотылек и свеча:
Гореть – наслаждение высшего рода.
Блаженный, погибельный, огненный миг
Дороже любого прожитого года.
Не думай о вечности! Делай добро –
И время для этого есть, и свобода.
С небес донесутся святые слова:
«Творившие злое – не стойте у Входа!»
Хафиз! Никогда не откроется рай
Для жадных и лживых, и прочего сброда!
Перевод М. Курганцева

Наставник мой, хозяин харабата,
Твои заветы соблюдаю свято.
Наполни чашу! Рай – не для меня?
За малый грех невелика расплата.
Ударит молния – придет любовь,
Раскроется душа, огнем объята.
Вино любви безумца опьянит,
И ни к чему законы шариата.
Вино любви – питье иных миров,
Где нас не ждут разлука и утрата.
Вино любви – подарок божества,
Напиток жизни, полный аромата.
До края чашу! Каяться? К чему?
Душа чиста, ни в чем не виновата.
Душа полна желаньями, Хафиз!
Неси вино, хозяин харабата!
Перевод М. Курганцева
«Мне только ты нужна...»

Мне только ты нужна –
и нет иных желаний!
Не скрою: ты одна
мне всех иных желанней,
Хочу тебя испить,
как пиалу вина!
Всю до конца, до дна –
и нет иных желаний!
Была бы ты, любовь,
от зла ограждена,
От горя спасена –
и нет иных желаний!
Целую твой порог!
Тобой, моя луна,
Душа моя полна –
и нет иных желаний!
Дыхание кудрей
меня лишило сна.
Да явится весна –
и нет иных желаний!
Иль у меня в груди
глухая тишина,
И властвует она,
и нет иных желаний?
К любимой на пути
да будет сметена
Незримая стена –
и нет иных желаний!
Душа твоя, Хафиз,
любовью пленена.
В неволю отдана –
и нет иных желаний!
Перевод М. Курганцева
«Неси забвения вино...»

Неси забвения вино,
печальное вино,
Без промедления – вино,
прощальное вино!
Меня одни печали ждут,
меня обиды жгут.
По звездам вижу: мне – беда!
Мне горе суждено.
Вселенная покорна злу.
Наполни пиалу –
Освобожденье от забот
беспутному дано.
Всевышний! Даже муравья
не потревожу я.
Не раздави меня, прошу,

молю тебя давно.
Земля бездушна. Жизнь – пуста.
Повсюду маята.
В кувшине, в глубине, на дне –
спасения зерно.
Подруга, в чашу загляни!
Пригубила – глотни!
Секреты будущих времен
тебе откроет дно.
Любимую – огонь очей,
разлет ее бровей –
Тебе, Хафиз, боготворить
и славить не грешно!
Перевод М. Курганцева
«Твое лицо увижу...»

Твое лицо увижу –
счастливым стану,
Удачливым, веселым,
сметливым стану.
Любимую забуду –
и в наказание
Безрадостным, унылым,
сварливым стану.
Блаженство – прикоснуться
к раскрытым розам,
К твоим губам и пальцам,
плечам и стану!
Тебе открою сердце!
Искать надежду
На счастье в этом мире
не перестану.
Скажи: «Люблю» – я стану
беспечней ветра,
Касыды соловьиной
мотивом стану.
Скажи: «Прощай» – и небо
мое померкнет,
И жить один во мраке
тоскливом стану.
Скажи мне: ты успела
забыть Хафиза?
Вернись! Тебя увижу –
счастливым стану!
Перевод М. Курганцева
«Я не коснулся милых губ – любимая ушла...»

Я не коснулся милых губ – любимая ушла.
И вот – ни солнца, ни луны, ни света, ни тепла.
Все глуше легкий перестук – знакомые шаги.
Все неотступнее тоска, и тишина, и мгла.
Мои молитвы об одном – и по ночам, и днем:
Чтобы душа ее с моей расстаться не могла.
Любые прихоти ее законами сочту.
Но не появится она, лукава и мила.
Она безмерно далека. Она, моя газель, –
В чужом саду, стройна, легка, свободна, весела!
Хафиз читает наизусть божественный завет,
Но исцеления от бед молитва не дала!
Перевод М. Курганцева
«Отвечай, рассветный ветер: где она...»

Отвечай, рассветный ветер: где она?
Где мой свет, моя душа, моя луна?
Я один иду в тумане. Где огонь?
Разойдется ли густая пелена?
Мы не встретимся? Поверить не могу.
Ожиданьями душа истомлена.
Бесполезны изречения мудрецов,
Прорицанья и святые письма.
Захмелевшему от горя и любви

Нет спасения – забвения и сна.
Где ты, утреннее солнце? Где ты, друг?
Где сияющих небес голубизна?
Я – в плену благоухающих волос,
Я в неволе у тебя, моя весна.
Возвратись, моя желанная! Пришло
Время роз – пора веселья и вина.
Жажду пламенного зелья и цветов!
Мне безрадостная келья не нужна!
Позабудь, Хафиз, колючки и шипы!
Роза ждет, полураскрыта и нежна!
Перевод М. Курганцева
«Пропали сновиденья, развеялся туман...»

Пропали сновиденья, развеялся туман,
А я тобою полон, а я тобою пьян.
И память, и надежду, и всю мою любовь
Потоп не похоронит, не смоев океан.
Обугленное сердце задаром отдаю –
Оно еще послужит тебе, как талисман.
Уйду от наважденья – от ласковой руки,
Чтобы она мне больше не наносила ран.
Уйду, тебя не стану униженно просить,
Вымаливать свиданье – отраву и дурман.
Уйду – а вдруг захочешь остановить меня,
Накинуть на безумца расчетливый аркан?
Ты лучше будь открытой и бескорыстной будь –
Тебе не подобают коварство и обман.
Тебе одной поверит вернувшийся Хафиз,
Любовью заколдован, заморожен и пьян!
Перевод М. Курганцева
«К чему стихи, когда придет беда...»

К чему стихи, когда придет беда,
Когда в душе приют найдет беда?
Меня отвергнешь или осчастливишь –
Я твой неразделимо, навсегда!
Душа! Не слушай нечестивый шепот
Клеветников, не знающих стыда.
Бездарных и завистливых не слушай,
Не доверяйся злему никогда!
Внимай себе – в груди заговорила
Пылающая кровь, а не вода!
Играет в чаше золотая влага!
Сияет роза – алая звезда!
Святая жажда мучает Хафиза!
Любимая торопится сюда!
Перевод М. Курганцева
«Счастья душа моя вновь пожелала...»

Счастья душа моя вновь пожелала –
Править вселенной любовь пожелала.
Истины сердце мое дождалось –
Не понапрасну оно ожидало.
Не понапрасну искало чудес,
Преображенья давно ожидало.
Не понапрасну в моей пиале
Благословенья вино ожидало.
Благоухало, играло вино –
Таяло сердце, душа оживала.
Прошлое время, грядущие дни –
Все открывалось и дух обжигало.
Нашего, мира заветная суть
Непостижима для разума стала.
Все только чистому сердцу дано –
Мудрое знание в нем воссияло.
Чистое сердце – всевидящий бог.
Верю – без храма и без ритуала!
Бог – твое сердце, дыханье твое.
Ты – мироздания первоначало.
Бог – твое верное сердце, Хафиз!

Быть неизменным оно обещало!
Перевод М. Курганцева
«Вторя мне, зарыдай, соловей...»

Вторя мне, зарыдай, соловей!
Свое горе отдай, соловей!
Одинокому снова напомни
О возлюбленной, милой моей.
Заструился волос ее нежных
Аромат – невидимка-ручей.
Зазвенело вино, побежали
Водопады веселых речей.
Это сон – обещание счастья,
Нескончаемый сон-чародей.
Вдохновенье, мираж невозможный,
Продолжайся и мною владей!
Славлю милую: руки и поступь,
И уста, и сиянье очей,
И безумье, и самозабвенье –
Предвкушенье блаженных ночей.
Зарождается страсть – наважденье,
Ненасытный ночной суховей.
И от муки не скрыться Хафизу,
И тебе не уйти, соловей!
Перевод М. Курганцева
«Ростками любви утешается сад...»

Ростками любви утешается сад,
Цветами любви украшается сад.
За чашей любви в тишине харабата
Воистину лучшие люди сидят.
За чашей любви пролетевшее время –
Воистину богом подаренный клад.
Любимая, милая дверь открывает –
И сердце вздыхает и жаждет усад.
Желанья мои: нераскрытая роза,
И трель соловья, и единственный взгляд,
И черные кудри, и алые губы,
Что мне наяву наслажденье сулят,
И, щедрые, дарят надежду Хафизу,
И счастье до изнеможенья сулят!
Перевод М. Курганцева
«Подай кувшин вина, а не воды...»

Подай кувшин вина, а не воды!
Забудутся земные нелады.
Подай вина! Не признаю запрета.
Аскета опасаться нет нужды.
Стыдить клеветников – пустое дело.
Искать похвал – напрасные труды.
Давай сюда наполненную чашу,
Живи, не зная страха и вражды.
Куда уйдет душа моя навеки?
В небытие? В небесные сады?
Куда, не знаю. Сердцу одиноко,
И доводы ума ему чужды.
Осталась только память о любимой –
Былого счастья зыбкие следы,
Она была стройнее кипариса,
Была светлей предутренней звезды...
Она ушла, Хафиз, и нет надежды,
И нет непоправимее беды!
Перевод М. Курганцева
«Ты, милая, ступила на порог...»

Ты, милая, ступила на порог –
Редееет мрак, порозовел восток.
Заговорила ты – я молодею.
Твои уста – бессмертия исток.
Ты – пламя. Ты – свеча. Тебе навстречу
Торопится безумный мотылек.

Твои слова заманчивы и сладки,
И разлученья час еще далек.
Ты – божество. Из чудотворной чаши
Мне удели забвения глоток!
Ты – красота, не знающая равных,
Разящий меч, раскрывшийся цветок.
Ты улыбаешься – земля и небо
Восхищены, и радуется бог.
Ты – вдохновенье, ты – душа Хафиза,
Ты – музыка его речей и строк!
Перевод М. Курганцева
«Стихи без сожаленья отдаю...»

Стихи без сожаленья отдаю
За эту чашу, из которой пью.
Запретов нет! Налей, виноторговец!
живем наперекор небытию!
Хмельные чудачки! Не забывайте
Газель самозабвенную мою!
Я только о любви пою, о правде.
Я красоту нетленную пою.
Дрожит изнемогающее сердце,
У пропасти застыло на краю.
Пока надеюсь, говорю о счастье,
Для посвященных петь не устаю.
Для увлеченных, для неискушенных,
Для восхищенных петь не устаю.
Вино – источник радости и блага.
Смелее лей веселую струю!
Что спрятано во тьме – в душе Хафиза?
Открою, ничего не утаю!
Перевод М. Курганцева
«Твои упреки не забыты мной...»

Твои упреки не забыты мной,
Но как забыть о радости хмельной?
Я выбрал путь в подвалы харабата,
И не желаю участи иной.
Спасает небо любящих и пьяных.
Безумствую – по воле неземной.
Безумствую, влюбляюсь, отвергаю
Благоразумие, как сон дурной!
Меня кланут постылые аскеты...
Святые, проходите стороной!
Свои стихи, любимая, как прежде,
Пишу и приношу тебе одной.
Ты – сердце, ты – сокровище Хафиза,
Ты – истина, ты – огонек ночной!
Перевод М. Курганцева
«Я устал, ослабел, изнемог...»

Я устал, ослабел, изнемог
От бессонных забот и тревог.
Я – невольник, закованный в цепи.
Отпусти меня! Сердце – в залог.
Пощади меня! Будь милосердна,
Пропадаю – никто не помог.
Хочешь, я угадаю по звездам,
Что случится – хоть я не пророк?
Ты – хозяйка единственной чаши.
Удели мне хотя бы глоток.
Подари мне хотя бы надежду –
Я безрадостен и одинок.
Пью и плачу, и разум теряю,
Как птенец, попадаю в силок.
Исцели меня, горькое зелье!
Утоли мою жажду, поток!
Вседержитель, помилуй Хафиза,
Снизойди к неудачнику, бог!
Перевод М. Курганцева
«Я думал только о тебе...»

Я думал только о тебе,
я плакал до утра,
я наши встречи вспоминал –
святые вечера.
Где поцелуи без конца?
Где милого лица
Сиянье? Где твоих очей
лукавая игра?
Где обещанье лучших дней –
где радуга бровей?
Где проведенная с тобой
блаженная пора?
Где голос чанга – дальний гром,
звнящий серебром?
Где утешение? Тоска
бессонна и остра.
Краса возлюбленной моей –
как солнце. Рядом с ней
Ничто сокровища царей,
смешная мишура.
Не твоему ли сердцу в лад
стихи мои звучат?
Новорожденная газель
открыта и щедра.
Я верую: пройдут они,
бессмысленные дни,
Вернется прежняя пора,
по-новому бодра.
Твои пророчества, Хафиз,
да вознесутся ввысь!
Творенья твоего пера –
предвестники добра!
Перевод М. Курганцева
«О всемогущий, смертная тоска...»

О всемогущий, смертная тоска!
Пора стучаться в двери кабачка.
Пора идти туда, где всем раздолье,
Где вольно пьют, а не исподтишка,
Где осторожных и благоразумных,
И слабодушных нет еще пока.
Струящиеся волосы любимой
Давно пора прославить на века.
Уносит покоренного Медждуна
Ее волос бездонная река.
Гляжу на землю, созерцаю небо.
Душа – свободна, доля – нелегка.
Наполни чашу, виночерпий! Сердце
Мое открыто не для чужака.
Сложу газели, сотворю молитвы..
Тебе, желанной – каждая строка!
Тебе, единственной, душа Хафиза
Принадлежит, верна и широка!
Перевод М. Курганцева
«Аскет, молчи! За чашу все отдам...»

Аскет, молчи! За чашу все отдам –
И книги, и стихи, и свой калам!
Хочу быть пьяным, потерявшим память,
Шататься до утра по кабакам;
Высмеивать благие наставленья –
Святую скуку с ложью пополам;
Не раскрываться перед лицемером,
Не ждать наград, не верить похвалам.
Покуда этот мир не обновится,
Кувшин – мое святилище и храм.
Любимая моя – живое чудо.
Не доверяю прочим чудесам!
Хафиз! Люби и радуйся, и празднуй!
Еще не все пропало, знаешь сам.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод М. Курганцева
«Скончался мохтасеб – покойся, враг...»

Скончался мохтасеб – покойся, враг!
А нам – кувшин, и чаша, и черпак!
А нам – вино, а нам – его журчанье,
И блеск, и цвет, и аромат и смак!
А нам – любовь, и доброта, и воля,
Любой из нас – певец и весельчак!
А трезвому у нас от винных пятен
Свою одежду не отмыть никак.
А нам – цветы, раскрытые бутоны,
Заветного свиданья полумрак,
И в роще – соловей, родня Хафизу,
Певец незримый, полуночный маг...
Перевод М. Курганцева
«Умираю от жажды – веселую чашу налей...»

Умираю от жажды – веселую чашу налей!
Не хочу ни похвал, ни награды. Вина не жалею!
Открывайте кувшины! Кончается постное время,
Наступает иная пора. Наливайте смелей!
Перепутаем истину с выдумкой, смех – со слезами:
Золотое вино в голове зашумело моей.
Начинайте вдыхать позабытые запахи снова,
Наклоняйтесь над чашами – нет аромата милей!
Воскресает душа, оживает усталое сердце –
Это чудо со мной сотворяет кувшин-чародей.
Удаляется благочестивый, нахмурился трезвый –
Не беда. В харабате немало достойных людей.
В харабате потери свои возмещу. В харабате
Обновится душа, позабудет о боли своей.
Умираю от жажды – подайте веселую чашу!
Надоело терпеть, изнывая в юдоли скорбей.
Доверяйся, Хафиз, благородному тайному зову –
До краев наливай драгоценную влагу и пей!
Перевод М. Курганцева
«Дворец надежды – дом печали...»

Дворец надежды – дом печали,
и грош ему цена.
Впустую годы пробежали...
Налей-ка мне вина!
За тех, чей век на воле прожит,
за каждого из тех, кто может
Остаться истинно свободным
в дурные времена!
Опять сижу в подвале винном
перед наполненным кувшином
И слышу ангела ночного,
и речь его ясна.
Он шепчет: «Поднимись над бездной,
над этой жизнью бесполезной,
Лети, любого исцеляет
небес голубизна!
Лети один, и сердце радуй,
и с горней высоты не падай
В земную грязь. Познавшим небо
она вдвойне страшна!
Запомни истинное слово,
оно – спасения основа,
Веленье Разума, которым
Земля сотворена:
живи, не поддавайся будням,
и даже в прозябанье скудном
Не забывай – тебе открыта
святая глубина!
Живи во временном и брэнном,
но сыном вечности смиренным
Останься – воля Неземного
тебе возвещена!

Запомни – предвещаю день я:
иного мира откровенья
В твою томящуюся душу
падут, как семена».
Приемлю слово неземное,
молчу – цветок передо мною.
Его красотой, совсем не вечной,
душа потрясена.
Себе Хафиз не видит равных
среди поэтов – даже славных,
Ему верны перо и слово,
и песня, и струна!
Перевод М. Курганцева
«Едва лицо твое увижу, и волосы, и взгляд...»

Едва лицо твое увижу, и волосы, и взгляд,
Я снова молод и беспечен, как много лет назад.
За все дары, за все, что было, творца благодарю,
За утоленные желанья благодарю стократ.
Я щедро жил и наслаждался, и радовал друзей,
Самозабвенный, откровенный, не знающий преград.
Едва лицо твое увижу – забыты небеса,
И даже вечному блаженству отныне я не рад.
Тебя единственную славлю – к безумцу-соловью,
Дыша, прислушивайся, роза, украсившая сад!
Меня учили красноречью любовь и красота –
и обрели мои двустихья гармонию и лад.
Меня, забытого, спасала от жажды и тоски
Благословенная ночная дорога в харабат.
Что будет? Поседею – ночью небесные лучи
На голову мою прольются, ее посеребрят.
Что впереди? О смысле жизни задуматься пора,
дойти до истины, к которой тянулся наугад.
Хафизу будет откровенье за чашей в кабачке –
Ему, отмеченному богом, не угрожает ад!
Перевод М. Курганцева
«Я седой, влюбленный без ответа...»

Я седой, влюбленный без ответа –
В этом нет ни для кого секрета.
Соловьи, куда вы улетели,
Почему не пели до рассвета?
Мускуса пьянящее дыханье,
Где же ты – свидания примета?
Аромат, хотя бы ты останься!
Неужели невозможно это?
Взмахивайте, молнии-ресницы,
Добивайте старого поэта!
Небеса молчат – не обещает
Утешенья ни одна планета.
Где вино? Где драгоценный камень
Алого, таинственного цвета?
Чаша не осушена Хафизом,
Не подведены итог и смета!
Перевод М. Курганцева
«Иосиф Прекрасный вернется в родительский дом...»

Иосиф Прекрасный вернется в родительский дом.
Лачуга печальная станет веселым дворцом.
Душа отболит и забудет былые обиды,
И успокоенье поселится в сердце моем.
Наступит весна – луговые поднимутся травы,
И медленно по горизонту прокатится гром.
Наступит весна – соловьи запоют, разольются.
Счастливые звезды покажутся в небе ночном.
Пророчества сбудутся. Верю, откроются миру
Слова утешенья – мы их повторяли тайком.
Не бойся, паломник, шипов на пустынной дороге.
Бывает и худшее в странствии долгим таком.
Тебя нечестивые гонят, достойные – любят.
Все видит господь, за добро воздавая добром.

Опасна дорога твоя, далеко до Каабы...
Не бойся, не жалуйся, не помышляй об ином.
Хафиз! Прочитай благодатные суры корана –
И снова в дорогу, свободный, не сломленный злом!
Перевод М. Курганцева
«Бродяга бесприютный, судьба у нас одна...»

Бродяга бесприютный, судьба у нас одна:
Земная наша доля бездомна и скудна.
Блуждаю одиноко и плачу, и молчу,
И памятью, и болью душа моя полна.
Далекого Шираза тенистые сады –
Покинутая мною родная сторона.
А здесь – чужие люди на улицах чужих,
И чаша покаянья не выпита до дна.
Я кланялся кумирам, которым верить – грех,
Плыла перед глазами слепая пелена.
На горестную долю – один, вдали от всех –
Я жаловался небу с утра и дотемна.
Повеяло бы ветром оттуда, где Шираз –
Прихлынула бы к сердцу знакомая волна.
Любимую увижу? Когда – не говорят
Созвездия ночные, планеты и луна.
Но в небе на рассвете – сияние Зухры.
Хафиза обнадежит, обрадует она!
Перевод М. Курганцева
«Святоша пускай отправляется в рай...»

Святоша пускай отправляется в рай,
А ты греховодника не избегай.
Унылого праведника, лицемера
Не слушай – скажи ему сразу: «Прощай».
Ханжа, уходи! Человеку земному
Небесными карами не угрожай.
Мы пьем! Это богоугодное дело.
К чему назиданья? За что нагоняй?
Рокочут барбаты[78], наполнены чаши.
Душа – откровенна, вино – через край!
Вино – вдохновенье! Вино – дружелюбие,
Не грех, не отравка. Еще наливай!
Бери пиалу, доверяйся Хафизу,
Своими желаньями повелевай!
Перевод М. Курганцева
«Праведный муж возвещает: «Вино – это яд!»

Праведный муж возвещает: «Вино – это яд!»
И напрямик из мечети – сюда, в харабат.
После такого любому из нас и подавно
Не возбраняется пить хоть неделю подряд.
Можно теперь поклоняться кувшину и чаше!
Храм – кабачок, возлиянье – священный обряд.
Всем хорошо, и никто уходить не желает, –
Мудрый такому уделу воистину рад.
Лик, милосердная, твой перед нами раскрылся –
На небесах предрассветные звезды горят.
Окаменевшее сердце расплавится сразу –
Брось из-под шали единственный огненный взгляд!
Сердце мое, одинокая смелая птица!
Мир – это клетка. Неволя – закон и уклад.
Сердце, Хафиз, продырявлено стрелами вздохов!
Старые раны по-прежнему ноют, болят...
Перевод М. Курганцева
«Опять святоша речи говорит...»

Опять святоша речи говорит,
Но пустота в его речах царит.
Не стал болтун ни умным, ни правдивым:
Закрывается сердце, только рот открыт.
Поддельными жемчужинами щедро
Наш говорун любого одарит.
Одни слова я слышу. Дел – не вижу.

Святой плутует, праведник хитрит.
А мой закон – любовь. Не пустословье,
А страсть. Она вселенную творит.
Любовь! Ее не спрятать, не разрушить,
Она – и факел, и скала, и щит.
Любовь! Ты – утоление желаний,
И счастье, и забвение обид.
Ты – новое рождение Хафиза!
Твоим огнем душа его горит!
Перевод М. Курганцева
«Любимая, отныне решено...»

Любимая, отныне решено:
Наполним чаши! Есть еще вино.
Седобородый, молодым желаю
Быть молодыми. Это не грешно.
Любовь не подчиняется рассудку,
Любовью бескорыстие внушено.
Ищите счастье! Отложите четки,
Поститься – бесполезно и смешно.
Все, чем богаты, отдавайте другу –
Вот заповедь, открытая давно.
Душа свободна – избежишь дороги,
Ведущей в преисподнюю, на дно.
Звените, струны! Рассыпайся, бубен!
Поэту мало радости дано.
Мы осушили чаши, виночерпий!
Желанье пить – да сбудется оно!
Любимая моя, целуй Хафиза –
Ему с тобой блаженство суждено!
Перевод М. Курганцева
«Святоши, знающие шариат...»

Святоши, знающие шариат,
Впустую наставления твердят.
Бродяге-ринду в кабачке за чашей
Не пригодится ни один догмат.
Мученье – слушать проповедь аскета.
Его лохмотья – шутовской наряд.
Где милая – глаза, ресницы, брови?
Они без слов о счастье говорят.
Где светлое лицо? Где нежный голос,
Прикосновенье, шепот, аромат?
Где ямочки на розовых ланитах,
Те, что меня поймали и томят?
Где слово, открывающее двери?
Где факелы? Где заповедный клад?
Где та, что унесла покой Хафиза –
Ее улыбка, и рука, и взгляд?
Перевод М. Курганцева
«Мохтасеб, свидетель ты...»

Мохтасеб, свидетель ты:
я, как в прежние года
Друг вина и красоты –
целиком и навсегда.
Нераскаянно грешу,
и грехов не искупить.
Не влюбляться и не пить –
вот воистину беда.
В расцветающем саду
человеку не до книг,
Если рядом и цветник,
и журчащая вода.
Не пошевельну рукой
ради роскоши земной.
Не жалею, что со мной –
неудача и нужда.
Мне уж, видно, никогда
не пообещает рок
Жизни легкой, без тревог

и постылого труда.
Но не сгину, не согнусь
я под бременем забот.
Слышу: милая зовет,
лунолика, молода.
Проповедники! Смешон
к воздержанию призыв.
Я блаженствую, вкусив
от запретного плода.
Я тоскую, слезы лью,
умираю, но люблю!
Я удачу не ловлю,
ибо мне она чужда.
Виночерпий, не зевай,
чашу мне передавай!
С нею дружба – это рай,
и немыслима вражда.
Пей, Хафиз! Люби, Хафиз!
Пусть обидится аскет.
Для беспутного запрет –
ненадежная узда!
Перевод М. Курганцева
«Как я любил и тосковал – забудь...»

Как я любил и тосковал – забудь.
Тебе я душу открывал – забудь.
О том, как я тебя искал и находил,
И к милосердию взывал – забудь.
Как воспевал твои уста, как от одной
Твоей улыбки оживал – забудь.
Что говорила мне в ответ, лицо закрыв,
как убивала наповал – забудь.
Как отвечала: «никогда!» на все мольбы
А я на милость уповал – забудь.
Что я бездомен и убог, и одинок,
И что не ждет меня привал – забудь.
Как жил, как сердце отдавал тебе Хафиз,
Как изнывал и горевал – забудь...
Перевод М. Курганцева
джами (1414–1492)

«Ради тебя прахом я стал на путях красоты...»

Ради тебя прахом я стал на путях красоты.
Жду: не пройдешь ли ты, пери моя, шах красоты.
Отблеск далекий светлого солнца лица твоего
миру блестит на розах ланит, на устах красоты.
В сердце своем я – безумец – воздвиг сокровенный чертог
для обитающей в двух необъятных мирах красоты.
То, что хотел я за век мой короткий в мире свершить,
всем я пожертвовал, все я сложил в ногах красоты.
В миг незабвенный твою благосклонность видел Джами,
с этого мига он не отвергнут в глазах красоты.
Перевод В. Державина
«Душу от этих душных одежд освободи скорей...»

Душу от этих душных одежд освободи скорей,
смело кулах[79] заломил набекрень, растопчи короны царей!
Черный терновник на улице друга лучше цветущих роз.
Черным терновником, добрый друг, могилу мою усей.
С горя, как волос, я исхудал, в добычу тебе не гоюсь.
Свей для охоты своей торока из жил и кожи моей.
Печень моя тоской сожжена, стенаю я и кричу.
Печень мою ножом распори или уста мне зашей.
Над изголовьем моим склонись как друг в мой последний миг.
Жгучие слезы мои осуши и горе мое развей.
Людам без сердца немилость твоя безразлична и милость твоя, –
лусть я один все муки приму, что ты несешь для людей!
Коль потрясенного духом Джами смертью казнить решено,
счастье дарящим в последний миг взглядом его убей!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод В. Державина
«Вздых моего кипариса ко мне ветерком донесен...»

Вдых моего кипариса ко мне ветерком донесен.
Жарко опять языками в груди моей пламень взметен.
Славлю твое восхождение, светлый Сухайль [80] Йемена!
Сумрак предутренний в полдень светом твоим превращен.
Жгучими вздохами муки опалены мои губы,
Пламенем неугасимым весь я испепелен.
Я умолял: «Не гони меня в дверь – во тьму и безвестность!».
Был мне ответ: «В эту дверь навсегда тебе вход запрещен».
Даже вблизи от меня ты невидима мне, словно пери,
Так твой изменчивый образ воздушен и так утончен.
Золото желтых ланит, серебро моих слез зарывал я
В прах твоей дальней стези, за тобою всегда устремлен.
Не упрекай же Джамы, что он знает лишь магию взглядов!
Все, что имеет он, – в этом; другого таланта лишен.
Перевод В. Державина
«В моей груди – твоя обитель, но ускользаешь ты от взгляда...»

В моей груди – твоя обитель, но ускользаешь ты от взгляда.
Бальзам израненного сердца, стань для очей моих отрадой!
Печаль мой век укоротила, как жито на току спалила;
Но тысячу имей я жизнью – все за тебя отдать бы надо.
Я сердцем – раб в аркане страсти, душой – заложник в стане бедствий.
Где помышлять мне о покое? Кто мне защита и ограда?
Доколе, странник, понапрасну внимать стенаниям свирели?
Прислушайся к моим рыданиям: в них и забвенье и услада!..
Мои стопы в кровавых ранах. А конь твой резвый вдаль несется...
Как понесу за ним попону – парчу роскошного наряда?
Посеял я зерно терпенья, но, словно жнец нетерпеливый,
Печаль серпом срезает стебли невсколосившегося ряда.
Сраженному мечом прищуря, Джамы одной твоей улыбкой
Возвращена душа живая – за муки долгие награда.
Перевод В. Державина
«Когда ты, Кыбла красоты, свой лик откроешь нам...»

Когда ты, Кыбла красоты, свой лик откроешь нам,
Спиной к михрабу стану я, лицом – к твоим бровям.
Творя намаз, лицом своим я к Кыбле обращен;
О, если б и лицо твое, как солнце, было там!
Мой грех невольный мне прости! Увидишь ты сама
Ряды молящихся тебе, взглянув со стороны.
Твой лик всегда передо мной, но от его лучей,
Смятением охвачен, в тень я отступаю сам..
Вокруг я слышу гул молитв да тачек мерный звук,
Я втайне лишь тебе молюсь и чужд иным мольбам.
Как низко муэдзин [81] запел, когда увидел он
Твой стройный стан, твой дивный лик, несущий свет сердцам.
Заметив странника, ничком лежащего в пыли,
Знай: это я – Джамы – лицом припал к твоим следам.
Перевод В. Державина
«Взгляд мой, видящий мир земной, – от тебя...»

Взгляд мой, видящий мир земной, – от тебя.
Мир цветущий, как сад весной, – от тебя.
Пусть не светит мне серп молодой луны:
Дом мой полон яркой луной – от тебя.
Так ты мечешь аркан, что хотели бы все
Перенять бросок роковой – от тебя.
Кто увидел тебя, не укроется тот
Ни щитом, ни стеной крепостной – от тебя.
Роза хвасталась: я, мол, одежда ее.
Но ведь амбровый дух иной – от тебя.
И должна разорваться одежда твоя,
Чтоб упасть, отделиться кабой [82] – от тебя.
Говоришь: «Что хочет Джамы от меня?».
Я хочу лишь тебя самое – от тебя.
Перевод В. Державина
«Меч обнажи, палач разлуки! Доколь мне, словно уголь, тлеть...»

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Меч обнажи, палач разлуки! Доколь мне, словно уголь, тлеть?
Как жить мне без нее мгновенье? Сто раз мне легче умереть.
Лети гонцом к ней, ветер утра! Неси мою живую душу!
Как тело без души, без милой мне здесь безжизненно хладеть.
Сама душа ширин прекрасной, еще не зная мук разлуки,
Что знает о беде Фархада, кому весь век в труде кипеть?
Еще не вижу розоликой, но все шипы мне в грудь вонзались,
Зачем зовешь меня, садовник, коль розы нет – кому мне петь?
Зачем, о милый собеседник, ты просишь у меня рассказа?
Язык мой говорить не может, как попугай, попавший в сеть,
И пусть моим гореньем ярким озарены все страны света!
Я плачу, как свеча пылая, я осужден дотла сгореть.
Джами погиб в разлуке с милой... Эй, смерть, разграбь остатки жизни!
И пусть слова его взывают, звеня, как серебро и медь.
Перевод В. Державина
«Нарциссы темных глаз твоих так томны, так опьянены...»

Нарциссы темных глаз твоих так томны, так опьянены,
Так для души моей они грозящим бедствием полны.
Ведь кроме тела и души меж нами не было преград.
Приди! Разлукою давно преграды эти сметены.
Как две ревнивицы, мои зеницы на тебя глядят
И, друг от друга утаясь, к тебе всегда обращены.
Что спорить радуге с луной? Пусть арками твоих бровей
Сольется радуга небес с блистающим серпом луны.
Настанет ночь – глаза твои, как два туранские стрелка,
В тени уснули... Луки их под изголовье им годны.
Непостижимы для ума твой стан, твой взгляд, твой нежный рот.
Хоть ум в познаниях и достиг неисследимой глубины.
Не спрашивайте у Джамии о мире этом, мире том.
Все помыслы его теперь к единственной устремлены.
Перевод В. Державина
«За красотками юными, став стариком, не беги...»

За красотками юными, став стариком, не беги!
Седовласый, за черным косы завитком не беги!
Коль навеки луна твоей младости омрачена,
Ты за тоненьким лунным трехдневным серпом не беги!
По следам легконогих, чей стан кипариса прямей,
Ты, как клычка човгана, согбенный грехом, не беги!
Отчитаться за всё после смерти придется тебе.
За толпою кумиров на пире ночном не беги!
Если хочешь дойти до Каабы желаний твоих,
Ты за тем, кто плутает неверным путем, не беги!
Полный похотью, чистым сердцам ты преград не чини!
Не очистишь душой, в дервишский дом не беги!
Здесь ловецкая сеть нам дана – совершенство добыть.
Без добычи, Джамии, с полпути со стыдом – не беги!
Перевод В. Державина
«Кто стан твой стройный к жизни вызвать мог...»

Кто стан твой стройный к жизни вызвать мог,
Тот сам скорбям мой дух живой обрек.
Вооружилось войско красоты
И двинулось на сердце, как поток.
Текут, как лава, души пред тобой..
Душой я в том расплаве изнемог.
Увидев, как играешь ты в човган,
Я сердце у твоих бросаю ног.
Скачу, спасаюсь бегством о двуконь..
Тоски-погони вслед все ближе скок.
Мой лик – в слезах... Так перлы моря тайн
Выбрасывает буря на песок.
Джами презрен тобой. Но знаешь ты –
Как щедр душой, как сердцем он широк.
Перевод В. Державина
«Что видел в мире этот шейх, укрывшийся в своем дому...»

Что видел в мире этот шейх[83], укрывшийся в своем дому,
Отрекшийся от нужд людских, себе лишь нужный самому?
Он сам живую с миром связь, как пуповину, перегрыз

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
И, словно шелковичный червь, ушел в свой кокон – чужд всему.
Зачем, живой среди живых, бежит он от людских тревог?
От всех избавясь, от себя куда уйти? В какую тьму?
Он в зрелости, исполнен сил, достойных дел не совершил.
Ты, как неверному, ему не доверяйся потому..
Ведь он верблюжьих бубенцов не слышал средь степных песков.
Ты, слыша проповедь его, не верь и слову одному,
Влюбленный в ложный внешний блеск он груды раковин купил,
Бесценный жемчуг свой за них отдав неведомо кому.
Джами, не спрашивай его о чаше истинной любви, –
Из чаши той не довелось и полглотка отпить ему.
Перевод В. Державина
«Сердце мне разлука тысячью клинков...»

Сердце мне разлука тысячью клинков
Вживе рассекла на тысячу кусков.
Гибну я, а ты смеешься в отдаленье,
Весело блистая жемчугом зубов.
Если бы хоть раз еще тебя увидеть,
Был бы я тогда и смерть принять готов.
Исцели! Вернись, полна благоволения,
Иль убей меня лучом своих зрачков!
Мне нельзя прийти в твой тихий переулок,
Там теперь открытый путь моих врагов.
Часто снится мне: верхом ко мне ты скачешь,
Нарастает звук серебряных подков.
Плача, я искал тебя... И блещут слезы
На тропе твоих покинутых садов.
Нет, чтобы сносить твою несправедливость,
Сердцем, как гранит, я должен быть суров.
Как серьгу, Джами в ушную мочку века
Вдел газель в подвесках драгоценных слов.
Перевод В. Державина
«Толпа сбегается глядеть на пышный караван луны...»

Толпа сбегается глядеть на пышный караван луны.
Глядеть не в силах я один: душа и плоть мои больны.
Вокруг нее толпа зевак, выходит на дорогу всяк.
Я робко, издали, бедняк, бросаю взгляд со стороны.
А я глашатаем, рабом бежал бы пред ее конем,
Где перекрестки целый день толпою праздной стеснены.
Одежду разорвав свою, я одиноко слезы лью;
Так плачут люди, чьи сердца потерей близких сражены.
Не знает яркая свеча, что я не сплю из-за нее.
Что ж не сказали ей о том созвездья вечной вышины?
Пред ней открыта грудь моя, пусть рану в сердце нанесет.
Пусть трижды рану нанесет, пока не бросит меч в ножны.
Нет! Горестная была Джами не тронула ее души, –
Хоть плачут, слыша эту боль, граниты каменной стены.
Перевод В. Державина
«Утесы каменные стон мой отзывным стоном потрясет...»

Утесы каменные стон мой отзывным стоном потрясет;
От слез моих на глине темной тюльпан багряный расцветет.
Ручьем мои струятся слезы по следу твоего коня,
И не унять мне эти слезы который день, который год..
Что мне осталось в горькой доле? В груди нетихнувшая боль.
И эта боль живое сердце вот-вот на части разорвет.
Ты, душу взявши в долг, сказала: «Я поцелую заплачу».
Душа из плена не вернется, и платы срок не настает,
Во сне глубоко целовал я уста и родинку твою..
Не оттого ль и лихорадка мне обметала бледный рот?
Вчера бутон в саду хвалился, что он нежнее губ твоих,
Боюсь – за хвастовство такое сегодня град его побьет.
Смотри: луною двухнедельной взят, как невольник, в плен Джами.
Всё, что собрал он за полвека, она, как собственность, берет.
Перевод В. Державина
«Мне чуждой стала медресе, и ханака мне не нужна...»

Мне чуждой стала медресе, и ханака[84] мне не нужна:
Обителью молитв моих отныне стала мейхана[85].

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
В окружье зикра[86] – голоса дервишей не влекут меня,
Спешу под сень, где най звучит, где песня пьяная слышна.
Что спрашиваешь ты меня о шейхах и об их делах?
Тут глотка зычная, мой друг, и стоязычная нужна.
Где кравчий, рушащий обет и попирающий запрет?
Мы благочестье продадим за пиалу иль две вина.
Ты о любви мне расскажи! Я лучше сказок не слыхал
Под куполом страны чудес, что сказок исстари полна!
Сложи крыла, как мотылек, пади у ног своей свечи:
Чтобы сердца воспламенять, она всевышним зажжена.
Но ты, Джамии, чуждайся тех, кто внешним блеском увлечен!
Не в каждой раковине, друг, жемчужина заключена.
Перевод В. Державина
«Я пьян – целую ручку чаши или кувшина основанье...»

Я пьян – целую ручку чаши или кувшина основанье,
Средь пьяниц – малых и великих – с утра свершая возлиянье.
Мне вместо четок во сто зерен дай леденец – к вину заедку,
И не тащи меня поститься из дома, где весь век – гулянье.
Изумлено любовью нашей, сегодня время позабыло
О мотыльке, свече, о розе и соловье повествованья.
Что мне возобновлять с тобою мое старинное знакомство?
Я для тебя лишен достоинств, чужак исполнен обаянья!
Юродивого дразнят дети, им на потеху он бранится,
Но камни, что в меня бросаешь, не удостою я вниманья.
Тот день, когда тебя служанка причесывала перед свадьбой,
Принес для тысяч душ влюбленных невыносимые терзанья.
Джами, лишь тот любить достоин, кто сердцем мужествен, как воин.
Так будь же тверд, готов и жизнью пожертвовать без колебанья.
Перевод В. Державина
«Вот из глаз твоих две слезинки заблестели на розах щек...»

Вот из глаз твоих две слезинки заблестели на розах щек,
Будто брызги дождя упали на тюльпановый лепесток.
Если ты слезу уронила, что же мне сказать о себе,
Если слезы текут безмолвно по щекам моим, как поток.
У тебя действительно слезы, а не только отблеск моих,
Что в глазах твоих я когда-то, словно в зеркале, видеть мог.
Всюду, где на тропинку сада упала твоя слеза,
То живая роза раскрылась, то нарцисса сладкий цветок.
Словно редкие перлы – слезы – для ушных подвесок твоих
На изогнутые ресницы нанизал ювелир-зрачок.
Изумленный редкостным перлом светлой тайны твоей любви,
Нанизал Джамии ожерельем жемчуг слова на нитку строк.
Перевод В. Державина
«Сокровищницу жемчужин в саду раскрывает град...»

Сокровищницу жемчужин в саду раскрывает град.
Короной главу кипариса перловый венчает град.
Порвались ангелов четки, и вот – мрача высоту –
Вчера цветы распустились на персиковых ветвях,
Но в ярости цвет сбивает и ветви ломает град.
Ты скажешь: «Птенцы попугая заполонят луга,
Коль сам попугай небесный, как яйца, бросает град».
Напрасно высунул ирис язык свой, чтоб розу хвалить, –
Ему в своем гневе ревнивом язык отшибает град.
Ведь перлы рождает море, но ты на потоки взгляни:
Как будто бурное море из перлов рождает град.
Влюбленный неосторожный, своей мишенью избрав
В саду красавицу розу, ее убивает град.
Вспузырился пруд под ливнем, как лавка стекольщика, он,
В которую, обезумев, камнями швыряет град.
Тюльпан весенний алеет, как раскаленный горн, –
Свое серебро для расплава в него подсыпает град.
Две капли упали с неба; и первая – чистый перл,
Вторая – круглая льдинка, что расточает град.
Та первая – слово Джамии, а вторая – соперника речь,
Когда в поединке словесном стихов заблестает град.
Перевод В. Державина
«Безумец, сраженный любовью к тебе, таится в руине любой...»

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Безумец, сраженный любовью к тебе, таится в руине любой.
Пред яркой свечой лица твоего луна – мотылек ночной.
Все горе Якуба малой равно частице моих скорбей,
Юсуфа цветущая красота ничто пред твоей красотой.
Живое сердце, живая душа не для себя нам даны.
Всё, что дано нам, мы тратим в пути к далекой встрече с тобой.
Пусть я коснулся дерзкой рукой родинки черной твоей, –
За зернышко бедного муравья грешно растоптать ногой.
И пусть у нас разрушится дом, спасибо свету любви,
Что есть у нас обиталище мук на улице бедствий глухой.
Нет потерявшим сердце свое дороги в твой радостный град:
Темной разлуки нам доля дана да пыль руины пустой.
Выпив глоток из кубка тоски, сознание Джамии потерял,
Горе, коль кравчий ему поднесет полный кубок такой.
Перевод В. Державина
«Последний раз теперь ожги клеймом железным грудь мою...»

Последний раз теперь ожги клеймом железным грудь мою!
Быть может, я в ожоге том бальзам целебный изопью;
И пусть очистится навек душа от злобы и вражды;
Очищу ль в сердце и тогда тоску старинную свою?
Внемли молению любви, пройди, султанша красоты,
И скорбь мою, и боль мою перед тобой я изолью.
А это сердце – дверь казны, ее пронзили сотни стрел!
Жемчужины на жалах их, как слезы, я от всех таю.
Ты это сердце, как свою сокровищницу, сбереги,
Цари своих сокровищ дверь должны отстаивать в бою.
Как птица, в сеть вовлечена приманкой малого зерна,
Душа вступила в плоть мою, увидев родинку твою.
Ты кровью сердца, о Джамии, пиши крылатую газель,
Чтобы любимая тебе вняла, как роза соловью.
Перевод В. Державина
«Ударь меня мечом сто раз в мгновенье...»

Ударь меня мечом сто раз в мгновенье –
Не разобьешь связующие звенья.
Ты говоришь: «Сильнее стану мучить».
Зачем же так, небесное творенье?
В мечтах вкушаю сладость поцелуя,
Но нет, без дыма не сварить варенья.
Мои зрачки – твоей красы жилище,
Всем говорю, что человек есть зренье.
Вот завиток волос дрожит близ уха,
Длине другого нету измеренья.
Сравнил бы с тыквой голову аскета –
В обиде будет тыква за сравненье.
Сгубив Джамии, себя ты затруднила...
Аллах тебе воздаст за это рвенье!
Перевод В. Звягинцева
«Ночью сыплю звезды слез без тебя, моя луна...»

Ночью сыплю звезды слез без тебя, моя луна.
Слезы света не дают, – ночь по-прежнему темна.
До мозолей на губах я, безумный, целовал
Наконечник той стрелы, что мне в сердце вонзена.
Здесь, на улице твоей, гибли пленники любви, –
Этот ветер – вздохи душ, пыль – телами взметена.
Если вдруг в разлуке стал я о встрече говорить,
То горячечный был бред, вовсе не моя вина!
С той поры как ты шутя засучила рукава,
Всюду вздохи, вопли, кровь, вся вселенная больна.
О рубинах речи нет, нынче с цветом губ твоих
Сравнивают алый цвет розы, шелка и вина.
По душе себе Джамии верования искал, –
Все религии отверг, лишь любовь ему нужна.
Перевод В. Звягинцева
«В грудь проник этот яд, просто сил нет подчас...»

В грудь проник этот яд, просто сил нет подчас,
Щеки жаром горят, хоть и не до прикрас.
От страданий любви тело чангу подобно,

Лью с ресниц слезный град на подола атлас.
Выйди, милая, в сад: розы там в исступленье,
Разорвав свой наряд, распустились без нас,
Там тебя год подряд ждут сосна с кипарисом,
Через стену глядят, хоть и нет у них глаз...
Путь святоши – в мечеть, путь скитальца – в пустыню,
А иным хоть бы в ад, лишь вина бы запас!
Я бы душу стократ продал за поцелуи,
Торговаться я рад, мой бесценный алмаз.
Ты ж с другим, и от ревности я умираю,
Умирают лишь раз, а Джами – каждый час.
Перевод В. Звягинцева
«Похитила ты яркость роз, жасминов белых диво...»

Похитила ты яркость роз, жасминов белых диво,
Твой ротик – маленький бутон, но только говорливый.
Уж если ты не кипарис, друзьям скажу: насильно
Меня, как воду на лугу, к другим бы отвели вы!
Долина смерти – как цветник: спаленные тобою,
Ожогом, как тюльпан внутри, отмечены красиво.
Едва ли я настолько храбр, чтоб не были страшны мне
И завитки твоих волос, и смеха переливы.
Бродя в долине чар любви, чужбины не заметишь,
Никто там даже не вздохнет о доме сиротливо.
Начав описывать пушок над алой верхней губкой,
Бессильно опустил перо Джами красноречивый.
Перевод В. Звягинцева
«Серебряная шея, ланиты – два тюльпана...»

Серебряная шея, ланиты – два тюльпана
И каменное сердце, как сердце истукана.
Хоть изнуренным телом я от тебя далеко –
У милого порога душою постоянно.
Молю, будь осторожна, завязывая пояс, –
Не стерпит нежность кожи малейшего изъяна.
Как я пройти осмелюсь по улице заветной?
Боится даже ветер подуть там утром рано.
Ах, если б, опьянев, ты лежала без сознания –
Ступню поцеловал бы я с помощью обмана.
Чего Джами хотел бы? Попировать с любимой.
Но разве может нищий в чертог войти султана?
Перевод В. Звягинцева
«Не я один подвластен чарам красавиц городских...»

Не я один подвластен чарам красавиц городских,
Красивое лицо – приманка для всех сердец людских.
Где вестник? Ветер Ханаана, жду вести, как Якуб
Ждал от Юсуфовой одежды прозренья глаз слепых!
Красавицы, как и деревья, не схожи меж собой,
Разумный женщин изучает, чтоб знать повадки их.
Скажи писцу, чтоб не писал он всей правды о любви,
Кто понесет такую тяжесть – груз горьких строк чужих!
Ты строй сердец уже разбила, так не седлай коня
И побежденных не преследуй, хоть конь тиранства лих.
Бессонница мной овладела, сон от меня бежит.
А был еще совсем недавно так безмятежно тих.
Вчера услышал я, припавши к ее следам в пыли:
«Ах, не пыли, Джами, так сильно метлой ресниц твоих».
Перевод В. Звягинцева
«Одна любовь нас отрешает от суеты земной...»

Одна любовь нас отрешает от суеты земной,
Мук не вкусивший не вкушает и сладости иной.
Любимая сулит нам горе, не ведая о том,
Что все обещанное ею – бальзам душе больной.
К чему существованье солнца, когда ее лицо
Мгновенно затмевает блеском неяркий свет дневной!
В мир расставанья – без сознания на землю я упал...
Что, кроме забытья, могло бы в разлуке быть со мной?
Я только пыль ее дороги, но хорошо и то,
Что ветер не уносит пыли, проходит стороной.

Когда умру – в багряный с желтым тюльпан я превращусь:
Я плакал кровью и покрылся от желчи желтизной.
Джами потоком слез однажды к ней в сад был принесен...
Что толку в мусоре, прибитом столь мутною волной?!
Перевод В. Звягинцева
«Кто весть красавице доставит о всех убитых ею...»

Кто весть красавице доставит о всех убитых ею
И кто забывчивой напомнит о позабытых ею?
Разлукой ранен я. Где пластырь, чтоб затянулась рана?
Я лишь свиданием с любимой отчаянье развею.
Цвет пурпура и жаркой крови – цвет славы и величья,
Обязан я слезам кровавым всей славою моею.
Своим глазам я благодарен за славу и за слезы,
Пускай в слезах утонут, если не стоят встречи с нею!
Мне год назад она сказала: «Жди будущего года»,
А в этом мне так худо стало, что прошлого жалею,
Не назовусь ее собакой, хотя бы ненадолго, –
На знамени ее державы позором быть не смею.
Страдания Джами увидев, сказал почтенный лекарь:
«Тут, кроме смерти, нет лекарства, помочь я не умею».
Перевод В. Звягинцева
«Аскет благочестивый, сбрось одежды лицемерья...»

Аскет благочестивый, сбрось одежды лицемерья
И с чашею в руках скажи: «Ханжи, не ваш теперь я».
«Вкушай вино, пока землей твой череп не наполнен» –
На чаше начертал Кавус, и прав был в полной мере.
Пленительнее шелк волос от аромата амбры.
Да и павлину придают красу цветные перья.
Пульс у влюбленного считать – напрасная затея,
Лишь Авиценна оправдал болящего доверье.
Доколе властвовать луне? Открой лицо скорее.
Светильник мира устарел, как сумрак суеверья.
Ах, мы плохие торгаши и лишь себя позорим:
Бьем в барабан, когда несем огромные потери.
Джами, тебе не удалось припасть к руке любимой,
Так поцелуй хоть след ноги у недоступной двери.
Перевод В. Звягинцева
«Бульжник улицы твоей, где я упал во прах...»

Бульжник улицы твоей, где я упал во прах,
Дороже сердцу моему престола в двух мирах.
Ты выйди, косу распустив, и станет амброй пыль,
В которой я лежу ничком с мольбою на устах.
Жизнь – это нить, ей суждено соединить людей,
Но жаль, что сделал эту нить короткою аллах.
Взгляни же, пери, пусть хоть раз сиянье глаз твоих
Свет веры, истины огонь зажжет в моих глазах.
Я заронил в тебе давно своей любви зерно,
Еще не показался всход, а я ослеп в слезах.
Я кровью начертал газель и лентой обвязал,
Я посылаю свиток свой, испытывая страх.
Взгляни, что написал Джами, прочти мою газель,
Почувствуй боль в скупых словах, печаль в ее строках.
Перевод Н. Гребнев
«Моя любовь к тебе – мой храм, но вот беда...»

Моя любовь к тебе – мой храм, но вот беда:
Лежит через пески укоров путь туда.
Где обитаешь ты, там – населенный город,
А остальные все пустыни города.
Взгляни же на меня, подай мне весть, и буду
Я счастлив даже в день последнего суда.
Ведь если верим мы в великодушье кравчих,
Вино для нас течет, как полая вода.
Смолкает муэдзин, он забывает долг свой,
Когда приходишь ты, чиста и молода.
Что написал Джами, не по тебе тоскуя,
Слезами по тебе он смоем навсегда.
Перевод Н. Гребнев

Желанная моя, могу сказать я смело:
Из вещества души твое слепили тело,
Душой твоей живой пахнуло на меня
От платья, что лишь раз на плечи ты надела.
Что стало бы со мной при виде плеч твоих?
Я платье увидал – душа оцепенела.
Нежны цветы, но есть их нежности предел,
На свете лишь твоей нет нежности предела.
Всего лишь раз один я слышал голос твой:
Ты говорила мне, не говорила – пела.
Твой голос до сих пор звучит в моих ушах,
С ним даже в черный день все предо мною бело,
И все ж заветных слов не услышал Джамии, –
Хоть отдал все тебе, душа его сгорела.
Перевод Н. Гребнев
«Как взгляд твой сверкает, как искрится локон крутой...»

Как взгляд твой сверкает, как искрится локон крутой!
Моя луноликая, как хороша ты собой!
Воспеты поэтами родинки на подбородке,
А я воспеваю твою, что над верхней губой.
Нет большего блага, как ждать от тебя милосердия,
Вздыхать и рыдать, и повсюду идти за тобой.
О пери моя тонкостанная, стан твой походит
На стройную пальму, сулящую плод неземной.
Когда тебя нету, темно мне не только средь ночи,
Коль нету тебя, я и в полдень хожу как слепой.
Наука любви недоступна глупцам и невеждам,
Я эту науку постиг, но не выиграл бой.
Джами, как собака, у двери твоей притаился,
Я славлю свой жребий, – он мне предначертан судьбой.
Перевод Н. Гребнев
«Не медли, кравчий! В тягость ожиданье...»

Не медли, кравчий! В тягость ожиданье.
Играй, мутриб[87]! Не время для молчанья.
Слух к чангу устреми, к любимой – взор,
Святоши пусть оставят назиданья.
Я счастья и покоя не ищу:
Для любящих отрадно и страданье.
Любимые пускают стрелы в нас,
Но эта боль для нас – не наказание.
Жестокость милых – меч, и ты мечом
Касаешься меня, и то благодеянье.
Способность в малом счастье находить –
Мне свойственно такое дарованье.
Порой мы в тех, кто близок, не найдем
Сочувствия к себе и пониманья.
Свиданья с милой не ищи, Джамии,
Не спорь, прими судьбы предначертанье.
Перевод Н. Гребнев
«Пей, пей до дна!» – на пиршестве страданья я слышу крик...»

«Пей, пей до дна!» – на пиршестве страданья я слышу крик.
В смятенье сердце, в обмороке разум, и дух поник.
Хотя, как сахар, сладки два рубина – твои уста,
В сердца влюбленных ты вонзила жало, в них яд проник.
Из-за любви к тебе я так пылаю, что кровь кипит,
И вот из глаз моих кровавый, жаркий бежит родник.
Нужна ли с шахского плеча одежда тому, кто стал
Твоим рабом и кто одежду рабства носить привык?
В конце концов умру от горя, если не обниму
Тебя, из-за которой я впервые любовь постиг.
Ты шла мимо меня, и что-то пела ты про себя, –
Давно то было, но храню я в сердце чудесный миг.
Джами, как скроешь от людей сказанье любви своей?
Все выскажет, хотя язык безмолвен, смятенный лик!
Перевод С. Липкин
«Твой облик жизнь мою испортил, ты подождла мое гумно...»

Твой облик жизнь мою испортил, ты подожгла мое гумно.
Лишь родинка к тебе слетела, как обгоревшее зерно.
Из глаз моих ушел твой облик, – как слезы, что ушли из глаз.
И только родинка чернеет, – вот почему в глазах черно.
То поднимаешься на крышу, то приближаешься к окну,
Вот почему смотрю на крышу, всегда смотрю к тебе в окно.
Хотя и скрыла под рубашкой ты тело девичье свое, –
Твоя рубашка скрыть не в силах, как целомудренно оно.
Я ночью прикоснулся тайно своим лицом к твоим ногам, –
От слез моих образовалось на них кровавое пятно.
На крыше у тебя, как птица, моя недвижимая душа,
А сердце – у тебя в тенетах, оно разлукой пронзено.
Я говорю: «Конец мой близок. Приди ко мне!».
А ты – в ответ: «Джами, лишь то прекрасно дело, что до конца доведено».
Перевод С. Липкин
«Кого это мы обвиняем в лукавстве, в обмане...»

Кого это мы обвиняем в лукавстве, в обмане?
Шалунья, ужель не исполнишь ты наших желаний?
Твой стан – как жестокий упрек кипарисам и пальмам,
Лицом своим ты посрамила цветы на поляне.
Пригубила кубок, вино стало крепче, хмельнее,
Отсюда – безумье веселых и пьяных собраний.
«Отдай!» и «Возьми!» – всюду слышатся возгласы эти,
Становимся радостней мы от таких восклицаний.
Ты можешь меня отравить, но твоя благосклонность
Да будет кормилицей мне, – умоляю заране!
О, если взаправду есть Хызра источник священный,
То он – твои губы: они выше всех описаний!
Зачем, Хорасан покидая, мы в Мекку стремимся?
Святыню свою, о Джамии, ты нашел в Туркестане!
Перевод С. Липкин
«Тюльпан без розоликой – порок в нашем сердце...»

Тюльпан без розоликой – порок в нашем сердце.
Боль о тебе – тюльпана цветок в нашем сердце.
Повсюду – в каплях крови – пылают тюльпаны,
Кипит кровавой скорби поток в нашем сердце.
Перед твоим порогом – как прах, сердце наше,
А грусть переступила порог в нашем сердце.
Покрылась пеплом арка бровей твоих черных, –
Известно мне, кто пламя зажег в нашем сердце!
О, я сгореть согласен от пламени страсти, –
Как мускус, мне желанен ожог в нашем сердце!
Что проповедь святая в сравненье со стоном,
Который так печален, глубок в нашем сердце!
Джами, сей мир стремится от мук нас избавить,
Зачем же слышен миру упрек в нашем сердце?
Перевод С. Липкин
«Из-за чьих я губ-рубинов жемчуг слез из глаз роняю...»

Из-за чьих я губ-рубинов жемчуг слез из глаз роняю?
Из-за чьих ланит румяных кровью жемчуг наполняю?
Еженощно я стенаю возле твоего порога, –
Хоть бы раз на крышу вышла посмотреть, как я стенаю!
Многие живут, надеясь хоть во сне тебя увидеть, –
Где счастливец тот, что видит наяву тебя, не знаю!
Кто в мою заглянет душу, тот поймет причину горя,
Хоть тебя не называю, в тайне имя сохраняю.
Улица твоя повсюду кровью залита, – так выйди,
Посмотри: не я ли ранен и свой жребий проклиная?
Края нет моей печали, – о, взгляни хоть краем глаза,
Чтоб узнать: печаль откуда? О, взгляни, я заклинаю!
С именем Джамии не надо исполнять газель: боюсь я –
Неприятно ей, что это я газели сочиняю!
Перевод С. Липкин
«Я восхищен шалуньей озорною, – не назову ее...»

Я восхищен шалуньей озорною, – не назову ее.
Пусть буду я пронзен стрелой стальной, – не назову ее.

Я, как свеча, из-за разлуки с нею и таю и горю,
Пусть я сгорю, сокрытый мглой ночью, – не назову ее.
Вокруг меня бушуют волны: это – потоки слез моих.
Жемчужину мне принесло волною, – не назову ее.
Я видел многих тонкостанных, стройных, затмивших кипарис,
Но я пленен одною, лишь одною, – не назову ее!
Я видел многих нежных и прелестных, но в мире лишь одна
Моим владеет сердцем и душою, – не назову ее.
Познал я горечь из-за сладкоустой, но что же делать мне, –
Не смолкнет мир, пока я не открою, не назову ее!
Ты говоришь мне так: «Джами неверен, мне от него беда»,
Не думай, что не знаюсь я с бедою, – не назову ее!
Перевод С. Липкин
«Узкой келье я просторность кабака предпочитаю...»

Узкой келье я просторность кабака предпочитаю,
Утренней молитве – ругань голяка предпочитаю.
Леденец, в руке зажатый ринда – пьяного гуляки,
Четкам важного, святого старика предпочитаю.
Стража нравственности надо напоить вином отменным!
Опьяненного – всем трезвым – дурака предпочитаю.
На собрание многолюдном о любви шуметь не нужно:
Сень забытого, глухого уголка предпочитаю.
Хорошо сказал безумец: «Ты влюблен? Так стань безумцем», –
Всем страстям я страсть безумца-смельчака предпочитаю!
К дому твоему отныне как чужак приду я, ибо
Ты сказала: «Я знакомцу чужака предпочитаю!»
Скрыл Джамии свои страданья посреди развалин сердца, –
Для страданий пыль такого тайника предпочитаю.
Перевод С. Липкин
«О свежем воздухе лугов, садов желанных – вновь мечтаю...»

О свежем воздухе лугов, садов желанных – вновь мечтаю.
О кипарисе молодом и о тюльпанах вновь мечтаю.
О ветер, для чего несешь ты мне цветов благоуханье, –
Об одеяниях ее благоуханных вновь мечтаю.
Я клятву дал: не буду пить. Пришла весна.
О кравчий, где ты? Освободи меня от клятв: о счастье пьяных – вновь мечтаю.
Мне добрых слов не говоришь? Хоть непотребные скажи мне:
Давно я жду твоих речей, о долгожданных – вновь мечтаю.
Кто я, чтобы прийти на пир? – Я только издалека
Смотреть на пир и на гостей, тобою званных, – вновь мечтаю.
Пусть лучше без тебя умру, когда подумаю в смятенье,
Что жить хочу я без тебя: о новых ранах – вновь мечтаю.
Джами, не думай о губах возлюбленной, оставь моления:
Мол, слово услышать одно из уст румяных – вновь мечтаю!
Перевод С. Липкин
«От женщин верности доселе я не видел...»

От женщин верности доселе я не видел,
От них лишь горести – веселий я не видел,
Меня не видя, так меня терзает злая,
Что плачу: злость ее ужели я не видел?
Так много волшебства в ее глазах прекрасных,
Какого и в глазах газели я не видел.
К чему ей говорить, что я скорблю всем сердцем?
Чтоб луноликие скорбели – я не видел.
Пусть плачет только тот, кто мне сказал: «Чтоб слезы,
Струясь из ваших глаз, кипели, – я не видел!».
Как мне расстаться с ней? Мы с ней – душа и тело,
А жизни без души нет в теле, – я не видел!
Любовь – недуг, но как избавимся от боли?
Джами сказал: «Лекарств и зелий я не видел!».
Перевод С. Липкин
«Красавиц верных восхваляют, стремятся к ним со всех сторон...»

Красавиц верных восхваляют, стремятся к ним со всех сторон,
А я жестоким бессердечьем своих кумиров покорен.
Стремлюсь кровоточащим сердцем я только к тем, чье ремесло –
Надменность, дерзость, прихотливость, их слово для меня закон.
Я прихожу к каменносердой, я душу приношу ей в дар.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Хотя уверен я, что буду мечом красавицы пронзен.
В ее покой вступает каждый, кто родовит, могуч, богат,
Лишь тот войти в покой не смеет, кто всей душой в нее влюблен.
Пронзи меня стрелой: я ранен, но мне твоя стрела – бальзам,
А нож врача мне не поможет, врачом не буду исцелен.
Твоя стрела от ран разлуки навеки вылечит меня, –
О, как прекрасна сталь, что властно исторгнет мой последний стон!
Джами в тоске нашел подкову с копыта твоего коня, –
Да будет раб печатью рабства подковой этой заклею!
Перевод С. Липкин
«Что за дерзкая тюрчанка! Посмотри: она пьяна...»

Что за дерзкая тюрчанка! Посмотри: она пьяна!
Полонила целый город и домой идет одна,
А за ней идут безумцы многотысячной толпой,
И толпа влюбленных грешной красотой ослеплена.
У меня душа из тела к родинке ее летит, –
Словно птица, что на воле хочет вкусного зерна.
Мне терпенье не знакомо, но с мученьем я знаком, –
Тяжесть этого знакомства мне надолго ль суждена?
Та свеча, что твердо знает, как страдает мотылек,
Ни за что среди влюбленных загореться не должна!
Жаждет верующий рая, а подруги – верный друг,
Филин грезит о руинах, роза соловью нужна.
Соглядатаи святоши, что вам надо от Джами?
Только в том вина поэта, что возжаждал он вина!
Перевод С. Липкин
«Друзья, в силках любви я должен вновь томиться...»

Друзья, в силках любви я должен вновь томиться!
Та, что владеет мной, – поверьте! – кровопийца!
К ней полетела вдруг душа, покинув тело, –
Из клетки выпорхнув, в цветник попала птица.
Товару каждому – свой покупатель всюду:
Стремимся мы к беде, святой к добру стремимся.
Увы, в ее покой пробрался мой соперник, –
Так с розою шипу дано соединиться!
Мы знаем: простака опутает мошенник! –
Мой ум опутала кудрями чаровница!
Закрыв глаза, во сне я лик ее увидел:
Что видит наяву другой, – мне только снится,
Джами, ты терпишь гнет владычицы покорно,
Но где же твоему терпению граница?
Перевод С. Липкин
«Сказало сердце: «Ты для нас беда»...»

Сказало сердце: «Ты для нас беда».
А сердце правду говорит всегда.
Для наших глаз целебной будет пыль,
Где очертанье твоего следа.
Спросил я: «Исцелюсь ли без нее?».
А люди мне сказали: «Никогда!».
Спросил я: «Что таят уста твои?».
Она: «В них животворная вода!».
Сказала то, что втайне знал давно:
«Убила бы тебя, да жаль труда!».
– «Но все ж убей меня!».
Она в ответ:
«Ничтожен ты, – сгорю я от стыда!»
– «Я все года мечтаю о тебе», –
Джами твердит об этом все года.
Перевод С. Липкин
«Ужели бог не знал, твой облик создавая...»

Ужели бог не знал, твой облик создавая,
Что ты для душ людских – беда и боль живая?
Хотели на небе создать твое подобье, –
И небожители взрастили древо рая.
Из капель облака господней благодати
Сотворены уста и прелесть их земная.
Убийственны твои чарующие взоры,
Ты стрелами ресниц грозишь, сердца пронзая.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Жемчужин-слез у ног твоих я много пролил, –
Что ни жемчужина, то крупная, большая.
В ристалища глаза влюбленных превращались,
Когда наездница скакала молодая.
Уже решил Джами не кланяться кумирам,
Но пал перед тобой, тебя благословляя.
Перевод С. Липкин
«Кто она, из-за которой разум всех людей погас...»

Кто она, из-за которой разум всех людей погас?
Целый город обезумел из-за этих темных глаз!
Не успело загореться, как свеча, ее лицо, –
Птицы стали мотыльками, и сгорят они сейчас!
Лишь пригубила немного чашу, полную вина, –
Налетели мы, как мухи, эта чаша манит нас.
Каждый, кто хотел бы слово произнести о страсти к ней,
Стал владыкой всех красавиц, речь его для них – приказ.
Для чего зрачки мне, если у меня в глазах живет
Та, из-за которой слепну, та, чей лик меня потряс?
Если кудри луноликой мне погладить не дано –
С гребешка один лишь волос пусть подарит мне хоть раз.
Господин, прошу, не слушай то, что говорит Джами, –
Многих, раню смертельной поразил его рассказ!
Перевод С. Липкин
«Осень... Осыпались всюду листья винограда...»

Осень... Осыпались всюду листья винограда...
Так же и в жизни людской есть пора листопада.
Стал золотоцветным зеленый ковер, и готов он
Вскоре принять серебро из небесного клада.
Сад приумолк... Если слышим глаголы, предлоги,
То назовем их предложениями бегства из сада.
Жить перестала трава до весны: спят деревья, –
До воскресенья из мертвых им выпасться надо.
Ныне повсюду колючки свои разбросали
Розы, в которых недавно была нам отрада.
Лишь кипарису несчастье цветов незнакомо:
Он, кипарис, не боится ни ветра, ни града.
Пусть же и он свои листья рассыплет, – я знаю,
Скоро и острым колючкам весна будет рада
Новую завязь извлечь, – так, Джами, тыиз сердца
Острые мысли извлек, ибо в этом награда!
Перевод С. Липкин
«Ты солнца и луны красивей и милей...»

Ты солнца и луны красивей и милей,
В любви тебе равны бедняк и богатей.
Кто от любви к тебе нас, грешных, защитит,
Когда твоим слугой стал государь царей?
Не делай так, чтоб я повинен был в грехе:
Готов и без вины погибнуть, как злодей!
Вчера, томна, стройна, прошла ты мимо нас,
Но так и не взглянув на страждущих людей.
Надев свой пояс, меня повергнешь в прах, –
Так тибетейку сдвинь, чтоб умер я скорей!
Пришла – и улице глухой дала ты свет,
И без мечети нам, без ханаки – светлей!
Когда же на глаза Джами наступишь ты?
Они всего лишь пыль, пыль под ногой твоей!
Перевод С. Липкин
«Вот и праздник настал, а нигде ликования нет...»

Вот и праздник настал, а нигде ликования нет, –
Только в сердце моем, хоть ему врачевания нет.
Разве праздничный дар поднести я отважусь тебе?
Для меня, признаюсь, тяжелей испытания нет.
Путных слов не найду, и в смущенье лишь имя твое
Бормочу, бормочу, – толку в том бормотании нет.
Не Хосрову мечтать о Ширин: лишь Фархаду дана
Той любви чистота, в коей жажды слияния нет.
Как злодейка тебя ни изранит, терпи и молчи:

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Нежносердна она, не выносит стенания, нет!
Вижу я, горячо в дерзком сердце клокочет любовь,
Но основа слаба – значит, прочности здания нет.
Пал ей в ноги с мольбою Джамии – и услышал в ответ:
«Символ веры наш, знай: в красоте сострадания нет!»
Перевод Л. Пеньковский
«Газели, тебе подобной, клянусь, и в Китае нет...»

Газели, тебе подобной, клянусь, и в Китае нет!
Да что там! Нигде на свете такой, я считаю, нет!
Красавцев, не затавленных тавром твоей красоты,
Во всем этом брэнном мире, увы, не встречаю, нет!
Фиалки цветут, курчавясь, подобно твоим кудрям,
В жасминах такого сходства я не замечаю, нет!
Придиры твердят, что все же заметны твои уста,
Иные меж тем в сомненье, а я отвечаю: нет!
Не может пчела не жаждать нектара, пока жива, –
Я губ твоих страстно жажду, их меда не зная, нет!
Что проку в рубище пестром, угрюмый ханжа-аскет?
Любви ты не знал! Такого греха не прощаю, нет!
С чужими связалась ныне ты, видно, назло Джамии,
Душа моя, это ль дружбы дорога святая? нет!
Перевод Л. Пеньковский
«В слезах и стенаньях, с тобой разлученный, подруга моя...»

В слезах и стенаньях, с тобой разлученный, подруга моя,
Живу, бытием я своим возмущенный, подруга моя!
Я к чарам красавиц других равнодушным, бесчувственным был,
Твоей красотой колдовской обольщенный, подруга моя!
В день соединенья жестокою повесть прочту я тебе
О муке разлуки, что терпит влюбленный, подруга моя!
Лишь предвосхищаю свиданье с тобой, но уже мой язык
Немее, столь дерзкой мечтою смущенный, подруга моя!
Спросила: «А что в твоём сердце, когда ты страдаешь по мне?»
– «В нем ужас отчаянья неукротенный, подруга моя!»
Швырнуть я готов тебе под ноги душу, лобзая подол, –
Мой вопль не отвергни, к тебе обращенный, подруга моя!
Прилечь головой на порог твой так счастлив смиренный Джамии,
Как преданный пес, госпожою прощенный, подруга моя!
Перевод Л. Пеньковский
«В другом облиии тебя я снова вижу...»

В другом облиии тебя я снова вижу:
Красивей стала ты, чем в дни былого, вижу.
Нераспустившимся тебя я знал бутоном,
Но стала розой ты пышно-пунцовой, вижу.
Твой стан по тонкости незрим, но я, на счастье,
Колечко пояса его цветного вижу.
Ты не пришла вдохнуть в меня живую душу,
И я тебя в конце пути земного вижу.
Ведь жизнь окончилась в тот час, как мы расстались,
Всех неудач, своих, теперь основу вижу.
Коль долетит к тебе мой стон-стрела, не бойся:
Щит верных душ прочней щита стального, вижу.
Чей кубок осушил Джамии, что позабыл он
И этот мир и тот в чаду хмельного, – вижу!
Перевод Л. Пеньковский
«Ты друга старого не хочешь вспомнить. Что ж...»

Ты друга старого не хочешь вспомнить. Что ж!
Поздравить рад, коль ты по-новому живешь.
Теперь тебе ничей не слышен стон.
Что плакаться? тебя слезами не проймешь!
Я счастлив быть твоим безропотным рабом,
Избавясь наконец от участи вельмож.
Мне ангелом тебя пристало называть:
Кто между смертными так ангельски хорош?!
Коль за любимую ты жизнь отдать готов,
Хоть с ней сближения заведомо не ждешь,
То сладость истинной, блаженнейшей любви
В недостижимости слиянья обретешь.

Хотя Хосров горел тоскою по Ширин,
Его судьбе судьбу Фархада предпочтешь.
Над лугом верности порхал и пел Джамии, –
Как в сети горя он попался, не поймешь!
Перевод Л. Пеньковский
«О друг, спеши к лужайке поутру, когда заря румяна...»

О друг, спеши к лужайке поутру, когда заря румяна!
Прибила пыль полночная роса, цветы благоуханны.
Доска земли расписана рукой чигильских живописцев,
Чья кисть творит на досках красоту во славу истукана.
К чему молить о тени облака, коль тень раки и вязов
Зовет, манит к журчанью ручейка прохладною желанной?
Кто розами, конечно же, пленен, тот радостно-беспечный,
Свое бутонем сердце распахнул, проснувшись утром рано.
Не потому ли покраснел тюльпан, что, с розами пируя,
Он, посрамленный, увидел пустым свой кубок филигранный?
И коль тиран – усердный мохтасеб – не разобьет кувшины,
Его иные происки сочтут подарками тирана.
Прелестно утро! Чистое вино друзей пьянит приятно,
И тем Джамии сегодня пристыжен, что он один не пьяный.
Перевод Д. Седых
«Нет вина веселья в чаше неба, да и надо просто быть глупцом...»

Нет вина веселья в чаше неба, да и надо просто быть глупцом,
Чтобы думать, будто может в чаше быть вино, коль чаша кверху дном.
Лишь невежда называет счастьем выгребную яму – этот мир.
Так ребенку кажется опухший сановито-важным толстяком.
Никому не шила одеянья из нетленной вечности судьба.
Жизнь – халат парадный, жаль – короткий, и к тому же шит непрочным швом.
Ветке, перегруженной плодами, угрожает камень подлецов.
В этом мире счастлив неимущий, что забот не знает ни о чем.
Перед нами узкая дорога, ночь темна, разбойники вокруг,
Проводник в дороге жизни нужен, чтоб с пути не сбиться непутем.
Пусть садовник в юности прививки сделает, как саженцу, тебе,
Коль вкусить хорошее мечтаешь в сем саду, давно поросшем злом.
Кто, Джамии, над брэнностью вознесся и в пути утратил «мы» и «я».
Может быть по внешности началом, а по сути может быть концом.
Перевод Д. Седых
«Надолго ль мне даны в удел терзанья...»

Надолго ль мне даны в удел терзанья:
Твои отказы, спешка, опозданья?
Во тьме груди моей тебе не место,
Ступай в глаза, живи среди сиянья!
Из-за тебя сочтется кровь по каплям,
Но нет в тебе ни капли состраданья.
Сдержи коня! Он высекает искры,
Моя ж душа готова к возгоранью.
О, не зови розарием упиться,
Не одаряя розами заране!
Тебе пристала ткань из нитей сердца,
Твой стан раним и самой легкой тканью.
Пройдешь, Джамии, кровавыми слезами
В тюльпан твое окрасит одеянье.
Перевод Д. Седых
«Зову, приди! Уж сбросил сад ночное облаченье...»

Зову, приди! Уж сбросил сад ночное облаченье,
Зефир коснулся лепестков рукою дуновенья,
Повеял нежностью твоей и розовою амброй
И вместе с птицею весны меня поверг в смятенье.
С ветвей осыпало капель серебряных дирхемов
К ногам полураскрытых роз его прикосновенье.
Заря любовно помогла бутонам снять сорочки
И встретить солнце в наготу, исполненной томленья.
Безумны только облака, достойные упрёка
За то, что в стекла пузырьков швыряет град камня...
Испачкал мускусом тюльпан не потому ли чашу,
Что знает: с мускусом вино намного совершенней?
Джамии, вдевая в уши роз бесценнейшие перлы,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
То с неба падает роса иль из твоих творений?

Перевод Д. Седых

«Зонтик от солнца под куполом неба весенние тучки раскрыли...»

Зонтик от солнца под куполом неба весенние тучки раскрыли,
На изумрудной подстилке тюльпаны-рубины шатры водрузили.
Что о тюльпане сказать? Он блестящий красавец в багряной рубашке,
Свежую кровью убитых влюбленных смочивший подол в изобилье.
Нет, я не то говорю. Он красавец, взметнувший над травами пламя
Огненных ран умерщвленных сердец, чья нетленна любовь и в могиле.
Донышко чаши его золотое обильно присыпало чернью,
Точно Заххак забросал фаридуна сокровища черною пылью.
Диву даюсь, наблюдая, как ветер на воду наносит узоры,
Сотни рисунков – без чар колдовства, без малейших усилий.
В зеркале вод отражение трав с рамкой, тронутой паутиной, схоже.
Зеркала плеса – сиянье сердец, тех, с которых печаль соскоблили.
Ночь лепестковой чадрой завесила сад, чтобы утром просохла,
После того как ее постирала в ущербного месяца мыле.
Падает в чашу тюльпана роса, и бессмертные строки о камне,
Брошенном в чашу Маджнуна Лайли, зазвучали воскресшею былью.
Слово твое, о Джамии, на весах дружелюбия взвешено точно.
В слове завистников нет равновесия, гири поставить забыли.

Перевод Д. Седых

«Вставай, о кравчий! Выбелило небо сияньем ледяным восток...»

Вставай, о кравчий! Выбелило небо сияньем ледяным восток,
И ночи ворон, белым став, как цапля, стремглав пустился наутек.
Камфарно-облачное небо сеет крупинки чистой камфары,
И скорлупу земли пушистым слоем покрыл камфарный порошок.
В лугах парчу зеленую свернула и разостлала холст зима...
Прикрыла горы белою чадрой, и каждый холм, и бугорок.
А тучи настезь двери распахнули хранилищ, полных серебра,
И сыплют щедро нищенским лачугам – бери, переступив порог!
И мнится – в небе трудится гранильщик, внизу же крошку хрусталя,
Летящую из-под его точила, несет поземкой ветерок.
Тетрадь в пятнах павших наземь листьев казался сад еще вчера.
Тетрадь бела. Открой глаза, увидишь в том преходящести урок.
Водой дождя и мыльной пеной снега так небо выстирало сад,
Что и наряд оставшихся в зеленом не белым просто стать не мог.
Снежинки с неба падают цветами, и коль спуститься в сад с огнем,
О, как сплит глаза то сине-белый, то ало-розовый цветок!
Джами, сегодня пей с утра такое, как пламя, красное вино,
Чтоб отраженьем в белых гранях кубка сверкал, мерцающая, огонек!

Перевод Д. Седых

«О ты, чей сладок поцелуй и столь же сладок рот...»

О ты, чей сладок поцелуй и столь же сладок рот,
Твой сладок смех, а речь твоя намного слаще сот.
Сладкоречив и попугай, но сладостью речей
Со сладкоречием твоим в сравненье не идет.
Из сахарного тростника у портретиста кисть,
Но сладость лика твоего кто кистью превзойдет?
Тоскующему сердцу мед рисунок губ твоих,
Но слаще меда он для глаз того, кто слезы льет.
Хоть сладок сахарный тростник от головы до пят,
Твой слаще стан, о кипарис, о сахаристый плод!
И хоть моя любовь к тебе для неба сердца – соль,
Ты сладость жизни, больше – ты ее сладчайший взлет.
Не диво, что Джамии поет хвалу твоим устам,
Ведь слово слаще, чем они, едва ли он найдет!

Перевод Д. Седых

«Обнажила осень виноградник. Гулчехра, покинь забвенья сна...»

Обнажила осень виноградник. Гулчехра, покинь забвенья сна!
Помни, листья жизни опадают. Так налей, любимая, вина!
Золотом ковер зеленый заткан, а из тучки небо мастерит
Решето, чтоб сыпала печально серебро на золото она.
Сад лишился летнего убранства, сладкопевцев смолкли голоса,
Лишь в шуршащих осыпью аллеях песня бегства изредка слышна.
Мертвым сном в земле уснули травы, но во сне, конечно, ждут они
С нетерпеньем трубный глас, которым воскрешенье возвестит весна.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
В цветнике, что розами услады опьяненным голову кружил,
Горестей и горечи шипами трезвая душа уязвлена.
Кипарисы миновали беды, что достались розовым кустам.
Где ж ты, ветер? О, повеи! Да будет жизнь вельмож тобой унесена!
Розы смысла прорастут шипами для людей, чей дух остер, Джамии,
Для людей, как ты, проникших в тайны. Не за далью эти времена.
Перевод Д. Седых
«Сердце, – о мудрая птица! – глупых друзей избегай...»

Сердце, – о мудрая птица! – глупых друзей избегай,
Сети, расставленной адом, хищных зверей избегай!
Если не принято теми, кто прямодушен и чист,
Все же людей криводушных, низких людей избегай!
Сын, родовитостью деда, саном отца не кичись,
Азбучной точности «аза» мыслью своей избегай!
От добродетельных зависть пусть не уводит тебя.
Истинно чтя добродетель, зависти к ней избегай!
Бренным земным наслажденьям вечную жизнь предпочти.
Помни о том и соблазна нескольких дней избегай!
Не отделяйся отказом: пьющие гушу равны.
Но и снискать одобренье – быть всех пьяней избегай!
Ты по призванию – дрожжи зла и добра, о Джамии!
Чтобы раскованно мыслить, сути твоей избегай!
Перевод Д. Седых
«Бесхвостые ослы глупей ослов стократ...»

Бесхвостые ослы глупей ослов стократ!
То шейхов предают, то их они творят.
К другому через день в приверженцы идут,
Хоть этот новый шейх невежеству собрат.
В таком ни веры нет, ни пламени любви,
И дара наставлять не излучает взгляд.
Когда заговорит, такую чушь несет,
Что, если бы умолк, и олух был бы рад.
Когда же он молчит, то паству так пасет,
Что у нее мозги и косточки болят.
Из кабака его всего лишь рев пьянчуг
Летит к ушам ума сквозь алкогольный смрад.
Избавь Джамии, аллах, от мерзости ханжей,
Что носят голубой кощунственный наряд!
Перевод Д. Седых
«Лицо от горя пожелтело. Что делать мне...»

Лицо от горя пожелтело. Что делать мне?
Тоска в меня вонзает стрелы. Что делать мне?
Вздыхая, улетаю в небо, сгораю в нем
Звездой, что искрой пролетела. Что делать мне?
Томимый мукою разлуки, я прахом стал,
И наземь пыль его осела. Что делать мне?
Любовь пьянит меня, но сердце вот-вот замрет.
Лишь кубком оживляю тело. Что делать мне?
В ночи на ложе сна стенаю, душа болит,
И слезы лью осиротело. Что делать мне?
А рок – на страже и, ликуя, все зло свое
Обрушил на меня всецело. Что делать мне?
О, горе, горе! Друг единый есть у Джамии.
Расстаться небо повелело. Что делать мне?
Перевод Д. Седых
«Не тот я ныне, кто язык марают болтовнею...»

Не тот я ныне, кто язык марают болтовнею,
Стирает кончик у пера то бранью, то хвалою.
Пустые строки – черепки, поэзия – алмазы,
Бесславны строки без любви, что сложены тобою!
Я отдал жвачке много лет, теперь кусаю локти,
Над жизнью прожитой скорблю, растроченною мною.
Теперь в слезах мои стихи цежу я сквозь овчину,
И хоть бы раз блеснула шерсть крупницей золотою!
Хотя поэзии простор поистине бескраен,
Меня стесняет край строки рифмовкою, не скрою.
Стихи – как ветер! Ну а я и дни и ночи занят

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org

Нанизываю слов пустых и прочей чепухой.

Я сетую: «Хочу молчать, мой работодатель,
Что всем завистникам назло столь щедрою рукою
даешь в словесной мастерской без меры мне работу,
Не пострадаю ль, коль уйду в молчанье с головою?»
В ответ услышал я: «Джами, ты дивных тайн хранитель.
Не допусти меня открыть хранилище такое».

Перевод Д. Седых

«Везде, где поселюсь, найду тебя и там...»

Везде, где поселюсь, найду тебя и там.

Клянусь, не тронусь в путь к чужим тебе местам!

В ночи на ложе сна найду тебя во сне

И в грезах наяву, что так подобны снам.

Возлюбленной найду пристанище в глазах,

когда несую вино к слабеющим устам,

на сборище найду, где теплится свеча,

кружась вокруг нее подобно мотылькам.

Найду и в погребке, где путники хмельны.

Далеко ли ушли – мерилом будешь нам.

И, рубище мое без колебаний сняв,

в жемчужнице найду, ныряя в море сам.

В неизвестность постучась, покинь себя, Джами!

Иначе как найдешь чужую небесам?

Перевод Д. Седых

«Чудесен вкус вина из рук затмившей лунный свет...»

Чудесен вкус вина из рук затмившей лунный свет,

что на закуску поцелуй дает за чашей вслед.

Настал шавваль, окончен пост, и лучше, чем вино,

всеочишенью от грехов противовеса нет.

Бери хмельную пиалу и смело осквернись!

Ведь бог прощает грешный год за месячный запрет.

Как в лихорадке я горю, меня бросает в жар,

но почему твои уста столь жарки, дай ответ?!

Будь осторожен, ведь судьба невестою не раз

коварно ставила силки холостякам во вред.

Тельцом из глины не прельстись, подобно Самире,

и пустословьем болтунов, несущих сущий бред.

И если друга красота, Джами, тебя влечет,

от шашней свахи не страдай, влечением согрет.

Перевод Д. Седых

«Певец под звуки лютни и колокольцев звон...»

Певец под звуки лютни и колокольцев звон

запел, и пир на зорьке украсил песней он.

«Вставай, ходжа[88] сонливый! Ведь жизни каждый миг

есть вечности богатство. Не трать его на сон!

Открой для песен уши на утреннем пиру,

хмельною мугской чашей приятно опьянен.

Пренебрегать не вздумай рубиновым вином.

Конец не за горами, что миру предрешен.

Считай своей удачей веселья каждый день,

ведь ты, быть может, завтра издашь предсмертный стон».

Там, где хоть признак друга сумею отыскать,

склоняюсь к его порогу, отвешу я поклон.

Свой дом на путь к Каабе не променяй, Джами!

Ведь каждый дом – святыня, Каабы не лишен.

Перевод Д. Седых

«Беги постыжаемого шейха! Намного холоднее...»

Беги постыжаемого шейха! Намного холоднее

его поста сорокадневка промозглой стужи дея.

Не станет странствие в жестоких долинах отреченья

для подлеца тропой к богу – никчемная затея.

Что о царе всея вселенной поведать пастве может

не испытавший царь-дороги хоть раз ногой свою?

Знай, наставлять напрасно тщится идущих тарикатом[89],

кто их следов на нем не видел, кто сам слепцов слепее.

И крик его «хей-хей!» не служит мерилом опьяненья.

Боится крика птица дружбы и прочь летит, робея.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Какой он путник, если даже и двух шагов не сделал,
Глупец, что сведенья о Руме[90] приписывает Рею[91]?!
Не верит в шейха городского Джамии. Нет, нет, не верит!
Юридом быть прелестных кравчих ему куда милее.
Перевод Д. Седых
«Когда в небесном одеянье сверкнешь хотя б на миг...»

Когда в небесном одеянье сверкнешь хотя б на миг,
Луна за синюю завесой стыдливо прячет лик.
Когда в небесном одеянье проходишь, о луна,
Всем взорам ясно: лику солнца твой лик равновелик.
Ты ветвь самшита, на которой нет лотосам числа,
Ты кипарис, чья крона в розах и в гиацинтах пик.
Извечно лотос тонкий стебель скрывает под водой.
Ты вся, о пери, дивный лотос, что над водой возник.
Хоть лепестки бутонов нежны, нежнее все же ты,
О роза, стянутая платьем, смеющийся цветник!
Не будь бездушной! Не убудет величья твоего,
Коль милость явишь тем, кто к мукам из-за тебя привык.
Но лишь Джамии постигнул цену твоей красоты, поверь.
Как ювелир, в оценке перлов искусства он достиг.
Перевод Д. Седых
«О птица утренней зари, по ком твоя тоска...»

О птица утренней зари, по ком твоя тоска?
О чем стенаешь так, что ночь для стонов коротка?
Коль в розу страстно влюблена, порхни, как соловей.
И отыщи свою любовь в аллеях цветника.
А если стройный кипарис, как горлинку, влечет,
Зачем стенаешь в цветнике над чашею цветка?
О нет, я знаю: в цветнике тоскуешь по луне,
Чей паланкин исчез вдали среди холмов песка.
Я привяжу к твоим крылам письмо моей тоски.
О, проследи, чтоб то письмо взяла ее рука!
Стенаю так же, как и ты, разлукою клеймен.
Упомяни о том луне, что ныне далека.
А если спросит обо мне, скажи, что впал Джамии
В десятки бед и сотни мук – так рана глубока, –
Тоскуя, проглядел глаза в надежде, что ее
Увидит снова – и она не взглянет свысока.
Перевод Д. Седых
«Нет вдохновенья, что могло б воспеть мою мечту газелью...»

Нет вдохновенья, что могло б воспеть мою мечту газелью,
И нет проникновенных строк, что хоть бы лик ее воспели.
Нет милосердного, кому хотело б сердце петь касьды[92],
Когда от происков судьбы сквозят в опорах жизни щели.
Нет острослова, чей язык изящной вязью аргументов
Низал бы в спорах мудрецов из остроумья ожерелья.
Но коль исчерпаны слова, где розоликий виночерпий?
Не заменимо лишь вино, нет исчерпаемости в хмеле.
Пригубив чашу, насладись красивым ликом и не кайся!
Поверь, и ангелы небес греха не видят в этом деле.
Что ж, есть за пазухой тайник, хранящий преданности жемчуг,
Но этот жемчуг сохранить не все за пазухой сумели.
Трактат о тонкостях любви не поясняй, Джамии, аскету,
Знай место слову, а не то оно достичь не сможет цели.
Перевод Д. Седых
«О ты, чье сердце безмятежно, что знаешь о тоске...»

О ты, чье сердце безмятежно, что знаешь о тоске,
О том, как больно ноет сердце от друга вдалеке?
О, что ты можешь знать о боли израненной груди,
Коль и колючки не задела, растущей на песке?
Что, нежась до утра на ложе, ты можешь знать о тех,
Чьи ночи – стон, чье ложе – мука, чья жизнь на волоске?
Что знаешь, горлинка, о птицах, томящихся в плену,
Ты, что на ветку кипариса взлетаешь в цветнике?
Что можешь знать о трезвых людях, об их путях, Джамии,
Коль опьяненность и беспутство с тобой накоротке?
Перевод Д. Седых

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
«И в сердце, и в глазах бессонных так непрестанно ты...»

И в сердце, и в глазах бессонных так непрестанно ты,
Что мнится мне: вдали мелькаешь, куда ни гляну – ты,
Тот, кто готов для непокорной уйти из жизни, – я,
А кто покорному наносит несчетно раны – ты.
Утратив сердце, тем доволен, что, унеся его,
Владеешь сердцем безраздельно и невозбранно – ты.
Хоть в грудь мою ежеминутно вонзаешь сотни стрел,
Я утешаюсь тем, что стрелы шлешь неустанно ты.
Мне светит милостью света, подачкой ночи день,
Поскольку мне свечой светишь в ночи туманной ты.
Зачем взывать к тебе, жестокой? Ведь знаешь и сама:
Виной тому, что утром ложе от слез багряно, – ты.
Хоть знаю, на торгу свиданий меня оценишь в грош,
Твердить я буду: покупатель, душе желанный, – ты.
«Я друг тебе, Джамии! – сказала. – Другого не ищи!»
Придется, видно, жить без друга, коль друг столь странный – ты.
Перевод Д. Седых
«О виночерпий, спешься там, где в берег Шатта бьет прибой...»

О виночерпий, спешься там, где в берег Шатта бьет прибой,
И хмелем с памяти моей скорее муть Багдада смой!
Печать из кубка наложи на мой сведенный гневом рот.
Не стоит шулера того, чтоб осквернить его хулой.
От подлых верности не жди, они подобны дивам зла.
Ведь человеческой черты у них не встретишь ни одной.
Не огорчен, а счастлив тот, кто к поношениям привык.
Путь отречения, путь любви не дарит путнику покой.
Влюбленным, прокопавшим ход в соединения тайник,
Ничто ни лай бродячих псов, ни их рычание, ни вой.
Влюбленный – тот, в ком нет примет, кто поднялся над бытием,
К чему величие души искать у низменных душой?
Земля багдадская, Джамии, не для торящих верный путь.
О виночерпий, прочь вино! В Хиджаз направимся с тобой.
Перевод Д. Седых
Четверостишия

Перевод Т. Стрешневой

*

Кто сладость дивных уст вкусил, тебя с душой сравнил,
С блистаньем солнца самого твой пик святой сравнил.
Я перечислить не могу достоинства твои,
И вот – с небесным божеством твой лик живой сравнил.
*

В огне страстей дотла я сердце сжег,
Искал я тщетно, сердце не берег.
Лишь под конец, вниманья недостойный,
Истерзанный пришел на твой порог.
*

Кому случалось неземной твой образ созерцать?
Лишенный радости такой как может не рыдать?
С тобой давно я разлучен, но жив, дивясь тому,
Что я не умер, что могу и мыслить и дышать!
*

Цыганка вышла из шатра, поет в тени ветвей.
И вторят песенке ее рубаб[93] и соловей.
Она печалится о всех истерзанных тоской,
О бедных пленниках любви, невольниках страстей.
*

Сиянье солнца и луны перед тобой – ничто.
И Салсабил[94], и Каусар[95] перед тобой – ничто.
Знай, прозорливость я обрел, когда узрел тебя.
Во всем ищу твои черты, весь мир иной – ничто.
*

Беда тому, чье сердце оскудело,
кто разлюбил, чья роза облетела.
Ты говоришь: «Дозволь уйти!» О небо!
кто разрешит душе покинуть тело?
*

Подруга севера, луна, сияя в небесах,
Следы любимой освети, дороги серый прах.
А если спросит про меня, живущего вдали,
Ответь: «Измучился поэт и от любви зачах».
*

Сказал я сердцу: «Дай передохнуть!
Я истомлен, далек мой трудный путь.
Сумей суровым быть с неблагодарной,
С той, что смогла поэта обмануть».
*

я без тебя поднес бокал к губам,
Но пью вино с печалью пополам.
Ты черным оком дни мои смутила, –
Расстались мы, конца нет черным дням.
*

Глаза закрою – предо мною ты.
Глаза открою – вновь твои черты.
Во сне и наяву тебя увижу –
Заворожен я блеском красоты.
*

Ты даришь розам красоту, когда приходишь в сад.
Тебя увидя, соловьи на все лады свистят.
О бессердечии твоём поведал я горе,
И мертвый камень возопил, сочувствием объят.
*

Ты ушла от меня, чтоб я мучился злей,
Грудь шипами страданья изранил больней.
Буду жив я едва ли... Ты поздно придешь,
Чтоб, вздохнув, поклониться могиле моей.
*

Мирская страсть, столь редок твой приход!
В могилу ожидания сведет.
Кем рождена ты, духом или плотью?
Не все ль равно, коль страсть во мне живет!
*

Когда весною, благостью небес,
Цветы заселят и поля, и лес,
Я на могильный холм приду в надежде,
что образ милой в лилии воскрес.
С турецкого

Юнус Эмре (ок. 1240–1320)

«Вновь кипишь ты, безумное сердце...»

Вновь кипишь ты, безумное сердце, –
иль подобно ты бурной волне?
Снова льетесь, кровавые слезы, –
иль пойти помешаете мне?
Как мне быть? Далеко до любимой,
до нее не достанешь рукой,
я от горя не вижу лекарства,
я – бродяга в родимой стране.
я остался один, я тоскую,
рана сердца не хочет зажить,

Слезы сделались красной рекою,
зреет буря в ее глубине.
На дороге твоей стал я прахом,
но уходишь ты вспять от меня,
Не гора ли ты с каменным сердцем,
то не снег ли блестит в вышине?
Как разбойник, мне путь преграждает
в снег одетый высокий утес,
Но спешу я к любимой и разве
не взберусь по его крутизне?
На вершине крутого утеса
вижу гроздь густых облаков, –
Или ты, распустив свои косы,
тихо плачешь в родной стороне?
В плен захвачено сердце Юнуса,
я в пути – где отеческий край?
Я не знаю – больна ты, здорова?
Ты Юнусу приснилась во сне.
Перевод С. Липкина

«Любви полны мои глаза, в слезах мой скорбный лик...»

любви полны мои глаза, в слезах мой скорбный лик,
Всегда о Друге, о любви мой говорит язык.
Как цвет алоэ, я горю, и сам я стал огнем,
А дым – рассветный ветерок, покинувший цветник.
От стрел любви не защитят ни панцирь, ни броня,
Стрела остра и крепок лук – стрелок меня настиг.
Друг! Океан – твоя любовь, я – рыбка в глуби вод,
На суше сразу же умру – я к суше не привык.
Читаю свиток божества на языке своем,
«Проходит все», – сказал мне тот, кто вечен и велик.
Разумен ли, кто полюбил? О, если разум есть
В одном мгновении, – то все ж безумен каждый миг!
Стань прахом на святом пути суфийском, о Юнус,
Стоянки чистых душ светлей, чем трон царя владык.
Перевод С. Липкина
«Иду в крови, иду сожженный...»

Иду в крови, иду сожженный –
что сделала со мной любовь!
Я глупый иль умалишенный?
Что сделала со мной любовь!
То я, как сильный ветер, дую,
то, как дорога, я пылю,
То как поток я разъяренный...
что сделала со мной любовь!
Теку, бурлю водой проточной,
но друга вспомнив своего,
рыдаю, скорбью изнуренный:
«Что сделала со мной любовь!».
Дала мне горе, – дай мне радость,
убей или приди ко мне,
Я изнемог, испепеленный...
что сделала со мной любовь!
я из страны в страну скитаюсь,
И всем одно я говорю,
Но кто мои услышит стоны?
что сделала со мной любовь!
я стал Меджнуном, одержимым,
заснул – и мне приснился Друг,
Проснувшись, плачу я, влюбленный:
«Что сделала со мной любовь!».
из-за любимой стал бродягой,
измучен я, изранен я,
И вопрошаю, потрясенный:
«что сделала со мной любовь?».
Перевод С. Липкина
«Глаза – чтоб на тебя смотреть...»

Глаза – чтоб на тебя смотреть,

а руки – до тебя достать.
Сегодня в путь пойдет душа,
чтоб завтра пред тобой предстать.
Сегодня душу в путь пошлю,
а завтра ты ей дашь ответ,
Не нужен мне твой райский сад,
мне там не надо обитать.
О, братство мастеров-ахи,
к чему мне этот райский сад?
Ужели из-за райских куц
я стану горько здесь рыдать?
В тот рай, что ты звала моим,
всех правоверных ты зовешь,
Но садом с гуриями в нем
я не намерен обладать.
Аллах! Ты гурию нам дал,
и дал жену и двух волов,
Но что мне в них? Бегу к одной, –
да перестану я страдать!
Отдай все праведным, а мне –
одна любимая нужна
Я отвергаю райский сад
и райской жизни благодать.
Юнус томится по тебе, –
томишься ли и ты по нем?
Не будь жестока, помоги –
тебя воочью увидеть.
Перевод С. Липкина
«Я в этот миг припал к земле...»

Я в этот миг припал к земле –
и снова родилась луна,
Вновь праздник – этот краткий миг,
зимой пришла ко мне весна?
Не бросят тени облака
на свет моей луны земной,
Она с земли на небо шлет
лучи – и высь озарена.
Луна земная гонит мрак
из кельи сердца моего:
Не уживутся мрак и свет,
одна им келья не годна.
Здесь, на земле, моя луна –
чего на небе мне хотеть?
Я нужен только на земле,
землею радость мне дана.
Мои слова не для небес –
лишь о любви мои слова,
А если замолчу, – меня
задушит, гневная, она.
Хотя Юнус и полюбил, –
у бога любящих полно,
А любящих сжигает зверь –
вот почему душа больна.
Перевод С. Липкина
«Отныне мой удел – рыданье...»

Отныне мой удел – рыданье,
так разрыдайтесь, о глаза!
Кровавых слез рекою бурной
вы изливайтесь, о глаза!
Нас в пламя ниспроверг всевышний,
горенье стало нашей пищей,
Пока живу я в этом мире,
не улыбайтесь, о глаза!
Не ведаю, что станет завтра,
когда увянет роза жизни,
Пусть дни сменяются ночами, –
не удивляйтесь, о глаза!
Отрадами не обольщайтесь,
мол, это – мед, а то – отравя,

Отныне в мир мечты безбрежный
не погружайтесь, о глаза!
Юнус Эмре, все то, что скажешь,
уже давно известно богу,
Мой путь меня забросил в море, –
не возвращайтесь, о глаза!
Перевод С. Липкина
«Друзья, узнайте, что любовь...»

Друзья, узнайте, что любовь
на солнечный восход похожа.
Душа, в которой нет любви,
на камень и на лед похожа.
В холодном сердце зреет яд,
и на язык он попадет:
Пусть речь мягка, – она страшна,
на битву, на поход похожа!
Сердца, в которых есть любовь,
полны тепла, горят, как свечи,
А темень в каменных сердцах
на зиму в тяжкий год похожа.
Обитель бога пред тобой,
ты видишь святости ворота,
И на глашатая звезда
ашыков у ворот похожа.
Тревоги подави, Юнус,
и если хочешь стать дервишем,
Сперва найди в себе любовь:
она на небосвод похожа!
Перевод С. Липкина
«О сердце, где тебя найду я...»

О сердце, где тебя найду я,
скажи мне, где ты притаилось?
Клянусь творцом: среди развалин
ты, очевидно, поселилось.
С тех пор как за тобой пошел я,
лицом я стал белее мела,
Где б ты ни жило, ты безумно, –
да обретешь господню милость!
Миг – просверкаешь, миг – погаснешь,
ты – имя мира, светоч мира,
Ты и недуг, ты и лекарство,
чтоб все больное исцелилось.
Миг – ты послушно, миг – мятежно,
миг – набожно, миг – многогрешно,
Приходит миг – и ты вне веры,
от благочестья удалилось.
Как только нас любовь коснется,
придем, волнуясь, в исступленье,
О сердце, миг настанет, – вспомнишь,
что есть мечеть, где ты молилось,
В Тебризе, Кайсери, Сивасе,
Нахичевани и Ширазе
«Багдад, – ты утешалось, – близко»,
и долго утешенье длилось.
Юнус, ты стой отныне твердо,
не плачь: сегодня или завтра
во имя бога жертвой станешь, –
к чему же слезы и унылость?
Перевод С. Липкина
«Две-три чаши стали морем, но я гибну без питья...»

Две-три чаши стали морем, но я гибну без питья.
Я стенаю и рыдаю на дорогах бытия.
О, пойдем со мною вместе, вступим в сад вечноцветущий,
Он не вянет, в нем не молкнет песнопенье соловья.
О, мой сад всегда возделан, в том саду все розы свежи,
Не срывают их чужие, и в цвету мои края.
Сколько раз Мансура[96] чашу предлагала мне подруга!
Предала меня сожжению, – мне помогут ли друзья?

Мы сгорим, сгорим и станем на пути к любимой пеплом,
Но, сгорев, тебе пребуду верен, – Друг и Судия.
Сделалась душа ферхадом, вот я прорубаю горы,
Но моя Ширин не спросит, – где с киркой скитаюсь я?
Мой султан, душа Юнуса от любви к тебе сгорела,
Если ты мне дашь лекарство, не умрет душа моя.
Перевод С. Липкина
«Я в море любви погружусь...»

Я в море любви погружусь,
на дно упаду – и пойду.
В обоих мирах растяну
я дней череду – и пойду.
Не буду, в волнах потонув,
элифом, ни мимом, ни далом[97],
Но я соловьем обернусь
У друга в саду – и пойду.
Я, став соловьем, запою,
став сердцем, я плоть одолею,
В дорогу к тебе устремлюсь,
развею беду – и пойду.
Юнус, ты скиталец любви,
несчастнейший ты из несчастных,
Ты – средство от боли моей,
я средство найду – и пойду.
Перевод С. Липкина
«Жив я только тобою, и с тобою я слит...»

Жив я только тобою, и с тобою я слит,
И ничто этой жизни без тебя не живит.
И с тобой безустанно я бок о бок бреду.
Путь, тобою мне данный, без тебя мне закрыт.
Взор мой светел тобою, ты очей моих свет, –
Ты не глянешь – и очи мне в дороге слепит.
Все дано мне тобою, я созданье твое, –
Без творения свыше кто же тварь сотворит?
Все деянье и вещи – все дано от тебя,
И ничей труд сторонний в твое дело не влит.
Если странником стану – ты мне спутником будь,
Мне не жить, если, прогнан, я тобою забыт.
О себе все твержу я, – если вправду я сущ,
Что же мне спесь-гордыню одолеть не велит?
Слаб весь мир этот бранный – он во власти твоей, –
Перед волей твоею кто главу не склонит?
Ты в морях Единенья, о Юнус, потонул, –
Не вернуть тебе разум – он в пучине сокрыт.
Перевод С. Иванова
«Душа в плоти нашего тела – любовь...»

Душа в плоти нашего тела – любовь,
Душою в душе стать сумела любовь.
И если душа только тело хранит,
Хранит явь и тайны умело любовь.
Неведома смертному сущность любви, –
Не знает границ и предела любовь.
Различны и разны деянья любви, –
Жить плача – смеясь нам велела любовь.
То плачет, горюя, она, как Якуб,
То все, как Юсуф, терпит смело любовь.
То кличет Меджнуна она, как Лейла,
То в теле бурлит озверело любовь.
Едина любовь, – так ашык говорит,
Но сколько различий имела любовь!
«Я – бог!» – как Мансур, возглашает она, –
Бедна, но прозреньями зрела любовь.
Усопших она, как Иса, воскресит,
Предстанет Мусой то и дело любовь.
В деснице любви все ничтожно мало, –
Все тайны завесой одела любовь.
Вся жизнь моя, вера – во власти любви,
Всей верой моей овладела любовь.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Сто тысяч Юнусов – в пучине любви,
И раб твоего я удела, любовь.
Перевод С. Иванова
«Свет твоей красоты озарил весь сад...»

Свет твоей красоты озарил весь сад,
Завели соловьи томных песен лад.
Сердце хмелем полно от любви к тебе,
И не лад в нем теперь, а хмельной разлад.
Ты спроси ведуна, как спастись от мук, –
Он сказал: «Зелья нет от твоих утрат!»
Кто, подобно тебе, всей душой влюблен,
Тот спалится дотла с головы до пят.
Ты огнем красоты опален, Юнус, –
Гибнут все мотыльки, что к огню летят.
Перевод С. Иванова
«Себя на стенанья и муки обрек я...»

Себя на стенанья и муки обрек я,
И жаром любви свое сердце зажег я.
Горю, и сгораю, и пеплом я стану, –
Увы, умираю от мук и тревог я.
Несчастливым Меджнуном уйду я скитаться, –
О, если б увидеть Лейлу мою смог я!
Поверьте, друзья, что не смерти боюсь я, –
Страшусь, что от милого Друга далек я.
О, если б Лейлу ты послал мне в награду, –
Меджнуном брожу среди гор, одинок, я.
О, если наставник мой был бы со мною!
Постиг бы его милосердья урок я.
Любовь к тебе мучит и губит Юнуса, –
Пришел, как Мансур, на свой смертный порог
Перевод С. Иванова
«Мои сердце и очи любовью полны...»

Мои сердце и очи любовью полны, –
Пред тобою, творец, мои очи влажны.
Как иудино дерево, сердце горит, –
Чадный стон мой небесный достиг вышины.
В море страсти к тебе я, как рыба, плыву,
А на суше мгновенья ее сочтены.
Что все латы мои пред любовью к тебе!
Твои стрелы не в душу ль мою вонзены?
Ты Тапдыку[98] мольбы вознеси, о Юнус, –
Долг ашыков превыше предвечной страны.
Перевод С. Иванова
Ахмед-паша (1420–1497)

«Здравствуй, пери моя! Ты здорова ли, весела ли...»

Здравствуй, пери моя! Ты здорова ли, весела ли?
Дай, взгляну на тебя, ты здорова ли, весела ли?
Лунолика, сладкоустая, ах жасминовая,
Расскажи, не тая, ты здорова ли, весела ли?
Ты, краса весны, роза вешняя, горе сладостное,
Ах, печаль соловья, ты здорова ли, весела ли?
Поцелуй меня – дай пригубить мне губы сахарные,
Дай взглянуть на тебя, ты здорова ли, весела ли?
Вышел в город Ахмед, всех красавиц расспрашивает:
Как ты, пери моя, ты здорова ли, весела ли?
Перевод В. Тихомирова
«Ты – коварство, ты, милая, – ложь, ты сжигаешь меня...»

Ты – коварство, ты, милая, – ложь, ты сжигаешь меня.
Взглянешь – тысячу раз обожжешь, ты сжигаешь меня.
Ты – свеча на пиру; я кровавые слезы лью;
Ты с другими смеешься и пьешь, ты сжигаешь меня.
Я рыдаю – пою; моя печень – свирель, в ней лады
Прорезает страдания нож, – ты сжигаешь меня.
Госпожа мироздания, в пламени вздохов моих

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Оба мира сгорают, – и все ж ты сжигаешь меня.
Все другие – шипы, ты с шипами беседу ведешь,
Мне же только печаль отдаешь, – ты сжигаешь меня.
Виночерпий! Зачем ты мне чашу наполнил вином? –
Пламя жидкое в горло мне льешь, – ты сжигаешь меня.
Так страдает Ахмед оттого, что другим ты поешь,
Мне же только насмешливо лжешь, ты сжигаешь меня.
Перевод В. Тихомирова
«Твой локон с мускусом я сравнивал...»

Твой локон с мускусом я сравнивал
напрасно, – я не знал,
Что лик твой мускуса черней!
Теперь мне ясно, – я не знал!
И сам я черным прахом был,
но ты в меня вдохнула жизнь!
О, как опасна красота
и как всевластна, я не знал.
С тех пор, как твой влюбленный взор
моей душе послал привет.
Я пил твое вино, –
иных, влюбленный страстно, я не знал.
Но если цель твоей души
из праха создавать любовь,
Зачем тебе лежать в пыли,
страдать всечасно, я не знал.
И если свечи на пиру
горят и плачут обо мне.
Зачем, когда сгораю я,
ты безучастна, я не знал.
Бежал я, страждущий Ахмед,
бежал от гнева глаз твоих,
Бежал к тебе. Иных путей
искал напрасно, – я не знал.

Перевод В. Тихомирова
«И опять моя душа возле милой вьется...»

И опять моя душа возле милой вьется,
Будто сердце мое рядом с ее сердцем бьется.
Сердце – роза, лик – бутон, стройный стан – чинара;
Кипарис тюльпаноликий, как тюльпан смеется.
Мускус утренней росы, освежив чинару,
С кипарисового стана ароматом льется.
Голубок моей души воспарил к чинаре
И в когтях огромной птицы, беззащитный, бьется.
В сердце сохраняй, Ахмед, эту тайну сердца, –
Только разве тайна сердца тайной остается?
Перевод В. Тихомирова
«Кровью глаз пишу письмо, – о свидании молю...»

Кровью глаз пишу письмо, – о свидании молю,
Ливни слез прольет перо в каждую строку мою.
Я пишу, но сух мой слог – пусть пустыню слов моих
Орошает слез поток, – я пишу и слезы лью.
Раз в году свершают хадж^[99] – в Мекку ходят раз в году,
Так и я лишь раз в году у твоих дверей стою.
Сам себе твердил не раз, но к советам разум глух:
Радость нам дается раз, – дважды не бывать в раю.
Кровью изошел Ахмед, кровью изошло перо:
Оба ранены тобой, – нас двоих спаси, молю.
Перевод В. Тихомирова
«В кольцо, как черный локон свой, меня скрутила ты...»

В кольцо, как черный локон свой, меня скрутила ты,
В себя, о счастье черное, меня влюбила ты.
К огню тоски приучен я – горю свечой в ночи,
Бессонный, ибо погасить меня забыла ты.
Луна и солнце – мотыльки перед твоей красотой,
А я – жаровня, грудь мою углем спалила ты.
Я пьян, поскольку я влюблен в нарциссы глаз твоих,
Я пью рубины сладких губ, – меня споила ты.

О дева рая, ты – свеча, я – мотылек в огне,
Сияньем красоты своей меня сгубила ты.
Твой раб Ахмед страдает, он с тобой разлучен,
Ах, если бы свиданья час мне подарила ты!

Перевод В. Тихомирова

«Луну ты можешь изловить арканом кос, красавица...»

Луну ты можешь изловить арканом кос, красавица.
Газели глаз твоих глядят, как лев на коз, красавица.
Аллах! Какое колдовство! – роса бежит из глаз твоих,
Бежит ручей по завиткам твоих волос, красавица.
В саду души, лукавая, ты с головы до ног цветешь,
Как будто нежной розы куст в душе возрос, красавица.
Когда же в мире не поют коралл и жемчуг уст твоих,
Текут алмазы двух миров – потоки слез, красавица.
Не странно, что твои глаза Ахмед считает звездами –
Их звездный блеск бессонницу ему принес, красавица.

Перевод В. Тихомирова

«Не розу я нашел – шипы! И вот бегу я прочь...»

Не розу я нашел – шипы! И вот бегу я прочь.
Одежду жизни рвут шипы! Кто может мне помочь?
Коль скоро звезды призовут тебя, о лунолика,
Слезами я украшу ночь, как звездами точь-в-точь.
Коль скоро в сердце не смогу сберечь великой тайны я,
Как флейта, будет вся земля рыдать и день и ночь.
В зенит восходит красота, и в пору полнолуния
На лик луны издалека я поглядеть не прочь.
Сказал я милой: «Я люблю! Я – раб!» Она ответила:
«Я вырву сердце у раба и в прах велю столочь!»
Сказал я: «Пусть умрет Ахмед от радости!» Ответила:
«Благое дело! Может быть, ему смогу помочь...»

Перевод В. Тихомирова

«Думал, милой письмо напишу я едва ли, – я написал...»

Думал, милой письмо напишу я едва ли, – я написал!
На пергаменте сердца трактат о печали я написал.
Как стенал соловей до утра, и на розах зари
Пальцы ветра письмо о любви написали, – я написал.
Как в пустыне разлук заблудился рассеянный взор, –
Это мне гиацинты кудрей рассказали, – я написал.
В чаше глаз, покрасневшей от слез, отразился твой лик,
Словно образ, красавица, твой на коралле я написал.
И горела свеча, и горел, как светильник, Ахмед,
И о том, как любовью слова воспылали, я написал.

Перевод В. Тихомирова

«Света нет, если ты не приходишь ко мне каждую ночь...»

Света нет, если ты не приходишь ко мне каждую ночь,
И луна в небесах зажигается не каждую ночь.
Без тебя, луноликой, в обители глаз – темнота,
Хотя сердца свеча истлевает в огне каждую ночь.
Это счастье – глядеть на цветущие кущи кудрей,
На смеющихся роз лепестки при луне каждую ночь.
Завитки гиацинтовых локонов я полюбил,
Что на ложе цветут, будто сад в тишине, каждую ночь.
Этот пир восхваляет душа, благовонья куря,
Чтобы дым, будто локон, вился в вышине каждую ночь.
В сновиденьях Ахмед не бывает в раю потому,
Что с тобой он в раю наяву, не во сне, каждую ночь.

Перевод В. Тихомирова

«На больного только глянешь – и убьешь...»

На больного только глянешь – и убьешь.
Нас кудрями заарканишь – и убьешь.
Сто купцов купить готовы поцелуй:
С ними торговаться станешь – и убьешь.
Захочу, убью Ахмеда, говоришь?
Раз убила, два убила – вновь убьешь.

Перевод В. Тихомирова

«Клятву верности дала ты или нет...»

Клятву верности дала ты или нет?
Я страдаю: солгала ты или нет?
Прах следов твоих бальзамом был для глаз –
Исцелить меня могла ты или нет?
Соловьем запело сердце пред тобой.
Для меня ли расцвела ты? Или нет?
Для меня ли в своем сердце собрала
Благовоний ароматы? Или нет?
Ты сказала: «Я убью тебя, Ахмед!»
Клятву верности дала ты или нет?
Перевод В. Тихомирова
«Твой рот как алый лепесток, моя любовь...»

Твой рот как алый лепесток, моя любовь.
Тебя, как тайну, я берег, моя любовь.
Слова могу я гнуть, как бровь, – и все равно
Я о тебе скажу: «Цветок – моя любовь!»
Пред кипарисом слезы лью, – бежит ручей,
Сказала ты: «Ручья исток – моя любовь».
Мишенью стала грудь моя для глаз твоих,
Для стрел твоих, о мой стрелок, моя любовь.
Я говорю: «Ахмед, люби, покуда жив!»
Я стар, но юн любви росток – моя любовь.
Перевод В. Тихомирова
«Душа в руинах, торжествуй...»

Душа в руинах, торжествуй! –
строитель в твой дворец придет.
Ты, рана в сердце, не гори, –
целитель всех сердец придет.
Душа, открой глаза свои,
взгляни на лик своей любви.
Ты, сердце бедное, ликуй! –
спаситель твой, творец придет.
Дыши, душа моя, дыши,
покинуть сердце не спеши:
К тебе спешит искусный врач –
страданиям конец придет.
Благоуханием небес
благоухаешь ты сейчас –
К тебе, я знаю, благовоний
сегодня продавец придет.
Твоей любви сказал я так:
«Я болен, не смогу прийти!»
Она в ответ: «Ты не придешь,
но стон твой, как гонец, придет».
Ахмед! Не велика беда,
что не нужны твои стихи, –
иная будет им цена,
когда иной купец придет.
Перевод В. Тихомирова
«Наблюдая солнца путь, сердце сыщет верный путь...»

Наблюдая солнца путь, сердце сыщет верный путь.
Месяц лжив, – ты не забудь, ночью осторожен будь.
Я пишу, но сух мой слог, – вас, глаза мои, прошу
Оросить письма пустыню, над моим письмом всплакнуть.
Ты, алхимик, в кабачке обращаешь прах в металл
И в целебную сурьму землю можешь обернуть.
Мускус локонов твоих обвеваает лик весны.
Увидав твое лицо, мы весны увидим суть.
В алтаре твоих бровей сотворим молитву мы,
Исподлобья острый взор, будто меч, пронзает грудь.
Я – зеркало, ты – луна. Увидал тебя Ахмед,
И на красоту твою он не прочь опять взглянуть.
Перевод В. Тихомирова
«Цепями кос прикованный...»

Цепями кос прикованный
к чинаре стана, я рыдаю.

Из сердца вырезал свирель
и непрестанно я рыдаю.
Я вижу локоны твои,
зато не вижу сновидений,
И в полдень я, и в полночь я,
и утром рано я рыдаю.
Я так печален! Ты должна
понять моих рыданий слезы:
Я слишком стар, и оттого,
клянусь Кораном, я рыдаю.
Аллах, она так молода!
Ей не понять моей печали,
Пускай смеется – плачу я,
я – раб тирана, я рыдаю.
Мне говорят: зачем ты вновь,
как соловей в саду, рыдаешь?
С другим она сидит в саду –
из-за обмана я рыдаю.
Моим стенаньям нет конца,
моим страданиям нет предела:
Мой враг смеется вместе с ней.
Ах, в сердце рана, – я рыдаю.
Ты спросишь, как живет Ахмед?
Отвечу: «Болен я, страдаю».
Я болен из-за этих глаз,
и непрестанно я рыдаю.
Перевод В. Тихомирова
«Не на мне вина – не сжигай меня...»

Не на мне вина – не сжигай меня.
Жизнь и так грустна – не сжигай меня!
Прокляну тебя – и одежда твоя
Станет, друг, черна, – не сжигай меня!
Плачу, как свеча, – разлучен с тобой,
Ночь моя темна, – не сжигай меня.
Нет числа слезам, звездам нет числа,
Солнце ты, луна, не сжигай меня.
И тебе в окно слез моих свеча
До утра видна, – не сжигай меня.
Без тебя я – прах! ты – вода и свет, –
Мне, как жизнь, дана, – не сжигай меня.
Так Ахмед горит, так вздыхает он:
На тебе вина, – не сжигай меня!
Перевод В. Тихомирова
«Сахар уст твоих увидел...»

Сахар уст твоих увидел,
Обомлел, – влюбленным стал,
Жемчуг слез твоих увидел, –
Вором клейменным стал.
Захлебнувшись в крови
От любви к твоим кораллам
Прах в рубины обратился,
Золотом червонным стал.
Каплю сладкого вина
Пролила она в пучину –
Вкус морской воды, как сахар,
Сладким, несоленным стал.
Сребротелый кипарис,
Ты выходишь из одежды –
Месяц вышел из-за тучи,
Над небесным склоном стал.
Тайну я хранил – и что ж?
О тебе шумит весь город:
Город наш влюбленным не был,
А сегодня он им стал.
Плачу на пути любви,
И вокруг я слышу стоны:
Кто влюбленным прежде не был,
Тот сегодня оным стал.
На рассвете ветерок

Локонов твоих коснулся –
Сразу мускусом китайским.
Тонко благовонным стал.
Отыскать алмаз в раю –
Этого Ахмеду мало, –
Ювелир алмазу нужен,
Чтоб алмаз граненым стал.

Перевод В. Тихомирова

«Люблю я на щечке твоей завиток страстно...»

Люблю я на щечке твоей завиток страстно,
Как мальчик, влюбившийся в мяч и в биток страстно.
Люблю я стрелу, законечник люблю острый, –
Стреляет глазами лукавый стрелок страстно.
Ах, знали бы Хызр с Искандером твои губы, –
Искали б тебя, а не жизни исток страстно.

«Ах, ямочку эту на щечке люблю нежно!»

«Не ямочку – яму ты любишь, острог, страстно!»

Глазами зову я любимой глаза в гости, –
Ах, как бы хозяина гость не увлек страстно.
Ахмед, попугаю по вкусу тростник сладкий,
Тростинка пера полюбила твой слог страстно.

Перевод В. Тихомирова

«Как увидело розу в жасминных кудрях сердце...»

Как увидело розу в жасминных кудрях сердце,
Так из плоти взлетело на черных крылах сердце,
Возвратись, говорю, позабыло ты страх, сердце,
Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

С той поры как судьба напоила меня ядом,
Грудь пронзили шипы, – стала жизнь для меня адом,
Я страдаю, и нет ни единой души рядом,

Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

Прах была ты, душа, – но расстались с тобой страсти,
Ты, как локон жасминный, попраля стопой страсти,
Никогда ты, душа, уж не будешь рабой страсти,

Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

Сердце выше души, если жаждет оно встречи,
Двух миров нам дороже мгновенье одно встречи,
С кипарисом, о сердце, ты жаждешь давно встречи,

Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

Я тебе говорю: «Ты меня позови», – выйду,
Чанг печали настрою и к флейте любви выйду,
О кобуз, как услышу я струны твои, – выйду,

Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

Ты, Ахмед, воспевашь в прекрасных словах сердце,
Да пребудет пылающим страстью в стихах сердце.

Одеянье твое не истлеет в веках, сердце.

Ах ты, сердце, ах, сердце,

ах, сердце ты, ах! Сердце!

Перевод В. Тихомирова

Махмуд Абдул Баки (1526–1600)

«От кожи нежных щек твоих идет благоуханье...»

От кожи нежных щек твоих идет благоуханье,
Пушок твой – абиссинский раб, Рейхан ему прозвание.
И родинка твоя – Биляль[100], а две твоих губы –
Одна коралл, другая лал, готов платить им дань я.
Веки будь благословен и черный локон твой,
Который амброю твои наполнил одеянья.

Сатурн мечтает в небе стать невольником луны,
Я стать хочу твоим рабом, другого нет мечтанья.

Рудник возможностей своих кто исчерпал до дна?

Слагать бесценные стихи твое, Баки, призванье.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод Н. Гребнева
«Двух щечек белизна с водой бесценной схожа...»

Двух щечек белизна с водой бесценной схожа,
И шея у тебя с морской пеной схожа.
На щечках вязь пушка, и эта вязь, быть может,
С узором мудрых книг, книг совершенных, схожа.
Ты видишь: стынет кровь в моих глазах, о боже.
Быть может, их печаль с напитком пенным схожа.
Мне снится день и ночь сиянье нежной кожи
Любимой, чье лицо с луной степенной схоже.
Баки, влюбленным нам она всего дороже,
Сияние ее с сиянием дневным схоже.
И родинка ее для нас священна тоже,
И с амброю она благословенно схожа.
Перевод Н. Гребнева
«Не остается от весны ни знака, ни имения...»

Не остается от весны ни знака, ни имения,
Сады утратили свои былые украшенья.
Им ветер ветки оголил, похожие на руки,
Свой плащ дервишский сад надел в минуту оскуденья.
Роняют золото сады и плачут в час разлуки,
Уносит вдаль всю их казну ручьев и рек течение.
И молодые деревца, утратив все, что было,
Предвидят, что их ждут зимой печаль и злоключенья.
Баки, казну своей листвы не сам ли ты растратил?
Зачем же сетовать теперь на дождь и ветер осенний?
Перевод Н. Гребнева
«Кравчий, бокалы налей, нынче ль не время пиров...»

Кравчий, бокалы налей, нынче ль не время пиров?
Слышишь: из ближних садов вешний доносится зов.
Там аромат ветерка, свежее благоуханье, –
Все, чем весною аллах нас осчастливить готов.
Не проводи эту жизнь в вечной никчемной печали,
Место влюбленных в садах, возле речных берегов.
Случая не упускай, помни: на свете мгновены
Молодость, счастье людей, время цветенья цветов.
Ты совершенен, Баки, в тонком искусстве газелей,
Сладки для мудрых твои хитросплетения слов.
Перевод Н. Гребнева
«Пусть розою в саду сосуд с вином становится...»

Пусть розою в саду сосуд с вином становится,
Кто аромат вдохнет, пусть соловьем становится.
О кравчий дорогой, налей вина и мне.
Пусть рана у меня в груди цветком становится.
От локонов твоих, где столько синевы,
Спокойней и светлей мне с каждым днем становится.
Волна твоих кудрей отгородила нас,
И дивный облик твой заветным сном становится.
Ужели влага встреч Баки не оживит!
Лишь мысль одна о том в груди огнем становится.
Перевод Н. Гребнева
«Не слезы ль вдоль щеки, кружась, кружась, кружась...»

Не слезы ль вдоль щеки, кружась, кружась, кружась.
Бегут, как ручейки, кружась, кружась, кружась.
И в небо из моей груди взлетают искры,
К мирам, что не близки, кружась, кружась, кружась.
На ложе горестей не спится мне и ночью,
Мечусь я от тоски, кружась, кружась, кружась.
В водовороте слез глаза мои потонут,
Как челн в волнах реки, кружась, кружась, кружась.
И сердце, чтоб сгореть, летит к свече любимой,
Как ночью мотыльки, кружась, кружась, кружась.
Прах от ее стопы летит, чтоб стать сурьюю
Для звезд, что далеки, кружась, кружась, кружась.
Мир – ювелир, в морях высверливает жемчуг
По мерке слез Баки, кружась, кружась, кружась.

Перевод Н. Гребнева

«Что сделать мы хотим, все, как ни странно, сделаем...»

Что сделать мы хотим, все, как ни странно, сделаем.
Мы сердце розою или тюльпаном сделаем.
Мы ворота одежд свободно расстегнем,
Кто к нам на пир придет, того мы пьяным сделаем.
Один глоток вина на землю мы прольем.
То место, где сидим, мы Бадахшаном[101] сделаем.
Мы наш веселый пир, наш дружеский союз
Свободными от зла и от обмана сделаем.
Чтоб слышал мир стихи влюбленного Баки.
Мы соловья чтецом его дивана сделаем.

Перевод Н. Гребнева

«Прекрасный облик твой...»

Прекрасный облик твой
я вижу вдалеке,
Я вижу тонкий стан,
цветок в твоей руке.
Я вижу все: пушок
над верхнею губою
И родинку твою
на розовой щеке.
Твой стан как нить души,
грудь что сосуд хрустальный,
И две серьги в ушах –
две капли на цветке.
И локоны и взгляд –
в тебе все совершенно.
Лишь верность – вот беда! –
что крепость на песке.
Пусть на любовь твою
нет у Баки надежды,
Тебе повелевать,
ему страдать в тоске.
Перевод Н. Гребнева
«В сем мире счастья нет, есть боль и есть смятенье...»

В сем мире счастья нет, есть боль и есть смятенье.
Мелькают сотни лет, как краткие мгновенья.
И все ж, пока весна и ты еще не стар,
Пей сладкое вино, красавиц слушай пенье.
Не отрицай, захид[102], значение вина,
О том и в книге книг есть мудрое реченье.
Я у глухих дверей возлюбленной моей
Все жду, не видя в том и тени прегрешенья.
Но грешен и Баки: он солнцем почитал
В сосуде дорогим любимой отраженье.
Перевод Н. Гребнева
«Что нам цветник; в кабак тропа нас привела...»

Что нам цветник; в кабак тропа нас привела,
Зачем тебе цветок? Ведь в чаше нету зла.
Кто тянется своей душой к свече свиданья,
Готов, чтобы свеча его огнем сожгла.
И вот во прах я пал, я стал твоей тропою,
Так почему же ты с тропы своей сошла?
Пусть я мечусь в огне разлуки и страданья,
Мне боль сладка, и я готов сгореть дотла.
Газель Баки всегда звучна, стройна, красива.
Во все века такой поэзия была!
Перевод Н. Гребнева
«О том, что сердце у любви во власти, не говори...»

О том, что сердце у любви во власти, не говори,
Возлюбленной своей, предмету страсти, не говори.
О слабости твоей она узнает, и не вино –
Кровь будет пить твою со сладострастьем. Не говори!
Познай себя и жизнь наслаждайся, коль суждено.
Но о своей любви, своей напасти, не говори.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Пусть тайна эта грудь твою сжигает давным-давно.
Невежде даже самой малой части не говори!
Баки, хоть будь Юсуфом, и Якубу ты все равно
Ни слова, чтобы не стряслось несчастья, не говори!
Перевод Н. Гребнева
«Ты, милая, идешь к покою сна в объятья...»

Ты, милая, идешь к покою сна в объятья,
Так в небе к облаку идет луна в объятья.
Голубка, почему ты плачешь на заре,
Ведь ты к любимому упасть вольна в объятья?
О горлинка моя, кто мысль тебе подаст;
Ты броситься ко мне, в мои должна объятья.
В объятья пусть тебя возьмут мои стихи,
Так в море жемчуга берет волна в объятья.
Кровь на груди Баки горит, как будто вновь
Охалка красных роз заключена в объятья.
Перевод Н. Гребнева
«Пусть будет около тебя...»

Пусть будет около тебя
 послушная красавица,
Пусть стройный стан она к тебе
 склонит и не жеманится.
И если хоть не всякий день,
 так пусть хоть всякий вечер
Целует каждого из нас
 счастливая избранница.
Что медресе нам, что мечеть
 теперь, порой весенней,
Любить красавиц, пить вино
 пусть случай нам представится.
Хоть в кабаке, хоть в цветнике,
 не все ль равно, ей-богу,
Пусть будет кравчий молодой,
 пусть нам вино достанется.
В душе пребудет пусть покой,
 терпенье пусть пребудет,
Хотя, Баки, твоя душа
 скиталица и странница.
Перевод Н. Гребнева
«Пусть твой рубин меня спасет от всех невзгод! На помощь...»

Пусть твой рубин меня спасет от всех невзгод! На помощь!
Скорей, сюда иди, меня беда убьет! На помощь!
Нет в чаше более вина и нет вина в сосуде,
Пусть виночерпий чашу мне скорей нальет. На помощь!
Я пролил, не сберег вино, упала чаша наземь,
Пусть кравчий тайну сбережет, но пусть придет на помощь.
В моей груди стрелы конец, его не вынимайте;
Я верю, что надежду мне он принесет на помощь!
Я припаду лицом к земле перед дверьми любимой,
Пусть мой соперник не придет, не позовет: «На помощь!»
Нет больше силы у Баки кричать и звать стенамя.
О, боже, кто в тяжелый час его спасет? На помощь!
Перевод Н. Гребнева
«Не будь ты хмурю со мной...»

Не будь ты хмурю со мной,
 как туча, сделай милость,
Любви не проявляй к другим,
 к нелучшим, сделай милость.
Спеша к соперникам моим
 на тайное свиданье,
Лишь обещаньями меня
 не мучай, сделай милость.
Не будь с соперником добра
 и недобра со мною,
Запомни это, мой султан,
 на случай, сделай милость.
Покуда прям я, как стрела,

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
меня сгибать не надо.
Чтобы не стал, как старый лук,
я скрючен, сделай милость.
Пусть ты оставила Баки,
но милостью к другим
Не отягчай его судьбу
и участь, сделай милость.
Перевод Н. Гребнева
«Опять я полюбил, все началось сначала...»

Опять я полюбил, все началось сначала.
Безумцев и других за ней идет немало.
Красавица сладка, как будто в детстве мать
Не молоко свое, а сахар ей давала.
На пальчике ее кольцо, как талисман,
Чтоб милую от глаз дурных оберегало.
Она хоть подросла; пугается всего
И просит, чтоб ее подруга провожала.
Дождется ли Баки, чтобы когда-нибудь
Красавица к нему украдкой постучала?
Перевод Н. Гребнева
Пир Султан Абдал (XVI век)

«Не нужен соловей в моем саду...»

Не нужен соловей в моем саду –
я без тебя в тоске сгораю.
В своей лампаде масла не найду –
я без тебя в тоске сгораю.
Я розой, сорванной до срока, стал,
я пеной мутного потока стал,
Печной золой по воле рока стал –
я без тебя в тоске сгораю.
Ночные тени путь покажут мне,
Ожоги смажут, перевяжут мне,
Тебе расскажут, на каком огне
я без тебя в тоске сгораю.
Я Пир Султан и на своем стою.
Голодный, жаждущий – не ем, не пью.
Живу и муку смертную терплю,
и без тебя в тоске сгораю.
Перевод М. Курганцева
«Я на заре к возлюбленной пришел...»

Я на заре к возлюбленной пришел.
Поторопись, проснись, я говорю.
Целую губ ее багряный шелк.
Не прогоняй, проснись, я говорю.
Кораллы, лалы истинно чисты,
Твои служанки искренни, честны,
Твои слова изысканны, нежны.
Мои – просты: проснись, я говорю.
Ресницы вскинь, и слово мне скажи,
и мне, безумцу, милость окажи.
Заветным обещаньем дорожи
И для любви проснись, я говорю.
Твой розовый, твой нежный рот – хорош,
и стройной шеи поворот – хорош,
и родинка – милее не найдешь.
Ты для любви проснись, я говорю.
Скачи, мой конь, безумьем обуян!
Изнемогаю от любовных ран.
Себя теряет, гибнет Пир Султан.
Желанная, проснись, я говорю.
Перевод М. Курганцева
«Хочу увидеть милую мою...»

Хочу увидеть милую мою –
Одним желаньем полон. Отчего?
Я вторю горемыке соловью

Напевом невеселым. Отчего?
Проходит мимо караван любви,
Струятся слезы жалкие мои,
Открылись раны жаркие мои,
А ты – недостижима. Отчего?
Я, Пир Султан Абдал, все жду тебя,
Как откровенье, как звезду – тебя,
И унижение, и беду терпя,
А ты проходишь мимо. Отчего?
Перевод М. Курганцева
«Я, бедный сирота, тебя искал...»

Я, бедный сирота, тебя искал –
Бесценный клад искавшему достался,
Я долго, красота, тебя искал,
Нашел, и зачарованным остался.
Эй, птица, из какого ты гнезда?
Бровь – полумесяц, родинка – звезда...
Что плачешь, будто милый навсегда
Ушел, не оглянувшись, не остался?
Ты не горюй, не одинока ты.
Ты – лунолика, темноока – ты.
Пусть от любимого далеко ты,
Но он с тобою не навек расстался.
Всем сердцем жаждет Пир Султан Абдал,
Чтоб любящую друг не покидал,
Чтобы никто в разлуке не страдал,
Чтоб только в песне след ее остался.
Перевод М. Курганцева
«Мимо не глянув, проходишь ты...»

Мимо не глянув, проходишь ты.
И стою безутешен я.
Бровью лукавой поводишь ты.
Ты безупречна, грешен я!
Сахар – язык и губы твои.
Роза ты, а где соловьи?
Ты падишах в державе любви.
Буду ль тобой утешен я?
Я прибегу – лишь позови.
Я сберегу тайну любви.
Грешен я, руки мои в крови,
В тайных делах замешан я.
Вместе с беями я скакал,
На скаку врага рассекал,
Кровью черной я истекал –
Бросил все, безутешен я.
Я, Пир Султан, храню мечту –
Руки отмою, зло отмету
И пускай за твою красоту
Буду казнен, повешен я!
Перевод М. Курганцева
«С тех пор, как я живу в бесчестном мире...»

С тех пор, как я живу в бесчестном мире,
Покоя нет душе моей. Что делать?
С тех пор, как я живу вдали от милой,
Удары жизни все больней. Что делать?
Как быть? Светильник радости мигает,
Любому горемыке помогает.
А нас везде беда подстерегает.
В запасе нет ни сил, ни дней. Что делать?
Я говорю: приходи – и ты приходишь.
Я говорю: взойди – и ты заходишь.
Потерян я, найди – и ты находишь.
А вдруг я чужд душе твоей? Что делать?
Я, Пир Султан, твержу: пора в дорогу.
Спешу без страха, так угодно богу,
Навстречу милой, одолев тревогу,
А если разминемся с ней? Что делать?
Перевод М. Курганцева

Едва заветной цели я достиг,
Меня судьба с любимой разлучила.
Едва сорвал я розу, в тот же миг
Меня судьба с любимой разлучила.
В железной клетке я живу, томясь,
И мой светильник выгорел, погас,
И тянется в тоске за часом час –
Меня судьба с любимой разлучила.
Приходит лето – радости не жду.
Погожий день и то сулит беду.
От невеселых дум куда уйду?
Меня судьба с любимой разлучила.
Пасутся кони на лугу – дивлюсь.
Живу надеждой – смерти не боюсь.
Бог не оставит любящего, пусть
Меня судьба с любимой разлучила.
Жива, здорова ль милая моя,
Преграды одолев, узнаю я.
Что Пир Султану горы и моря?
Меня судьба с любимой разлучила.
Перевод М. Курганцева
«Спрашиваю только об одном...»

Спрашиваю только об одном:
Почему гора Йылдыя в тумане?
Почему ты опустел, мой дом?
Почему гора Йылдыз в тумане?
Алый камень, перстень золотой...
Не спеши, любимая, постой!
Что ж я незадачливый такой?
Почему гора Йылдыз в тумане?
Алые одежды у тебя,
Все мои надежды на тебя.
Верю, как и прежде, я в тебя.
Почему гора Йылдыз в тумане?
Выйди, солнце! Разгони туман.
Ты мой падишах, эмир, султан.
Почему в печали Пир Султан?
Почему гора Йылдыз в тумане?
Перевод М. Курганцева
«Звени, соловей! В благовонном саду...»

Звени, соловей! В благовонном саду
Тебе разливаться настала пора.
Не прячься в листве, моя роза! Найду,
Тобой любоваться настала пора.
Ты шах, падишах мой, ты властвуешь мной!
Чаруй, говори, завораживай, пой!
Наградой, отрадой, усладой хмельной,
Вином упиваться настала пора.
Ты шах мой, я поступь твою узнаю,
И розу, и белую руку твою.
Ты шах мой, рожденный в румийском краю,
Желаньям сбываться настала пора!
Несутся потоки, мутны и пусты.
Уйди, Пир Султан, от людской суеты.
Красавица, ты мне нужна, только ты.
Тобой наслаждаться настала пора!
Перевод М. Курганцева
«Спасите меня, мусульмане, хранимые богом...»

Спасите меня, мусульмане, хранимые богом,
Придите на помощь, опять меня горе гнетет.
Брожу я по свету, по самым пустынным дорогам,
Куда ни подамся, везде меня горе гнетет.
Мне снится – метель надо мной завывает уныло,
И душит меня, и терзает нечистая сила,
Когтистая лапа меня, как птенца, придавила.
Придите на помощь, гнетет меня горе, гнетет!
Страница 211

Зашло оно в гости надолго, бок о бок садится,
И лжет, и хохочет, и хочет со мною молиться.
О сколько же дней и ночей эта мука продлится?
Придите на помощь, гнетет меня горе, гнетет!
Молчи, Пир Султан, ни к чему объяснение любое.
Горит мое сердце, душа изнывает от боли.
Я снова охвачен тоской, заколдован любовью.
Придите на помощь, гнетет меня горе, гнетет!
Перевод М. Курганцева
«Я красавицу полюбил...»

Я красавицу полюбил –
Грязью хотят забросать меня.
Света не вижу, сон позабыл –
Самое время спасать меня.
Собери мне белый букет,
Подари мне смелый совет,
Покори безумца, мой свет –
Ночью приди приласкать меня!
Белая грудь в моей руке,
Белая роза – к алой щеке!
Без тебя пропаду в тоске,
Снова приди приласкать меня!
Ранен стрелами Пир Султан –
В сердце тысяча свежих ран.
Выбор тебе отныне дан –
Радовать или пытаться меня!
Перевод М. Курганцева
«Крепко обнимемся, клятву дадим...»

Крепко обнимемся, клятву дадим.
Ты меня помни, а я не забуду.
Все потеряю, останусь один.
Ты меня помни, а я не забуду.
Бровь у тебя, как натянутый лук.
Вот и приблизилось время разлук.
Милая, выпала роза из рук.
Ты меня помни, а я не забуду.
В доме, в походе, на горной тропе,
Сила незримая, тянешь к себе,
Снова, любимая, манишь к себе.
Ты меня помни, а я не забуду.
Нашим свиданьем желанным клянусь,
Лунным лучом долгожданным клянусь,
Нет тебя краше, кораном клянусь.
Ты меня помни, а я не забуду.
Смертью казни Пир Султана, палач!
Крепко он любит, не знает удач.
Милая, мы расстаемся, не плачь,
Ты меня помни, а я не забуду!
Перевод М. Курганцева
«Вся в крови моя душа...»

Вся в крови моя душа.
Ожидаю исцеленья.
Жду, надеждами дыша,
От недуга избавленья.
Соловей, не будь жесток,
Нежной розы лепесток
Пожалей, пускай цветок
Вызывает изумленье.
Ты огонь, а я горю.
Ты – кааба, я творю
Все молитвы, я смотрю
На тебя в благоговеньи.
Очи яркие твои,
Губы жаркие твои...
Кто уходит от любви,
Тот достоин сожаленья.
Пир Султана знаешь ты,
Встречи избегаешь ты.

Молча отвергаешь ты
Слезы, жалобы, моления...
Перевод М. Курганцева
«Дует ветер, зимний, ярый...»

Дует ветер, зимний, ярый.
На горах не тает снег.
На яйлу[103] свои отары
Не погонит человек.
Раб любви неразделенной,
Попадаю в сад зеленый,
Падаю в поток бездонный.
Видишь, тонет человек.
Розы сорваны не мною,
Струны порваны не мною.
Время горькое, болезненное –
Бедный стонет человек.
Пир Султан, навстречу вьюгам
В путь, свободен, не запуган!
Ты – не одинок. Ты другом
Будешь понят, человек!
Перевод М. Курганцева
«Черноокая, сердце пробито...»

Черноокая, сердце пробито!
Чтобы вынуть стрелу, приходи.
От мученья меня исцели ты,
Умираю, люблю, приходи.
Кто я? Город, врагом осажденный.
Кто я? Пленник, на смерть осужденный,
Узник связанный, раб изможденный –
Разорвать кабалу приходи.
Все на свете продажно, подкупно,
И на счастье надежда – преступна,
И Меджнуну Лейла недоступна.
Попрошаться зову, приходи.
Стынет сердце, изранено тело.
Исцеленье – бесплодное дело.
Небо – черное. Жизнь отгорела.
Чтоб увидеть золу, приходи.
Что мне время? Поманит, обманет.
Только верить душа не устанет.
Даже если могила затянет
Пир Султана во мглу, приходи!
Перевод М. Курганцева
«Не заставляй меня рыдать от боли...»

Не заставляй меня рыдать от боли,
Покуда на душе светло, приди.
Покуда сердце, полное любовью,
Еще тоской не истекло, приди.
Мне жизнь оковы на руки надела.
Нет горемычней моего удела.
Пить горькое вино – простое дело.
Пока не видно в чаше дно, приди.
Приди в наш сад, он так велик, весенний
Там соловей поет, ашик[104] весенний.
Для близости, для счастья, для веселий
Одно свиданье нам дано. Приди!
Приди в наш сад, весной оживленный!
Там соловей поет – ашик влюбленный.
Но пробил час разлуки непреклонной –
Одно свиданье нам дано. Приди!
Как мало времени! Живу в печали.
Хозяин отнял все, что дал вначале.
Все радости забрал. Вернет едва ли.
Хотя б на час, но все равно приди!
Я Пир Султан – душа полуживая –
Тобою только полон, ожидаю
Тебя одну, тебя лишь призываю.
Пока дышать мне суждено, приди!

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
Перевод М. Курганцева
«Любимая приветом не ответит...»

Любимая приветом не ответит.
Пусть не ответит. Это не беда.
Пройдет и любящего не заметит.
Пусть не заметит. Это не беда.
Пускай пройдет, не поведет и бровью,
Когда меня с моей тоской и болью,
Когда меня, казнимого любовью,
Случайно встретит. Это не беда.
Ты изменила, клятву позабыла,
В руины мою душу превратила,
Затмила свет, удачу отвратила.
Когда уйдешь из сердца навсегда?
И неотступно так, и постоянно
Ты вся во мне, по-прежнему желанна.
Когда же ты отпустишь Пир Султана,
Когда уйдешь из сердца навсегда?
Перевод М. Курганцева
«Подует ветер – оживают вновь...»

Подует ветер – оживают вновь
Весенние, влюбленные деревья.
Багряными соцветьями любовь
Украсила зеленые деревья.
И ветви стали гуще и пышней,
И пенье соловьиное слышней.
Друг к другу стали ближе и тесней
Любовью обновленные деревья.
Сады под сенью вековой сосны!
Цветы и травы лета и весны!
Как молодые парни, влюблены,
Танцуют окрыленные деревья.
Я Пир Султан Абдал, велик аллах.
Любимая, мой бог, мой падишах!
Теряя листья, осень в садах
Заплачут оголенные деревья.
Перевод М. Курганцева
«Душа, отвечай, почему так...»

Душа, отвечай, почему так
Изранено сердце мое.
Молчит бесполезный рассудок –
Изранено сердце мое.
Грустны соловьиные трели,
И кудри мои поредели.
Живу одиноко, без цели –
Изранено сердце мое.
Беда не берет отступного,
Ко мне подбирается снова.
Ни слез, ни улыбки, ни слова –
Изранено сердце мое.
О господи! Время настало –
Прими Пир Султана Абдала!
Душа отболела, устала,
Изранено сердце мое.
Перевод М. Курганцева
«Я горько жалуюсь, но ты не слушай...»

Я горько жалуюсь, но ты не слушай.
Что делать? Такова моя судьба.
Твои глаза испепеляют душу,
Преображают вольного в раба.
Огонь твоих очей меня сжигает,
Аркан твоих речей меня сжимает,
Опутывает, со свету сживает.
Что делать? Такова моя судьба.
Уходит караван былого счастья.
Ночь миновала, и пора прощаться.
Лежать в пыли? Слезами заливать?

Что делать? Такова моя судьба.
Нет, я не речка, что течет послушно.
Лети, мой конь, лети вперед послушно!
К Юсуфу Зулейха придет послушно.
Он – раб ее. Она – его раба.
Я пир Султан Абдал. Я – раб любимой.
Я изнемог от муки нестерпимой.
Умру, тобой забытый, нелюдимый.
Что делать? Такова моя судьба.
Перевод М. Курганцева
Караджаоглан (1606–1679)

«О ты, к кому летит мой зов напрасный...»

О ты, к кому летит мой зов напрасный,
Ты, чей господь – Аллах, приди скорей.
Я плачу, словно соловей несчастный.
Мне тесно в двух мирах, приди скорей!
Сорвать бы розу мне, что всех дороже.
Тянусь – колючки обдирают кожу.
Я близ тропы, где ты пройдешь, быть может,
Стою, как на часах, приди скорей!
Во дни, когда с тобою мы в разлуке,
Мне видятся твои глаза и руки.
Красавица, чьи брови словно луки,
Ты видишь: я в слезах, приди скорей!
Карадж'оглану хуже год от года.
Что без тебя богатство, что свобода!
Красавица, чьи губы слаще меда,
Я без тебя зачах, приди скорей.
Перевод Н. Гребнева
«Вон журавли в вечерний час...»

Вон журавли в вечерний час
Курлычат и летят далече,
Сурьма и взгляд любимых глаз –
Вот чем героя путь отмечен.
Сняла любимая платок,
Волос рассыпался клубок,
Их треплет летний ветерок,
И падают они на плечи.
Сорвать цветы! Да все равно
Послать их милой мудрено.
Не так все это быть должно.
Мне милую утешить нечем.
Карадж'оглан, пока Аллах
Не превратил тебя во прах,
Жди: может быть, в родных краях
С любимой суждена вам встреча.
Перевод Н. Гребнева
«Я вечером пришел на место встречи...»

Я вечером пришел на место встречи,
Но не судьба, ты не пришла ко мне.
Быть может, ты уснула в этот вечер,
Все проспала и не пришла ко мне.
Ужель ты наряжалась и сурьмилась,
Чтоб то, о чем мечтали мы, не сбылось?
Над местом ожидания тьма сгустилась,
Луна взошла, ты не пришла ко мне.
Ты, милая, забыла клятву, что ли?
Иль, может быть, чужой послушна воле,
Чтоб с этих пор меня не видеть боле,
С другим ушла и не пришла ко мне?
Судьба ко мне, Карадж'оглану, милость
Не проявила, все переменялось.
Кого любил, та, словно лебедь, скрылась,
Прочь уплыла и не пришла ко мне.
Перевод Н. Гребнева
«Когда уйду из мест, где жил и рос...»

Когда уйду из мест, где жил и рос,
Скитаться по чужой стране печально,
Не крась бровей, не заплетай волос,
Горюй со мною наравне печально.
С тем, милая, смирись, что суждено,
В то облачись, что бедно и черно.
И хоть разлука – крепкое вино,
Ищи забвенья в том вине печально.
Карадж'оглану до скончанья дней
Дано любить все горше и сильнее.
Как я живу – узнаешь от друзей,
Хоть будет слово обо мне печально.
Перевод Н. Гребнева
«Меня любовью удержи...»

Меня любовью удержи,
Не дай порвать с землей родною,
Ты мною стан свой обвяжи,
Чтобы всегда мне быть с тобою.
Ты прегради мои пути,
Не дай к погибели пойти.
Ты в локоны меня вплети,
Чтоб стать мне нитью золотою.
Вплетенный в прядь, я буду рад
Вдыхать блаженный аромат.
Повороти мой путь назад,
Преградой встань передо мною.
Карадж'оглан пусть не любим,
До гроба буду я твоим
Рабом послушным и немым,
Хоть я и этого не стою.
Перевод Н. Гребнева
«Та, на которую смотрю с любовью...»

Та, на которую смотрю с любовью,
Подобна розе в неземных садах.
Стан – что тростник, что полумесяц – брови.
Нездешний свет горит в ее глазах.
Ее и по шагам бы вы узнали,
Как узнаем мы по клейму печали
Тех, что, любя, рассудок потеряли,
Ища свою любовь в чужих краях.
Кто ранен, тот и слезы лить не может.
Не вижу милой средь людей прохожих,
И нет красавиц, на нее похожих,
Средь тех, которых сотворил аллах.
Карадж'оглан, твоя любовь осталась,
Хоть не тебе любимая досталась.
Соперников не счесть. Какая жалость:
Не суждено тебе увидеть их в гробах.
Перевод Н. Гребнева
«Красавица моя с тугой косой...»

Красавица моя с тугой косой,
Гляди: во что меня ты превратила.
Тебя сейчас увозят в край чужой.
И ты узнала, что такое сила.
Уедешь в дальний путь, и в этот миг
Печалью омрачится твой ашык.
Твой пояс развязался, взгляд поник.
Я вижу: ты лицо платком закрыла.
Кто нынче пустит скакуна в намет,
Кто чашу дополна тебе нальет?
Кто померанец твой с груди возьмет?
Не тот, кому его определила.
Карадж'оглан, я злату не слуга,
На свете лишь любовь мне дорога.
Что знаешь ты о крае Бинбога?
Он мне родной, там все для сердца мило.
Перевод Н. Гребнева

Пусть ветры с чужедальной стороны
Над милою не потревожат крова,
Пусть не коснутся рук со следом хны,
Сурьмленных глаз, платка ее льняного.
Каким дождям идти и ветрам дуть –
Всему аллах определяет путь.
Любить красавиц молча – в этом суть
Предначертанья бога всеблагого.
Вдаль журавли куда-то до весны
Летят, а нам благие снятся сны.
Послушайте меня: мы не должны
Любить красавиц, что не держат слова.
Карадж'оглан, замкнулся ныне круг.
Когда-то чашу из любимых рук
Ты мог испить, да было недосуг.
Убить бы стоило глупца такого.
Перевод Н. Гребнева
«Легка походка, стать легка...»

Легка походка, стать легка,
Она цветы рукою сжала.
«Мой стан, что тоньше тростника.
Ты обними!» – она сказала.
Что б ни стряслось, никто потом
Пусть не узнает ни о чем.
«Ко мне, когда уснет весь дом,
Ты загляни!» – она сказала.
Пьян от любви, я изнемог.
Она дала мне свой платок,
Чтоб пот стирать со лба и щек.
«Не оброни!» – она сказала.
Карадж'оглан, тернист твой путь,
Как тайну скрыть, вдаль заглянуть
«Счастливые когда-нибудь
Настанут дни!» – она сказала.
Перевод Н. Гребнева
«Мне стать бы голубым дымком...»

Мне стать бы голубым дымком.
Цветком, чтоб ты меня срывала,
Твоим бы стать льняным платком,
Чтоб ты на шею повязала.
Чтоб быть с тобой накоротке,
Мне б стать браслетом на руке,
Сурьмой в заветном пузырьке,
Чтоб ты меня всегда искала.
Карадж'оглан живет мечтой
Стать мальчишкой – твоим слугой,
Твоей одеждой золотой
Или атласом одеяла.
Перевод Н. Гребнева
«Я всякий раз от радости хмельной...»

Я всякий раз от радости хмельной,
Мне самому бы в пору возгордиться.
Когда любимая передо мной
И лик ее улыбкою лучится.
Играют огоньки в ее глазах,
Она смеется, – о, велик Аллах! –
И два бутона на ее щеках
Спешат раскрыться, в розы превратиться.
Огонь любви сжигает грудь мою,
Мне кажется, вот-вот я запою,
Мне кажется, пребуду я в раю,
Когда мне стан ее обнять случится.
Грудь Караджаоглана вся в огне,
Ты, милая, приблизилась ко мне.
И показалось: будто в тишине
Случилось с неба ангелу спуститься.

Перевод Н. Гребнева

«Твое безумье, сердце, мне б умерить...»

Твое безумье, сердце, мне б умерить,
Пьешь, как пчела, нектар и та, м и тут.
Ты тянешся ко всем прекрасным пери,
Мне тяжело, сердце, от твоих причуд.
Ты хочешь быть водой, что скалы точит.
Красавиц мира всех любить ты хочешь,
Быть с каждой пери хочешь дни и ночи,
Мне тяжело, сердце, от твоих причуд.
Как жить, что делать мне, Карадж'оглану?
Я ведь не вор, чтоб грабить караваны,
Спать бы спокойно, сочинять дестаны,
Мне тяжело, сердце, от твоих причуд.
Перевод Н. Гребнева
«Пошли мне, боже, милую, я страдаю...»

Пошли мне, боже, милую, я страдаю,
Мне той не надо, что теперь со мной.
Зачем мне стол, где ели не однажды,
Куда и сам сажусь я не впервой?
Пусть будет сад, где алых роз не рвали,
И пастбища, куда из дальней дали
Ни стад, ни табунов не пригоняли;
Зачем мне луг с затоптанной травой?
Даруй красавицу, пошли удачи,
Глаза пусть будут серы, не иначе.
Мне нужен конь горячий, а не кляча
С одышкой и поникшей головой.
Карадж'оглан, пусть у твоей любви,
Как выгнутые луки, будут брови.
И пусть на ней платок не будет вдовий.
Что, господи, мне делать со вдовой?
Перевод Н. Гребнева
«Влюбленный я спешу к тебе сейчас...»

Влюбленный я спешу к тебе сейчас,
Чтоб сладкое твое услышать слово,
Туда, где ждал тебя я в прошлый раз,
Придешь ли ты или обманешь снова?
Покачивая станом, ты придешь,
Хоть на пути чужие взгляды сплошь.
Ждет твой джигит, и ты его поймешь:
И ты – раба Аллаха всеблагого.
Порой любовь приходит, как напасть,
Порой соседствуют беда и страсть,
Влюбленному позволь к груди припасть,
Ему не надо ничего иного.
Всю жизнь о розе плачет соловей,
Надолго ль слово милой? На пять дней,
Но если есть Аллах в груди твоей,
Прижми к груди джигита молодого.
Мелькнет вдали платок, она придет,
Промолвит слово, сладкое, что мед,
Джигит свою любимую поймет,
И пусть не будет с ним она сурова.
Чем, Караджаоглан, я нехорош?
Развей печали, радости умножь,
Открой мне дверь в тот дом, где ты живешь,
И твоего не очерню я кровя.
Перевод Н. Гребнева
«Пришел в селенье, чтобы здесь...»

Пришел в селенье, чтобы здесь
Меня невесты окружили,
Чтоб на базаре все как есть
Джигиты персики купили.
В твоём доме играет саз[105],
Пусть все твои друзья сейчас
Придут и пусть рассудят нас,

Чтоб спор извечный мы решили.
Ты подойди, в глаза взгляни,
Чуть пуговички расстегни,
Чтобы твою красу они
Передо мною приоткрыли.
Карадж'оглан благой закон
Привез: повелевает он,
Чтоб тем отдали, кто влюблен,
Невест, которых полюбили.
Перевод Н. Гребнева
«Иду я к той в соседнее селенье...»

Иду я к той в соседнее селенье,
Чей локон наподобие цветка,
К той, что тонка, как саженец весенний,
Хоть ростом и не очень высока.
Сметаной, медом должно ей кормиться.
Пусть матушка моя не поскупится,
Не пожалеет бархата и ситца,
Не дрогнет пусть дающая рука.
Как нам с ее отцом поладить старым?
Свою отдаст он дочку, да не даром.
И должно дорожить таким товаром.
Сто золотых – цена не велика.
Карадж'оглан, ты от любви недужен,
Для ран твоих настой целебный нужен,
Построй дворец, пусть там рабыни служат
Той, что прекрасней всех наверняка.
Перевод Н. Гребнева
«Какую боль, какое горе мне...»

Какую боль, какое горе мне
Ты принесешь еще, моя отрада?
Ты приходи ко мне хотя б во сне
И хоть таким бывай свиданьям рада.
Твой час пробьет, покинешь край родной,
Невестой будешь ты, потом женой.
А что случится, станется со мной,
Тебе в дому чужом и знать не надо.
Мне тяжело видеть смоль твоих бровей,
Но их не видеть много тяжелей,
Не дам тебя во власть чужих людей,
К еде своей сам не подсыплю яда.
Карадж'оглану слезы лить из глаз,
Он с милой разлучается сейчас.
Кто отнял бы тебя, когда б хоть раз
Ты очутилась вдруг со мною рядом?
Перевод Н. Гребнева
«Любимая садится на ковер...»

Любимая садится на ковер
И мне взглянуть в глаза стыдится.
Когда весна в долину сходит с гор,
Кто запахом цветов не опьянится?
В горах гнездовье ласточки моей.
Хоть там и страшно, но внизу страшней,
Внизу молла, внизу ага и бей,
Мой птенчик их, стервятников, боится.
Гора, что так морозна и бела,
Мою спасет ли птицу ото зла?
Пришла весна, пора любви пришла, –
Пора любви пройдет, весна промчится.
Карадж'оглан, любовь не суета,
Хоть юны ласточки твоей лета,
Настали сроки, чаша налита,
Бурлит вино пьянящее, искрится.
Перевод Н. Гребнева
«Зачем себя ты прячешь от джигита...»

Зачем себя ты прячешь от джигита,
Приди, я стать готов твоим рабом.

Лицо мое испариной покрыто,
Приди, утри его своим платком.
Но слов моих ты слушать не хотела,
В шелка и бархат ты себя одела,
Моя любовь преград не одолела,
Нам быть не суждено с тобой вдвоем.
Уже идет с горы моя дорога,
Была она крута, теперь полога.
Ты горько говоришь со мной и строго,
И то, что говоришь, все не о том.
Пусть на земных путях, путях господних,
Благословит меня Аллах сегодня,
Но я, увы, в твоих руках сегодня,
Успокоенья в сердце нет моем.
Карадж'оглан, не в силах побороть я
Своей еще живой покуда плоти.
Дервишские я нацепил лохмотья,
Я от тебя ушел, я был глупцом.
Перевод Н. Гребнева
«Идет снежок, там, где Элиф гуляет...»

Идет снежок, там, где Элиф гуляет,
Он упадает на атлас Элиф.
Мы издали глядим, и сердце тает.
Страдать ты заставляешь нас, Элиф!
«Элифы» – вот одежд Элиф узоры,
И на Элиф мы устремляем взоры,
Элиф свой аромат вы дали, горы.
Сияньем одарила вас Элиф.
Когда Элиф смеется, сердце тает,
Но в сердце мне – в то сердце, что страдает,
Свой взгляд Элиф, как знак «элиф», вонзает,
Меня «элифом» жжет сейчас Элиф.
Свисают лозы с виноградом зрым,
Элиф склонилась за привычным делом:
Каламом[106] на листе бумаги белом
Элиф выводит в светлый час: «элиф».
Что, Караджаоглан, могу сказать я?
«Моя Элиф, твой кров – мои объятья»,
Я расстегну Элиф застешки платья
И повторю сто раз: «Элиф, Элиф!»
Перевод Н. Гребнева
Юсуф Наби (1642–1712)

«В саду земли цветенья нет давно...»

В саду земли цветенья нет давно.
Дерев, дарящих тенью, нет давно.
У лекаря в зеленой чаше судеб
Травы для исцеленья нет давно.
Окаменели жаждущие губы:
Истоков сожаленья нет давно.
Никто не знает о цене сокровищ:
Весов для измеренья нет давно.
Рыдай, Наби! Разрушен замок счастья.
От стрел судьбы спасенья нет давно.
Перевод А. Шараповой
«Ты разгневана. Не разберу отчего...»

Ты разгневана. Не разберу отчего.
Ты задумала злую игру. Отчего?
Отчего ты мои разнимаешь объятья,
С чужаками сидишь на пиру. Отчего?
Ты меня одного оставляешь в постели,
Будто солнце, приходишь к утру. Отчего?
О слеза, ты вмешалась в моленья к любимой:
Отчего я тебя не сотру? Отчего?
О Наби, расточитель волшебных газелей,
Ты теперь равнодушен к перу: Отчего?
Перевод А. Шараповой

Миром властвует высшая сила. Не так ли?
Человека она подчинила. Не так ли?
Разбиваются скорби о стену судьбы.
Радость вслед за тоской наступила. Не так ли?
Если жизнь обещают в обмен на любовь,
Для влюбленного лучше могила. Не так ли?
Как ни больно сносить мне удары твои,
Но больнее руке твоей милой. Не так ли?
Нам не вечно испытывать милость судьбы:
Время каждому срок присудило. Не так ли?
Недостойно дрожать перед властью людской,
Ибо мира она не творила. Не так ли?
Мысль Наби, эти строки ты Истине в дар,
Как венчальное платье, вручила. Не так ли?
Перевод А. Шараповой
«Винный блеск на цветах ее щек появился...»

Винный блеск на цветах ее щек появился,
А в груди моей ртутный комок появился.
Я мечтаю о локонах – в море упала слеза,
И в пучине бурлящий поток появился.
Сколько раз я в мечтах твоё имя назвал,
Столко раз полумесяца рог появился.
Я главу преклоню перед храмом любви –
И тотчас смоляной завиток появился.
Если волей Всевышнего ты победитель, Наби,
Не заботься, чтоб сразу венок появился.
Перевод А. Шараповой
«Я постиг твой обман – меня жар охватил в эту ночь...»

Я постиг твой обман – меня жар охватил в эту ночь.
Загорелась шелка, и упал я без сил в эту ночь.
Небо сделалось черным от горестных вздохов моих.
О Луна, для каких ты смеялась светил в эту ночь?
Объясни, может быть, я тебе не по чести служил?
Ты творила добро, а твой раб согрешил в эту ночь?
Иль тебе не по сердцу друзья и пирушки мои?
Кто из нас твою скромность смутил в эту ночь?
Только образ твой дальний со мной до утра говорил.
Расскажи мне по правде, кто стал тебе мил в эту ночь?
С камнем горя на шею я должен в слезах утонуть.
Судный день для Наби наступил в эту ночь.
Перевод А. Шараповой
«Раскрывает объятья с тоскою волна...»

Раскрывает объятья с тоскою волна.
Ты виной, что не знает покоя волна.
Пара ног твоих стройных на том берегу –
Из-за этого в ссоре с волною волна.
Голубая волна облекает твой стан –
В море слез моих стала седою волна.
Только встретились реки – и вновь растеклись:
Восхитилась твоей красотой волна.
Если в сердце твоём поселилась любовь, о Наби,
Знай, что жаждет свиданья с тобою волна.
Перевод А. Шараповой
«Речка кличет кого-то, звеня, – это ты виновата...»

Речка кличет кого-то, звеня, – это ты виновата.
На ветвях соловьев болтовня – это ты виновата.
О жемчужина нежная, дай мне один поцелуй!
Каждый вздох преисполнен огня – это ты виновата.
Подойди к кабачку, равнодушная, и оглянись.
Пьяный крик среди белого дня – это ты виновата.
Я ношу талисман из серебряной тонкой руки.
Клевета окружает меня – это ты виновата.
Обаянья былого не стало в напевах Наби.
Он умолк, никого не вина... Это ты виновата.
Перевод А. Шараповой

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org
«Ходит винная чаша по кругу – придет и уйдет...»

Ходит винная чаша по кругу – придет и уйдет.
Море ночью подкатится к югу – придет и уйдет.
К чужестранцу раскрывшейся розы гонец,
Ветерок ароматного луга – придет и уйдет.
От страданий любви исцеления нет никому.
Сам Иса не излечит недуга – придет и уйдет.
Вечно в сердце моем падишахствует боль,
А любовь, однодневка-прислуга, придет и уйдет.
Шаловливая младость не скажет тебе о любви,
А безумный Наби к дому друга придет и уйдет.
Перевод А. Шараповой
«Есть ли смысл исполнять обещанья – не знает...»

Есть ли смысл исполнять обещанья – не знает.
В час любви ничего – кроме брани, не знает.
О, не спрашивай, можно ли было не пить, –
Там, где просят, никто колебанья не знает.
Той минуты, когда она станет твоей,
Камнесердное это создание не знает.
Всех влюбленных на свете мудрее петух:
Время песни и время молчанья он знает.
О Наби, о страданиях любовных никто,
Кроме той, что дарила страдания, не знает.
Перевод А. Шараповой
«Та, чей образ печален, печали с собой не приносит...»

Та, чей образ печален, печали с собой не приносит.
Друг принесит позор и обиду, чужой не приносит.
Просвещенному мужу всем сердцем завидую я:
В кабачках пропадает, но брани домой не приносит.
Мимолетная ласка оценена в тысячу ран –
Равнодушное сердце любви никакой не приносит.
Мое ухо – дверное кольцо на воротах небес,
Никакого веселья напев городской не приносит.
Опьяненная розой, наглеет душа соловья.
О Наби, исцеленья напев твой хмельной не приносит.
Перевод А. Шараповой
«Влюбленному – лобзание награда...»

Влюбленному – лобзание награда.
Красавица согласна. В чем преграда?
Спор юношей опасен старикам.
Страдает сердце от страданий взгляда.
Грудь алтаря на части б не рвалась,
Будь на земле блаженство и услада.
Перо привыкло кланяться словам –
Поэту раболепствовать не надо.
Не приходи в отчаянье, Наби, –
По воле божьей отомкнутся клады.
Перевод А. Шараповой
«Ежечасно о счастье просить мы устали...»

Ежечасно о счастье просить мы устали.
От притворств, что умеем любить, мы устали.
Мы забыли в разлуке о радостях встреч;
Вкус вина опротивел – и пить мы устали.
От наплыва страстей невозможно устать,
Но тревогу на сердце носить мы устали.
В самых страшных страданиях усталости нет,
Но за женщину ближнему мстить мы устали.
Воспевая любовь, расскажи о Наби и о ней –
О Лейли и Меджнуне давно говорить мы устали.
Перевод А. Шараповой
«Ротик-бутончик, раскройся в цветок!» – говорил...»

«Ротик-бутончик, раскройся в цветок!» – говорил.
«О кипарис длинноногий, приди в кабачок!» – говорил.
Падал к ногам ее стройным и руки ее целовал.
«О помоги!» – распростершись у ног, говорил.

Любовная лирика классических поэтов Востока filosofff.org

Стан серебрястый в объятья свои увлекал.
«Нет никого, кто еще бы спасти меня мог!» – говорил.
«Где же стихи твои, друг мой?» – спросила она.
Вместо ответа Наби языком своих строк говорил.
Перевод А. Шараповой
«Виночерпий, от боли в висках о спаси ты меня...»

Виночерпий, от боли в висках о спаси ты меня!
Чашей на пиршестве не обнеси ты меня!
Если ты хочешь, чтоб в адском огне я сгорел,
То океан моих слез унеси от меня!
Боже великий, не надо судить никого –
О прегрешениях мира спроси ты меня.
Все принимаю: тоску, одиночество, боль –
Только бы роза-луна целовала в ланиты меня.
Если Наби зарыдает над чистой рекой,
В гибели лилий вините открыто меня!
Перевод А. Шараповой
«Ветерок, долети до желанной двери. Говори...»

Ветерок, долети до желанной двери. Говори.
«От стенаний разбились его алтари», – говори.
О груди рассеченной, о темных приливах тоски,
Об огне, что сжигает меня изнутри, – говори.
Пусть бутоны распустанся в розы, пусть реки поют.
Только ты, соловей, не расплачься смотри. Говори.
О безумье разлуки, о жажде свидания с ней,
Как я плакал всю ночь до зари... Говори.
О желаньях твоих ты бессилён поведать, Наби.
Лишь для песен прозрачных перо заостри. Говори.
Перевод А. Шараповой
«Есть услада в ожоге клеймом на руке, может быть...»

Есть услада в ожоге клеймом на руке, может быть.
В том, что роза цветет не в моем цветнике, может быть
В удивленье меня повергают надежда и страх.
Рассказать ли? Язык удержать на замке, может быть?
Потерялась печатка. Искать мне ее у кого?
У меня на груди? У тебя в завитке, может быть?
Страстной песней весенней прославит тебя соловей.
Нерасцветшая роза зачахнет в ростке, может быть.
Словно серьги, в ушах у друзей твоих бейты, наби.
Ты слагал их, грустя от нее вдалеке, может быть.
Перевод А. Шараповой
«Никто в доме сердца порядка не видел...»

Никто в доме сердца порядка не видел.
Никто меня дремлющим сладко не видел.
Несчастный, разделит ли грусть твою тот,
Кто в чаше веселья осадка не видел?
Не требуй, садовник, наград за труды:
Незрячий цветок свою грядку не видел.
Сегодня так гибок и прям ее стан,
Как будто любви лихорадку не видел.
Клянусь вам, тончайший ценитель стиха,
В газелях Наби недостатка не видел.
Перевод А. Шараповой
«Розе душистой в саду только летом свобода...»

Розе душистой в саду только летом свобода.
Только в любви соловьиным дуэтам свобода.
Время ферхада и Кайса ушло навсегда.
Только на торжище жалоб поэтам свобода.
Мы обгорели на темных дорогах страстей.
Пепел развей, ветерок! Только в этом свобода.
Пленники мрака, бедны мы в деяниях своих –
Не озарила нас утренним светом свобода.
Выпей с друзьями, Наби, и берись за перо –
Разве не в слове, вином разогретом, свобода?
Перевод А. Шараповой
Ахмед Недим (1681–1730)

«Ты, сердце, верный соловей...»

Ты, сердце, верный соловей,
и ветвь куста тебе нужна.
Ты сердцем названо затем,
что красота тебе нужна.
Чтоб длилась молодость твоя,
беги стареющих красот.
Лишь юная – огонь! полет! –
в твои лета тебе нужна.
Ты, сердце, истинный поэт:
тебе лишь свежий образ мил –
Красотки девственная стать
ведь неспроста тебе нужна.
люби красавицу, люби,
но откровенность – враг судьбы:
как болтовня нужна другим,
так немота тебе нужна.
Когда, поправ и месть и злость,
дом счастья восстановлен вновь,
Тогда высокий нужен гость,
и честь тогда тебе нужна.
Когда ж, охотясь на газель,
за новым смыслом скачешь, – знай:
чьи косы ловят, как аркан, –
лишь только та тебе нужна.
Перо мое! Ее уста
не описать, но все равно
для точных слов вся сладость уст,
их полнота тебе нужна.
Когда ты мастер, о Недим,
то ткань стиха найдет базар.
Для славы новая газель –
не для стыда тебе нужна.
Перевод Ю. Ряшенцева
«Сказала милая слова...»

Сказала милая слова, –
секрет всех благ в них был сокрыт.
Вчерашней ночи тайный знак,
прекрасный знак в них был сокрыт.
Кабак снаружи мрачным был,
уныньем веяло от стен,
Но ведь другой и нрав и пыл –
другой кабак в нем был сокрыт!
Увы! Та лодка проплыла,
я заметался от тоски,
Пропели с лодки мне шарки[107],
и что за мрак в нем был сокрыт!
Звук флейты опалил огнем.
Но знает разве что простак,
Какой там – мертвый иль живой, –
какой очаг в ней был сокрыт?..
шалунья! Где же твой Недим?
Вы вместе ездили в Гёксу –
Среди ковров, цветных мутак[108]
от лишних глаз ваш пир сокрыт.
Перевод Ю. Ряшенцева
«Шалунья, вся хмельной каприз, летишь к победам ты...»

Шалунья, вся хмельной каприз, летишь к победам ты.
Кто выше: ты иль кипарис? Что ждать с ответом: «Ты!»
Таких тонов и сам июль не знал в рассветный час.
Лишь с пестрой розой «ра'но-гюль»[109] сравнишься летом ты.
В дыбе[110] шелковой ты стройней. Но вышит куст на ней, –
Не уколелась бы шипом, пленившись цветом, ты.
Мой кравчий, выбрать мне дано: ты с кубком и цветком.
Что лучше: роза иль вино? По всем приметам – ты!
Живой воды живой фонтан, стоишь ты предо мной.

Раскачивая тонкий стан, сияешь светом ты.
Я не скрываю чувств. И что ж – хочу тебя обнять, –
Мои объятия разорвешь своим запретом ты!
Опять Недим в огне, в жару. Кто силу отобрал?..
И лишь бутылка на пиру кивнет, что это ты!
Перевод Ю. Ряшенцева
«И если та, со взором пери...»

И если та, со взором пери,
 не даст отпора, – не беда!
И если ты приходишь к цели
 не слишком скоро, – не беда!
Не лицемерен будь, а кроток,
 не бойся рук своих, захид:
пускай в них кубок вместо четок, –
 не прячь же зора, не беда!
Твоя красотка – не притвора,
 она нежна и горяча.
Печально плакать от укора,
 а от задора – не беда.
Ты свой бокал наполни трижды.
 А коли не достанет сил
К нему припасть в четвертый – ишь ты! –
 в том нет позора, не беда!
В начале праздничной недели
 свиданья будет ждать Недим.
пускай порой приходишь к цели
 не слишком скоро, – не беда.
Перевод Ю. Ряшенцева
«В час предрассветных, поздних грез...»

В час предрассветных, поздних грез
 как смятена душа моя!
Арканами любимых кос
 оплетена душа моя.
Я дал зарок не пить вина,
 пока сезон цветенья роз.
Душа одобрила зарок.
 Но как грустна душа моя!
Легко ли ей внутри меня!
 И думать страшно мне о том,
Какого пыла и огня
 опять полна душа моя.
Не я ль «Не пей!» и «Не люби!» –
 твердил тебе день ото дня?
Куда же ты теперь опять
 устремлена, душа моя?
В моем ты теле – главный гость.
 Тебе так рада эта плоть,
Где меж рассудком и тобой –
 всегда стена, душа моя.
Когда влюбленный караван
 любовный совершает хадж,
Светильником в сплошной туман
 ты зажжена, душа моя.
Отнять сей кубок не спеши.
 Тобой научен пить любовь,
Пусть пьет Недим и от души,
 и допьяна, душа моя!
Перевод Ю. Ряшенцева
«От этих прядей стал я пьяным...»

От этих прядей стал я пьяным,
 глухим, незрячим стал теперь.
Твоих волос златым човганом
 навек захвачен я теперь.
Пройдись лужайкой. Шаг твой долог –
 ты выступаешь, как павлин.
Я стал рабом твоих прогулок,
 для всех утрачен я теперь.
Как сладок смех твой, дорогая.

Твой смех – страна Сахаристая,
И я здесь – в роли попугая,
 увы, что значу я теперь?
О госпожа, ко всем ревную
 тебя на праздничном пиру,
И ревность, может быть, смешную,
 уже не прячу я теперь.
О госпожа, пройдешь ли мимо?
 Недим прождал весь третий день.
«Приди и посети Недима!» –
 зову и плачу я теперь.
Перевод Ю. Ряшенцева
«Как в силок, поймала жизнь мою...»

Как в силок, поймала жизнь мою,
 завивая локон, ты.
О, в тебе колдунью узнаю –
 так играешь роком ты!
Плавность ног подобна серебру,
 хрусталу – прозрачность рук.
Мне ли кравчим быть на том пиру,
 где поводишь оком ты!
Хоть пора меджнунов и прошла,
 но еще жива газель:
Всю науку взглядов превзошла
 по ее урокам ты.
Не хочу меж роз бродить без сна –
 далеко мой кипарис.
Ты – слеза! По праву рек вольна
 разорвать с истоком ты.
Твой язык куда бедней, чем статья.
 Но каков полет ресниц!
Сто дестанов можешь рассказать
 этим дивным слогом ты.
Ты идешь, как плавная вода,
 чуть качаясь и светясь,
И смотрящим кажется тогда,
 что сестра потокам ты.
О перо! Откуда эта прыть,
 что за стих такой нашел,
Что смогла Недима опьянить,
 словно буйным соком, ты!
Перевод Ю. Ряшенцева
«Взгляни, какая плавность в стане...»

Взгляни, какая плавность в стане,
 взгляни, тебе я говорю.
Ее уста сокрытой тайне –
 сродни, тебе я говорю.
И так на кубке эти губки
 легки, что он не чует их.
Но сердцу говорю: «Помедли!» –
 «Повремени!» – я говорю.
Я лишь поэт. Сказать по чести,
 не так уж мил мне тонкий стан.
Но это из боязни лести –
 для болтовни я говорю.
Я ей хотел бы молвить слово,
 но не в присутствии врагов.
«Уснут огни – мы с нею будем
 одни!» – тебе я говорю.
Нет, с этой пери о Хисаре[111]
 и о прогулках умолчу:
На солнце – песни, ну, а мысли –
 в тени, тебе я говорю.
Но так небрежно, так нарочно
 кружатся локоны с висков!
И знак того, что все возможно,
 они, тебе я говорю.
«О месяц, с поднебесной кручи
 взгляни и счастье обрети!» –

Я это говорю все ночи,
все дни тебе я говорю.
Так ротик мал – дождусь ли слова?
Ее душа подаст мне знак.
Пока еще не все готово,
«Усни», – тебе я говорю.
Перевод Ю. Ряшенцева
«О локон, гиацинт ли ты в садах дремоты? Кто ты...»

О локон, гиацинт ли ты в садах дремоты? Кто ты?
Тюльпан, откуда пчелы мед уносят в соты? Кто ты?
О прядь, упавшая на бровь, невиданная прежде,
Ты друг небрежности простой? Иль плод заботы? Кто ты?
О взгляд шалуньи, пощади! Как ты жесток и меток!
Ответь, стрела ли ты любви, стрела ль охоты – кто ты?
О родинка, перчинки мрак на шее белоснежной,
Ты от рожденья сторож ей иль прихоть моды, – кто ты?
О нисхождение с высоты, где губ сокрыта тайна!
Наклон ли милостивый ты? Иль баловство ты? Кто ты?
О цвет ланит ее! Ты кто: гвоздика или роза,
Или другой какой цветок – венец природы? Кто ты?
О речь Недима, ты права! Звучны твои повторы.
Не бульканье ль бутылки ты в часы зевоты? Кто ты?
Перевод Ю. Ряшенцева
«Страшись той женщины жестокой...»

Страшись той женщины жестокой:
убийства знак на ней найдешь.
Кинжал бровей ее не трогай:
кровь тех бедняг на нем найдешь.
Найдешь уловки и увертки,
намекы, взгляды и кивки,
Но что дано любой уродке,
но сердце как ты в ней найдешь?
Когда, вертясь в моих объятьях,
она как хочет вертит мной, –
То сад роскошных гиацинтов
ты возле губ моих найдешь.
Я ей не раб и не владелец.
Но эта ломаная речь!
Ты в ней найдешь и острый перец,
и сладкий мак ты в ней найдешь!
От этих рук спасенья нету.
И зря не верил я словам:
«Ты в них найдешь лишь меч кокетства
да стяг лукавства в них найдешь...»
Разбрызгана живая влага.
Так жаль фонтана красоты!
Зато взгляни на легкость шага –
ах, сколько благ ты в ней найдешь!
О деспот! Скрыта в нежной ткани,
нежна и грудь ее. Увы:
Не то ты в ней холодный камень,
не то чурбак ты в ней найдешь.
Недим клянется, что доньше
сего меча не обнимал!
Но тут же на его ладони,
попав впросак, ты кровь найдешь...
Перевод Ю. Ряшенцева
«Тебе, как розе, – только смех...»

Тебе, как розе, – только смех.
Мне – только стон, как соловью.
И опьянеть – не смертный грех,
улыбку увидав твою.
Тебе нет нужды, госпожа,
писать фирман, что я твой раб.
Давно и преданно служа,
всю жизнь тебе я отдаю.
Я – шип, но что я сторожу?
Твоей же прелести цветок.

Я – прах, но мускусом дышу
в лелеющем твой след краю.
Да стань я пылью, и тогда
паду ли ниже? Ведь лежу,
К твоей поле прижав уста,
к ее узорному шитью.
О виночерпий мой, когда
бокал свой тянет и тюльпан,
Я, твоего ища суда,
молю быть добрым судию.
Ты говоришь: «Ну кем опять
так восторгается Недим?»
Кокетка! Да тебе ль не знать,
что я одну тебя пою.
Перевод Ю. Ряшенцева
«Дотла! И ничего святого...»

Дотла! И ничего святого!
Да разве из неверных ты?
Ты целый мир спалить готова –
да разве из неверных ты?
Коварен взгляд, как у красотки,
как у красавца, тонок стан.
О ты, подобье божьей плетки,
неужто из неверных ты?
Так грудь твоя колышет мерно
пунцово искристый атлас!
Ты пламя красоты, наверно, –
неужто из неверных ты?
Но тайный вздох твой, – что он значит?
Вот на себе ты ворот рвешь.
Уж не душа ль, влюбившись плачет –
что если из неверных ты?
Кто называет дорогою,
а кто любимую тебя,
А я все думаю с тоскою:
наверно, из неверных ты?
Румянцем подожгла неровным
игра вина твое лицо.
Свеча ли на пиру любовном
иль в храме у неверных ты?
Восходит месяц в синей дали.
Тебе милы его черты!
Уж ты в него не влюблена ли?
Я знаю: из неверных ты!
Слыхать, ревнитель веры правой,
Недим попал к гяуру[112] в плен.
Кто, как не ты, гяур лукавый, –
известно: из неверных ты!
Перевод Ю. Ряшенцева
«Ресниц враждебные становья...»

Ресниц враждебные становья
войну задир явили вдруг.
Меж ними взгляд, чуть исподлобья,
как скорный мир, явился вдруг.
Наряд жемчужный сбросив смело,
она направилась к воде –
Обнять серебряное тело
морской зефир явился вдруг.
Как будто в городе Капризе,
где женских прихотей базар,
Ах, продавец небесной выси
в толпе проныр явился вдруг!..
Следя за ней ревнивым взглядом,
ее я в зеркале нашел:
Она, как пери в кубке с ядом,
мне сквозь сапфир явилась вдруг.
Горе железной, несказанной,
дано расплавиться в луче,
В луче, которым осиянный

мне мой кумир явился вдруг!
Недим, ты весел? Отчего же?
Не оттого ли, что как свой
На пир беспечной молодежи,
на дивный пир явился вдруг?
Перевод Ю. Ряшенцева
«А вдруг два сердца молодых...»

А вдруг два сердца молодых
погибнут в пламени костра?
Не знал ты разве тех двоих,
что пали жертвою вчера?
Мне позабыть не довелось
лица под прядями волос...
Была пора лучей и птиц –
не гиацинтов ли пора?
Помилуй, отложи свой чанг,
пусть эти струны помолчат.
Смотри, красотки вышли в сад,
чтоб наловить сердец с утра.
Едва ль здесь нужен псевдоним.
Мой слог не спутаешь с иным,
И меж стамбульских остряков
распознавать меня пора.
Перевод Ю. Ряшенцева
«В груди во дни былых времен...»

В груди во дни былых времен
какой порыв я находил!
В ней не слова, но скорбный стон,
живой призыв я находил.
Моей любви пустынный берег
пустынным не казался мне:
Здесь и безумства полных рек,
и буйство ив я находил.
Сегодня встретилась весна:
ее тюрбан что гиацинт!
Но ливень кос в те времена, –
он так красив, я находил..
Ты о любви молил. И вот
вся улица мокра от слез, –
Я видел их, идя вперед,
поворотив, их находил.
Недим, влюбленный соловей.
ты замолчал, но почему?
Бывало в музыке твоей
любой мотив я находил!
Перевод Ю. Ряшенцева
«О ты, чьи брови точно лук...»

О ты, чьи брови точно лук!
Не явишь даже и лица.
И после месяца разлук
ты даже не почтишь певца.
Клянусь Аллахом, не пойму:
в таком губительном огне
что надо сердцу моему?
Не возродиться ль без конца?
Где эта ночь и пляски дев?
О бубен, спутник прежних дней,
Не вспомнишь ли былой напев
и не ободришь ли сердца?!
Бокал вина, а не воды,
ужель не разрумянит щек?
Увы, неверной стала ты
на горе своего отца!
Зачем скрываешь ты от нас
ту ночь с красоткой, о недим?
Тебя утешит твой рассказ
не хуже доброго винца.
Перевод Ю. Ряшенцева

Хочу забыться я, приди, разрушь мой грустный ад.
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад!
Уж легкий челн для трех персон давно наметил взгляд.
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад.
Бери от жизни все дары – таков его закон.
Вкусишь нектар эдемских струй – приносит радость он.
Увидишь, как живой водой дохнет на нас дракон.
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад.
Гуляя там, где светлый пруд раскинул гладь свою,
Мы будем созерцать дворец, весь в кущах, как в раю.
Я то спую тебе газель, а то шарки спою, –
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад!
Небось тебя отпустит мать на пятничный намаз.
Небось судьба хотя б денек нам даст на этот раз.
Промчимся тайною тропой, нырнем в заветный лаз –
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад!
Нас будет только: ты да я, да с веслами певец.
Когда ж добьюсь я от тебя согласия двух сердец.
И тотчас прочь друзья, пиры! Вдвоем мы наконец!
Пора, мой тонкий кипарис, поедem в Садабад.
Перевод Ю. Ряшенцева
«Весна! Великий пир цветов, мельканье их тюрбанов...»

Весна! Великий пир цветов, мельканье их тюрбанов.
Стоят сверкающие дни, горят глаза тюльпанов.
С цветеньем роз ее лицо возникло из туманов...
Стоят сверкающие дни, горят глаза тюльпанов!
Земля – в румянце молодом. Она в смятенье кротком.
И гиацинты ей идут, как локоны красоткам.
А соловьи! Везде приют их золоченым глоткам!
Стоят сверкающие дни, горят глаза тюльпанов.
Султан идет на пир весны, – алмазом блещут росы,
Жасмины приняли вдоль стен почтительные позы.
И стонущему соловью, смеясь, шепнули розы:
«Стоят сверкающие дни! Горят глаза тюльпанов!»
Светлей светильников окрест свечение пионов.
Павлином сад расправил хвост фонтанов и газонов.
Сто новостей из свежих уст – из свежих уст бутонов!
Стоят сверкающие дни, горят глаза тюльпанов.
Но дивный сад и с ним Недим дойдут и до экстаза,
Когда великий падишах не изречет отказа
Послушать новые стихи в сопровожденье саза.
Стоят сверкающие дни! Горят глаза тюльпанов!
Перевод Ю. Ряшенцева
«Пройдись, качая гибкий стан. Зардел закат вдали...»

Пройдись, качая гибкий стан. Зардел закат вдали.
О легконогий кипарис, власть осени продли.
Пусти соболью тьму волос едва не до земли.
О легконогий кипарис, власть осени продли.
Твоим влюбленным соловьям свобода не дана:
О розах поздно вспоминать – теперь им ты нужна.
Пройдись лужайкой взад-вперед, покуда зелена.
О легконогий кипарис, власть осени продли.
Ланитам нежным так идет пушка душистый плен.
Убрались косы в алый шелк, а были до колен!
Давно тюльпана нет в саду, но чаша есть взамен!
О легконогий кипарис, власть осени продли.
С Эдемом схож окрестный мир: вокруг плоды, плоды,
Так цену на запретный плод ужель не снизишь ты?
Один лишь тайный поцелуй, – ужель предел мечты?
О легконогий кипарис, власть осени продли!
И новый стих ко мне пришел последним из стихов.
Его души не понял я, хоть не из простаков.
Но полагаю, мой Недим, что смысл его таков:
«О легконогий кипарис, власть осени продли!»
Перевод Ю. Ряшенцева
«Неужто для кого-то благо...»

Неужто для кого-то благо –
твоей груди желанный зной?
Какой израненный бедняга
спасен сей камфарой шальной?
Неужто скрылся мой бродяга,
луны осколочек сквозной,
О деспот мой, о мой учитель,
неужто нет тебя со мной?
Эх, высохли застолья наши, –
пирушка ныне уж не та!
Но стало модным после чаши
любимых целовать в уста.
Когда же, милая, когда же?
Ах, нет у кравчего стыда!
Напомни же ему обычай,
неужто слаб язык хмельной?
Твоих очей не вижу если, –
на чем остановить мне взгляд?
И вмиг тоска и мрак нависли,
пригнуть все ниже норовят.
И что за мысли, что за мысли
гнетут который день подряд!..
Не знаю, ах, не знаю, право...
Неужто мил тебе иной...
Как этот вздох похож по звуку
на чанга грустное нытье.
Да, с кравчим подтвердит разлуку
страданье, а не забытье.
Ты протянуть не хочешь руку,
о счастье черное мое,
Столкнулся хрупкий кубок сердца
неужто с каменной стеной?
Печаль мне объяснит не каждый, –
где тот знаток, хочу я знать?
Недим, ты полон вечной жажды
припасть к ногам ее опять
И милый рот найти однажды,
испить от уст и простонать:
«Неужто найдено лечение?
Неужто исцелен больной?..»
Перевод Ю. Ряшенцева
«Ах, воскресим любовь былую...»

Ах, воскресим любовь былую,
забытый мой кумир!
О ты, чьи брови – полумесяц,
приди, затеем пир.
Ты в чашу обратись литую
и освети весь мир!
О ты, чьи брови – полумесяц,
приди, затеем пир.
Ты исподлобья глянешь пьяно, –
и тут конец всему!
Ты поиграешь стеблем стана, –
кинжал я в грудь приму!
Приди, как прежде, без обмана,
по зову моему,
О ты, чьи брови – полумесяц;
приди, затеем пир.
Моим незаживленным ранам
довольно уж болеть.
Моим стенаньям постоянным
ужель звучать и впредь?
Приди же, госпожа, пора нам
опять любить, гореть!
О ты, чьи брови – полумесяц,
приди, затеем пир.
Твоя изящная беседа
необходима мне,
Лицо, исполненное света,
является во сне –

Когда же вьэвь случится это,
не в день ли Топхане?
О ты, чьи брови – полумесяц,
приди, затеем пир.
Я льщусь надеждою нетщетной,
что аромат волос,
И каждый взгляд, и всякий жест твой
нам явят праздник роз.
Недим падет твоею жертвой, –
так обойдись без слез.
О ты, чьи брови – полумесяц,
приди, затеем пир!
Перевод Ю. Ряшенцева
«Любимая, глянь, что за прелесть закат...»

Любимая, глянь, что за прелесть закат!
Где запрет на эти дары?
Пусть ищет взгляд золотой Садабад, –
он выше всякой горы.
Исфаганский Чарбаг черным дымом объят –
это зависти злые костры:
Ведь ищет взгляд золотой Садабад, –
он выше всякой горы.
Пришла весна, и земля что Эдем,
вдруг подаренный нам Творцом.
И сотни тюльпанов горят весь день
перед верным твоим певцом.
Так и ластятся к солнцу, но лишь затем,
чтоб напомнить тебя лицом.
И мчится взгляд в золотой Садабад, –
он выше всякой горы.
Что выберешь ты, словно в нечет и чет, –
блеск журчащего серебра
Иль заросли трав, где река течет,
где цветами пахнут ветра?
А быть может, равнина тебя влечет?
А быть может, влечет гора?
Но ищет взгляд золотой Садабад, –
он выше всякой горы.
Сестру по звезде ты не встретишь нигде, –
посети мой пустынный рай.
Не боясь греха, приходи в наш грот
и за грех свой не отвечай –
На меня падет, пусть мне попадет,
коль узнает мать невзначай...
Ах, помнит взгляд золотой Садабад, –
он выше всякой горы!..
Канал, пронизанный солнцем до дна,
свой серебряный выгнул стан.
Страницы равнин словно книга одна:
словно книга Нихалистан[113].
Ты из сада на гору взойди дотемна
и проникнешь в тайну из тайн:
Затем и взгляд, чтоб искать Садабад, –
он превыше всякой горы!
Восток и Запад услышат весть
из легких уст ветерка,
Хоть много чудес в этом мире есть, –
подобного нет пока.
Ему, о любимая, высшая честь
и сверкающая строка:
«Пусть ищет взгляд золотой Садабад, –
он выше всякой горы!»
Перевод Ю. Ряшенцева
«Где праздник? Жажду хоть денек...»

Где праздник? Жажду хоть денек
у вечности украсть.
Устрой прогулку в Садабад, –
повеселимся всласть!
Каких светил бы ни зажег,

когда моя бы власть.
Устрой прогулку в Садабад, –
 повеселимся всласть!
Какой, шалунья, там закат!
 Но и рассвет какой!
Какие лунные черты
 нас встретят под чадрой, –
Какую приведут газель
 через денек-другой!
Устрой прогулку в Садабад, –
 повеселимся всласть.
Конечно, платья примерять –
 нескучная игра.
К тому же – ритуальный пост,
 начавшийся вчера.
Его значение ценю!
 И все-таки пора!
Устрой прогулку в Садабад, –
 повеселимся всласть!
Пускай красавицы нас ждут
 за каждым уголком.
Кто хочет – в степь, кто хочет – в сад,
 кто с милой, кто – с дружкой:
Беседы сладкое вино –
 в обычае людском.
Устрой прогулку в Садабад, –
 повеселимся всласть.
Не лги, в саду ты не была,
 лукавое дитя:
Ему бы душу отдала,
 в нем счастье обретя!
И вот надеется Недим
 и молит нешутя:
«Устрой прогулку в Садабад, –
 повеселимся всласть!»
Перевод Ю. Ряшенцева
«Ты – воплощенье красоты...»

Ты – воплощенье красоты,
 и власть кокетства – тоже ты,
Ты – дальний смех, ты свежесть дня,
 ты дух прелестной суеты.
И все другие пред тобой
 скучны, чванливы и пусты,
Любимая, о мой алмаз,
 алмаз редчайшей чистоты.
Побег, в розарии чужом
 возросший, словно напоказ,
Кто мастерству тебя учил –
 игре вот этих чудных глаз,
Кто даровал такой запас
 игривых шуток и проказ,
кто обаяние облек
 в лукавые твои черты?
Ах, шаловливое дитя,
 не скучно ль с нянькою тупой?
Неужто нянька так зорка
 и так командует тобой?
Сбеги же в сад, и шаль ослабь,
 и на плечах ее раскрой,
Как раскрываются в саду
 едва расцветшие цветы!
Так стан качнуть перед певцом
 умеешь, пери, ты одна.
Недим пленен твоим лицом,
 Недиму, пери, не до сна.
Луна и солнце – мать с отцом:
 ты ими, пери, рождена,
Ведь глянешь слева: ты – луна,
 а глянешь справа – солнце ты!
Перевод Ю. Ряшенцева

любовь моя, уж если я не смог
К ногам твоим примчать невесть откуда,
Пускай ко мне примчится ветерок:
Жду весточки, как верующий – чуда!
Твой синий взор неужто схож со льдом.
Взгляни, чтоб знал я, как мне жить потом.
Я родинку твою спросил о том –
Она в ответ мне – ни добра, ни худа...
Любовь моя, у твоего двора
Сегодня жду тебя, как ждал вчера.
Неверная не больно-то щедра:
Не блюда жду, но – аромат от блюда.
О мой Недим, ты так влюблен уже,
Что верен слову, данному в душе.
Спасибо же за мелочь госпоже, –
Шах перед нищим не краснел покуда.
Перевод Ю. Ряшенцева

Примечания

1

Кааба – важнейшая исламская святыня: «черный камень» в Мекке.

2

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 79–80.

3

Панегирик – хвалебное стихотворение.

4

Гедонист – любитель наслаждений.

5

Суфизм – мистическое течение в средневековом исламе, оказавшее большое влияние на литературу народов Востока.

6

Мекка и Медина – священные города мусульман, расположенные в Аравии.

7

Мускус (мушк) – драгоценное благовонное вещество.

8

Эмир – правитель и военачальник.

9

Ринд – вольнодумец, гуляка.

10

Харабат – городские трущобы, где тайно торговали вином.

11

Диван – рукописный сборник стихотворений.

12

Дервиш – аскет-проповедник, странствующий мусульманский монах.

13

Садабад – загородный сад и дворец в окрестностях Стамбула.

14

Асиб – название горы в Аравии.

15

Алоэ – декоративное и лекарственное растение.

16

Ибрахим – библейский патриарх Авраам.

17

Таваф – семикратный ритуальный обход паломниками каабы в Мекке.

18

Харут и Марут – по мусульманскому преданию, ангелы, покинувшие небо и влюбившиеся в земную женщину по имени Зухра.

19

Нарды – распространенная в странах Востока настольная игра.

20

Дутар – двухструнный музыкальный инструмент.

21

Эдем – райский сад.

22

Эбен – черное дерево.

23

Гарид и Мабад – известные в средние века арабские певцы и музыканты.

24

Медресе – мусульманское училище.

25

Сура – глава корана.

26

Дирхем – мера веса и название монеты.

27

Джейхун – арабское название реки Амударья.

28

Стихотворение обращено к возлюбленной поэта – христианке.

29

Амбра – ароматное вещество, добываемое из внутренностей кашалота.

30

Пери – сказочное существо, дух, принимающий облик молодой красивой женщины.

31

Галие – ароматическая смесь, косметическое средство.

32

Лал – драгоценный камень красного цвета; рубин.

33

Човган – клюшка для игры в конное поло.

34

Узра и Вамик – верные влюбленные, герои древне-арабского сказания.

35

Зухра – планета Венера; по восточному преданию, была земной женщиной, красавицей.

36

Муса – библейский пророк Моисей.

37

Ной (Нух) – библейский персонаж, спасшийся в ковчеге от всемирного потопа.

38

Джоу-джоу – город в Центральной Азии, славившийся добычей драгоценного

39

кабарга – безрогий олень; из его желез добывают мускус.

40

Чин – персидское название Китая.

41

Санджар – последний султан из династии Сельджукидов.

42

Сулейман – библейский царь Соломон.

43

Хызр (Хизр) – мифический пророк, который обрел бессмертие.

44

Юсуф – библейский Иосиф Прекрасный.

45

Исрафил – согласно Корану, архангел, труба которого в Судный день разбудит всех умерших.

46

Джibraил – библейский архангел Гавриил, посланец и вестник бога.

47

Шариат – свод мусульманских религиозно-правовых норм, основанных на Коране.

48

Ризван – страж у ворот рая.

49

Гуль – злой дух, оборотень.

50

Хакан – титул среднеазиатского правителя.

51

Рахш – конь Рустама, легендарного иранского богатыря.

52

Любовная лирика классических поэтов Востока filosoff.org
Динар – золотая монета.

53

Симург – мифическая огромная птица.

54

Шах – царь, правитель Ирана.

55

Азер – бог огня у древнеиранских огнепоклонников, зороастрийцев.

56

Джамшид (Джам) – мифический царь Ирана, обладавший волшебной чашей, в которой было видно все происходящее в мире.

57

Афрасиаб – в иранском эпосе – царь Турана, враг иранцев.

58

Кыбла – направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы.

59

Замзам – священный для мусульман источник в Мекке.

60

Надим – придворная должность, участник ученых бесед у шаха.

61

Каландар – нищий дервиш.

62

Намаз – пятикратная ежедневная молитва у мусульман.

63

Зуннар – пояс, который носили иноверцы в странах ислама.

64

Газель – небольшое лирическое стихотворение.

65

Аргаван – дерево с листьями розового и красного цвета.

66

Якуб – библейский Иаков, отец Иосифа (Юсуфа).

67

Иса – Иисус Христос, признаваемый мусульманами как один из доисламских пророков.

68

Зулейха (Зелиха) – по восточным преданиям, жена египетского вельможи, влюбившаяся в Юсуфа (библейского Иосифа).

69

Михраб – сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

70

чанг – струнный музыкальный инструмент.

71

Бейт – двустишие; основная единица арабского, позднее также персидского и тюркского стихосложения.

72

Аят – стих Корана, священной книги мусульман.

73

Фархад (Ферхад) – герой восточных сказаний и поэм, богатырь-каменотес, влюбленный в красавицу царевну Ширин.

74

Мохтасеб – мусульманский блюститель нравственности.

75

Рейхан – базилик, ароматное растение.

76

Дауд – библейский царь Давид.

77

Виссон – старинное название льняной ткани.

78

Барбат – струнный музыкальный инструмент.

79

Кулах – головной убор воина.

80

Сухайль – звезда Канопус, одна из наиболее ярких в небе.

81

Муэдзин – мусульманский служитель культа, возглашающий с высокой башни (минарета) призывы к молитве.

82

Каба – верхняя мужская одежда.

83

Шейх – глава племени, старейшина; духовный наставник.

84

Ханака – обитель дервишей.

85

Мейхана – питейный дом, кабачок.

86

Зикр – обряд многократного призывания аллаха.

87

Мутриб – музыкант и певец.

88

Ходжа – паломник, посетивший Мекку.

89

Тарикат – суфийский принцип нравственного совершенствования.

90

Рум – название Византии у народов Востока.

91

Рей – древний город в Иране, разрушенный монголами.

92

Касыда – вид стихотворения в восточной поэзии; ода.

93

Рубаб – струнный музыкальный инструмент.

94

Салсабил – источник в раю.

95

Каусар – источник в раю.

96

Мансур – знаменитый арабский суфий (деятель суфизма – мистического течения в исламе) X века.

97

Элиф, мим, дал – буквы арабского алфавита; элиф – первая буква.

98

Тапдык – суфийский шейх, наставник поэта Юнуса Эмре.

99

Хадж – паломничество мусульманина в Мекку и Медину.

100

Бияль – раб-африканец, один из первых приверженцев основателя мусульманской религии пророка Мухаммеда.

101

Бадахшан – местность в предгорьях Памира, славившаяся добычей рубинов и гранатов.

102

Захид – отшельник, аскет.

103

Яйла – летнее пастбище.

104

Ашик – в Турции: народный поэт, сказитель и певец.

105

Саз – струнный музыкальный инструмент.

106

Калам – тростниковая палочка, которая служила пером.

107

Шаркы – турецкая разновидность городского романа.

108

Мутака – расшитая подушка.

109

Ра'но-гюль – пестрая (красно-желтая) роза.

110

Дыба – пестрая шелковая ткань.

111

Хисар – крепость в Турции.

112

Гяур, кафир – клички иноверца у мусульман.

113

Нихалистан – мифическая страна вечной молодости.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!